ЧЕЛО

альманах

№ 2–3 [47–48] 2010

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

КРЕСТЕЦКИЙ КРАЕВЕД

«Как бы мы ни жили дальше, какой бы строй ни устраивали, — одно остаётся неизменным, что мы не можем жить на положении какого-то Ивана, не помнящего родства», — эти слова были написаны учителем Ракушинской и Каменской школ, крестецким краеведом и земским деятелем И.С. Приваловым, жизнь которого трагически оборвалась в годы сталинских репрессий.

Статью А.Н. Авдеева читайте на стр. 46

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

Л.А. Филиппова —
Воскресенская слобода 3

архив

Н.С. Федорук —
Дворянство и органы дворянского самоуправления 7

И.Р. Соболева —
«Устроить поездку с образовательной целью...» 11

эхо

Я.Н. Рабинович —
Старая Русса в первый год шведской оккупации (1611—1612 гг.) 16

И.Д. Савинова —
Беспощадное сражение с Церковью: Самым решительным образом 23

С.Ф. Витушкин —
Герои Нагаткино 30

кафедра

С.Н. Азбелев —
Цельный характер 33

Игумен Силуан —
Штрихи к портрету Дмитрия Михайловича 34

С.И. Шуртаков —
Воссоздание истории 35

Н.П. Большакова —
Воплощение характера Балашова в образах героев 38

имена

В.И. Ромашова —
Из Селищенских казарм 42

А.Н. Авдеев —
Крестецкий краевед 46

слово

А.А. Лукин —
Встречи с Хутынью, или Возвращение на круги своя 50

Б.А. Анфимов —
На службе Отечеству 55

С.В. Трояновский —
Улица — не страница 62

горенка

М.К. Бурьяк —
Новгородский фольклорный театр 63

вернисаж

А.Д. Назаркин —
Новгородчина в судьбе и творчестве художника Б.И. Лебединского 69

Великий Новгород
2010

Е.А. Афанасьева —
Новгородский фарфор —
история с продолжением 73

перо

П.А. Сиверцев —
К истории города Весьегонска 75
Ю.А. Симонов —
Рыбалка 86

мастера

А.А. Полежаев —
Берещаное путешествие по Кенскому волоку 89

эрмитаж

А.В. Конивец —
Праздники первых лет революции 95

русское зарубежье

Людмила Турне —
Имя — это предзнаменование 103
Е.В. Барканова —
LiteraruS. Литературное слово 112

exlibris

Е.А. Рыбина —
Новгород — наша судьба 113
Н.И. Морылёва —
Неиссякаемый источник 114
Н.В. Башнин —
Космогония Весьегонского края 121
Т.Н. Маркова —
Дневники-воспоминания 122

Директор Новгородской музыкальной школы русского фольклора МАРИНА КЛАВДИЕВНА БУРЬЯК и заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО» СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ ВИТУШКИН награждены Государственной наградой РФ — медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)

Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Коваленко Г.М.
Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Поветкин В.И.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

ТЕЛО

Л.А. Филиппова

ВОСКРЕСЕНСКАЯ СЛОБОДА

Воскресенская слобода находится в юго-восточной части Софийской стороны Великого Новгорода за Алексеевской (Белой) башней Окольного города близ гребного канала. Своё название она получила от расположенного рядом Воскресенского женского монастыря, известного по летописям с XII века. От него до нашего времени сохранились две каменные церкви — Воскресения Христова 1464 года и Иоанна Милостивого 1422 года.

Сегодня Воскресенская слобода, как и бывший соседний Воскресенский монастырь, представляют собой грустное зрелище. Это улица с ветхими деревянными домиками, окружёнными огородами и разбитой дорогой, ведущей к запущенной территории монастыря, храмы которого давно требуют ремонтно-реставрационных работ.

Дорога в Воскресенскую слободу. 2009 г.

А между тем Воскресенская слобода представляет собой уникальный исторический участок территории Новгорода, имеющий богатый культурный слой. Кроме того, Воскресенская слобода — единственная улица, сохранившая криволинейную планировку, что было вообще присуще большинству древних новгородских улиц. И этот её элемент криволинейности также имеет историческое значение.

В средневековье на месте Воскресенской слободы находилась Воскресенская улица. В какое время она возникла, неизвестно. Скорее всего, это произошло в XII веке и связано с основанием Воскресенского монастыря. Если Воскресенская улица и существовала с этого времени, то она вполне могла исчезнуть в пожаре 1386 г., когда сами новгородцы при приближении войск Дмитрия Донского в числе 24-х окологородних монастырей сожгли и Воскресенский монастырь.

Впервые Воскресенская улица упоминается в летописи Авраамки под 1422 годом в связи со строительством каменной церкви Иоанна Милостивого[1]. Под 1463 годом в той же летописи опять говорится о Воскресенской улице, которая называется «*великой*». Летописец сообщает, что многие «*хрестьяне*» этой улицы по благословлению архиепископа Ионы «*заложиша церковь святое Воскресенье Христово, а старая порушилась*». Воскресенская улица упоминается в летописи Авраамки и в связи с освящением церкви Воскресения в 1464 г.[2]

Из Писцовой книги 1583—1584 гг. следует, что Воскресенская улица шла от Воскресенского монастыря до Алексеевского переулка, соединявшего её с Алексеевской улицей, бывшей продолжением Большой (ранее — Пробойной) улицы. После образования в 1586 г. Посадской Ямской слободы Большая улица стала называться Алексеевской Ямской слободой (ныне — Троицкая улица)[3]. Кроме Воскресенской улицы, в Писцовой книге упоминается ещё Воскресенская малая улица («*малая улка*»)[4].

В том же источнике имеются сведения о занятиях жителей, населявших великую и малую Воскресенские улицы. Там насчитывалось 80 дворовых мест, в которых прежде жили в основном ремесленники самых разных специальностей, а также лица, занимавшиеся огородничеством, скотоводством, торговлей. Из них 16 дворов принадлежали «*горончарам*» (гончарам). Один из них, названный при переписи горшечником, видимо, специализировался только на одном виде изделий. Род занятий этих ремесленников и дал второе название древнему Людину концу — Гороньчарский (позднее — Гончарский). Кроме гончаров, здесь жили сапожники, льняники, винники, рыбники, скотники, а также денежный мастер, кузнец, масленник, зелейник, сенник, сытник, торочечник (изготовлявший кожаные ремешки — тороки), трушник (перекупщик сена), огородник.

Владельцы 55-ти «*чёрных тяглых*» дворов платили подати, а остальные 25 дворов относились к «*белым, нетяглым*». Из них четыре двора принадлежали «*детям боярским*» и «*разсыльщикам*», в восьми дворах на монастырской земле жили священнослужители, 13 дворов были отданы московским правительством царевым плотникам. В период после погрома Новгорода 1570 года опричниками Ивана Грозного, эти дворовые места стали убывать и сдаваться дворовым, погребным, сушильным, хлебным сторожам.

К моменту же составления Писцовой книги 1583—

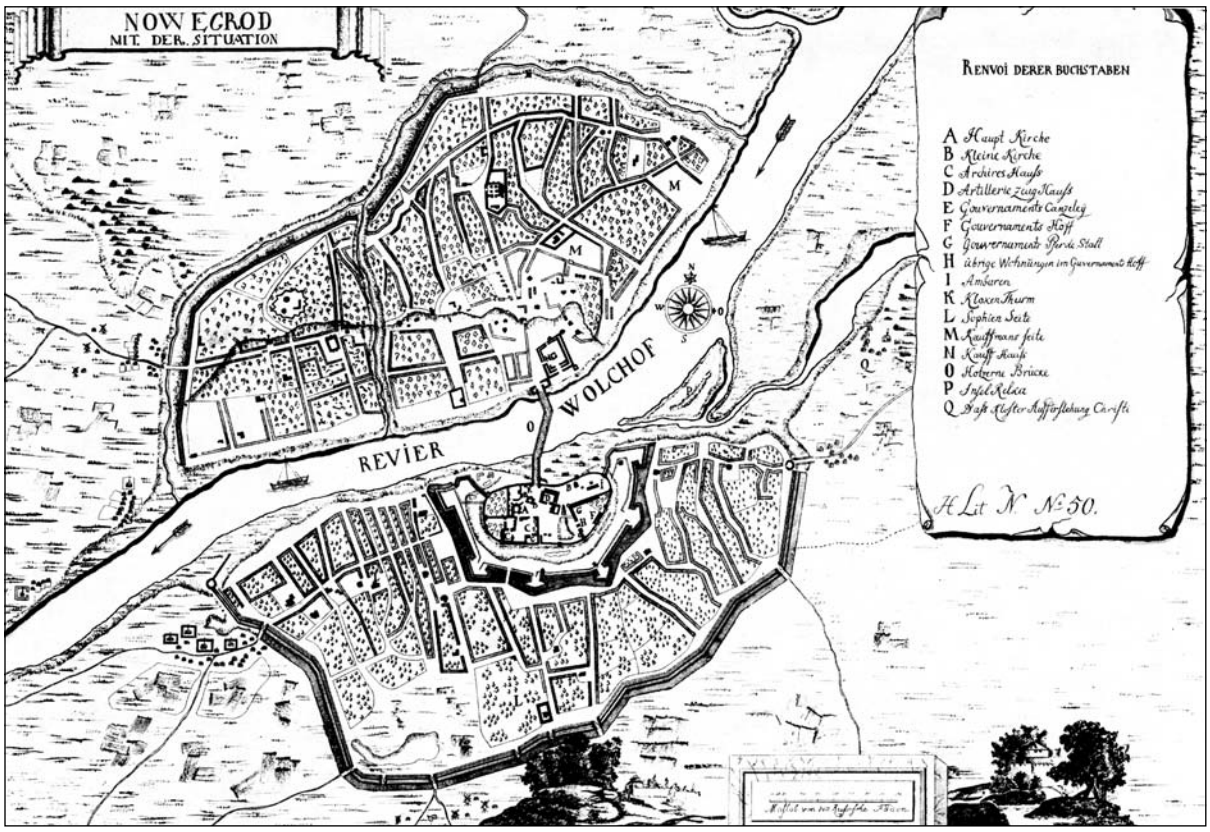
1584 гг. обе Воскресенские улицы полностью обезлюдели, дворовые места там стояли пустые. На всей улице жилым в то время остался только двор воскресенского попа Макарья, которым «*по купчей*» теперь владел «*рассыльщик*» Истома Голяев. Жители улицы либо погибли во время погрома 1570 г., либо в страшное «*поветрие*» (эпидемию) 1571 г., либо в поветрия 1570—80-х гг. Кроме того, часть людей была сведена в разные годы к Москве, другие ушли в стрельцы или просто сгинули безвестно[5].

По государевой грамоте Бориса Годунова земля опустевшей Воскресенской улицы с яблоневым садом посредине была передана Воскресенскому монастырю, о чём известно из «Книги дозорной и переписной» 1600 г. Землю по обе стороны улицы засевали рожью, ячменём и сажали капусту. Пахали ту землю охотник Алексеевской слободы Дениско Терентьев да бобылёк Воскресенского монастыря Васка сапожник, за что они получали «*из третьего снопа*»[6].

В XVII веке жизнь на Воскресенской улице, видимо, так и не возродилась, поскольку после трагических событий конца XVI века последовала длительная (1611—1617 гг.) шведская оккупация, во время которой город и особенно Софийская сторона сильно пострадали. При шведах был разрушен и разорён Воскресенский монастырь, от которого остались только две повреждённые каменные церкви, а все деревянные постройки — колокольня с Никольскою церковью, кельи и ограда — сгорели. Старицы «*от разорения разбрелись розно*». Монастырь опустел. В описи Новгорода 1617 г. сказано, что в это время на монастырской земле «под монастырём» (где ранее была Воскресенская улица) пахали и садом владели стрелецкий голова Иван Шипилов да сотники Фёдор Байшов и Григорий Обольянинов[7]. В «Писцовой книге Новгорода Великого» 1623 г., целью которой было валовое описание земель Новгорода, среди других улиц города Воскресенская улица в Людином конце не отмечена. Не отмечена она и в последующих опубликованных писцовых и переписных книгах Новгорода XVII века, а также и в «Переписной книге Новгорода Великого» 1707 г.[8] Отсюда можно предположить, что Воскресенская улица стала возрождаться только в первые десятилетия XVIII в., однако она уже никогда не бывала такой многолюдной, какой являлась в XVI веке.

Сведения о Воскресенской улице имеются в архивном деле 1752 г. «Об упразднении Воскресенского девичьего монастыря», хранящемся в ГАНО. В этом документе впервые встречено её новое название — Воскресенская слобода. В ней насчитывалось всего 22 двора, в которых проживали «*разных чинов люди*». В основном это бобыли (не имеющие пахотной земли) из разных монастырей — Троицкого Александро-Невского, Хутынского, Вяжищского, из Архиерейского дома, а также крестьяне разных волостей, новгородские посадские люди и отставной капрал[9].

В этом же документе содержатся сведения об одном любопытном эпизоде, связанном с жизнью Воскресенского монастыря (уже к этому времени упразднённого) и примыкающей к нему Воскресенской слободы. Из доноса пономаря Дениса Алексеева новгородскому архиепископу Амвросию следовало, что воскресенский поп



План Новгорода из Королевского военного архива в Стокгольме. XVIII в.

Климентий Герасимов без ведома консистории разрешил в октябре 1750 г. построить близ церкви (имелась в виду, очевидно, церковь Иоанна Милостивого) деревянные конюшни для лошадей роты Нижегородского драгунского полка, квартировавшего в Воскресенской слободе. В доношении пономарь сообщал, что от тех лошадей церковному саду «*повреждение немалое имеется*». Оправдываясь перед архиепископом, священник Климент докладывал, что конюшни были построены военными якобы самовольно и ему уже удалось добиться, чтобы в 1751 г. их разобрали, и что занятая ими земля очищена, а потому «*повреждения монастырской земле и саду никакого от тех конюшен не учинено*»[10].

Воскресенская слобода показана на планах Новгорода XVIII—XIX веков. Самое раннее изображение слободы — на плане Новгорода из Королевского военного архива в Стокгольме. В.Л. Янин относит его к началу 20-х гг. XVIII в.[11] На этом плане слобода показана условно в виде группы построек с восточной стороны церкви. На других планах отражена градостроительная ситуация Воскресенской слободы и её взаимосвязь с церквами Воскресенского монастыря.

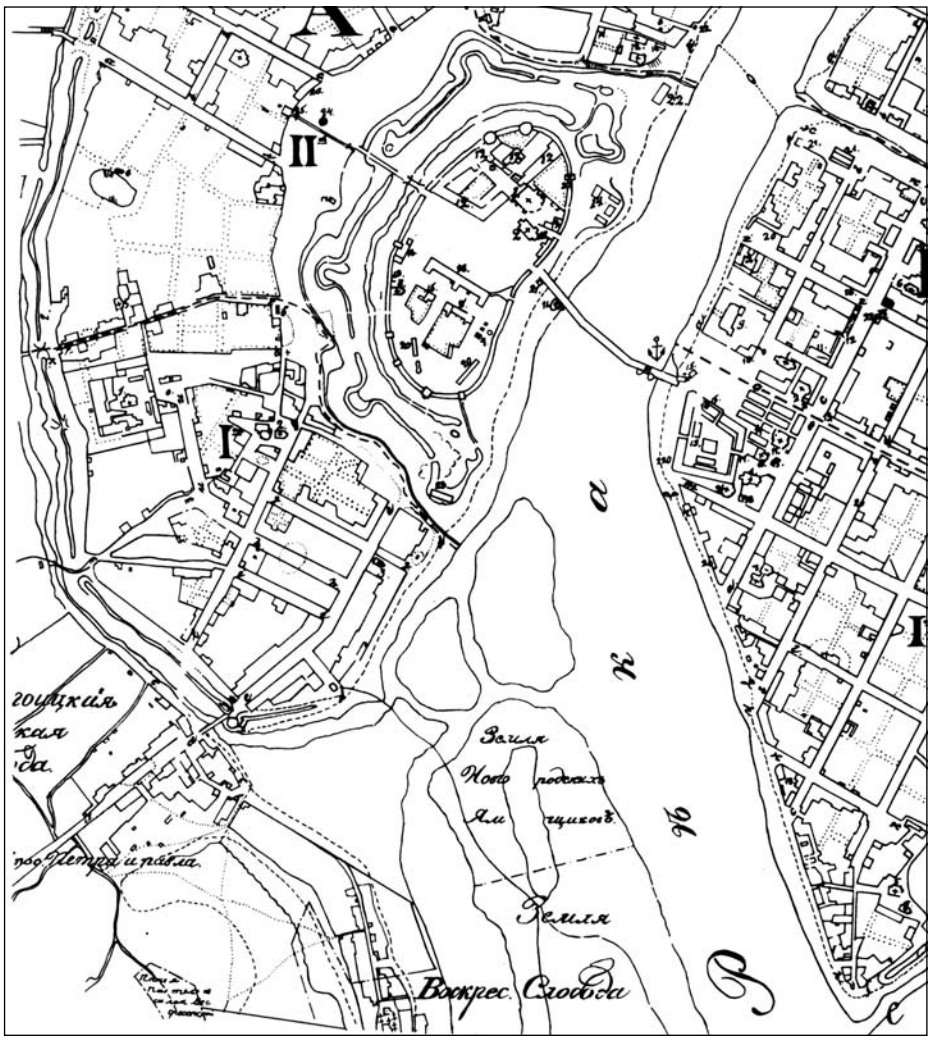
Информацию о планировке и расположении усадеб содержит план Воскресенской слободы 1901 г. На плане показана небольшая улица, в начале которой — односторонняя застройка, а далее — двухсторонняя. Одна из усадеб расположена восточнее церквей. К церковной земле примыкает сад. Все дома деревянные. Большинство усадеб имеет огороды. К плану приложен список 23 домовладельцев[12].

Судя по архивным данным советского времени, в первой четверти XX века число усадеб в Воскресенской слободе значительно возрастает и к 1925 г. достигает 50-ти. Из них по социальному положению 19 семей относилось к «гражданам», а 31 семья — к «крестьянам». Крестьяне, кроме дома, имели двор или хлев. У большинства из них числилась лошадь и одна или две коровы. У граждан, как правило, дворов и скота не было[13].

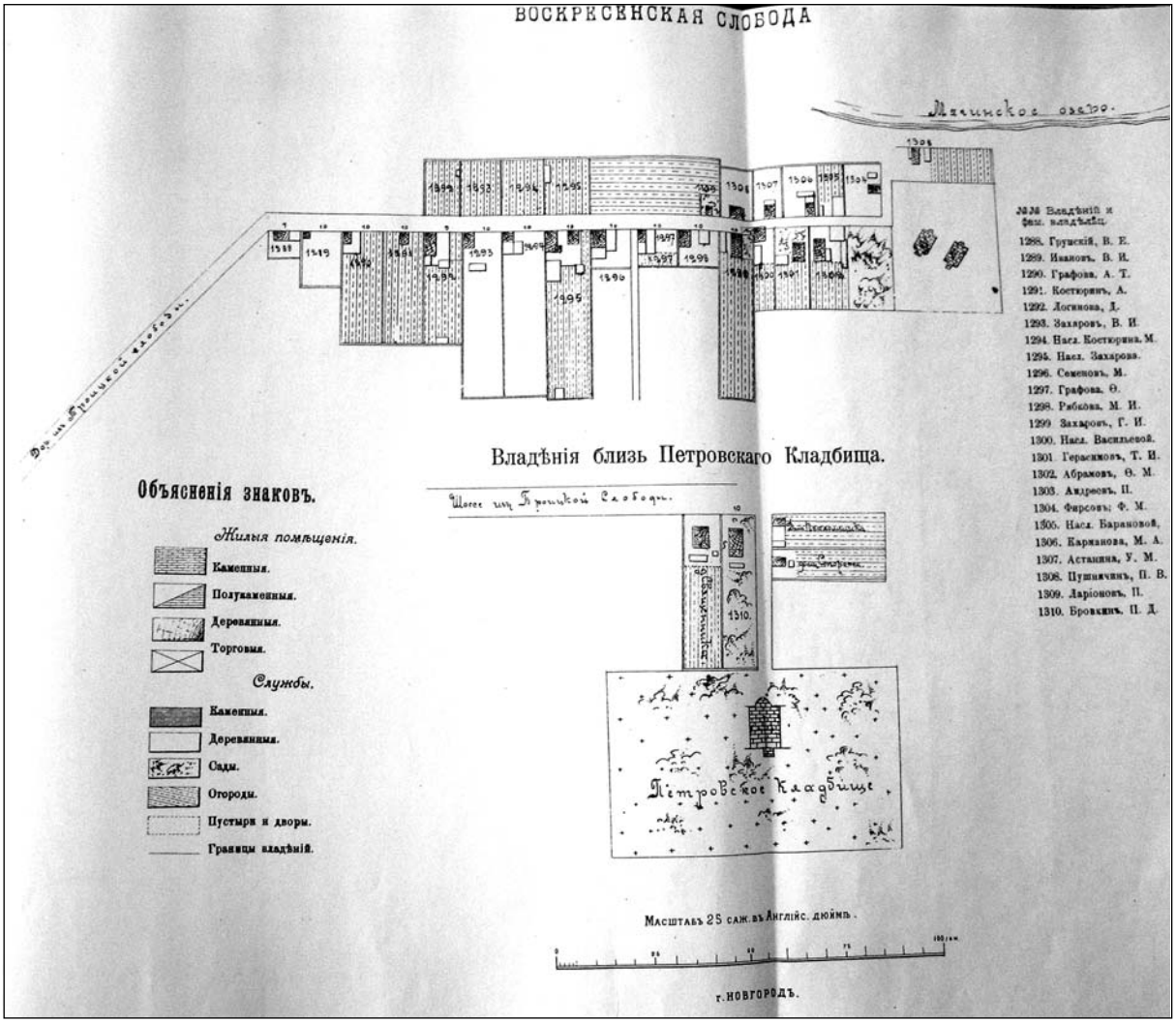
Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Воскресенская слобода, застроенная деревянными домами, полностью выгорела. Возвратившиеся в 1944 г. жители первое время ютились в церквах и землянках, оставшихся от немцев. Обе соседние церкви — Иоанна Милостивого и Воскресения, сильно пострадавшие в годы войны, были превращены немцами в доты с казарменными помещениями при них (в Воскресенской церкви находился ещё наблюдательный пункт)[14].

Слобода после войны стала застраиваться небольшими деревянными домиками, которые сохранились и до настоящего времени. В основном сейчас они используются в качестве дачных построек при огородах.

В наши дни давно назрела необходимость благоустроить Воскресенскую слободу, заменить ветхие послевоенные постройки современными. Однако начавшееся в слободе строительство коттеджей по многим параметрам явно не соответствует сохранившейся исторической среде. Например, один из домов уже закрыл вид на храмы Воскресенского монастыря от Алексеевской башни. Если и дальше при проектировании новых домов не будут учитываться особенности этого места, то мы потеряем ещё один уникальный участок, связывающий нас с историей наших предков.



Центральная часть плана Новгорода 1819 г.



Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. 1. Новгород, 1901. С. 212

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 176–177.
[2] Там же. С. 212, 214.
[3] Писцовая книга Великого Новгорода 1583–1584 гг. С предисловием П.Л. Гусева. Вып. II. СПб., 1908. С. 31–34; Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 192–195.
[4] «*Малая улка*» — в прочтении рукописи писцовой книги В.В. Майковым. Майков В.В. Книга писцовая... С. 193.
[5] Писцовая книга Великого Новгорода... С. 31–34. Майков В.В. Книга писцовая... С. 192–195.
[6] Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Ярославль, 1900. С. 82–90.
[7] Макарий, архимандрит. Описание церковных древностей Новгорода и его окрестностей. Ч. I. СПб., 2003. С. 544–545; Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984. С. 126–127.
[8] Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. Составитель И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003.
[9] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 9–9об.
[10] Там же. Лл. 2об.–5; 11–12.
[11] Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999. С. 52–59. Рис. 21, 23–25, 30, 31, 34–36.
[12] Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. 1. Новгород, 1901. С. 212.
[13] ГАНО. Ф. Р–269. Оп. 1. Ед. хр. 822. Л. 41–44.
[14] ГАНО. Ф. Р–4137. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1, 11.

Автор статьи выражает сердечную благодарность
Игорю Юрьевичу Анкудинову за ряд ценных замечаний и советов.

Н.С. Федорук

Дворянство и органы дворянского самоуправления

Новгородская губерния. Начало XX века

Дворянство как сословие прошло долгий путь формирования. Во второй половине XVIII в. были окончательно сформулированы и закреплены в законодательстве права и привилегии российского дворянства, что сделало его сословием в полном смысле этого слова, т. е. «общественной группой, члены которой связаны сознанием единства общесословного интереса, наделены особыми правами в отличие от других общественных классов»[1]. В 1762 г. Пётр III издаёт «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», которым дворяне были освобождены от обязательной службы. В 1785 г. Екатерина II издаёт «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», более известную как Жалованная грамота дворянству. Данный документ определил на десятилетия вперёд статус и положение дворян в обществе, корпоративную организацию дворянского сословия. После этого дворянство стало, по сути, единственным сословием в Российской империи, которое имело только права и привилегии и никаких обязанностей. Так продолжалось до середины XIX столетия. В ходе реформ 1860–70-х гг. XIX в. своих привилегий дворянство не лишилось, но положение дворян заметно изменилось, так как многие привилегии дворянства были распространены и на другие слои общества. К началу XX в. у дворян «сохранились только свобода дворянских домов от постоя, исключительное право на учреждение заповедных имений, титул благородия, гербы, мундир и корпоративная организация»[2]. В итоге в начале XX в. по своему правовому статусу дворянство практически ничем не отличалось от других социальных групп населения и стало составлять лишь своего рода «высший почётный класс общества» или «памятник старины»[3]. Тем не менее, несмотря на изменившиеся условия, всё же продолжала существовать корпоративная организация дворянства, действовали губернские и уездные дворянские собрания, да и сами дворяне не отрицали свою общность, в связи с чем и в начале XX в. дворянство продолжало осознаваться как сословие. Однако особенности социально-экономического и политического развития страны в начале XX в. не могли не оказать определённого влияния на существование дворянского сословия. Попытаемся проследить это влияние на примере Новгородской губернии.

В 1903 г. в Новгородской губернии насчитывалось 9831 человек обоего пола, принадлежащих к дворянскому сословию. Из них мужчин 4618, а женщин 5213, т. е. женщин было определённо больше[4]. В общей численности всего населения губернии на долю дворянства приходилось 0,64%. Сохранялось в это время и деление дворян на потомственных и личных. В свою очередь, потомственные дворяне, в зависимости от способа приобретения дворянского звания, разделялись на шесть разрядов, зафиксированных ещё в Жалованной грамоте дворянству. По этим шести разрядам потомственные дворяне записывались в соответствующие части губернской родословной книги. В Государственном архиве Новгородской области сохранились поимённые списки дворян Новгородской губернии, составленные в 1904 году[5]. Кроме прочей информации, в этих списках указывалось, в какую часть родословной книги записан дворянин. Проанализировав сведения из этих списков, можно сделать вывод, что из шести возможных разрядов большинство потомственных дворян Новгородской губернии были записаны во 2, 3 и 6 частях родословной книги. А это значит, что большинство потомственных дворян губернии относились к военному дворянству, которое получали, дослужившись до обер-офицерских чинов (2-я часть родословной книги), и к так называемому восьмиклассному дворянству, которое получали, дослужившись на гражданской службе до 8 класса и выше по Табели о рангах (3-я часть родословной книги). Заметная доля новгородского дворянства относилась к древним благородным родам, корни которых уходили на 100 лет и более в глубь истории (6-я часть родословной книги). Значительно меньше было тех, кто получил потомственное дворянство пожалованием от царской особы (1-я часть родословной книги) и тех, кто получил дворянство через присвоение титула князя, графа, барона (5-я часть родословной книги). И совсем не было зафиксировано на тот момент времени в Новгородской губернии потомственных дворян, принадлежащих к иностранным дворянским родам, перешедшим в российское подданство (их записывали в четвёртую часть родословной книги).

Кроме потомственных дворян на территории Новгородской губернии проживали и личные дворяне. Сопоставим численность потомственных и личных дворян: в 1903 г. потомственных дворян в губернии насчитывалось 6520 человек обоего пола, а личных — 3311 человек обоего пола[6], то есть потомственных дворян было в два раза больше личных. В процентах это соотношение выглядит следующим образом: потомственные дворяне составляли 66,32% от числа всех дворян губернии, личные — 33,68%.

Рассмотрим, как размещались представители дворянства по территории Новгородской губернии в начале XX века. В этот период большинство потомственных и личных дворян проживало в Новгороде — 2675 человек обоего пола или 27,21% от всех дворян губернии, среди

них потомственные дворяне составляли 1279 человек, а личные 1396 человек[7]. Второе место по числу потомственных дворян занимал Тихвинский уезд — 1066 человек, третье место Боровичский уезд — 615 человек, четвёртое место Валдайский уезд — 434 человека. Последние места по количеству потомственных дворян занимали: Демянск — 28 человек, Крохинский посад — 9 человек, Опеченский посад — 4 человека. По числу личных дворян второе место после Новгорода с большим отрывом занимала Устюжна — 215 человек, третье место Старая Русса — 198 человек, четвёртое место Боровичи — 188 человек. Последние места по количеству личных дворян принадлежали Череповецкому уезду — 12 человек, Кирилловскому уезду — 12 человек, а в Крохинском посаде личных дворян в 1903 г. вообще не было зафиксировано. Анализируя данные о расселении дворянства по территории губернии, отметим, что среди личных дворян большинство предпочитало проживать в городах — 2661 человек из 3311, а меньшая часть проживала в уездах, в сельской местности — 650 человек из 3311. Это не удивительно, так как личное дворянство чаще всего добывалось службой и основную его массу составляли чиновники или военнослужащие, находящиеся или находившиеся на службе в различных гражданских учреждениях и военных подразделениях. Такие учреждения и подразделения, как правило, концентрировались именно в городах. В отличие от личных, потомственные дворяне, наоборот, чаще селились в уездах, а не в городах — 4006 человек из 6520 проживало в сельской местности. Это объясняется тем, что они, в большинстве своём, обладали земельной собственностью, имениями, что способствовало проживанию в уездах.

В начале XX в. новгородское дворянство активно участвовало в общегосударственных делах и мероприятиях. С 1901 г. по 1915 г. новгородским губернским предводителем дворянства являлся князь, действительный статский советник, егермейстер императорского двора Павел Павлович Голицын, благодаря авторитету и активной работе которого решались многие проблемы. Так, в 1904 г. новгородские дворяне приняли участие в сборе пожертвований на нужды Русско-японской войны. 1 марта 1904 г. в Новгороде было проведено чрезвычайное собрание дворянства Новгородской губернии, которое рассмотрело вопрос о сборе пожертвований на военные нужды и отнеслось *«с сочувствием к объединению действий и мероприятий в деле удовлетворения тех нужд»*[8]. Чрезвычайное собрание постановило выделить на военные нужды 25 000 рублей из выморочного капитала и увеличить эту сумму за счёт дополнительного сбора денег с дворян. Сумма сбора для каждого дворянина устанавливалась в зависимости от размера земли и имущества, которыми он владел. Ещё одним мероприятием начала XX в. стало празднование 300-летия дома Романовых. На очередном губернском дворянском собрании в 1910 г. дворяне обсуждали вопрос о поднесении императору Николаю II подарка в честь 300-летия дома Романовых. Было решено присоединиться к предложению московского губернского предводителя дворянства А.Д. Самарина и поднести Его Величеству специально изготовленный ларец с постановлениями дворянских собраний всех губерний страны[9]. Кроме этого, непосредственно на чествование 300-летия дома Романовых Новгородское губернское дворянское собрание решило выделить 1000 рублей.

Немало хлопот дворянству губернии доставило и кратковременное посещение Новгорода императором Николаем II 6 июля 1904 года. Несмотря на короткое время, дворяне успели составить депутацию для встречи императора, поднести ему хлеб-соль и подарки, украсить дом Дворянского собрания в Новгороде. На всё это было израсходовано 233 рубля 30 копеек[10]. Во время встречи императора князь П.П. Голицын произнёс речь, в которой выразил верноподданнические чувства новгородского дворянства. При проводах Николай II поблагодарил новгородское дворянство за радушный приём.

Отметим, что у новгородского дворянства было достаточно много и своих, внутренних забот. Особенно остро в то время стоял вопрос финансового положения органов дворянского самоуправления и самих дворян. Известно, что для удовлетворения общих нужд дворянства губернии был установлен специальный денежный сбор, сумма которого раскладывалась на всех дворян, в зависимости от объёма их имущества и доходов. Собираемые таким образом средства тратились на содержание канцелярий губернского и уездных предводителей дворянства, на содержание дворянских опек, пособия недостаточным дворянам, пенсии, стипендии и др. Отдельную статью расходов составляли ремонт и содержание дома Дворянского собрания в Новгороде и яхты Екатерины II, подаренной императрицей после посещения Новгорода его жителям в благодарность за радушный приём.

Дом Дворянского собрания

Практически постоянно поднимался вопрос о том, что поступление денежного сбора было неудовлетворительным. С дворян отдельных уездов едва собирали 10–17% от установленных сумм. В связи с этим практически постоянно не хватало денег на пенсии, пособия и стипендии дворянам и их детям. Эти пенсии и пособия, выплачиваемые Новгородским губернским дворянским собранием и губернским предводителем дворянства, оказывались иногда единственным источником существования для некоторых дворян. Выступая на очередном губернском дворянском собрании в 1908 г., губернский предводитель дворянства отмечал, что *«если бы не уделять некоторой части из ассигновок на стипендии для пособия неимущим, то картина бедствия представилась бы глазам общества в виде собирания милостыни*

дряхлыми и болезненными нашими сочленами»[11]. Губернское дворянское собрание назначало пенсии и ежегодные пособия в размере от 20 до 60 рублей. Единовременные пособия могли составлять 25–40 рублей. Так, в 1908 г. от губернского дворянского собрания такого рода материальную помощь получили 14 человек, и два ходатайства о назначении пенсий было отклонено.

Много внимания уделялось и выплате стипендий на обучение детей новгородских дворян. Например, в течение 1904–1908 гг. на воспитание и образование детей губернское дворянское собрание израсходовало 31 117 рублей 74 копейки, из которых дворянских денег было 19 642 рубля 74 копейки и субсидий от правительства 11 475 рублей[12]. В отчёте губернского дворянского собрания за 1908 г. отмечалось, что нужда в назначении стипендий всё более и более возрастает, причём не только для сыновей дворян, но и для их дочерей, желающих получить не просто общее образование, а специальное — медицинское, педагогическое и пр. Однако *«нужды эти так велики, а ассигновки настолько незначительны, что удовлетворить всех, стремящихся к получению образования, не представляется возможным»*[13]. Выступая на очередном губернском дворянском собрании в 1910 г., губернский предводитель дворянства подчёркивал, что *«лица, обращающиеся за пособиями и стипендиями, в большинстве совершенно несостоятельные, и отказ в этом назначении равносилен тому, что дети тех лиц остаются без всякого образования»*[14]. Исходя из этого, губернский предводитель дворянства старался изыскивать все возможные средства и очень ответственно подходил к назначению стипендий. Так, по постановлению очередного губернского дворянского собрания 1904 года полная стипендия могла составлять 300 рублей, неполная — от 100 до 150 рублей. Пособия на обучение могли составлять от 1–2 рублей до 100–180 рублей. В каждом случае сумма устанавливалась индивидуально. Кроме стипендий, губернский предводитель дворянства мог выдавать единовременные пособия на оплату учёбы, на покупку одежды и учебников, на доставку учеников в учебные заведения. В 1908–1910 гг. стипендиаты новгородского дворянства обучались в Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Юрьевском университетах, Лесном, Горном, Санкт-Петербургском политехническом институтах, на Центральных статистических курсах МВД, в новгородских мужской и женской гимназиях, новгородском реальном училище, уездных реальных училищах, в Императорской Академии художеств, Театральной школе. Всего в 82 учебных заведениях[15].

Достаточно активно работала в начале XX в. и система дворянских опек Новгородской губернии. Дворянские опеки действовали в каждом уезде губернии. Они осуществляли надзор за имениями дворян, которые остались по какой-либо причине без присмотра владельцев. Причиной установления опеки над дворянским имением или имуществом могла быть неявка наследников, расточительность владельца, его сумасшествие, неоплата взносов и сборов, требование судебных органов, малолетство наследников. В 1903–1904 гг. в Новгородской губернии насчитывалось 286 опекунств — от 13 в Демянской до 50 в Новгородской уездной опеке. Чаще всего в качестве причин назначения опеки выступали малолетство либо неявка наследников. В 1907 г. в опекунском управлении находилось 336 имений. В 1908–1911 гг. на содержание опек из частных сумм дворянства Новгородской губернии планировалось потратить по 700 рублей на жалование десяти заседателям опек, по 450 рублей на содержание канцелярий десяти уездных опек — итого 11 500 рублей за три года. Для сравнения: на содержание дома дворянского собрания и яхты Екатерины II в эти же 1908–1911 гг. планировалось израсходовать 17 040 рублей[16].

Таким образом, в начале XX в., несмотря на определённые трудности, дворянская сословная организация в Новгородской губернии действовала довольно активно и выполняла важные функции: выплачивала пенсии и пособия дворянам, стипендии на обучение их детям, заботилась о воспитании детей бедных дворян, осуществляла опеку над дворянскими имениями, объединяла дворян. В целом дворянские сословные организации составляли в каждой губернии общество с правами юридического лица и своими сословными органами самоуправления. Не менее важно и то, что дворянские сословные организации обладали определённой собственностью в виде движимого и недвижимого имущества — это могли быть дома дворянских собраний, денежные капиталы. Как увидим далее, этот фактор сыграл свою роль в дальнейшей судьбе дворянских сословных организаций в России.

Серьёзный удар по существованию дворянских сословных организаций и дворянства как сословия был нанесён после Февральской революции 1917 г., т. к. Временное правительство проводило политику, направленную, в том числе, и на ликвидацию сословного строя в стране. Предусматривалась ликвидация и дворянского сословия. В связи с этим в 1917 г. губернские дворянские организации предпринимали попытки сохранить дворянские объединения, приспособив их к существованию в новых исторических условиях.

22 сентября 1917 г. Новгородский губернский предводитель дворянства А.А. Лутовинов получил отношение от Губернского комиссара Временного правительства, основанное на циркуляре МВД. В этом отношении указывалось, *«что вопрос об упразднении дворянского сословия выделяется из общего дела об отмене сословий, и такое выделение повлечёт за собой ликвидацию дворянских учреждений в ближайшем времени»*[17]. В связи с этим Губернский комиссар предлагал Новгородскому губернскому предводителю дворянства подготовить губернскую дворянскую организацию к роспуску, а все дела по дворянским учреждениям к сдаче в архив. Подразумевалось, что дворянство как сословие в недалёком будущем должно было окончательно прекратить своё существование. Было трудно что-либо противопоставить подобным условиям, но в Новгородской губернии была предпринята попытка сохранить дворянство хотя бы *«как частный добровольный союз лиц»*. Вероятно, подобные попытки предпринимались и в других губерниях и инициатива здесь могла исходить от общероссийской дворянской организации — Постоянного совета объединённых дворянских обществ. Причины, требовавшие сохранения дворянства в виде хотя бы общественной организации, Новгородский губернский предводитель дворянства сформулировал достаточно чётко: это сохранение культурно-просветительской деятельности новгородского дворянства; выполнение попечительских и благотворительных функций; помощь дворянам; сохранение прав на имеющееся в распоряжении дворянских органов самоуправления имущество, так как после ликвидации

дворянства как сословия это имущество могло быть изъято как выморочное[18].

Новгородский губернский предводитель дворянства и губернское дворянское собрание действовали довольно оперативно. 27 сентября 1917 г. было проведено чрезвычайное губернское дворянское собрание. На нём губернский предводитель дворянства выступил с предложением образовать в Новгородской губернии добровольный союз лиц, записанных в родословные книги. На этом же собрании был одобрен и утверждён устав Общества лиц, записанных в родословные книги. Собрание постановило данный устав направить на регистрацию в Окружной суд. Также собрание решило передать вновь образуемому Обществу денежные капиталы губернского дворянского собрания, дом дворянского собрания в Новгороде и *«все движимое и недвижимое имущество, где бы таковое не оказалось и в чем бы оно ни заключалось, в том числе и родословные книги, грамоты, весь архив и вообще все предметы, имеющие историческое значение»*[19]. На Общество возлагались и обязанности по выплате пенсий дворянам. После этого губернский предводитель дворянства письменно обратился ко всем уездным предводителям дворянства Новгородской губернии с просьбой оповестить дворян о принятых решениях и создании Общества и предложить им вступать в члены Общества. Затем предполагалось составить списки лиц, желающих быть членами Общества, созвать общее собрание, где избрать необходимых должностных лиц (руководство). Таким образом, новгородское дворянство продолжило бы существовать, но уже как общественная организация.

В Государственном архиве Новгородской области сохранился текст устава Общества лиц, записанных в родословные книги Новгородской губернии[20]. Содержание этого устава раскрывает перед нами возможное оформление существования дворянства после ликвидации его как сословия. Главной целью Общества должна была стать *«всякого рода взаимопомощь экономического, благотворительного и просветительного характера и взаимное общение его членов»*[21]. Устав обозначил следующие права Общества: право устраивать съезды, собрания, лекции, вечера, концерты; право на издательскую деятельность; право пополнять родословные книги и проводить исторические и родословные изыскания; право учреждать благотворительные и просветительные учреждения — музеи, архивы и т. п. Деятельность Общества предполагалось распространить на всю Новгородскую губернию. В качестве органов Общества назывались общее собрание членов, правление общества, филиальные отделы в уездных городах, ревизионные комиссии. Правление Общества, состоящее из председателя Общества, председателей филиальных отделов, пяти членов правления и секретаря, должно было располагаться в Новгороде. Там же предполагалось собирать ежегодные общие собрания членов Общества. Членами Общества могли быть лица обоего пола, записанные в родословные книги Новгородской губернии и лица, сочувствующие целям Общества. Для вступления в Общество требовалось лишь письменное заявление и внесение членского взноса в размере не менее 25 рублей. Финансовые средства Общества составлялись из вступительных взносов, ежегодных взносов в размере 10 рублей с человека, добровольных пожертвований и имущества, передаваемого Обществу путём завещания, дара и передачи другими законными способами. Немаловажным было и то, что Общество рассматривалось как юридическое лицо, которое имело право приобретать в собственность и отчуждать движимое и недвижимое имущество, образовывать капиталы, представлять свои интересы в суде. В случае прекращения деятельности Общества, ликвидация его дел и учреждений производилась по постановлению общего собрания членов Общества. Как видим, положения данного устава во многом перекликались с содержанием Жалованной грамоты дворянству от 1785 года. Предполагаемое Общество, по сути, сохранило бы организацию дворянства в губернии, оставило бы за дворянской корпорацией имеющуюся собственность и выполняло бы всё то, что раньше делало губернское дворянское собрание и губернский предводитель дворянства. Однако нам пока не удалось найти какую-либо информацию о дальнейшей судьбе этого Общества. Да и времени для того, чтобы хоть как-нибудь проявить себя, у него уже не было. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Временное правительство было свергнуто, власть в Петрограде захватила партия большевиков. 11 (24) ноября 1917 г. СНК и ВЦИК издали декрет «Об упразднении сословий и гражданских чинов». В стране ликвидировались все сословия, сословные организации, военные и статские чины, звания, родовые и почётные титулы, награды. Для жителей устанавливалось единое наименование «гражданин Российской республики». О возрождении дворянства и его сословных организаций, хотя бы в форме общественных объединений, после установления советской власти не могло быть и речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 2.
[2] Энциклопедический словарь : В 82-х т. СПб.: Брокгауз и Ефрон. 1890–1904. Т. 10. 1893. С. 208.
[3] Яблочков М.Т. История российского дворянства. М., 2006. С. 524.
[4] Памятная книжка Новгородской губернии на 1905 год. Новгород, 1905. Часть III. С. 16–17.
[5] ГАНО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5.
[6] Памятная книжка Новгородской губернии на 1905 год. Новгород, 1905. Часть III. С. 16–17.
[7] Там же.
[8] ГАНО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 47. Л. 4об.
[9] Там же. Д. 49. Л. 285об.
[10] Там же. Д. 47. Л. 4–4об.
[11] Там же. Д. 49. Л. 206об.
[12] Там же. Л. 171об.
[13] Там же.
[14] Там же. Л. 264.
[15] Там же. Л. 265об.–276.
[16] Там же. Л. 225об.–229.
[17] Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 225. Л. 11об.
[18] Там же. Л. 12.
[19] Там же. Л. 11.
[20] Там же. Л. 2–5.
[21] Там же. Л. 2.

И.Р. Соболева

«УСТРОИТЬ ПОЕЗДКУ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЦЕЛЬЮ...»

Новгородская земля богата объектами древнерусской культуры. Это и уникальный Новгородский кремль, и находящийся на его территории самый древний на Руси храм святой Софии, и храмовые комплексы Юрьева, Иверского, Хутынского монастырей, многие церкви с уникальными иконостасами и образцами монументальной живописи, фрески Феофана Грека и другие памятники византийского, западноевропейского и русского искусства. Они являются величайшим наследием отечественной и мировой культуры и включены в перечень объектов «Всемирного наследия ЮНЕСКО». В целом, культурное достояние Великого Новгорода, сохранившееся до наших дней — около 30 памятников архитектуры XI–XV веков, а всего в области на государственной охране и учёте состоит порядка шести тысяч памятников российской истории и культуры: то, чем гордится Новгородчина сегодня.

Для гостей-туристов в регионе разрабатываются комплексные программы, пересматриваются методики подачи информационного материала, организация всех форм туристской деятельности и возможность интерактивного отдыха на Новгородской земле.

Вряд ли сохранились документы, представляющие на суд исследователя организацию первой экскурсии по г. Новгороду. Но, вероятно, к числу таких можно отнести образовательную прогулку учащихся Новгородского реального училища на мызу Григорово, которая состоялась в апреле 1901 года.

Под звуки военного оркестра добрались ученики до места назначения, успев как раз к завтраку. После завтрака, в сопровождении почти всего преподавательского состава во главе с директором училища, экскурсанты осмотрели молочную ферму, сыроварню, сельскохозяйственные орудия, метеорологическую станцию, пчельник, огород, парники, цветник и мастерские.

Подробные объяснения и комментарии увиденного давали ученики и сам управляющий сельскохозяйственной школы. После осмотра последовали игры «*на свежем воздухе, для чего были специально взяты крокет, мячи и другие предметы для подвижных игр*»[1].

Домой возвращались под звуки того же оркестрового марша. Директор обратился к ученикам с речью, в которой указал на заботливое отношение государя императора к учащейся молодёжи. Поблагодарив в свою очередь господина директора за доставленное удовольствие, ученики разошлись по домам.

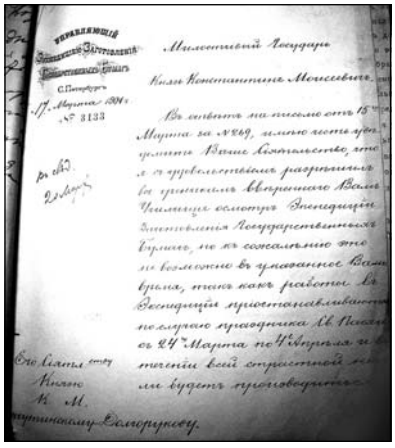
№ 32.
1901.
Ф Ѣ Л О
НОВГОРОДСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

Отчёт об ученической образовательной прогулке на мызу Григорово. 22 апреля 1901 г. ГАНО Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 119. Обложка

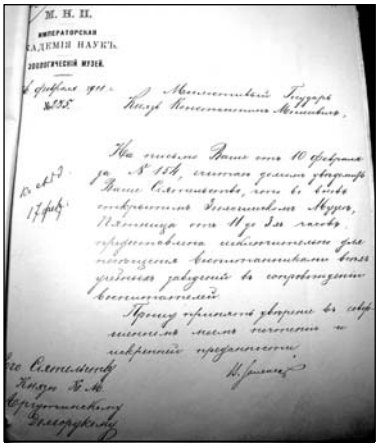
Следует отметить особую активность и организационные способности преподавателей во главе с директором реального училища. Они проводили экскурсионные мероприятия не только на территории губернии, но и, как тогда называли, дальние экскурсии для своих подопечных. Так, например, во время страстной недели (24 марта – 4 апреля 1901 г.) состоялась экскурсия «с образовательной целью» учеников VI и VII классов новгородского реального училища в Санкт-Петербург.

Из предшествующей поездке переписки преподавателей по её организации видно, что обсуждалась возможность включения в программу посещения монетного двора, зоологического музея, Императорской академии художеств. Был запланирован и осмотр Экспедиции изготовления государственных бумаг. Но, к сожалению, «*работы в Экспедиции были приостановлены по случаю праздника Святой Пасхи*»[2], и в посещении этого учреждения было отказано.

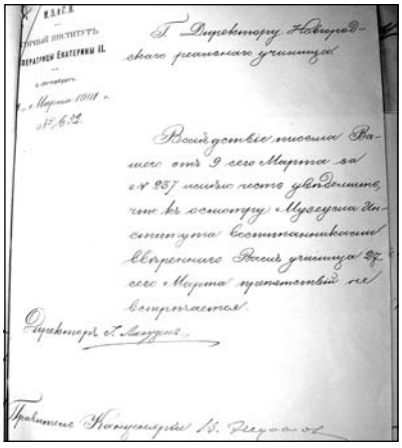
После поездки организаторы представили отчёт. К нему прилагался список посещённых мест, которому наши современники могут только позавидовать: экскурсия по Невскому проспекту с посещением Исаакиевского собора, Зимний дворец, памятник императору Николаю I, Санкт-Петербургское общество художников, Александровский сад,



Письмо директора Новгородского реального училища господину М.Д. Силуянову о разрешении ученикам VI–VII классов осмотра С.-Петербургского монетного двора. 9 марта 1901 г. ГАНО. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 120. Л. 13



Письмо-уведомление из зоологического музея Императорской академии наук директору Новгородского реального училища о предоставлении возможности посещения музея воспитанниками училища. 16 февраля 1901 г. ГАНО Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 120. Л. 10



Письмо-сообщение из С.-Петербургского горного института императрицы Екатерины II директору Новгородского реального училища о возможности осмотра музея воспитанниками училища. 13 марта 1901 г. ГАНО Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 120. Л. 12

выставка в Императорской академии художеств, музей горного института, ещё учащиеся «отстояли литургию в Петропавловском соборе, а в зоологическом музее провели целых 4 часа».

К 20-м годам XX века можно отнести возникновение советского туризма. Под экскурсионные базы, дома отдыха отдавались церкви, загородные дома, усадьбы помещиков и дома богатых людей. На сегодняшний день они считаются памятниками архитектуры.

Политпросветы отделов народного образования организовывали экскурсионно-лекционные бюро, которые разрабатывали тематику и маршруты экскурсий по своему краю. Повсюду в губерниях создавались музеи внешкольного образования и педагогические музеи, что потребовало специальной подготовки экскурсионных работников.

В 1920 г. в Петрограде и Москве были открыты учреждения, готовящие экскурсоводов, — инструкторские экскурсионные станции. Они осуществляли подготовку учителей для организации и проведения экскурсий с учащимися, слушателями системы внешкольного образования, рабфаков, фабзавучей, а также с красноармейцами, рабочими и крестьянами. Для учащихся трудовых школ организовывались одно- и двухдневные экскурсии (при экскурсионной станции обычно имелся интернат, обеспечивающий ночлегом, а также столовая).

Создав Центральное бюро дальних экскурсий, народный комиссариат просвещения активно развернул работу по вовлечению школьников в туристские походы и экскурсии.

Петроградский институт внешкольного образования готовил на музейно-выставочном и экскурсионном отделении инструкторов и организаторов местных музеев и выставок, а также руководителей экскурсионным делом.

Институт методов внешкольной работы[3], бывший Центральный музейно-экскурсионный институт, занимался организацией различных курсов.

Так, например, в мае 1921 года институт организовал десятидневную экскурсию-конференцию для слушателей по экскурсионному, клубному и библиотечному делу.

Среди участников были и бывшие слушатели, так как в числе задач мероприятия – поддержание связи бывших курсантов с Центром и между собой, осведомление о работе в Центре и на местах, обсуждение наиболее важных вопросов.

Для активизации деятельности участников конференции предлагалась к заполнению следующая анкета:

1. Какими учреждениями и организациями ведётся экскурсионная работа?
2. Носит ли она планомерный или эпизодический характер?
3. Есть ли циклы экскурсий: а) в проекте; б) разработанные; в) проведённые?
4. Если есть, то на какие темы?
5. Включают ли школы в свой учебный план экскурсии: а) ближние; б) дальние?
6. Какого рода экскурсии ведутся: а) производственные; б) краеведческие; в) обществоведческие; г) исторические; д) естественнонаучные; е) сельскохозяйственные; ж) демографические?
7. Какие из указанных экскурсий являются преобладающими, на какие темы?
8. Как используются местные музеи для экскурсионной работы?
9. Ведётся ли учёт экскурсионной работы: а) кем; б) метод учёта?
10. Удалось ли что-либо сделать для пропаганды идей дальних экскурсий и содействия их организации?
11. Какие стороны экскурсионного дела нуждаются, по Вашему мнению, в освещении и проработке?
12. Какие занятия, по мнению участников, следует поставить на следующих курсах по экскурсионному делу для расширения и углубления работы и какими материалами их следует провести? [4]

Отделение переподготовки ГубОНО организовало силами своих преподавателей (2-й Советской школы Беляевой и Левицкой) для работников городских школ курсы по экскурсионному, клубному и библиотечному делу, которые проходили в губернском Доме просвещения с 20 февраля 1924 г.

В планах мероприятий по экскурсионному делу у преподавателя В.А. Беляевой первым пунктом стояла беседа под названием «Экскурсия и её значение», затем часовая беседа «Экскурсия как метод просветительской работы» и «Город как объект для различного вида экскурсий». Рассматривались вопросы по организации экскурсионных станций и их значение для школьной работы, организация показательных экскурсий, вопросы краеведения в экскурсии, организация экскурсионной базы и её значение.

Интересно толкование тематических экскурсий, представленных в планах педагога В.А. Беляевой.

Демографическая экскурсия – тема экономической жизни города, основные группы городского общества, питание города.

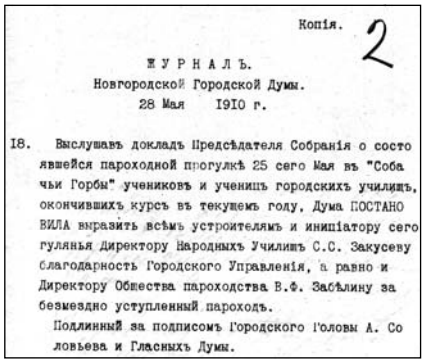
Производственная экскурсия – типография, библиотека, книжный магазин, выставка старинных книг.

Художественная экскурсия – Новгородский стиль в архитектуре, новгородская школа живописи.

Культурно-историческая экскурсия – лицо Новгорода.

Литературная экскурсия – отражение Новгорода в художественно-литературных памятниках.

Естественно-географическая экскурсия – природа города [5].



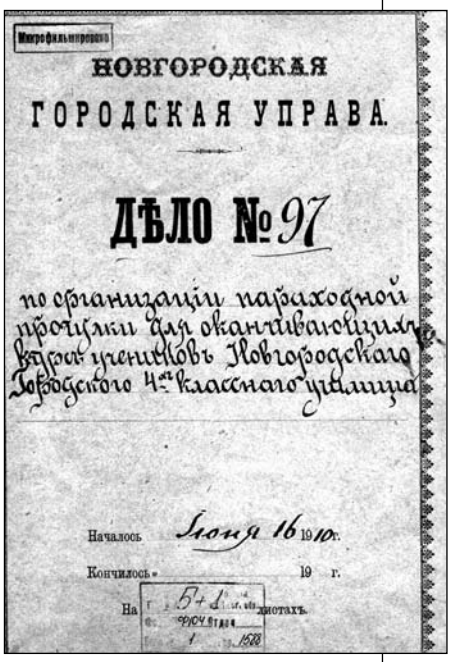
Копія. 2

ЖУРНАЛЪ.
Новгородской Городской Думы.
28 Мая 1910 г.

18. Выслушавъ докладъ Предсѣдателя Собранія о состоявшейся пароходной прогулкѣ 25 сего Мая въ "Собачьи Горбы" учениковъ и учениць городскихъ училищъ, окончившихъ курсъ въ текущемъ году, Дума ПОСТАНОВИЛА выразить всѣмъ устроителямъ и иниціатору сего гулянья директору Народныхъ Училищъ С.С. Закусеву благодарность Городского Управленія, а равно и Директору Общества пароходства В.Ф. Засѣлину за безмездно уступленный пароходъ.

Подлинный за подписомъ Городского Головы А. Соловьева и Гласныхъ Думы.

Копия постановления из журнала Новгородской городской думы о вынесении благодарности устроителям пароходной прогулки 25 мая 1910 г. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1588. Л. 2.



Микрофильмирование

НОВГОРОДСКАЯ
ГОРОДСКАЯ УПРАВА.

ДѢЛО №97

по организаціи пароходной прогулки для оканчивающихъ курсъ учениковъ Новгородскаго Городского 4-хъ классного училища

Началось Іюня 16 1910 г.
Кончилось 19 г.
На 5+1 листахъ.

Дело по организации пароходной прогулки для оканчивающих курс учеников Новгородского городского 4-классного училища. 1910 г. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1588

В центральные органы, руководившие культурой и развитием музейного дела, экскурсионным обслуживанием, поступало много вопросов, указывающих на затруднения в экскурсионно-выставочной и краеведческой работе на местах. И ряд совещаний заинтересованных центральных организаций выявил необходимость созыва Всероссийского экскурсионно-выставочного съезда. Решено было, что на встрече работники центра и участники съезда выяснят назревшие вопросы и поделятся своим опытом работы.

В середине мая 1921 года, до созыва съезда в Петербурге, должна была состояться экскурсионная конференция (для содействия развитию экскурсионного дела в области школьного и внешкольного образования путём выяснения практических вопросов организационного, программного и методического характера). Регистрация её участников проходила в Аничковом дворце в экскурсионной секции. Планировалось проведение конференции в общих собраниях и по секциям: гуманитарной, естественно-исторической, технической и по подготовке руководителей экскурсии.

В Новгородскую губернию было направлено 15 экземпляров Положения об экскурсионной конференции, где чётко прописывалось количество участников от губернии, учебных заведений, Союза молодёжи и др.

На первый Всероссийский экскурсионно-выставочный краеведческий съезд для участия приглашались: от каждой губернии пять человек по подразделениям (один от секции губполитпросвета[6] или лицо, занятое организационными вопросами в области экскурсионно-выставочной деятельности и краеведения — Э.В.К., один от губсоцвоса[7], его экскурсионно-выставочной и краеведческой секции, или лицо, занятое в этой области организационными вопросами, один по назначению губмузея по соглашению с губполитпросветом, два непосредственных работника по экскурсионно-выставочному и краеведческому делу). Кроме того, должны были присутствовать и представители профобров и комсомольцы по назначению от центральных организаций.

В организационный комитет съезда входили представители из руководящих структур — главполитпросвета, главсоцвоса[8], главмузея, главпрофобра[9] организационного центра наркомпроса, моно, тео, изо[10] и Союза коммунистической молодёжи. Делегаты с мандатами останавливались в отделе съездов наркомпроса. Им предоставлялось помещение и довольствие. Ввиду *«продовольственной стеснённости Москвы»* участникам съезда предлагалось взять с собой продовольствия на указанный срок.

На заседаниях планировалось рассмотреть следующие вопросы:

информационный – сообщения с мест о постановке экскурсионно-выставочного и краеведческого дела;

экскурсионный – все члены съезда участвуют в экскурсиях и обсуждают методы их проведения;

методический – обсуждение приёмов экскурсионно-выставочного дела и краеведческой работы разного рода учреждений со школьниками, внешкольниками по специальным областям знаний;

организационный – основные организационные вопросы строительства экскурсионно-выставочного и краеведческого дела в центре и на местах, вспомогательные учреждения, станции, конференции, курсы, выставки, дальние экскурсии и т. п.

Делегаты съезда обязаны были привести с собой информационные доклады в письменном виде о постановке экскурсионно-выставочного дела на местах, а также прислать информационный и методический материал в виде диаграмм, работ учащихся и внешкольников в связи с экскурсиями, фотографии станций, экскурсионных баз и т. д.

Информационные доклады должны были содержать общую характеристику деятельности и отчёт всех Э.В.К. органов в губернском масштабе, в городах и уездах; отчёт об экскурсионно-выставочной и краеведческой работе музеев и отдельных выставок; отчёт о работе экскурсионных баз; отчёт о состоянии экскурсионного дела в школах всех ступеней, школах для взрослых и партшколах, народных домах и клубах, других внешкольных организациях; с работниками просвещения, уже работавшими и готовящимися к участию в Э.В.К. работе.

Такой материал, несомненно, был полезен для участников форума и для будущих подобных мероприятий: съездов и конференций.

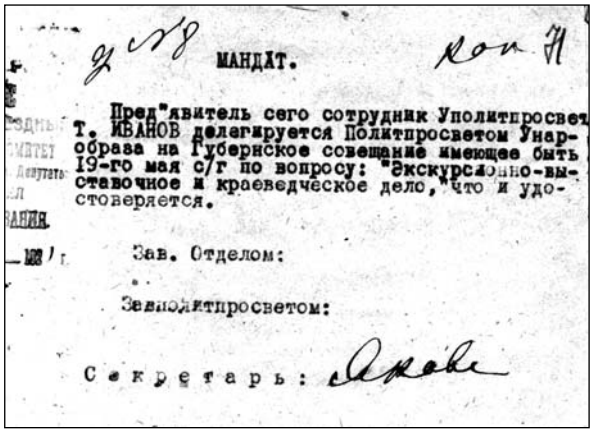
В Новгороде к съезду велась активная подготовка: 17 мая 1921 года состоялось заседание экскурсионно-выставочного и краеведческого бюро, которое занималось организацией совещания работников экскурсионно-выставочной деятельности (располагалось на ул. Предтеченской, 4)[11].

Рассматривалась возможность подготовки двух докладов к совещанию, затрагивались темы отчётности и методической работы. Важным для обсуждения был и вопрос о срочном принятии мер по помещениям «*для приезжающих экскурсий*»[12]. В данной ситуации решили просить отдел коммунального хозяйства закрепить за Губбюро определённое количество комнат в коммунальном общежитии, в случае отказа — ходатайствовать перед Губисполкомом.

Для проведения экскурсий требуется обеспечить разрешённый доступ к объектам и организованное передвижение туристских групп. Этот вопрос также обсуждался на заседании: «*...нет от центральной власти никакого распоряжения к урегулированию этого вопроса*».[13] И решили возбудить ходатайство перед Губисполкомом о беспрепятственном передвижении экскурсий по территории Новгородской губернии и поручить делегатам первого Всероссийского съезда поднять этот вопрос в «*общем государственном масштабе*».

В Новгородской губернии не везде имелись экскурсионно-выставочные структуры, занимающиеся чисто экскурсионной деятельностью. Так, например, в Крестецком уездном отделе народного образования экскурсионно-выставочной секции не было вообще. Но при Крестецком культурно-просветительном обществе «Дом народа» существовала музейно-выставочная экскурсионная секция, которая занималась, прежде всего, пропагандой сельского хозяйства.

Там был открыт сельскохозяйственный музей. В качестве экспонатов были представлены плуги разных систем, усовершенствованные бороны, сортировки, сепараторы. В летнее время члены секции, курсанты сельскохозяйственных курсов, учащиеся уезда посещали совхозы, имения, изучали культуры садов и огородов, а также собирали экспонаты для выставки по краеведению.


МАНДАТ.

Пред"явитель сего сотрудник Уполитпросвет т. ИВАНОВ делегируется Политпросветом Унаробраза на Губернское совещание имеющее быть 19-го мая с/г по вопросу: "Экскурсионно-выставочное и краеведческое дело," что и удостоверяется.

Зав. Отделом:

Завполитпросветом:

Секретарь:

Мандат сотрудника Уполитпросвета т. Иванова — делегата Губернского совещания 19 мая 1921 г.
ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 806. Л. 71

Шимский ВолНаробраз

Губполитпросвет Экскурсионное Бюро сообщает, что экскурсия может быть принята 1 июня; помещение - сенная Площадь, дом № 4. Обязанности Коммунального Хозяйства Руководители будут.

Предлагается захватить с собой продовольствия.

За губотнаробразом

За губполитпросветом:

За ед. Экскурсионным Бюро:

Секретарь:

Сообщение из экскурсионного бюро Губполитпросвета в Шимский ВолНаробраз.
16 июня 1921 г.
Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 18

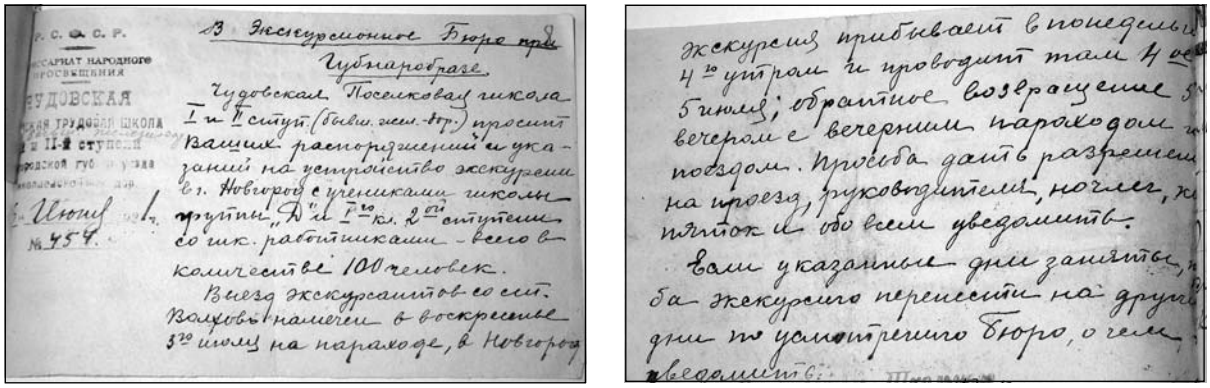
В Экскурсионную секцию.

Школьный Совет Маловишерской школы 2-й ступени просит предоставить помещение и руководителя для экскурсии учащихся в количестве 40 человек (выпускной класс)

Председатель шк. Сов.

Секретарь

Заявка в Экскурсионную секцию Губполитпросвета от Маловишерской школы 2-й ступени.
Июнь 1921 г.
ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 5



Заявка в Экскурсионное бюро от Чудовской поселковой трудовой школы 1 и 2 ступени на предоставление экскурсии, организацию парохода для прибытия и отъезда экскурсантов из Новгорода и размещение. 6 июня 1921 г. ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 8

В осеннее время члены секции проводили выставку садоводства и огородничества[14].

В г. Боровичи выставочно-экскурсионое дело развивалось при кружке изучения природы, в котором имелось несколько коллекций животного и растительного мира. Члены кружка готовились к созданию выставочно-экскурсионной станции[15].

Контроль за естественно-научной деятельностью, общественными кружками и реализацией экскурсий осуществлял Губкультпросвет. С этой целью была предложена форма отчёта о проведённых экскурсиях, которая заполнялась их руководителями.

Экскурсионное бюро губполитпросвета отдела народного образования предоставляло полный спектр услуг для туристов: экскурсии, размещение и питание. В архивном фонде ГАНО сохранились письма фонда экскурсионного бюро, в которых зафиксировалась просьба об организации обедов для экскурсантов.

Доктор исторических наук, исследователь Т.П. Коржихина, вся жизнь которой была связана с Московским государственным историко-архивным институтом, характеризует период конца 20-х годов как время становления нового курса по усилению административно-командных методов управления во всех областях культуры и искусства, включая и туристическую деятельность[16].

Активизировалось «Российское общество туризма» (РОТ). В 1928 году оно было закрыто, и на его основе было создано «Общество пролетарского туризма» (ОПТ) РСФСР, а в марте 1930 года — «Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий» (ОПТиЭ), членами которого являлись 6,5 миллионов человек. «Общество пролетарского туризма и экскурсий» объединило экскурсионно-туристские общества и организации, такие как «Советский турист», «Турист Грузии» и другие.

В 1929 году создаётся Всесоюзное акционерное общество «Интурист», для обслуживания зарубежных туристов и организации туристских поездок граждан СССР за рубеж.

Туристское движение охватывает более широкие слои населения, и всё заметнее становится несоответствие между ростом туристского экскурсионного движения и имеющейся материально-технической базой, всё сильнее ощущается дефицит специалистов по туризму. К этому времени в национальном туризме сложились два основных направления:

– туристско-экскурсионные поездки и путешествия по плановым маршрутам;

– самодеятельный туризм.

Но это уже совсем другая страничка из истории развития туризма... и уже наших с вами «*поездок с образовательной целью*».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАНО. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 119. Л. 2.
[2] ГАНО. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 120. Л. 17.
[3] Возможно, что это тот же Институт внешкольного образования.
[4] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 462. Л. 30об.
[5] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 462. Л. 42—42об.
[6] Губполитпросвет – губернский политический совет просвещения.
[7] Губернское управление социального воспитания и политехнического образования детей в составе Наркомпроса. Организовано в 1921 г. В 1930 г. реорганизовано в школьные управления.
[8] Главсоцвос — главное управление социального воспитания и политехнического образования детей в составе Наркомпроса. Организовано в 1921 г. Энциклопедический словарь. М., 1953. С. 432.
[9] Главпрофобр — главное управление профессионального образования, в составе Наркомпроса. Организован в феврале 1921 г. В июле 1930 г. реорганизован в сектор кадров Наркомпроса. Энциклопедический словарь. М., 1953. С. 432.
[10] «В конце 20-х годов происходит становление нового курса по усилению административно-командных методов управления во всех областях культуры и искусства. В качестве органа по проведению государственной художественной политики выступает Главискусство и его отделы — ЛИТО, ТЕО, МУЗО, ИЗО». Т.П. Коржихина «Извольте быть благонадежны!», М., 1997 г.
[11] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 4об.
[12] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 3.
[13] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 3.
[14] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 31—31об.
[15] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 832. Л. 35.
[16] Т.П. Коржихина «Извольте быть благонадежны!» М., 1997.

Я.Н. Рабинович

Старая Русса в первый год шведской оккупации (1611—1612 гг.)

В Смутное время Старая Русса свыше пяти лет (с августа 1611 г. по март 1617 г.) находилась под властью шведов. Известно, что вскоре после захвата Новгорода шведами (16 июля 1611 г.), уже в августе 1611 г. Старая Русса присоединилась к шведско-новгородскому альянсу. Жители Старой Руссы, не имея городских укреплений и сильного гарнизона, без особых колебаний признали власть нового правительства Делагарди-Одоевского. Однако в ряде исследований дело было представлено совсем иначе. Так, В. Пылаев писал, что в 1611 г. после того, как *«Новгород присягнул Филиппу»*, *«полковник Делагарди наступал на Руссу, разбил небольшую городскую рать, ворвался в город, разграбил и разрушил его за сопротивление»*. Аналогичные сведения приводит С.Н. Паренаго: *«Новгород присягнул Филиппу. Делагарди послан был занять Старую Руссу. Она не сдалась без сопротивления. Немногочисленная русская рать была разбита. Вновь — разграбление и уничтожение города»*. Эти сведения не подтверждены никакими источниками.

Чтобы попытаться как-то восстановить хронологию событий второй половины 1611—1612 гг., следует обратиться к документам Новгородского оккупационного архива. Необходимо обратить особое внимание на то, как происходило установление в городе новой власти правительства Делагарди-Одоевского, как осуществлялось строительство крепости в центре города и как выглядели укрепления, как местная администрация пыталась восстановить работу соляных варниц и почему эта затея провалилась. Документы Новгородского архива, предоставленные мне А.А. Селиным, позволяют ответить на эти и многие другие вопросы, а также определить состав гарнизона города в это время и основные занятия жителей. Особый интерес представляют сведения о том, кто управлял городом в годы шведского владычества, как осуществлялся сбор кормов, кто из новгородцев получал поместья в районе Старой Руссы. Все эти вопросы до настоящего времени ещё не получили должного освещения в отечественной историографии.

Сразу после установления контроля над Старой Руссой и уездом новая власть приступила к раздаче поместий своим сторонникам. Одно из первых пожалований получил в Старорусском уезде сам новгородский воевода Иван Никитич Одоевский. Уже 5 сентября 1611 г. *«боярин и большой ратный воевода»* короля Карла IX Якоб Делагарди, выслушав челобитные князя И.Н. Одоевского, приговорил: *«...тот Старорусского уезда Славятинский погост с деревнями, сколько в том погосте деревень будет и в них крестьян и бобылей и вытей и четвертные пашни и сенных покосов и лесу и всяких угодий по Старорусским писцовым книгам, дать в поместье боярину и воеводе Князю Ивану Никитичу Одоевскому»*. Через несколько дней, 9 сентября, из Старой Руссы Полуэкт Матвеевич Колычев и дьяк Томила Сергеев прислали роспись Славятинскому погосту с последних писцовых книг. В результате кн. И.Н. Одоевский стал владельцем почти 1500 четей.

Карта «Погосты Порховского и Старорусского уездов Шелонской пятины к началу XVI в.» из кн. «Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в.» Л., 1971

Осенью того же 1611 г. бывшее поместье дьяка Василия Янова в Петровском погосте было отдано Богдану Лупандину, Богдану Дубровскому и Анцу Бракелю — по 55 четей земли каждому. Поместье в Старорусском уезде получил также дьяк Пятой Григорьев: 100 четей, оно было освобождено от всех кормовых сборов и платежей. Все погосты Старорусского уезда, посад города, все остальные деревни были отписаны на государя в Дворцовый приказ, ими ведал дьяк Пятой Григорьев. Современный исследователь А.А. Селин отмечает, что благодаря тому, что город и весь Старорусский

уезд в конце 1611 г. поступили под прямое управление Дворцового приказа, многие документы, связанные со Старой Руссой, в том числе дозорные книги этого уезда, сохранились. В своей монографии «Новгородское общество в эпоху Смуты» он много внимания уделил Старой Руссе и описанию погостов Старорусского уезда в 1611—1615 гг., а также тщательно проследил всю динамику землеописаний в городе и уезде в течение первого года шведской оккупации.

По-видимому, Полуэкт Колычев и Томила Сергеев на короткое время заменили прежнего воеводу Воина Новокшенова и дьяка Третьяка Копнина либо помогали им в установлении «нового порядка». Прежде всего необходимо было составить новые дозорные книги, чтобы собирать налоги с населения. Поэтому ещё 31 августа 1611 г. было направлено указание в Старую Руссу прежним воеводам Воину Новокшенову и Третьяку Копнину, что в Руссу отправлены дозорщики *«Лука Милославский с товарищи»* и по их дозорным книгам следует собирать денежные доходы.

Правда, ни Новокшенову, ни Колычеву, ни Копнину этим делом заниматься не пришлось. Уже осенью 1611 г. прежний воевода Руссы Воин Новокшенов был назначен воеводой при шведском отряде на стан Югостицы в Дремяцком погосте. Полуэкт Колычев и дьяк Третьяк Копнин также недолго оставались в Старой Руссе. В октябре 1611 г. они уже были в Новгороде, а в декабре возглавили вместе с архимандритом Никандром посольство новгородцев в Стокгольм (приговор от 25 декабря 1611 г.). В Стокгольме Колычев умер, а другие члены посольства вернулись на родину лишь в октябре 1613 г.: они были захвачены в плен псковскими казаками и отправлены в Москву.

В октябре 1611 г. в Старой Руссе находится уже новый воевода Герасим Арсеньевич Муравьёв, сын боярский Водской пятины. Именно Муравьёву и дьяку Томиле Сергееву 9 ноября была отправлена из Новгорода в Руссу новая инструкция. Согласно этой инструкции временно было запрещено отправлять сборщиков в Старорусский уезд для сбора денежных доходов, пока дозорщики во главе с Лукой Милославским не закончат описание уезда. К этому времени комиссия во главе с Лукой Милославским уже завершила дозор посада Старой Руссы, переписав с помощью посадских людей дворы и живущих в них людей, лавки, варницы и т. д. Ближайший к городу Петровский погост также был описан без особого труда. Однако с дозором остальных погостов Старорусского уезда возникли проблемы. Лука Милославский проводил этот дозор в Филиппов пост, в декабре 1611 г. В своей челобитной боярам и воеводам крестьяне Замошской волости Дретенского погоста писали*: «В прошлом 120 году в Филипов пост Лука Милославский нас сирот дозирал. После этого были литовские люди».*

Воеводы были обязаны помогать дозорщикам. Новгородская администрация была заинтересована в скорейшем завершении этого описания. С трудом был осуществлён дозор шести погостов Старорусского уезда, затем — ещё двух погостов. Однако южные районы уезда в декабре 1611 г. так и не были описаны из-за постоянных нападений отрядов казаков, поляков и черкас (три погоста — Лосский, Офремовский и Должинский).

Описание погостов — это была только первая задача и, как оказалась, не самая сложная. Новгородские власти сразу же поручили Луке Милославскому приступить к сбору кормов. Он отвечал, что медленная и трудная работа по осуществлению дозора погостов не позволяет ему заниматься ещё и сбором кормов.

К середине января Лука Милославский и его помощник подьячий Ждан Медведев представили старорусским воеводам и кормовым сборщикам Веряжского стана платёжную роспись шести погостов уезда (перед этим из Дворцового приказа было получено суровое предписание: взыскать деньги с нерадивого подьячего Ждана Медведева). От дворцового дьяка Пятого Григорьева доставалось и начальным людям Старой Руссы Г.А. Муравьёву и Т. Сергееву за задержку со сбором кормов*: «Вы пишете в своих отписках не справясь хмелем...».*

Обстановка в городе и уезде менялась очень быстро. Сразу же после описания погостов они подверглись новому нападению литовских людей, многие крестьяне были убиты, другие бежали, деревни снова запустели. Всё приходилось начинать заново.

Самый южный Коломенский погост был сильнее всего разорён к началу января 1612 г. Подьячий Ждан Рябинин и рассыльщик Михайла Лизунов, прибывшие 11 января для сбора людского и конского корма немецким людям, не могли найти крестьян: *«...их либо в полон взяли, либо иссекли, либо замучили».*

Жителям самого города также приходилось нелегко в эту страшную зиму 1612 года. Крупный шведский отряд базировался в Коростынском погосте на стане на Веряже. Туда рушане и окрестные крестьяне должны были поставлять испечённый ими хлеб и другие продукты (в середине декабря 1611 г. было указание из Новгорода тотчас испечь 1000 хлебов, из чети по 60 хлебов). 16 декабря этот хлеб был передан Михаилу Бобровскому и отправлен в Веряжский стан. Корма для этого гарнизона в Веряжском стане собирали Иван Степанович Забелин и подьячий Василий Сытин.

Кроме того, из Новгорода были отправлены для усиления гарнизона в Старую Руссу 76 немецких ратных людей. Этот отряд возглавлял Роберт Мюр, которого прислал лично Якоб Делагарди 8 января. Сохранилась роспись личного состава, где указана численность отряда, приводятся имена командиров и записано, сколько корму давать этим людям: *«Приказному человеку Анцы Франсбеку — давать на месяц... Другому приказному человеку Анцы Екхолту — давать на месяц... 74 человекам конным немцам... Ныне 31.12 прислан в Русу приказной Анца Яковлев да с ним 2 приказных меньших».* Жители посада и уезда должны были давать им корм людской и конский, а также пиво с государева кабака (542 ведра на месяц). В это время соляные варницы не работали, поэтому горожане не имели никаких денежных доходов, кроме кабака. В своей челобитной дьяку Пятому Григорьеву старорусский воевода Герасим Муравьёв и дьяк Томила Сергеев отмечали, что немецкие люди берут не по росписи по 280 вёдер пива на неделю, в результате чего кабацкие доходы прекратились совсем и не из чего платить деньги стрельцам сотни Ивана Шипилова. Эти корельские и ладожские стрельцы находились в городе с конца ноября 1611 г. в качестве гарнизона: 65 человек с сотником Иваном Шипиловым. Жалование им велено было давать из кабацких денег по 3,5 рубля сотнику, а стрельцам — по полтине.

Главной задачей для жителей города и окрестных сёл было завершение строительства острога-крепости,

где можно было бы укрыться в случае вражеского набега. Неоднократные разорения города, невозможность защищать его (это показали события 1609—1611 гг., а также — 1581 г.) требовали принятия неотложных мер по строительству крепости. Нужно было исправлять ошибки, допущенные ещё Иваном III, который в своё время приказал срыть все городские укрепления.

Все исследователи единодушно указывают, что острог был поставлен в 1612 г. по указу Якоба Делагарди. Шведский военачальник неоднократно бывал в Руссе (впервые — ещё 23 мая 1609 г.), опытный воин, ученик Морица Оранского, он держал под контролем строительство крепости, принимал участие в её планировке. Многие документы Новгородского оккупационного архива свидетельствуют о том, что Старорусский острог постоянно находился в центре внимания новгородской администрации. В челобитной старосты Дретенского погоста указывается, что тамошние крестьяне *«в 120 году (1611/1612) ставили острог в Старой Русе и ров копали своими головами... и от ворот и от дубья от сеченья... плотников нанимали — им стало убытка 6 р., ставили избу острожную»*. Кроме того, эти крестьяне *«платили также в Русу немецким людям корм. И они же де прежних немец и Боранова приказу казаков кормили 2 дня. На них же Лука Милославский доправил в Новгород немецким людям корм... На них же правил на Веряжу Тимофей Тыртов корма... На них же правили Герасим Муравьев и дьяк Томила корма в Новгород немецким ратным людям»*.

План крепости. Из кн.: Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994

В другой челобитной посадских людей Старой Руссы говорилось, что они *«для государевых ратных людей и посланников и гонцов на яму подводы ставят и для полских и литовских людей на все дороги от Старой Русы верст за сто и болши подъезды посылают на многих подводах людми многих, да они ж в Старой Руссе город и на городе острог поставили и около города ров выкопали и в городе в зимнюю пору дворы про ратных людей на стужи поставили, да ныне в остроге дворы ратным людям ставят же, и на посаде в Старой Русе, где стоят ратные немецкие люди в достальных их дворишках острог своими головами все неотступно делают, и на острог лес готовят и дворовые хоромы, которые в острог годны, с своих дворишков дают»*.

Писцовые книги 1625 г. позволяют составить представление о Старорусском остроге. Деревянная крепость была построена на Соборной стороне, на мысу, образуемом реками Полистью и Перерытицей, против устья реки Порусьи. Здесь находился *«острог стоячий на тарасах»*. Крепостные стены состояли из земляного вала, обшитого с обеих сторон бревенчатыми срубами, соединёнными между собой в пяту. Крепость имела шесть башен и три быка-бастиона. Покровская башня — на северной оконечности мыса с воротами на реку Полисть к перевозу (вооружение — одна пищаль медная полковая). Тайничная башня — западнее Покровской башни: здесь находился в особом деревянном срубе крытый колодец, где хранились порох и другие снаряды. Наугольная башня — на берегу реки Полисть западнее Тайничной башни (вооружение — один тюфяк железный дробовой). Южнее Наугольной башни Обводной бык (тюфяк железный дробовой). Чертовесная проезжая башня — восточнее Обводного быка (пищаль медная полковая с вылитым на ней орлом). Восточнее Чертовесной башни Второй обводной бык (тюфяк железный дробовой). Наугольная Перерытицкая башня — юго-восточнее Обводного быка (тюфяк железный дробовой). Глухая (Слуховая) башня — севернее Перерытицкой наугольной башни, на берегу Перерытицы. Севернее Глухой башни на берегу Перерытицы — Отводной круглый бык.

Вблизи Покровской башни находилась церковь Покрова Богородицы. В остроге были построены воеводский дом, съезжая изба, подьяческая, казённая житница, пороховой амбар, лавки, кабак. В переписи 1625 г. упоминается о пяти улицах внутри острога — Большая, Средняя, Пробойная, Чертова, Щепья и ещё церкви Иоанна Предтечи.

Со временем значительная часть стрельцов гарнизона города стала жить внутри острога. Сторож дьячей избы Пятка Фёдоров жаловался в своей челобитной боярам и воеводам, что в его осадный двор в остроге поселили пять стрельцов, отчего *«стала большая теснота»*.

В январе 1612 г. в Старую Руссу были назначены новые начальные люди: воевода Андрей Константинович Шаховской, гость Истома Демидов и подьячий Ждан Медведев. Летом 1612 г. Ждана Медведева в Руссе сменил новый подьячий Фёдор Витовтов. А.К. Шаховской оставался на посту воеводы в городе все последующие годы, вплоть до 1617 г.

Прежний воевода Г.А. Муравьёв после передачи дел новому воеводе должен был вернуться в Новгород. Воеводе А.К. Шаховскому *«с товарищи»* вменялось в обязанность немедленно собрать деньги с посада и уезда по новому дозору Луки Милославского и отправить их в Новгород. Прежние воеводы, Герасим Муравьёв и Томила Сергеев, с этими обязанностями не справились, *«к Герасиму Муравьеву о том писано многажды»*, по 26 января они тех денег *«не присылывали»*, хотя в Руссе имелась роспись с книг Луки Милославского. 1 февраля 1612 г. корм со Старорусского уезда было поручено собирать подьячему Торопу Беляковскому — 200 рублей для немецких людей *«Илегана Самойлова с товарищи»*, которые прибыли в Руссу с Тимофеем Тыртовым, но Беляковский к 7 февраля так ничего не привёз, что вызвало гневное письмо начальства: *«И то знатно, что ты воруешь, государево дело делаешь в оплошку»*.

Со стана в Веряжах в Руссу для усиления гарнизона прибыл дополнительный отряд *«немцев Илегана*

Самойлова» в количестве 65 человек. Эти «защитники» забрали у горожан значительную часть собранных денег и кормов. Прежние воеводы Герасим Муравьёв и Роберт Мюр пытались их унять. Посадские люди вместе с посадским старостой Богданом Фёдоровым Макаташкиным жаловались в Новгород, просили уменьшить размер налогов. Делагарди и Одоевский согласились с этой просьбой и приказали взимать с горожан только 2/3 кормов.

Также в городе появился дополнительный отряд стрельцов. Теперь в сотне Ивана Шипилова числилось 90 человек, а не 65, как ранее. Стрельцам, по их челобитной, был установлен денежный поденный корм в 4 деньги человеку. Этим событиям предшествовал конфликт между стрельцами и властями. Ссылаясь на то, что стрельцы получали годовое жалование, дьяк Пятой Григорьев указал прежнему воеводе Герасиму Муравьёву прекратить выдачу корма стрельцам. Весь гнев стрельцов испытал на себе новый воевода, Андрей Шаховской. Фактически в городе произошёл мятеж. Многие посадские люди уехали в это время из города в деревни или в Новгород. Сам воевода писал в Новгород, что он *«с товарищи сидит в остроге от стрельцов»*, которые хотят уйти из города. Не исключался вариант, что стрельцы могли соединиться с поляками и воевать против шведов. Эти стрельцы и раньше не проявляли особой любви к шведам, долго защищая от них Ладогу. Хорошо, что острог уже в Старой Руссе к тому времени был построен. Новгородские власти, зная об угрозе Старорусскому уезду с юга, велели давать стрельцам корм из кабацких доходов, как было раньше. Скорее всего, конфликт был улажен, во всяком случае, уже 11 февраля стрельцы сотни Ивана Шипилова участвовали в составе отряда Роберта Мюра («полковника Ротбомира») в боях против польских и литовских ратных людей в Рамышевском погосте возле деревень Михалково и Стригальниково. Именно на этом деле получил тяжёлое ранение ладожский стрелец Илья Гаврилов.

13 января 1612 г. в Старую Руссу прибыл из Коломенского погоста, самого южного погоста уезда, Степан Палицын, который сообщил тревожные вести: в Офремовском погосте стоят литовские люди, в Холмском уезде в селе Зуево находится Лисовский с литовскими людьми. К этому времени в Руссу прибыло подкрепление со стана в Веряжах: 14 января ротмистр Вакхух, с ним 144 человека. Этот отряд совместно с частью гарнизона города двинулся против литовских людей, предварительно ограбив жителей Руссы: *«...иной корм на посадских и питье на кабаке немецкие люди имали силно».*

Что произошло дальше, восстановить довольно сложно. С одной стороны, мы имеем сведения о бое 11 февраля Роберта Мюра в районе Рамышево, в котором участвовали шведский отряд и стрельцы. С другой стороны, именно в этот день, 11 февраля 1612 г., литовцы напали на сам город Старую Руссу, который практически некому было защищать. Ряд документов сообщают об этом нападении: *«...в нынешнем 120 году февраля в 11 день приходили... в Старую Русу враги и разорители истинные православные християнские веры полские и литовские люди болшою ратью и в Старой Русе у них святые церкви осквернили и в церквах Божье милосердие престолы ободрали и иконы перекололи, и сосуды и еваньилья поимали и книги изодрали и колокола и свечи пограбили, а дворы их с животы и хлебы сожгли и людей многих измучили и онем жгли, а иных до смерти побили и в полон поимали... а иные* (жители — ***Я.Р.***) *в острог утекли душей да телом да в уметах снежных укрывались... которые бежали от литовских людей войны, ноги на озере на Илмере и на лесах в снегах призноби ли... литовские люди государева винокурий двор и многие запасы пожгли».* Кроме самого города, сильному разорению подвергся один из самых богатых погостов уезда — Чертицкий погост.

Кто конкретно совершил это нападение на Старую Руссу, неизвестно. Вокруг города зимой 1612 г. действовали различные казачьи отряды, которые фактически никому не подчинялись. Некоторые из них признавали власть польского короля Сигизмунда и гетмана Ходкевича (гетман в это время зимовал под Волоком, готовясь идти к Москве), другие — власть Псковского вора Сидорки, третьи — лидеров подмосковного ополчения Трубецкого и Заруцкого (эти вскоре на некоторое время дадут присягу Псковскому вору), четвёртые — Александру Лисовскому. Следует отметить, что в это время шведы и поляки заключили местное перемирие — гетман Ходкевич и шведский наместник в Ревеле, а Лисовский был прощён польским королём и фактически находился на службе у Сигизмунда.

Отрывочная информация о боях в районе Старой Руссы зимой 1612 г. содержится в труде шведского историка XVII века Юхана Видекинда. Один из казачьих отрядов некоего Алексея Михайловича (1500 чел.) напал на Руссу. Вначале шведы под командованием Оливера Поплера рассеяли казаков, уничтожив около 300 из них, но при преследовании казаков отряд Поплера подвергся внезапной атаке свежих казачьих сил и был разбит. Сам Поплер был убит, с ним погибло свыше ста шведов. В плен попало 30 офицеров, весь командный состав шведского отряда. После разгрома шведского гарнизона Русса оказалась в руках казаков, город был разграблен. Возможно, именно в этом первом неудачном для шведов бою под Руссой был убит Хопман Карр, чья сотня вся была перебита казаками. Для выкупа пленных Делагарди отправил Роберту Мюру 20 рублей; в начале марта *«к литовским людям»* для ведения переговоров о выкупе был отправлен староста Рамышевского погоста. Однако, как писал в своём донесении 9 марта воевода А.К. Шаховской, *«литовских людей не нашли, полон утек, а литовские люди пошли к Москве».*

Из Новгорода в Старую Руссу срочно был послан Эверт Горн со свежими силами шведов и новгородцев. Вначале Горн разбил отряд казаков Андрея Наливайко, укрывшегося в каком-то монастыре, а затем вынужденного заключить мир с Горном. Наливайко *«присягнул на верность и подчинение шведам и Новгородскому княжеству, ушел к Бежецку, но вскоре нарушил присягу».* Известно, что летом 1612 г. Наливайко со своими запорожцами в составе войска Ходкевича сражался под Москвой с ополченцами Пожарского и Трубецкого.

После разгрома Наливайко настал черёд казаков Алексея Михайловича. Видекинд пишет, что казаки бежали из Руссы, но Горн организовал преследование и заставил их принять бой, в ходе которого было убито 800 казаков, а сам Алексей Михайлович попал в плен. Взято 16 знамён, много пленных.

Н.И. Костомаров писал об этих событиях: «Это поражение заставило казаков покинуть Новгородскую

землю, покоренную шведами». Вскользь об этом походе упоминает Р.Г. Скрынников: «В разгар зимних морозов литовцы пытались захватить Себеж. После неудачи под Себежем отряд запорожцев атамана Наливайко ушёл в район Старой Руссы».

Это поражение казаков под Руссой в феврале–марте 1612 г. имело важное значение для новгородско-шведского альянса: была ликвидирована угроза для Новгорода с юга.

Юхан Видекинд говорит ещё об одной угрозе городу со стороны казаков Псковского вора в мае–июне 1612 г., которые после гибели своего предводителя пытались захватить Старую Руссу, но были они легко рассеяны. Фактически в начале лета удару псковских казаков и воинов Лисовского подверглись лишь южные погосты уезда. Крестьяне Должинского погоста сообщали о набеге казаков из Пскова *«за неделю Троицыны дни»*, воровских людей *«ото Ржевы на Троицкой неделе»*, а также других воровских людей *«на другой недели Петрова посту во вторник»*.

С ликвидацией казачьей угрозы в Старой Руссе начинает налаживаться мирная жизнь. Эта мирная передышка продолжалась полтора года, до конца августа 1613 г. Именно наличие регулярных шведских войск помогло на некоторое время навести порядок в разорённой и замученной вакханалией различных реквизиций Новгородской земле. Несмотря на продолжавшиеся несколько лет болезни и эпидемии, которые привели к большой смертности среди населения Старой Руссы, новая власть пыталась восстановить в городе добычу соли, разрушенные церкви.

Сразу после разгрома казаками в феврале 1612 г. Старой Руссы и уезда посадские и уездные люди во главе со старорусским посадским старостой Богданом Фёдоровым и волостным старостой Старорусских погостов Иваном Жилинским отправили в Дворцовый приказ челобитную о новом дозоре. Уже в марте был предпринят обыск в Чертицком и Рамышевском погостах, где в связи с боевыми действиями наблюдалась большая убыль населения. Обыск было поручено осуществить Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Фёдору Харламову. Они должны были также переписать выморочное имущество, оставшееся после умерших и беглых.

По-видимому, Иван Назимов и Фёдор Харламов сговорились со старостами и целовальниками погостов, чтобы *«совместно теми животы* (имуществом), *хлебом и сеном меж себя завладети»*. В целом дьяки Дворцового приказа оценивали этот обыск как ложный и не соответствующий действительности.

Поэтому в начале июля 1612 г. власти предприняли новую попытку составить дозор посада Старой Руссы и погостов уезда. Это дело было поручено князю Никифору Яковлевичу Мещерскому и подьячему Семёну Собакину, которым власти Старой Руссы должны были выдать списки с книг Луки Милославского.

Следовало бы поручить составление нового дозора опытному в этом деле Луке Милославскому, но тот летом 1612 г. находился в Ярославле в составе посольства новгородцев к князю Пожарскому. Вследствие болезни Никифора Мещерского — *«а князь Микифор Мещерский бил челом, что он болен»* — этот дозор посада и уезда осуществляли дозорщики Филон Аничков и Гаврила Карцов. Они же расследовали злоупотребления прежних дозорщиков Ивана Назимова и Фёдора Харламова: *«Иван Назимов в околорусских постах воровал и многие посулы поимал, и я про те посулы велел сыскивати Филону Оничкову с товарищи»*. Не найдя в Старой Руссе списков с прежних дозорных книг, Филон Аничков вынужден был запрашивать их из Новгорода. Всё это привело к задержке нового дозора. Но хоть какие-то деньги с Руссы и уезда для Дворцового приказа нужны были немедленно. Поэтому было принято решение собирать с посада и уезда только две трети платежей по прежним книгам Луки Милославского. Окончательно дозор Старорусского уезда был завершён Филоном Аничковым только в сентябре.

4 сентября 1612 г. в Старую Руссу вернулся Лука Милославский после завершения переговоров в Ярославле. Милославскому вместе с подьячим Григорием Нечаевым было поручено собирать денежные доходы по новому дозору Филона Аничкова. Прибыв в город, Милославский сразу же вступил в конфликт с воеводой Андреем Шаховским и Фёдором Витовтовым, обвиняя их в недостаточном усердии в сборе государственных доходов. Результатом этого доноса Милославского было указание Якоба Делагарди взыскать с воевод города недостающие 40 рублей. Кроме того, один из руководителей посольства в Ярославль, Смирной Елизарьевич Отрепьев, был назначен в конце октября 1612 г. вторым воеводой в Старую Руссу, товарищем к князю Андрею Шаховскому.

В начале сентября 1612 г., сразу после возвращения из Ярославля в Новгород, Смирной Отрепьев и другой руководитель посольства в Ярославль Фёдор Тимофеевич Черново-Оболенский получили поместья в 265 четей в Старорусском уезде. Это были дворцовые земли в Чертицком погосте, расположенные между Старой Руссой и Взвадом, оставшиеся у Дворца после раздачи их Ивану Якушкину. Сам же Якушкин получил эти земли из дворцовых волостей вскоре после своего возвращения из Стокгольма 8 апреля 1612 г. С поместий Оболенского и Отрепьева было приказано никаких податей в Дворцовый приказ не взимать. До этого Филон Аничков отписал хлеб с их поместий на государя. По челобитной Отрепьева и Оболенского *«для их разорения»* этот хлеб было указано им выдать обратно.

Дозорными книгами погостов Старорусского уезда Филона Аничкова сборщики налогов пользовались в дальнейшем довольно долго. После жестоких боёв 1613—1614 гг. с казаками Андрея Фёдоровича Палицына, когда Старорусский уезд был сильно разорён, власти поручили проводить новый дозор ряда погостов уезда опытному в этом деле Луке Милославскому. По мнению А.А. Селина, столь интенсивное описание Старорусского уезда, тщательная фиксация всех изменений, происходившая в этой зоне в течение 1611—1616 гг., связана с тем, что город и уезд находились в ведении наиболее правильно управлявшегося учреждения — Новгородского Дворца.

Несколько слов стоит сказать о кабаке в Старой Руссе. Это был важный источник государевых доходов. Все доходы от *«государева виникурия двора»* по отписке прежнего воеводы Г.А. Муравьёва шли на корм и жалование стрельцам. Однако кабак располагался далеко от центра города, *«на посаде за двумя реками»*. Во время набега литовцев 11 февраля 1612 г. этот кабак был фактически уничтожен, литовцы при отступлении взяли с собой

из кабака *«4 котла винных медяных»* и 12 труб. Воевода Шаховской жаловался, что *«кабак на Русе встал, немецким людям нельзя дать вина и пива, а стрельцам — месячного жалования»*. Новгородские власти приняли решение построить новый кабак в другом месте, внутри острога, а также привезти из Новгорода для этого кабака четыре котла. Силами посадских людей и окрестных крестьян, которым помогали «другие заинтересованные лица», новый кабак вскоре был поставлен. Однако кабацкие люди под предлогом варки пива и вина брали для этого слишком много зерна.

Этот «перерасход» зерна обнаружился случайно. В связи с тем, что стрелецкий гарнизон в городе весной–летом 1612 г. сильно сократился, было принято решение *«прибрать стрельцов 60 человек к прежним 40 человекам и учинить им хлебное и денежное жалование»*. Уже 15 сентября 1612 г. А. Шаховской и Ф. Витовтов доложили боярам о приборе стрельцов. Шаховской писал, что *«ныне в Старой Руссе в государевых житницах хлеба для осадного времени нисколько нет и стрельцам на жалованье дать нечего»*. Новгородские власти с удивлением узнали, что в Руссе в государевых житницах нет запасов зерна, всё зерно ушло на кабак. Дьяк П. Григорьев потребовал от А. Шаховского и Ф. Аничкова отчитаться, сколько хлеба ушло на государев кабак за прошлый год (1611/1612). Заподозрив неладное, зная об истинном расходе спиртного, власти приняли решение провести «эксперимент» и выяснить, сколько же должно быть израсходовано овса и ржи на производство определённого объёма спиртного, а также усилить контроль над кабаком в Старой Руссе.

План Старой Руссы. Из кн.: Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994

Если с функционированием кабака дела в целом обстояли более или менее благополучно, то с добычей соли были большие затруднения. Этот вопрос постоянно находился в центре внимания дьяков Дворцового приказа. Власти Новгорода удовлетворяли все челобитные солеваров, *«трубного мастера солоного озерка Сенки Руднева с товарищи»*, по выдаче им жалования. Солеварам велено было *«по прежнем в трех верстах от солоного озерка варницкие трубы пропускать и соляное озеро чистить и к государевым варницам вода давати»*. Вначале дело тормозилось отсутствием дров, все запасы которых были использованы на строительство крепости (часть пропавших дров жители списали на немецких и литовских людей, на февральское разорение). Власти Новгорода взяли под особый контроль доставку дров, в июне 1612 г. к варницам стали возить дрова *«на монастырских и посадских лодьях»*.

Дело с добычей соли стало медленно продвигаться вперёд. Воевода А.К. Шаховской докладывал в Новгород, что к 3 июля начали топить три государевы варницы, *«а как соберут ещё дров, то и другие варницы затопят... а что соли Бог пошлет, мы в Новгород пришлем»*. Воеводы Руссы оправдывались тем, что добыча соли требует больших расходов на дрова, на их доставку, на само варение и т. д. Эти расходы воеводы раскладывали на крестьян старорусских погостов. Бояре разрешили А.К. Шаховскому и Ф. Витовтову продавать часть соли с государевых варниц в самой Старой Руссе, а деньги, вырученные от этой продажи, использовать на расходы по варке соли. Старорусским воеводам было указано продавать соль по твёрдой цене — 10 алтын за пуд. В ответ воеводы просили прислать из Новгорода весы *«в пуды и полупуды»*. Одновременно новгородские власти приказали прислать в Новгород не 20 лубов соли, как планировалось ранее, а 50 лубов (1 луб — 10 пудов). 21 июля для доставки соли было взято у старорусского варничного целовальника Юшки Афанасьева на расход 25 рогож соли, по два луба в рогоже — 50 лубов.

Из Новгорода постоянно поступали указания о доставке дров к соляным варницам. Было предписано собирать с каждой обжи в старорусских погостах по три сажени дров или деньгами — по полтине за сажень дров. Якоб Делагарди требовал, чтобы были построены в Старой Руссе 70 варниц, порицал воевод в перерасходе средств, потраченных на варничное дело. Строительство каждой варницы выходило по 100 рублей. Воеводы докладывали в Новгород, что построено в дополнение к трём государевым варницам ещё пять новых варниц. Задержку в строительстве новых варниц воеводы в начале октября 1612 г. объясняли тем, что жители погостов и старорушане *«город делают и по ся мест»*. Строительство крепости и разных сооружений внутри острога продолжалось в течение всего 1612 года.

Дьяк П. Григорьев 3 октября 1612 г. велел прислать водным путём в Новгород 250 лубов соли. У старорусского варничного целовальника Юшки Борисова было взято 64 луба. Эту соль отправили в Новгород 12 октября. Остальную соль воеводы обещали отправить, как только возвратятся суда из Новгорода. 15 октября новая партия лубов соли также была отправлена в Новгород.

Кроме государевых варниц в Руссе имелись несколько монастырских варниц, а также кое-какой варничный запас. По челобитной келаря Юрьева монастыря старца Филарета бояре в начале июля 1612 г. разрешили монастырским старцам варить соль в Руссе на своих варницах на монастырский обиход. В Руссу были отправлены два старца для варки соли и лодья для доставки дров. Доподд-

линно неизвестно, чем обернулась эта затея, зная то, как тяжело было восстанавливать государевы варницы, с каким трудом доставлялись дрова.

Используя сведения переписи 1625 г. и работу М.И. Полянского, И.Н. Вязинин составил план Старой Руссы периода Смуты. На этом плане показаны основные места солеварения, расположение солёных озерцов и т.д.

Если рассматривать в целом период с 1611 г. до середины 1613 г., то можно сделать вывод, что шведская власть выступала оплотом относительной стабильности, противостоящей казацкой анархии. Население Старой Руссы и уезда в большинстве своём без особого сопротивления восприняло новых хозяев, признало власть правительства Делагарди-Одоевского, выполняя все указания, поступающие из Новгорода. Следует учесть, что влияние какой-либо власти из центра страны в это время не ощущалось вовсе. Как писал А.А. Селин, «в условиях фактического распада к 1611 г. Московской державы для новгородцев обращение к шведской, пусть иллюзорно, но всё же сильной власти было вполне естественно и не создавало неразрешимого конфликта». Всё же положение «прифронтового» города создавало для жителей Старой Руссы определённые трудности и открывало возможности для злоупотреблений со стороны местной администрации, сборщиков налогов и командиров отдельных отрядов.

Положение изменилось после избрания Михаила Романова и отправки первых московских отрядов в Новгородскую землю, но особенно — после венчания на царство Михаила Фёдоровича (июль 1613 г.) и подступления рати Д.Т. Трубецкого к Новгороду. С конца августа 1613 г. Старая Русса становится одним из районов, где разворачиваются ожесточённые бои между москвичами и шведами. На сторону москвичей переходят многие дворяне Деревской пятины, значительная часть жителей Старорусского уезда. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют исследования о ходе боевых действий под Старой Руссой в 1613—1614 гг., о действиях казаков Андрея Палицына в районе города. А.Л. Станиславский уделил этому вопросу несколько строк. Никто не может ответить, за какие заслуги казаки этого отряда и лично их предводитель получили щедрые пожалования от Михаила Фёдоровича. Данные сюжеты нуждаются в тщательном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова. М., 2000.
Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994.
Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.
Макарий, архимандрит. Церковно-историческое описание города Старой Руссы, содержащее в себе сведения о старорусских церквах, Спасском монастыре и духовном училище. Новгород, 1866.
Паренаго С.Н. Краткий исторический очерк г. Старой Руссы. Новгород, 1929.
Полянский М.И. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885.
Пылаев В. Старая Русса. Первая часть. Исторический очерк города. Сергиев Посад, 1916.
Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986.

ИСТОЧНИКИ

Документы Новгородского оккупационного архива: Ockupationsarckivet fren Novgorod, Riksarkivet, Stockholm (RA, NOA). Serie I, II.
Дело о пожаловании кн. И.Н. Одоевскому поместья в Старорусском уезде. Сентябрь 1611 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее — ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. № 160. С. 278—280.
Приговор митрополита Исидора, кн. И.Н. Одоевского, земских чинов. 25 декабря 1611 г. // ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 162. С. 283—285.

И.Д. Савинова

Беспощадное сражение с Церковью: САМЫМ РЕШИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ

Одним из сокрушительных ударов первой антицерковной кампании явилось изъятие церковных ценностей под видом оказания помощи населению голодающего Поволжья. В этой кампании отчётливо проявилось стремление руководства РКП (б) кардинально решить проблему полного подчинения религиозных организаций с помощью насилия.

За три года военного коммунизма (1918—1921) запас зерна в стране истощился: большую часть конфисковали продотряды. Новые урожаи родились скудными: отток молодого крестьянства в армию (по архивным документам видно, какими угрозами загоняли мужика в Красную Армию, какая жестокая борьба велась с дезертирством, принявшим невиданные размеры), сокращение посевных площадей и не только из-за отсутствия рабочих рук, но и из-за непомерных поборов, насильственного захвата хлеба.

Летом 1921 года в Поволжье разразилась засуха, которая усугубила уже надвигавшийся на страну страшный голод. Был он вызван прежде всего жесточайшей разрушительной гражданской войной, коммунистическими экспериментами в экономике, кровавым подавлением крестьянских восстаний в самых хлебородных районах России.

По официальным данным, к началу 1921 года в стране насчитывалось свыше 23 млн. голодающих. Миллионы погибли. Молодая советская власть в это время была озабочена войной в Карелии, укреплением Красной Армии, пропагандой мирового коммунизма, покупкой дворцов для своих полпредов в странах Европы, борьбой с контрреволюцией. Борьба с голодом была предоставлена общественным организациям. Создаётся беспартийный Всероссийский комитет помощи голодающим. В него вошли врачи, адвокаты, писатели, учёные. На выручку голодающим пришли крестьяне и сельские кооперативы благополучных губерний, профсоюзы рабочих, иностранные державы. Но весьма скоро ВЦИК признал комитет излишним, члены его были арестованы.

Одним из первых просителей за свой народ стал Патриарх Тихон. В августе 1921 года он основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим[1]. Однако ВЦИК и этот комитет признал излишним и упразднил его. Но сознавая, что устраниться от опасности разразившегося голода ему всё равно не удастся, правительство решило создать особую комиссию по координированию усилий государственных и общественных организаций в оказании помощи населению Поволжья — Помгол.

Казалось бы, в сложившихся условиях Церковь в виде религиозных общин смогла бы принять активное участие в работе Помгола. Именно о таком взаимодействии рассказывают документы Филиппогорского волостного совета Демянского уезда. В далёкой глубинке самостоятельно нашли решение вопросу. 31 декабря 1921 года волостная комиссия по оказанию помощи голодающему ребёнку Поволжья обратилась к священникам и церковным советам нескольких волостей с просьбой «*провести по приходу сбор продуктов и вещей*», призвать граждан-прихожан «*внести посильную лепту, кто чем может, в общую кружку детской нужды. Сбор произвести исключительно в пользу детей Поволжья, прибывающих в нашу губернию*»[2].

Этот призыв нашёл отклик в людских сердцах. Священник Клевичской церкви Александр Вознесенский 8 января 1922 года сообщил в Волисполком: «...Мною было сказано соответствующее слово прихожанам и произведён денежный сбор в церкви, а затем и по домам — в пользу голодающих детей... Собрано всего деньгами 40 310 рублей. Священник Липицкой церкви Василий Борисов вместе с прихожанами произвели такой же сбор ещё до обращения — 25 декабря. Собрано было 70 456 рублей»[3].

Но так обстояли дела в провинции, а в столице тем временем власть более двух месяцев разрабатывала бюрократические уловки, на основании которых она могла бы разрешить Русской Православной Церкви участвовать в работе Помгола. Соответствующее положение было утверждено только 1 февраля 1922 года. 28 февраля Патриарх снова обратился с воззванием к православному населению страны об усилении помощи голодающим, в котором разрешил сдавать в Помгол церковные ценности, не имеющие богослужебного применения: «*Мы допустили ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств возможность пожертвования церковных предметов, неосвящённых и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца... Но мы не можем одобрить изъятие из храмов, хоть бы и через добровольное пожертвование, освящённых предметов, употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею...*»[4].

Это решение Патриарха Тихона было с одобрением встречено всей общественностью и укрепило авторитет Церкви в народных массах, что было весьма невыгодно молодой власти. Через неделю появившаяся надежда на улучшение дел рухнула и сменилась горьким отчаянием, предвидящим непоправимую беду: 26 февраля 1922 года высшая законодательная власть страны, ВЦИК, приняла постановление № 46 о насильственном изъятии всех церковных ценностей, якобы — в пользу голодающих.

Долгие годы учебники советской истории подавали нескольким поколениям учащихся факт изъятия церковных ценностей как необходимую (и почти единственную!) меру спасения голодающих Поволжья. Но рассекреченные в 90-е годы документы Политбюро открывают неведомую доселе подлинную цель предпринятой операции. Архив Политбюро сохранил для истории на редкость жестокий и циничный документ — письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции, в Генуе в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»[5].

Трудно найти силы и слова для нравственной оценки этого документа. Подумайте о другом — есть ли в нём хотя бы две-три фразы об использовании ценностей на поддержку голодающего населения? Голод — это только возможность расправиться со своим идеологическим противником, расправиться беспощадно и жестоко.

Первым у нас в Новгороде подвергся ограблению Юрьев монастырь. Глаз на него «положил» сам Троцкий, и сделал это задолго до постановления ВЦИК № 46.

7 декабря 1921 года Новгородский губисполком получил из Москвы шифровку за подписью Троцкого: «*В силу возложенного на меня Совнаркомом поручения по сосредоточению ценностей, прошу ответить: первое — в чьём ведении находятся ценности, сосредоточенные в Юрьевском монастыре? Второе — какова их приблизительная общая оценка по вашим сведениям? Третье — на ком лежит ответственность за охрану? Четвёртое — в чём состоят преимущественно эти ценности, сколько золота, серебра, драгоценных камней? Пятое — сколько вагонов нужно для перевозки этих ценностей? В случае надобности прошу принять меры по усилению охраны. Необходимые указания будут даны по получении от вас ответа*»[6].

Губисполком сообщил члену Политбюро:

«Ценности хранятся в куполе Георгиевского собора.

– Сведений об оценке этих ценностей не имеется, так как оценки им никогда не производилось, но по частным сведениям, со слов знающих эти ценности, оценка их может выразиться около 6 000 000 рублей довоенного времени.

– На вывозку потребуется не более двух вагонов»[7].

По распоряжению Троцкого 5 января 1922 года губисполком образовал комиссию для оценки и изъятия ценностей Юрьева монастыря. Её возглавил В. Пакун, председатель губернского и городского исполкомов. Но Москве этого показалось недостаточно, и уже 10 января в Новгороде появились столичные представители: Каузов — от Совнаркома, Борисов — от Гохрана, Поздняк — от Московского ЧК.

Московские товарищи вместе с Пакуном и начальником губотдела юстиции И. Куприяновым прибыли в Юрьев монастырь. «Без мандатов», — подчеркнул в докладе правящему архиерею настоятель монастыря архимандрит Никодим. Комиссия осмотрела запасы, сверила их наличие с описью и опечатала кладовые. На следующий день, 11 января, ровно в полдень названная комиссия приступила к изъятию исторических сокровищ[8].

Сохранился подробный доклад архимандрита об этой первой экспроприации: «*...иконы оставляли без окладов или без риз. Ризы с икон снимали, ломали руками. Которые было не под силу сломать руками, те сминались человеческими ногами, как обыкновенный предмет. Верующие, видя это гнусное дело и поступок русского человека, отворачивали лицо...*»[9]. Архимандрит представил митрополиту Арсению два акта на изъятые ценности, в которых 60 и 50 наименований. В их числе панагии с камнями, серебряные кресты, старинное столовое серебро. Были изъяты золотые часы датской работы, принадлежавшие графине Орловой-Чесменской. На одном из актов в правом верхнем углу владыка Арсений оставил провидческую резолюцию: «*1922 января 24/6 февраля. Хранить на память для истории. А, может быть, придётся и беречь как действительность, свидетельствующую о положении Церкви*»[10].

Первый набег на Юрьев монастырь был совершён на основе декрета от 1 января 1922 года — об изъятии ценностей закрытых монастырей, церквей и из фондов Главмузея. 22 января секретная комиссия под председательством Троцкого познакомилась с результатами проведённой операции и постановила: «*...признать необходимым во всех губерниях образовать только одну авторитетную комиссию при исполкомах по фактическому учёту, фактическому изъятию и фактической отправке ценностей в Гохран, независимо от того, в каких государственных хранилищах (музеях, складах ЧК, губфинотделах, закрытых монастырях) эти ценности хранятся*»[11].

Все эти намерения аннулировал вышедший декрет об изъятии церковных ценностей. 22 февраля президиум Новгубисполкома получил из Москвы инструкцию местным комиссиям по изъятию церковных ценностей, по содержанию в два раза превышающую сам декрет. Инструкция предписывала в недельный срок истребовать описи имущества и ценностей всех церквей, переданных в пользование верующим, чтобы установить «очередной

порядок производства работ». В первую очередь ценности следовало изымать из наиболее богатых храмов, монастырей, синагог и т.д. Поспешность намечаемой работы выдаёт примечание: «Комиссия приступает к работе в наиболее богатых храмах, не ожидая поступления всех описей по губернии»[12].

Государственному грабежу власть попыталась придать всенародную гласность как благому делу помощи голодающим и обязала губфинотделы и губкомиссии ежемесячно публиковать в газетах подробные перечни изъятых ценностей. Создавалась видимость чёткого контроля даже со стороны народных масс. Пока губернские чиновники изучали декрет и инструкцию, людей охватила тревога от предстоящей операции. Первыми поднялись на защиту своих святынь верующие Бронницкой, Никольской, Подберезской и Новоселицкой волостей. 26 февраля представители коллективов всех приходов названных волостей провели объединённое собрание. Первым вопросом собравшиеся приняли определение христианским святыням: «*Церковь — есть мать каждого христианина... Всё, находящееся в ней, есть достояние прихода*».

Вторым ставился вопрос об определении действий в возникшей ситуации — как защитить церковные святыни?

«*Ходят слухи, что вторично идёт проверка церковного имущества, о котором мы, верующие, не сомневаемся и твёрдо уверены в том, что у каждой церкви нет утраты вещей...*

Нам памятен 1918 год, в котором мы тоже перенесли страшный голод. Но никогда даже не допускали мысли и считали святотатством изъять какую-либо вещь из церковного имущества и обменять на хлеб. Приобретение же машин и тракторов (согласно газете) одна отговорка».

Собрание выразило сомнение, что изъятые ранее церковные ценности Юрьева и Десятинного монастырей действительно пойдут на закупку хлеба, и постановило: командировать уполномоченных с наказом — всё должно быть возвращено верующим, «*чтобы спасти голодающих, то мы жертвуем и делимся последним куском хлеба с голодающими, но через своих представителей*»[13].

3 марта на этом протоколе председатель губисполкома В. Пакун оставил резолюцию: «*Этот документ передать в Губархив как исторический материал для будущих историков, описывающих переходную эпоху во времена Великой Революции*».

Они оба оказались правы — и митрополит, и председатель губисполкома. Документы сохранились в архиве, ими действительно пользуются историки, на что оба и рассчитывали. Но оценка событий идёт уже по другой шкале ценностей, чем у председателя губисполкома.

3 марта состоялось заседание президиума губисполкома, которое решило образовать комиссию по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) и утвердило её состав. Комиссия провела рабочее заседание и предписала во всех уездах создать подобные подкомиссии. Новгород и приходы в радиусе 15 километров относились к ведению губернской КИЦЦ.

Комиссия постановила изъятие ценностей в пределах Новгородской губернии закончить 10 апреля. Для непосредственных технических работ: оценка, взвешивание, упаковка и т.п. — была образована техническая подкомиссия. 15 марта в губернский финотдел поступила первая партия церковных ценностей, полученная без особых сложностей. Это были ценности рижских церквей, эвакуированные в Новгород в 1916 году, во время Первой мировой войны. В семи ящиках находилось 57 пудов 28 фунтов 48 золотников различных предметов из серебра. Вес золотых вещиц — 72 золотника, 34 бриллианта, 4 аметиста, 1 рубин[14].

Едва закончился организационный момент, как стали очевидны многие непредвиденные и непродуманные сложности. Одним из главных и чаще всего поступающих был вопрос о конкретном изъятии — что можно изымать, а что оставлять в храмах. Поток запросов заставил губернскую КИЦЦ разработать инструкцию для волостных исполкомов, которая более доступным стилем излагала положения столичного циркуляра:

«*...предметы, деланные из золота и драгоценного камня, надлежат безусловному изъятию, ни в коем случае оставлены быть не могут.*

В отношении серебряных вещей допускаются следующие исключения: могут быть оставлены верующим комплекты священных сосудов и дарохранительницы, необходимые для совершения таинств по количеству престолов церкви и при невозможности их немедленной замены теми же предметами из малоценных металлов — впредь до их замены...»[15].

Пока губернская комиссия улаживала организационные вопросы, губернская газета «Звезда» приступила к одобрению и пропаганде решения правительства об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих. Начала она в пятницу 20 марта подборкой материалов под общим заголовком «Церковь и голод в Поволжье». В статье «Спасите гибнущих братьев!» редакция рассказывает о бедствиях в зоне голода и делает вывод: «*Остаётся лишь один выход и одно спасение для голодающих — отдать для закупки хлеба церковное богатство*»[16]. Авторы газетных материалов изощрялись в заголовках: «Кащей на сундуке!», «К позорному столбу!», «Современные Пилаты».

В хоре обвинения и угроз неожиданно прозвучало письмо читательницы, зубного врача А. Покровской: «*Прочитав статью „Выход из тупика", не могу не выразить удивления, почему все вопросы задаются служителям культа, которые являются в жизни церкви действительно таковыми, не имея права распорядиться ни одной вещью без согласия верующего народа — иначе, коллектива. Я, как член одного из коллективов, предложила бы задать подобные вопросы всем коллективам... Тут должен быть ответ всех верующих, а не отдельных лиц и тем более — служащих культа*»[17].

А что же новгородское духовенство во главе с митрополитом Арсением? К этому времени у митрополита уже не было никакой связи с центром. Вся его переписка контролировалась. Воззвание Патриарха дошло до владыки в личном письме от неизвестного корреспондента. Митрополит попытался организовать в епархии церковный комитет помощи голодающим, подготовил воззвание к верующим, но его инициатива не только не получила поддержки у властей, но была и остановлена: комитет запретили, воззвание не пропустили в печать. И только в конце марта «Звезда» всё же опубликовала обращение владыки:

«Ныне по лежащему на мне долгу архипастыря всей Новгородской Церкви обращаюсь к тебе, Богом дарованная паства, с мольбою об этой помощи во имя Христа, именем которого мы имеем счастье называться... Пожертвования могут быть деньгами, вещами и продовольствием. Кроме того, в последнее время ввиду всё более усиливающегося голода Святейший Патриарх благословил духовенство и приходские советы, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, приносить в жертву голодающим и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления...».

Рядом с обращением опубликован комментарий заведующего губполитпросветом П. Пожарского, в котором язвительно замечено: «*Нам остаётся только пожелать, чтобы митрополит в самом непродолжительном времени точнее и конкретнее определил — какие именно предметы он подразумевает под словом имеющие или не имеющие богослужебного употребления*»[18].

Писалось это, конечно, для малосведущих граждан, чтобы заручиться их поддержкой в предстоящем грабеже. На самом же деле всё уже было определено и изложено в упоминавшейся инструкции и засекреченных предписаниях. Трудно сказать, насколько сам владыка верил и верил ли вообще в искренние намерения большевиков оказать помощь бедствующим людям, но он проявил гражданскую солидарность с сотнями новгородцев, которые сдавали в комитет Помгола свои ценности. Митрополит сам принёс в этот комитет личные драгоценности: золотой крест с 11 бриллиантами, золотой наперсный крест, золотую панагию с золотой цепью. В панагии имелись 73 жемчужины, 2 хризолита, 2 сапфира, 2 рубина, 1 изумруд. Всё это были награды за его архипастырское служение[19].

События первых недель после опубликования декрета об изъятии церковных ценностей до середины марта поддерживали в народе надежду на разумное решение задачи: представители коллективов верующих вместе с членами КИЦЦ сверяли описи имущества, намечали предметы к изъятию, назначали сроки. И почти все верили, что ценности пойдут на закупку хлеба, почти все верили, что особо чтимые святыни можно будет заменить личными драгоценностями, а то и сразу продуктами и зерном. На деле же оказалось, что всякая замена церковных ценностей, даже в равном эквиваленте, категорически запрещалась.

Документы губернской и уездных КИЦЦ свидетельствуют, что кампания проходила сумбурно, без чёткой линии действия и сроков. Как уже говорилось, первое заседание губернской комиссии 3 марта постановило «всю работу по изъятию ценностей закончить к 10 апреля». 31 марта губисполком получил телеграмму за подписью М. Калинина и В. Молотова, которая воспрещала какое-либо «мирное» изъятие и предписывала: «*Первое изъятие ценностей начать по всей губернии одновременно, именно в понедельник 24 апреля и проводить самым настойчивым и решительным образом*»[20]. Несмотря на подписи в телеграмме, в её интонации и стиле чувствуется дух члена Политбюро Троцкого.

Трудно уловить логику в определении сроков кампании: одни назначают конечным число 10 апреля, другие — началом всей кампании намечают 24 апреля, а третьи уже с 15 марта начинают опустошать храмы. Число 24 апреля значилось не рядовым в российском календаре — это был второй день Пасхи. А накануне, 23 числа, собралась губернская КИЦЦ. Интересно отметить, что вёлся всего лишь третий протокол. Выходит, что за полтора месяца её члены собирались весьма редко.

С 24 апреля изъятие ценностей действительно пошло в «губернском масштабе». В тот же день поступило предписание из Москвы: «*...немедленно выслать наличность и поступающие изъятые церковные ценности в Гохран*»[21].

Первыми поступили на склад губфинотдела ценности городских храмов Новгорода. Драгоценности Софийского собора были сданы по десяти актам, составленным с 22 по 28 апреля. По акту № 3 сдавались серебряные раки со святынь, особо почитаемых многими поколениями новгородцев — с гробниц с мощами святителя Никиты, князей Мстислава, Фёдора, княгини Анны. По акту № 5 проходил серебряный оклад с престола главного алтаря, в разобранном виде. Весил он 5 пудов 7 фунтов 21 золотник. Это был дар Софийскому собору от императора Николая I, принесённый 20 ноября 1831 года. Изделия с драгоценными камнями сдавались по акту № 4. Трудно перечислить все сокровища, переписанные в десяти актах. Общий вес изъятых ценностей составил 27 пуд. 30 ф. 72 зол. — серебра, золота — 7 ф. 75 зол.[22]

27 апреля поступил акт о приёмке ценностей, изъятых из Знаменского собора Новгорода. Самым ценным его сокровищем была золотая риза на чтимую икону Божией Матери «Знамение». Выполненная из червонного золота высокой пробы весом в 12 фунтов 90 золотников, она была украшена огромным количеством драгоценных камней — 2615. Сделанная в XIX веке, риза эта художественной ценности не имела, но материальной ценностью способна была перекрыть не только остальные ценности собора, но едва не всего города, — так писал участник изъятия музейный работник Н. Порфиридов[23].

Огромные состояния были вывезены из Юрьева монастыря, не считая «январского набега». Комиссия приступила к их изъятию 24 апреля. Она сдала в губфинотдел 12 ящиков с ценностями старейшей новгородской обители. Семь из них содержали сокровища Георгиевского собора. В первом — 17 лампад, во втором — серебряная рака с мощей св. Феоктиста весом 8 пуд. 5 ф. 36 зол., в третьем — 4 сребропозлащённых пластины с престола — 4 пуд. 9 ф. 33 зол., риза сребропозлащённая — 3 пуда 14 ф. 38 зол., крест запрестольный. Общий вес ценностей составил 34 пуда 12 фунтов 30 золотников серебра[24].

Ценности Десятинного монастыря из 90 наименований уместились в пяти ящиках. Общий вес серебряных изделий составил 11 пуд. 3 ф. 13 зол.[25]

Но такими сокровищами владели самые известные, старейшие храмы и обители. Из 116 церквей и монастырей в 13 ценностей не было вообще.

Определённую сложность в бешеной работе по изъятию ценностей создавали высокохудожественные произведения XVIII — начала XIX века, которые хранились во многих монастырях и храмах, не говоря уже об изделиях более раннего периода, уцелевших в наиболее древних обителях. Накапливаясь веками под сводами храмов, они составили национальное достояние, а наши монастыри стали первыми российскими музеями.

И вот теперь, лишая народ его достояния, правительство посчитало возможным кое-что оставить в ведении Главмузея и губернских музеев. Для экспертов, оценивавших предметы искусства, была разослана специальная инструкция, указывающая, что можно оставить как музейные ценности. Авторы её, предвидя, что могут возникнуть разногласия между представителями КИЦЦ и губмузеев, рекомендовали «спорные» предметы отправлять на экспертизу в Москву. Именно по такой причине двухпудовый серебряный орёл-кувшин из Юрьева монастыря оказался в столице. Сейчас он экспонируется в Оружейной палате.

Музейные фонды в результате изъятий церковных ценностей пополнились множеством прекрасных изделий, в основном из серебра. Например, из Никольского собора в Губмузей поступили оклады с Евангелия XVII века, 3 лампады того же времени. Из церквей Новгородского уезда было сдано художественных изделий по весу 2 пуд. 25 ф. 93 зол., 217 предметов без указания веса[26].

Нам уже никогда не увидеть наши храмы в том великолепном убранстве, которое оформилось заботами многих поколений в течение столетий. Вот какое описание оставил корреспондент «Берлинер Тагеблат» Пауль Шеффер: «*Ущерба не описать инвентарной описью. Всего сильней и глубже действует утрата общего живописного эффекта внутренностей этих соборов, их мягкой и вместе гнетущей и смущающей таинственности. Её уже нет. Бывало здесь из тьмы (лишь наверху, близ купола, несколько разряжённый свет), светили тысячи маленьких и больших свечей. Свет их играл на серебре, на золоте, богатых тканях, тёмных ликах святых, на тяжёлых формах паникадил, на тяжёлых роскошных ризах.*

С XVIII века укоренился обычай оставлять на виду только лица, руки и ноги святых, скрывая всё остальное под золотом или серебром. Но эти матовые панцири на всех стенах, у всех колонн и алтарей, на которых играл свет восковых свечей, более всего наполняли храмы неведомо откуда притекавшей, торжественной, струящейся жизнью... Теперь все эти ризы сорваны. Даже с медных футляров, прикрывающих гробницы патриархов, сняты серебряные бляхи. Парчовые покровы свалены грудами или сложены в ящики. Все лампады, паникадила и серебряные светильники сданы для переплавки... Общее впечатление — ужасающей пустоты»[27].

Таковыми увидел автор строк храмы Московского кремля. Несомненно, что и Новгородские соборы — Софийский, Знаменский, Покровский — выглядели также. Помертвели ограбленные храмы, лики святых с печалью взирали на суетящихся людей, упаковываюших в ящики накопленные веками сокровища. Газета «Звезда» постоянно уведомляла читателей о поступавших ценностях:

– 2 мая. Всего в Старой Руссе изъято серебря 9 пуд. 36 ф. 67 зол.

– 20 мая. Из Боровичей. Изъято церковных ценностей по городу и уезду по 16 мая включительно и сдано финотделу серебряных вещей 22 пуда...

– 28 июня. Отправлена в Гохран вторая партия церковных ценностей. Серебра 324 пуда 7 ф. 35 зол.

Москва неусыпно следила за ходом изъятия, требуя обязательных отчётов за декаду, напоминала о сроках.

В какой же атмосфере происходил этот грабёж? Мирно? Безропотно?

Было всё — и ропот, и волнения, и даже пролитая кровь. Пролилась она один раз, и случилось это в самом начале изъятия ценностей, но отзвук трагедии не затихал до майских дней. Произошло это в Старой Руссе. Атмосферу накаляли слухи и сплетни, провокационные разговоры. Уже вечером 15 марта, после окончания службы, в ограде Спасо-Преображенского монастыря колыхалась людская масса. В толпе сновали провокаторы, которые называли время начала изъятия — то в 11 утра, то в три пополудни.

Мало, наверное, в жизни таких страшных явлений, как разъярённая, неосведомлённая толпа, готовая от малой искры взорваться диким насилием. Сперва собравшиеся решили избить коменданта Старой Руссы, который по долгу службы оказался в толпе. За него отважилась вступиться гражданка Екатерина Купцова. Гнев масс обрушился на беззащитную женщину. С трудом удалось вынести её в беспамятстве и укрыть в покоях епископа Димитрия, который проживал в монастыре на покое.

Но волнения на этом не закончились. Уже с утра 16 марта город превратился в бурлящий котёл. Народ ринулся защищать свои святыни и их ценности. Репортёр губернской газеты неоднократно подчёркивал фанатизм и провоцирующую роль священнослужителей, которые якобы подбивали верующих на сопротивление. Но ведь неверующих людей нельзя заразить фанатизмом, а верующие и сами станут защищать свои святыни, чтобы никто не смел посягнуть на них.

Староруссцы собрались возле своего кафедрального собора. В воздухе ощущалась атмосфера, как перед взрывом — нужен был только повод. И он вдруг нашёлся — такой неожиданный, непредвиденный. В этот день, 16 марта, в Старую Руссу приехали за поросятами крестьяне из соседней Псковской губернии — Иван Изотов, Фёдор Лихачёв и Иван Козлов. Приезжих поразила гудящая толпа, всевозможные слухи об изъятии ценностей. И они, не думая о каких-либо последствиях, движимые обыкновенным любопытством, протиснулись сквозь плотные людские ряды и вошли в Воскресенский собор — поглядеть на эти самые ценности.

Вошли они в храм не крестясь, так как были старообрядцами, и стали внимательно осматривать собор и его убранство. Когда один из них приблизился к иконе, стараясь прочесть потемневшую надпись, к нему подошла прихожанка, дежурившая в храме:

— Что вы здесь делаете? Что рассматриваете?

— Да вот иконы разглядываем...

Наверное, вопрошавшая не дослушала до конца ответ — ей было достаточно двух слов «иконы разглядываем», чтобы закричать на весь храм:

— Вот они, грабители! Бей их!!!

Людская толпа, пребывавшая в сверхнервном напряжении, только и ждала этого призыва. Когда избиваемым удалось вырваться наружу, побоище выплеснулось за ними. В свалке пострадали многие. Подоспевшие работники уездного исполкома, получив свою долю тумаков, скрылись и вызвали конный отряд милиции. И только эта сила смогла рассеять погромщиков и водворить спокойствие. Оружие не применялось.

Избитый и изуродованный Иван Козлов вскоре скончался, тяжёлые повреждения получили и его со-

товарищи. Всю вину за это «кровавое дело» губернские власти возложили на духовенство, которое якобы провело среди горожан и крестьян контрреволюционную агитацию. Было арестовано несколько участников и свидетелей событий. Уголовное дело рассматривала выездная сессия Новгородского ревтрибунала по военному отделению.

Виновными были признаны все обвиняемые. Священники Владимир Орлов и Владимир Пылаев, крестьянин Назар Смыслов были приговорены к высшей мере — расстрелу. Девица Е. Архипова, базарная торговка, изувечившая следователя и нанёсшая смертельные раны своей деревянной ногой (протезом), получила пять лет лишения свободы, остальные сроки были и того меньше. (Расстрел тогда был заменён ссылкой, но в 1937 году чекисты привели его в исполнение)[28].

Выразили свой протест против изъятия церковных ценностей и жители Новгорода. Они провели 24 марта собрание во Входо-Иерусалимском храме и открыто высказались против постановления правительства, с которым собравшихся познакомил председатель губкома П. Терешков[29].

Среди наиболее резких выступлений прозвучали слова Евгении Михайловой, дочери генерал-майора:

— Советское правительство само виновато, что в стране вспыхнул голод. Оно из Поволжья вывезло весь хлеб. Четыре года только берёт, берёт, берёт... Считаю, что ценности только Юрьева монастыря уже превышают запланированный вклад всей губернии...

Учительница Иванова подчеркнула, что церковные ценности — это «вклад наших умерших предков. Этот вклад живущие христиане обязаны оберегать и передать их в полной сохранности своему поколению»[30]. Это собрание закончилось очередным заседанием ревтрибунала. Четыре организатора, в том числе и Е. Михайлова, были приговорены к расстрелу[31].

Случались волнения и в селе. С кольями и топорами прихожане окружали свою приходскую церковь и не подпускали к дверям членов комиссии. Те чаще всего обращались за помощью к милиции или к воинской силе — расквартированным по соседству частям. В крайнем случае дело заканчивалось дракой. Но без арестов и предания суду всё-таки не обошлось. На 24 января 1923 года в лагере принудительного содержания находилось 26 человек, осуждённых за сопротивление изъятию церковных ценностей[32].

Шестого марта президиум губисполкома обратился в Президиум ВЦИКа: «*...заслушав на своём заседании 6-го февраля с. г. в присутствии представителя губкома РКП(б), прокуратуры, губсуда и ГОГПУ вопрос об осуждённых за агитацию против декрета ВЦИКа об изъятии церковных ценностей и, принимая во внимание успешную и безболезненную сдачу в Новгородской губернии церковных ценностей, а также то обстоятельство, что осуждённые уже отбыли известный срок наказания, постановил просить губсуд о применении досрочного освобождения к отбывшим свыше половины срока наказания...*»[33].

С этой благополучной оценкой исхода операции, данной властями, можно согласиться. В других областях России изъятие церковных ценностей сопровождалось многотысячными бунтами и жестокой расправой. Такие столкновения произошли в Иваново-Вознесенске, Смоленске, Ростове, в Петрограде возле Казанского собора. «Московская правда» № 35 за 1922 год сообщила, что «на местах было 1414 кровавых эксцессов».

Ожидали сопротивления и со стороны Новгородского митрополита Арсения. «*В Новгородской губернии положение осложнялось с одной стороны особой многочисленностью и густотой церковно-монастырской сети, с другой — тем, что глава её, митрополит Арсений, был убеждённым противником изъятия*», — писал в своих воспоминаниях Н. Порфиридов[34]. А этот «убеждённый противник» трижды обратился через газету к своей пастве, призывая её «не отвечать злом на насилие». И сам он проявил выдержку и спокойствие, смиренно принимал удары судьбы, воспринимая их как выражение воли Всевышнего. Владыка прекрасно понимал, что его сопротивление поддержат и священники, и миряне. Но он также знал, что в столкновениях прольётся человеческая кровь, оборвутся жизни. Можно ли с такими жертвами равнять материальные ценности? И только его поведение, воистину христианское смирение удержали народные массы от многочисленных бунтов. Не зря же губернские власти оценили исход кампании «безболезненным».

* * *

Всё то, о чём говорилось до сих пор, так или иначе освещалось в исторической литературе, журнальных публикациях, в воспоминаниях современников. Об изъятии церковных ценностей знает (по крайней мере, слышало) не одно поколение. Большинство наших граждан до сих пор наивно верит, что ценности пошли на помощь голодающим Поволжья.

Рассекреченные после августа 1991 года документы Политбюро ЦК РКП(б) за 1922 год только сейчас открыли для нас подлинную цену проведённой операции. Небольшая подборка таких документов впервые была опубликована в журнале «Новый мир» в № 8 за 1994 год под заголовком «Политбюро и Церковь». Автор публикации Н. Покровский в комментарии пишет: «Приступая к работе над „Архивами Кремля", мы гадали, на что пошли церковные ценности. На успешную денежную реформу, проведённую министром финансов г. Я. Сокольниковым? На индустриализацию? Источники дали ответ неожиданный. Партия сумела собрать в государственную казну лишь ничтожную часть предполагаемых церковных богатств, и мы вряд ли когда-нибудь узнаем, куда делась основная часть. Была ли разграблена в гражданскую войну, ещё до 1922 года? Или, быть может, растащена в ходе самой акции по изъятии?»[35].

С утверждением по поводу грабежа в Гражданскую войну согласиться нельзя, так как описи имущества перед изъятием сличались с описями за 1917 год, и недостатка драгоценностей зафиксировано не было, что подтверждают архивные документы.

По приблизительным подсчётам авторов, изучивших документы архива Политбюро, ценностей было изъято на сумму 4 650 810 рублей 67 коп. — по курсу 1922 года в золотых рублях. (Соотношение к прежней валюте 1 рубль 22-го года — 10 000 рублей.) А вождь пролетариата 19 марта 1922 года писал о сотнях миллионов и миллиардах золотых рублей, которые следовало отобрать у Церкви.

Полученную итоговую цифру сопоставили со сметой

расходов технических комиссий по изъятию церковных ценностей в стране. В смете — чисто технические расходы на транспорт, охрану, грузчиков, упаковочные материалы. Смета была составлена на один только месяц (!) в сумме 2 000 006 рублей, затем сокращена до 1 559 592 рубля. Это цифры государственного масштаба.

А как выглядит масштаб губернский? Он подтверждает выявленное соотношение.

Сейчас трудно понять, было ли это преднамеренное упущение или же это результат «кавалерийского наскока», но до мая ни на одном заседании губернской технической комиссии не ставился вопрос о средствах хотя бы на упаковку и перевозку ценностей. И только 2 мая президиум губисполкома озадачился этой проблемой. Было решено ассигновать в распоряжение Губ. КИЦЦ временно 250 млн. рублей. Председателю губисолкома тов. Пакуну поручалось «при поездке в Москву исходатайствовать для этой цели перед центром соответствующие кредиты»[36].

Уездные комиссии со сметами не задержались: одна за другой стали поступать служебные записки. Валдайская комиссия запросила 200 млн. рублей (по прежнему курсу), Маловишерская — 20 тысяч знаками выпуска 1922 г., Боровичская и Старорусская — по 500 000 000 рублей, Новгородская — 143 500 знаками образца 1922 года[37].

Президиум губисполкома 30 мая вновь обращается в Москву: «*Принимая во внимание те значительные расходы, затраченные на организационные надобности губернии, которые не могли быть удовлетворены отпущенным кредитом 100 000 рублей выпуска 1922 года, просим ЦК Помгол о дополнительном отпуске на вышеуказанные надобности средств в сумме 300 000 рублей выпуска 1922 года* (3 млрд.! — ***И.С.***), *необходимых как для расчёта произведённых затрат, так равно и для успешного окончания хода работ кампании по изъятию*»[38]. ЦК Помгол 1 июля выслал в Новгород через госбанк 50 000 рублей выпуска 1922 года.

Отправка новгородских сокровищ в Гохран началась 7 мая, следующая состоялась 24 июня, последняя зафиксирована 31 июля[39]. А рассчитывали завершить кампанию в апреле!

Всего Гохран получил из Новгорода ценности в 91 ящике: 3 были с золотом, 3 — с драгоценными камнями и в золотой оправе, 2 — с золотой и серебряной монетой и 83 ящика серебра. В переводе на современные меры веса из Новгородских церквей летом 1922 года было вывезено: золота — 7 кг 681,6 г, серебра — 9 тонн 179 кг 894,4 г, драгоценных камней, их же в золотой оправе — 40 кг 177,8 грамма.

Приблизительно можно вычислить, во что же обошлось это узаконенное ограбление наших церквей. Стоимость пуда серебра в 1922 году по документам Политбюро составляла 172 рубля (округлённо). Значит, 560 пудов серебра (это 9 тонн 179 кг) стоили в знаках 1922 года почти 96 320 рублей. 18 фунтов золота (7,5 кг) — 3665,6 руб., 2 пуда изделий из камней с золотой оправой можно оценить почти в 40 000 рублей. Эта приблизительная, округлённая сумма составит 140 тысяч рублей знаками 1922 года. В неё не включена, вполне понятно, стоимость драгоценностей, которые скрылись в карманах красных галифе, особенно в первые недели изъятия, когда не был налажен учёт и ценности сдавались без точных описей.

К полученным от ВЦИКа 16 мая 1922 года 100 000 рублей прибавьте 40 тысяч, высланных через Госбанк. И что получается?

Получается такой результат, в который не только трудно, но даже страшно поверить — стоимость всех изъятых церковных ценностей в губернии равняется стоимости затрат на само изъятие. Эти расчёты подтверждаются выводами, сделанными по документам Политбюро в масштабах страны: изъятые у Церкви ценности пошли на экономический разгром самой Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

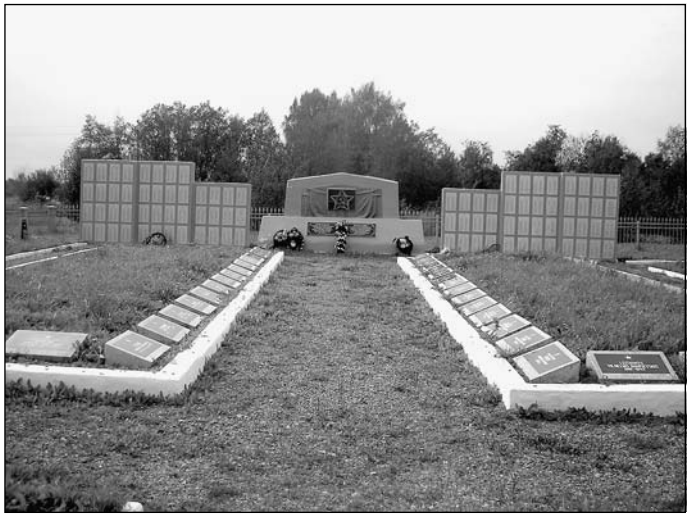
[1] Вострышев М. Божий избранник. М., 1991. С. 95.
[2] ГАНО. Р-121. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.
[3] Там же. Л. 46.
[4] «Чёрная книга». Штурм небес. Париж, 1925. С. 254.
[5] «Новый мир». 1994. № 8. С. 192.
[6] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 282.
[7] Там же. Л. 284.
[8] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 543. Л. 5.
[9] Там же. Л. 7.
[10] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 2. Л. 37.
[11] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. 26.
[12] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 16.
[13] Там же.
[14] ГАНО. Р-214. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.
[15] «Звезда». 10 марта 1922 г. № 54.
[16] Там же.
[17] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 87.
[18] Там же.
[19] ГАНПИНО. Ф-115. Оп. 1. Д. 474. Л. 4.
[20] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 171.
[21] Там же. Д. 338. Л. 15—25.
[22] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 338. Л. 48.
[23] Порфиридов Н. Г. Новгород. Воспоминания. Л., 1987. С. 138.
[24] Там же. Л. 84—86.
[25] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 338. Л. 211. Д. 337. Л. 215.
[26] «Звезда». 31 мая 1922. № 110.
[27] «Чёрная книга»... С. 282.
[28] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 50.
[29] «Звезда». 28 мая 1922. № 115.
[30] «Звезда». 2 июня 1922. №. 119.
[31] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 420. Л. 80.
[32] Там же.
[33] Порфиридов Н.Г.... С. 136.
[34] «Новый мир». 1994. № 8. С. 199.
[35] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 165.
[36] Там же.
[37] Там же. Л. 254.
[38] Там же. Л. 316, 327, 328.
[39] Там же.

С.Ф. Витушкин

ГЕРОИ НАГАТКИНО

К 100-летию со дня рождения Маршала СССР Героя Советского Союза П.Ф. Батицкого

27 июня 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Маршала СССР Героя Советского Союза П.Ф. Батицкого. Родился Павел Фёдорович в г. Харькове в 1910 году. Он был назначен в марте 1941 г. начальником штаба 202-й моторизованной дивизии полковника В.К. Горбачёва, впоследствии — полковника С.Г. Штыкова. В ней и встретил Великую Отечественную войну. В ноябре 1941 г. Батицкий, сам став командиром 254-й стрелковой дивизии, продолжал воевать на территории Новгородской области. На Северо-Западном фронте находился почти два года. Это соединение оставило заметный след в истории боёв на фронте. В частности, оно активно участвовало в обороне Старой Руссы, в окружении демянской группировки, стояло на острие атак по деблокаде Демянского котла, было задействовано в его ликвидации.



Воинское захоронение. Деревня Марфино

Умелое и чёткое командование полковника П.Ф. Батицкого способствовало стойкости дивизии. В батальоне Костенко говорили: «Пока хоть один боец останется, фашист не пройдёт!». Сам Батицкий докладывал командующему армией: «В боях бойцы и командиры проявляют исключительную стойкость».

Архивный поиск начался с обращения новгородки Екатерины Алексеевны Андреевой, которая захотела узнать о судьбе и месте захоронения своего родственника — Михаила Александровича Лашкова. В Книге Памяти краткие, но точные сведения имелись: уроженец д. Божонка Мстинского района погиб в бою 23 марта 1942 г., захоронен в д. Нагаткино Старорусского района. Казалась бы, всё очевидно. Не пропал, погиб не за тридевять земель, а в сотне километров от дома. Требовалось только уточнить, есть ли он в списках захоронения.

Однако список захороненных в д. Нагаткино привёл в недоумение. Под № 1988 в д. Марфино, куда перезахоронены из этой деревни воины, значился Михаил Андреевич Лошков, 1904 г.р., погиб 23 марта 1942 г. Звания и места захоронения нет. Ошибки в написании букв «а» и «о» часто встречаются в рукописных текстах. Но почему Андреевич? Он ли это?

Дальнейший поиск на сайте obd-memorial.ru привёл к выводу о небрежности, допущенной при составлении списков безвозвратных потерь дивизии. В списке значится: «*Лошков Михаил Ал-дрович*». Вот это-то сокращение и превратилось потом в «*Андреевич*». Да и место рождения искажено до неузнаваемости: д. Возсенно Новосельского с/с (д. Божонка Новоселицкого с/с). Для возможных уточнений обратился к информации на сайте podvig-naroda.ru.

И тут обнаружилось, что М.А. Лашков не просто погиб в марте 1942 года, а стал участником массового подвига 254-й стрелковой дивизии, о котором написано в истории соединения и Северо-Западного фронта. Его и ещё семерых воинов представили на награждение высшей государственной наградой СССР — орденом Ленина. Однако в итоге семеро были посмертно награждены орденами Красного Знамени, а восьмой — политрук Тимченко — орденом Красной Звезды. Григорий Андриянович Тимченко (1912 г.р.) был направлен в 1-й стрелковый батальон врио комиссара перед самым боем. Проживал в посёлке Киреевского рудника. В Красной Армии находился с 1941 г. Призван Дедиловским РВК Тульской области.

Передо мной паспорт воинского захоронения д. Марфино. Под № 961 — мл. лейтенант Александр Данилович Дементьев, погиб 23 марта 1942 г., перезахоронен из д. Нагаткино. Затем нахожу других: Василий Леонтьевич Колесников, 1909 г.р., погиб 22 марта 1942 г.; Геннадий Павлович Малахов, 1922 г.р., погиб 23 марта 1942 г.; Михаил Николаевич Штаев, 1915 г.р., погиб 24(?) марта 1942 г.; Василий Андреевич Федорцев, 1906 г.р., на которого все остальные данные отсутствуют. Там же значатся Николай Константинович Евпак, 1921 г.р., погибший также 23 марта 1942 г., захороненный в д. Нагаткино, и политрук Григорий Андриянович Тимченко, 1912 г.р., погибший 23 марта 1942 г. и захороненный в д. Нагаткино.

Нечасто бывало, чтобы целое подразделение — взвод пешей разведки мл. лейтенанта Александра Дементьева — было представлено к высшим наградам. Что же

послужило основанием к этому? В марте 1942 года 254-я стрелковая дивизия П.Ф. Батицкого оказалась на острие атак немецкой группы генерала Зейдлица, пробивавшей от Старой Руссы коридор, названный позднее Рамушевским, к окружённым дивизиям вермахта и СС. Группа в составе четырёх пехотных и одной моторизованной дивизий, усиленных большим количеством танков, при поддержке авиации с утра 20 марта 1942 года, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, нанесла удар по внешнему фронту окружения демянской группировки вермахта и СС, в стык между 11-й армией и 1-й Ударной армией. Таким образом, главный удар этой деблокирующей группировки немецко-фашистских войск пришёлся по 254-й дивизии и соседним стрелковым бригадам 1-й Ударной армии. До трёх пехотных дивизий гитлеровцев прорвались на участках 50-й и 34-й стрелковых бригад 1-й Ударной армии. Частям 254-й дивизии удалось остановить наступление гитлеровцев на левом фланге и с севера, со стороны старорусской группировки. Но прорвавшиеся в другом месте войска группы Зейдлица вышли на её тылы. В результате дивизия оказалась в тяжёлом положении. Подразделения 929-го стрелкового полка вели бой в окружении, в лесу западнее д. Аринино, на левом фланге дивизии. Полк нанёс значительные потери подразделениям 5-й лёгкой пехотной дивизии противника, успешно отражая их атаки. 936-й полк в центре боевого порядка 254-й дивизии вёл тяжёлые бои, доходившие до рукопашных схваток, в двух районах: в д. Нагаткино (1,5 км южнее д. Аринино), в лесу западнее д. Аринино; а также в д. Аринино, д. Марфино (южнее д. Аринино). Подразделения 933-го стрелкового полка обороняли район д. Пенно на правом фланге дивизии и отразили множество атак врага.

Нацистам как воздух нужна была наземная транспортная артерия. Обещанный Герингом воздушный мост для бесперебойного снабжения не справлялся. И они пошли напролом, не считаясь с потерями.

21 марта 1942 года на высоте 53,3 закрепился взвод пешей разведки 936-го стрелкового полка с приказом командования — стоять насмерть.

Командовал взводом младший лейтенант А.Д. Дементьев. Родился командир в пос. Лежнево Ивановской области, несмотря на то, что он служил в Красной Армии с 1938 г., наград не имел. В первый период войны наградами не разбрасывались. Хотя боевые заслуги за взводом имелись.

Так, например, в общем наступлении 11-й армии Северо-Западного фронта в январе 1942 г. батальону 254-й сд* была поставлена задача углубиться в тыл противника на 18 км, захватить станцию Беглово и перерезать связь лычковской (сейчас говорят — демянской) группировки противника со старорусской. Разведав пути скрытного подхода к станции, в чём им немало помогли партизаны, и огневую систему противника, взвод Дементьева обеспечил батальону 15 января 1942 г. быстрый захват станции. Была организована круговая оборона.

Через день батальон войск СС дивизии «Мёртвая голова» перешёл в контратаку на этом направлении, пытаясь сбить левый фланг обороны батальона. Однако командование полка правильно определило направление будущего удара и бросило на отражение атаки все имеющиеся силы. Не получив ожидаемого результата на левом фланге, немцы атаковали правый фланг батальона. Они направили на него 70 эсэсовцев с автоматами, пулемётами, двумя миномётами и противотанковым орудием. Сдержать их натиск выпало на долю подразделения Дементьева. С шестью разведчиками он, из засады, в которой находился, подпустил врага на 25 метров и в упор расстрелял 70 эсэсовцев. Атака была отбита, всё оружие захвачено. Вдобавок Дементьев вывел из немецкого тыла 23 раненых бойцов и командиров.

21 марта 1942 г. для 254-й стрелковой дивизии стало в тех боях самым трудным днём. 17 февраля дивизию передали в состав другой армии. Она оказалась на острие атак гитлеровцев, а некоторые подразделения вскоре — и в окружении.

Итак, на высоте 53,3, в районе д. Нагаткино закрепился взвод Дементьева и политрука Тимченко. С командиром и политруком оставалось только шесть красноармейцев: командир отделения запорожец Николай Евпак, стрелки — наш земляк пулемётчик Михаил Лашков, саратовец Василий Колесников, архангелогородец Геннадий Малахов, кандидат в члены ВКП(б) из Татарии Михаил Штаев, ростовчанин с Дона Василий Федорцев.

На высоту с двух сторон, при поддержке артиллерии и бомбардировщиков, осатанело лезли фрицы. В наградных документах говорится: общим числом до 500 человек. В течение двух суток враг обрушил сотни бомб и снарядов на головы героев, поливал высоту свинцовым ливнем пулемётного и другого стрелкового оружия. Имея всего два ручных пулемёта и винтовки, разведчики успешно отражали атаки противника.

Мы не знаем, кто из них был ранен, кто первым убит. Подробности боёв с командного пункта полка невозможно было разглядеть. Наконец, обозлённые неудачами, нацисты бросили в бой свежие силы, ужесточили бомбёжки и артобстрел. 40 бомбардировщиков непрерывно бомбили высоту и из белой превратили её в чёрную от воронок. На склонах высоты осталось лежать до 300 трупов противника. Герои не сдавались. И только прямое попадание бомбы в дзот прекратило их оборону.

Овладев опорным пунктом, немцы были поражены и огорчены стойкостью наших воинов. Горстка разведчиков противостояла превосходящим силам до конца. Героическая оборона была отмечена и Родиной. Командир 936-го стрелкового полка майор М.К. Путейко и комиссар полка батальонный комиссар Н.В. Шведов представили по горячим следам смельчаков к высшей награде — ордену Ленина. С этим согласились командир стрелковой дивизии полковник П.Ф. Батицкий и комиссар дивизии, старший батальонный комиссар И.К. Смирнов.

Однако к моменту, когда представление добралось до штаба армии и Военного Совета фронта, обстановка на фронте кардинально изменилась. Немцы в апреле пробили коридор к окружённым дивизиям. Стойкость отдельных бойцов и подразделений не помогла. Командующий 27-й армии Ф.П. Озеров и член Военного Совета бригадный комиссар Г.И. Шевченко высказались за награждение их орденами Отечественной войны 2-й ст. В итоге командованием фронта подвиг был оценён орденами Красного Знамени. Приказ об этом войскам Северо-Западного фронта был отдан 24 июля 1942 г.

* Сд — стрелковая дивизия РККА.

Политрук Григорий Тимченко был представлен к ордену Красной Звезды. Почему-то в представлении на него говорится, что он был отправлен в госпиталь, а на сайте obd-memorial.ru и в паспорте воинского захоронения он тоже значится погибшим 23 марта 1942 г. и захороненным в д. Нагаткино (теперь перезахороненным в Марфино).

Как уже говорилось, главные силы группы Зейдлица, несмотря на большие потери, продолжали бои по освобождению прохода к окружённой демянской группировке. Часть их сил вышла в район д. Михалкино (6 км восточнее д. Нагаткино) и создала угрозу тылам главных сил 11-й армии, сражавшимся в районе Старой Руссы. Командир 254-й дивизии полковник П.Ф. Батицкий сумел быстро перебросить в район д. Сычёво (2 км северо-восточнее д. Михалкино, на шоссе в с. Рамушево) свой последний резерв: учебную команду и успешно выведенный из окружения 929-й стрелковый полк. У врага были крупные силы пехоты, танки. Они не ожидали встретить сопротивление, но были остановлены огнём подразделений 254-й дивизии, которая предотвратила их выход на тылы 11-й армии. На следующий день, 1 апреля, оборону части сил 254-й стрелковой дивизии в д. Сычёво уже атаковала дополнительно вновь подошедшая из резерва 122-я пехотная дивизия противника. Однако наши позиции здесь были усилены армейскими резервами: 85-м танковым батальоном и 27-м гвардейским миномётным полком реактивных снарядов. В этих боях 122-я пд** потеряла около 4000 солдат и офицеров, но успеха не добилась.

Такие же результаты имела и 12-я моторизованная дивизия противника, сменившая 122-ю пехотную дивизию. Трое суток длились тяжелейшие бои на внешнем фронте окружения демянской группировки врага. Части дивизии, ведя бои с перевёрнутым фронтом, не только сдержали атаки противника с севера со Старой Руссы, но и не позволили группе Зейдлица, прорывавшейся с юга, расширить коридор к окружённой группировке.

Впоследствии дивизия обороной рубежа Пенно—Сычёво—Давыдово (восточнее д. Сычёво), фронтом на юг, общим протяжением свыше 12 км, создала неприступный щит против попыток противника расширить горло прорыва.

Действуя изначально на второстепенном направлении 11-й армии, дивизия П.Ф. Батицкого оказалась в ходе операции на одном из главных участков сражения армии и с честью выполнила свою боевую задачу. За бои по сужению Рамушевского коридора в сентябре 1942 г. пулемётчику командиру отделения 936-го полка 254-й сд Семёну Акимовичу Завьялову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Это был первый Герой в дивизии.

Были созданы специальные снайперские подразделения, в которых красноармейцы изучали оружие, учились выбирать места для засад, оборудовать их и маскировать, выслеживать и убивать меткими выстрелами гитлеровцев. Первый орден Красной Звезды получил сержант Серомаха, истребивший только в мае 1942 года 27 солдат и офицеров врага. К концу 1942 года в дивизии было 106 снайперов. В боях отличились снайперы Полюдченко, Булгаков, Кочуновский и другие. Десятки снайперов дивизии имели на своём счету свыше 100 оккупантов. Так, один из зачинателей этого движения, Серомаха, уничтожил 143 гитлеровца, Полюдченко — 231, Скибин — 116, Кочуновский — 113. Все снайперы были награждены орденами и медалями, а Серомаха — двумя орденами.

С 1943 года дивизия вошла в состав 52-й армии. Она прошла в её рядах до конца войны, до Праги. После Батицкого командиром дивизии стал генерал М.К. Путейко (это он подписал представление на героев боёв у д. Нагаткино). 20 апреля 1945 года, когда Михаил Константинович подымал в атаку подразделения 936-го полка в г. Бауцене, он был ранен пулей снайпера в живот. На следующий день он скончался. Ему был 31 год.

Родина весьма щедро наградила воинов 254-й стрелковой дивизии за все их боевые успехи. Они приняли участие в двенадцати фронтовых операциях. Дивизии было присвоено почётное наименование — Черкасской, она награждена пятью боевыми орденами: Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого. Кроме того, за боевые заслуги награждены её части: 929-й стрелковый и 791-й артиллерийский полки получили звание Ясских, 933-й стрелковый полк награждён орденами Красного Знамени и Кутузова, 936-й стрелковый полк — орденами Красного Знамени и Суворова, а 311-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион — орденом Богдана Хмельницкого. Звание Героя Советского Союза присвоено 59 воинам дивизии, а свыше 6800 — награждены орденами и медалями.

Всё это результат несгибаемой воли воинов дивизии, стремления к победе, воинского мастерства, их любви и преданности своей Родине.

С июля 1943 года до конца войны П.Ф. Батицкий командовал стрелковыми корпусами. Заметный рост его военной карьеры связан с послевоенным периодом. В мае 1965 г. он стал Героем Советского Союза, в июле 1966 г. — главнокомандующим войсками ПВО страны, в 1968 г. — Маршалом СССР. Он был награждён пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й ст., Кутузова 2-й ст., многими медалями, а также иностранными наградами.

Умер Павел Фёдорович Батицкий 17 февраля 1984 г. Министерство связи в 2010 г. выпустило почтовую марку, посвящённую выдающемуся советскому полководцу.

** Пд — пехотная дивизия вермахта.

В ноябре 2009 года в Новгородской областной универсальной научной библиотеке проходили VII Всероссийские Балашовские чтения, посвящённые памяти нашего земляка, известного писателя, учёного-фольклориста и публициста Дмитрия Михайловича Балашова, к творчеству которого мы неоднократно обращались на страницах альманаха.

В рамках Балашовских чтений «Русский характер в творчестве Д.М. Балашова как основа российского государственного самосознания» в читальном зале библиотеки работала выставка архивных документов, рассказывающих о жизни писателя, и книг, написанных им самим и о нём.

Как отметила в одном из интервью представителям СМИ директор НОУНБ Надежда Николаевна Гунченко: «Балашовские чтения каждый раз открывают новые страницы в творчестве трагически погибшего писателя, показывают многогранность его таланта. Сам Дмитрий Михайлович говорил, что нельзя жить в Новгороде и не думать о том, кто мы и откуда, о судьбах культурного наследия Руси...».

С.Н. Азбелев

ЦЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

С Дмитрием Михайловичем Балашовым я был знаком ещё в 1950-е годы, но совместная наша работа относится в основном к зиме 1960—1961 гг. Мы с ним поехали в фольклористическую экспедицию, организованную Петрозаводским институтом Академии наук, где тогда работал Дмитрий Михайлович, совместно с Пушкинским Домом, в котором работал я. Условия были непростые: почти не связанный в то время с райцентром посёлок Варзуга Мурманской области, полярная ночь, тридцатиградусный мороз. Цель экспедиции — записывание местного фольклора — в основном свадебного обряда и сказок. Со мной были кинокамера и софиты, у Дмитрия Михайловича — магнитофон. Работая совместно, мы зафиксировали старинный свадебный обряд, который «разыграли» нам жители Варзуги в своих народных костюмах. Все этапы этого обряда я снял на цветную киноленту, а Дмитрий Михайлович параллельно записал на магнитофон всё, что при этом пелось и произносилось.

Так как мы там были на Святки, удалось зафиксировать и старинные святочные обычаи — главным образом — хождение по домам «ряженых» (местное их название «шелюханы») и святочные гадания. Дмитрий Михайлович даже сам участвовал в этих гаданиях и сам ходил в вывороченном тулупе вместе с местными парнями и девушками, чтобы полнее ощутить атмосферу старинного действа. Вообще он работал с полной самоотдачей, посвящая много времени записыванию старинных сказок на бумагу от руки, поскольку возможности тогдашнего магнитофона были слишком ограничены. Надо сказать, что жители Варзуги с полным пониманием и весьма доброжелательно относились к нашей работе, хотя она, конечно, отрывала их от привычных занятий. Дмитрий Михайлович умел заражать своим энтузиазмом исследователя народной культуры, убеждать, насколько важно сберечь старинные обряды и зафиксировать старинный фольклор.

Результаты этой экспедиции были затем опубликованы в книгах Дмитрия Михайловича Балашова — «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» (1969 г.) и «Сказки Терского берега Белого моря» (1970 г.). Кинолента и параллельная звукозапись хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома.

Дмитрий Михайлович запомнился мне не только как самоотверженный собиратель и тщательный публикатор фольклорного наследия. Он страстно и бескомпромиссно отстаивал свои научные позиции, выступая за правильный подход к решению действительно важных вопросов и критиковал тех, кто этому препятствовал, «невзирая на лица». Приведу документированный пример — темпераментное выступление Дмитрия Михайловича в Москве на организованном Отделением литературы и языка Академии наук СССР заседании Бюро Научного совета по фольклору 6 июня 1984 года. Я мог бы просто доверится своим личным воспоминаниям, но в данном случае их корректирует протокол этого заседания, хранящийся в архиве. Поэтому приведу отрывок из протокола. Заседание было

посвящено обсуждению рукописи первого тома «Свода русского фольклора», которую представил А.А. Горелов — тогдашний заведующий сектором фольклора в Пушкинском Доме. Цитирую протокол:

*«Д.М. БАЛАШОВ. Работа над сводом организована безобразно. Если она и дальше так будет вестись, свода не будет. У А.А. Горелова нет твёрдости и мужества в отстаивании научных позиций, он неспособен организовать деятельность участников труда. Это проявляется во всём, многое вызывает возмущение. Характерный пример, касающийся лично меня — со вступительной статьёй ко всей серии былин. Статья, которую по заказу А.А. Горелова написали И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин, на обсуждении в Ленинграде была справедливо забракована. Тогда А.А. Горелов перезаказал её мне, назначив двухнедельный срок. Я написал статью в этот срок, опираясь на свои предшествующие статьи и свой многолетний опыт работы над эпосом. А.А. Горелов передал эту статью своей сотруднице, только что защитившей кандидатскую диссертацию, назначив её моим соавтором. После этого статья в моё отсутствие переделывалась четыре месяца. Текст статьи, который представлен теперь на обсуждение, со мной не согласован, статья стала совершенно неприемлемой. Требую вернуть мой текст, от дальнейшего сотрудничества категорически отказываюсь»**.*

Цельный характер Дмитрия Михайловича с такой же определённостью проявлялся во многих ситуациях, что, конечно, обеспечило ему отнюдь не только доброжелателей. Доказательством этого стала его преждевременная смерть.

** Фольклорный архив кафедры русского народного творчества Московского университета. Ф. 3. Ед. хр. 1. Л. 5—6.

Игумен Силуан

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА

Некоторые размышления касательно жизни и творчества Дмитрия Михайловича я бы хотел начать с нескольких слов о том, что меня, православного священника, клирика Мурманской и Мончегорской епархии, подвигло на участие в ставших уже традиционными на Новгородской земле чтениях. Летом (2009 г. — ***прим. ред.***) состоялась православная экспедиция «На звон колоколов», организованная попечением Мурманской и Мончегорской епархии. Задачей участников являлись, во-первых, сбор сведений о колоколах: их изготовлении, звучании, и, во-вторых, доставка на мурманскую землю частицы мощей преподобных Петра и Февронии, древних русских молитвенников о благополучии семейной жизни. Обе эти задачи были, слава Богу, выполнены, а одной из участниц этой экспедиции по 23-м городам России была Ольга Балашова. Через неё я впервые познакомился с творчеством и взглядами Дмитрия Михайловича. Кроме того, я являюсь настоятелем храма в честь Рождества Иоанна Предтечи г. Кандалакша. В наших краях бывал Дмитрий Балашов, исследуя поморские традиции на Терском берегу Белого моря.

Скажу сразу, что не имею больших познаний в сфере творчества досточтимого писателя и читать начал его только этим летом. Тем не менее, осознание масштабности интересов и дарований Дмитрия Михайловича Балашова подвигает меня не обходить стороной перспектив изысканий и исследований в области его наследия. Можно с уверенностью говорить как о неоднозначности, так и важности его трудов для православного сознания, причём не только славянского.

Не вызывает сомнения тот факт, что феномен русскости, феномен Святой Руси был объектом осмысления и приложения творческих усилий автора. Интересно, что именно на славянской почве в Киевской Руси, а потом и в Московии приживается вера греков, восточное христианство, Православие. Отнюдь не везде процесс ассимиляции Византийских традиций шёл настолько интенсивно, как на Руси. Достаточно упомянуть о не принесших желаемых результатов миссиях Константинополя на юго-восток и Аравию. Характер, менталитет, социокультурная среда русича, при всех достоинствах и недостатках оказались благодатным вместилищем принявшим богатейшие византийские традиции. Наши предки, осмыслив их, являя творческое начало, бережно храня их отнюдь не как архивный материал, явили миру удивительный феномен Святой Руси или особенного целостного мировоззрения, аналогов которому не встречается в инославных культурах. Посему творческие и научные сообщества, отдельные исследователи и подвижники в области изучения и осмысления нашей национальной и исторической составляющей несомненно подлежат пристальному взгляду со стороны богословской науки и её различных направлений. Хотя знаете, не раз мне приходилось слышать, что Церковь имеет одну нехорошую привычку, пристраиваться к известности некоего человека и извлекать тут какие-то барыши. В некоторой степени и появление клириков, богословов на светских научных или творческих форумах расценивается как, мягко говоря, что-то новое и в некоторой степени настораживающее. Странно, ведь

в большинстве случаев имеет место неподдельный интерес носителей священного сана к проблемам и исканиям современного человека, а также перспективам применения академических богословских изысканий к удивительным и неординарным дарованиям.

Возвращаясь к уже сказанному, добавлю, что при всей универсальности евангельского благовестия, понятого, как восточная христианская традиция, имеется удивительное его свойство облекаться в плоть и кровь этнокультурной среды, в которой оно имеет место быть. Сама же эта среда, в свою очередь, незаметно и плавно становится неразлучно, нераздельно, неизменно и неслиянно частью евангельского благовестия. Можно вспомнить простой и наивный пример из реальной жизни, когда на вопрос: «Кто по национальности был Николай Чудотворец?» — верующие старушки отвечают обычно — «русский». Известна также расхожая сентенция: «А русский — значит православный», хотя здесь есть множество подводных камней, связанных с наличием старообрядчества или инославия. Упомянув о феномене Святой Руси и о дивной целостности мировоззрения его носителей, следует сказать и о наличии альтернативных систем взглядов, сформировавших менталитет современного европейца. Характерной чертой подобного рода систем является подход к миру и человеку как совокупности структур. Структурализм — философия номер один в современных западных университетах. Может, это и неплохо, но Дмитрий Михайлович рисовал и изучал иное личностное подлежащее. Его заслуга в том, что до нас были донесены образы христиан, для которых жизнь состояла не в отношениях между собой, но в поиске себя сокровенного, «потаённого сердца человека». Немного отвлекаясь, скажу, что ещё со времён поздней античности в западном обществе прочно укоренился взгляд на личность как на совокупность её внешних проявлений. «Homo est relacio». Человек — это его отношения, сказал, кажется, ещё Аврелий Августин. Личность, персона — вот терминология античного и средневекового богословия и права в применении к человеку. Слово persona, думаю, вы знаете, является античным театральным термином. Per-sona (буквально «звук через») — это маска, усиливающая голос актёра в отсутствие электрических усилителей у древних жителей, допустим Карфагена. Речь идёт о личине, о внешнем проявлении человека. Восточное же богословие всегда говорит о личности, как об ипостаси. Ипостась же является чем-то внутренним и сокровенным, тем, что человек созидает внутри своего сердца, один на один с Богом и самим собой. Таковы, как мне кажется, многие герои Балашова.

Удивительно полярными бывают точки зрения исследователей: этнографов, историков, писателей на то, что было несколько десятилетий или много столетий назад. Неоднозначны взгляды на религиозность наших предков. Не является исключением и Дмитрий Михайлович. Достаточно открыть Православную энциклопедию на букве «Б», и вы найдёте статью: «БАЛАШОВ Дмитрий Михайлович (7.12.1927—17.07.2000), писатель, филолог-фольклорист» и т.д. В этом добротно и ёмко написанном опусе просто и корректно говорится о тех моментах, которые «оставляют болезненное ощущение у православного читателя», хотя «в финальных романах цикла («Святая Русь», «Воля и власть») православное вероучение раскрывается более глубоко и последовательно». Момент неоднозначности не есть то, что должно смутить. Читая некоторые статьи покойного писателя, я поражался удивительной плотности его мысли, умению в десяток страниц укладывать программные вещи. При таком стиле изложения и при такой работе интеллекта не обойтись без того, чтобы кого-то не задеть и быть для всех образцово корректным. Главное же, что подкупает читателя, — это особенная энергетика автора, которая есть несомненное Божие дарование, талант, не зарытый в землю, а принёсший плод. Плодом этим является проложенная для его читателей дорога к постижению нашей истории как феномена Святой Руси, общности, базирующейся на альтернативных по отношению к общеупотребительным началах, началах евангельских.

Важно сказать, что вне зависимости от наших мировоззренческих установок, возможно, религиозных взглядов, есть нечто общее — это неподдельная боль о России, а также желание найти источник живительных импульсов для, может, скромного, но реального участия в созидании лучшей доли для грядущей России.

С.И. Шуртаков

ВОССОЗДАНИЕ ИСТОРИИ

Уже немало лет тому назад в Петрозаводске проходило совещание писателей Северо-Запада. В один из перерывов между заседаниями Дмитрий Гусаров, главный редактор журнала «Север», подвёл ко мне среднего росточка незнакомца и, слегка подтолкнув его вперёд, сказал:

— Вот, хотел с тобой познакомиться.

Из сказанного трудно было понять, кто с кем хотел познакомиться, а может, я что-то не расслышал — в фойе, где мы стояли, было шумно, говорливо. Во всяком случае, и я, и тот, кто пришёл с Гусаровым, почувствовали некое взаимное смущение.

— Дмитрий Балашов, — между тем назвал его Гусаров. Я пожал суховатую, но крепкую руку. Имя мне мало что говорило. Я слышал только, что Балашов пристрастно интересуется русской стариной, собирает по сёлам Прионежья народные песни и пишет «что-то историческое», но читать мне его не приходилось.

Бросился в глаза необычный наряд моего нового знакомого: расшитая косоворотка навыпуск, аккуратные

сапожки с заправленными в них брюками. Обрамлённое небольшой светло-каштановой бородкой лицо тоже было непохоже на лица рядом стоящих и мимо нас туда-сюда идущих: оно было бледным и — не побоюсь высокого слова — одухотворённым, сосредоточенным на какой-то большой, важной мысли. Такой большой и такой важной, что она занимала его всего, без остатка. Он словно бы стоял вот здесь, в этом гулком вестибюле, и одновременно был где-то далеко-далеко. Такому именно впечатлению, должно быть, немало способствовал глубокий, внимательный взгляд умных, проницательных глаз: человек глядит на тебя, а видит то, что за тобой и дальше — за стенами этого шумного фойе-вестибюля.

Стороной, вкось прошло: русская расшитая косоворотка — что это — своеобразный вызов всем нам, «среднеевропейским» галстучникам, или дань старине, с которой он близко соприкоснулся в фольклорных экспедициях?

Поговорить нам не удалось. Зазвенел звонок, все устремились в зал. Больше мне видеться с Балашовым в тот раз не пришлось.

А через некоторое время в «Севере» появилась его повесть «Господин Великий Новгород». Прошло то ли два, то ли три года — вышел в свет роман «Марфа-посадница». Теперь уже можно было не только знать понаслышке, что пишет Д. Балашов, но и почитать написанное.

Обе вещи, как уже из самих названий видно, — исторические. Первая воссоздаёт жизнь и быт Новгорода Великого во второй половине XIII века, вторая посвящена времени присоединения Новгорода к Москве (конец XV века).

Излишне говорить, что автору, прежде чем взяться за эти книги, пришлось изучить огромный по объёму исторический материал. И как тут сразу же не похвалить его за добросовестность и научную дотошность, которую он обнаруживает в одних только примечаниях к «Марфе-посаднице»! Он даже считает нужным пояснить, что события 1469 и 1470 годов у него «сдвинуты» в один год, что не только допустимо в исторических романах, но и совершенно правомерно. А ведь сколько писалось и пишется книг, посвящённых прошлому, в которых исторические события не только изображаются весьма приблизительно, не только «сдвигаются», но и с лёгкостью необыкновенной перевираются, искажаются.

Дмитрий Балашов написал великолепные книги из истории России. Читая их, мы слышим шум Новгородского веча, слышим сочный народный язык, видим яркие картины жизни Великого Новгорода, ощущаем сам дух того — теперь уже далёкого от нас — времени.

Легко представить, какие трудности надо было преодолеть автору в работе над своими книгами. Говоря о скрупулёзной добросовестности автора в изображении исторических событий, овладении огромным материалом, уточню: ведь Д.М. Балашов писал не научный труд, а художественное произведение. И значит, мало только одного точного следования тем или иным историческим событиям, надо ещё чтобы эти события преломлялись в судьбах живых людей того времени, были изображены через эти судьбы (неважно — исторические это фигуры, вроде Марфы-посадницы или Зосимы, или «придуманные» автором).

Но и это ещё не всё, можно изучить исторический материал той или иной эпохи и при наличии определённых способностей как-то олитературить его, беллетризовать, и может получиться что-то в общем-то читабельное.

Дмитрий Михайлович не беллетризует, не пересказывает историю, он её воссоздаёт. Именно в этом я вижу главное достоинство книг этого талантливого писателя. Я бы даже так сказал, что Д. Балашов не вообще талантлив, а талантлив именно как исторический писатель. Редкий талант!

Когда я читаю книгу, посвящённую истории России, то в первую очередь меня интересует её язык. Можно изучить документы, можно литературно и занимательно, даже интересно, рассказать о тех или иных событиях древности. Но где и как «изучишь» язык, каким говорили тогда? Как его воспроизведёшь? По летописям и будешь копировать их? Но тебя современный читатель простонапросто не поймёт. Будешь стилизовать, «подделывать» современную лексику под старый синтаксис и лишь время от времени «вставлять» характерные словечки из языка того времени? Но стилизация всегда почувствуется читателем, а словечки будут торчать инородными блёстками в общем языковом строе.

Алексей Толстой в «Петре Первом» и Дмитрий Кедрин в «Зодчих» не стилизуют, не копируют язык XVII и XVI веков — они его своим художественным историческим чутьём, я бы сказал, историческим ясновидением воссоздают. Как это они делают — можно только «видеть» и «слышать», читая их книги, объяснить же такие вещи почти невозможно.

Удивляет и поражает умение Д. Балашова воссоздавать речевой строй новгородцев XIII—XV веков, восхищает лексическое богатство языка того времени, которое, как драгоценные камни, щедро (может быть, даже излишне щедро) рассыпает перед нами буквально на каждой странице автор.

Сравнивая первую книгу со второй, я бы сказал, что мне куда больше нравится «Марфа-посадница». «Господин Великий Новгород» — это приступ, вхождение в материал, обживание автора в Великом Новгороде. «Марфа-посадница» написана человеком, уже живущим в Новгороде XV века и рассказывающим о жизни именно из того XV века (хотя, разумеется, взгляд на события того времени — сегодняшний).

А говоря об излишней языковой щедрости, я имел в виду вот что.

Всему, даже прекрасному, есть и должна быть своя мера. Вспомним неписанный кодекс безымянных зодчих Древней Руси: строить, как мера и красота скажут! Мера, как видим, даже впереди красоты стоит. Так вот она, эта мера, как мне представляется, автором не везде соблюдена. Один пример из эпилога «Марфы-посадницы», на мой взгляд, эпилог следовало бы вообще опустить: *«Бывалоча лед и лед! Ну, шорош тамо, а тут шуга, шапуга, сало, нилас, да и нилас-то всякой, темной и светлой, сырой, сухой, подъемный, нечемерж, молодик, резун, а тамо — припай, снежной лед, битняк, тертюха, калтак, шельняк, отечной лед, проносной, ходячий, сморось, торосовой, налом ропачистой, бакалда бимье, гладуха, гладун, ропаки, подсовы, грязда, несяк, стамуха, стойки, забой, стычина, да и то еще не все!..»*

Автор-то восклицает: да и то ещё не всё! А читатель, прочитав такое, может ведь и воскликнуть: хорошо, что всё, половины этих словечек — и то хватило бы за глаза! Автор уже здесь демонстрирует перед читателем своё глубокое знание языка. Такая «демонстрация» может быть

очень и очень уместной в учёном лингвистическом труде, но не в художественном произведении. Перечисление подряд в таких вот «дозах» даже очень ярких слов не воспринимается читателем, и яркие слова, как алмазы, ссыпанные в мешок, неогранённые, неоправленные (в другие слова), — не играют, не сверкают.

Правда, подобных примеров в романе немного. В целом язык, как уже было сказано, яркий и звучный, очень звучный!

Вслед за «Марфой-посадницей» Дмитрий Михайлович опубликовал многоплановый роман «Младший сын». Новгород Великий и здесь — «действующее лицо», но он уже то ли на втором, то ли на третьем плане. На первом — Владимиро-Суздальская Русь, а если точнее — Москва, её возвышение.

Роман начинается горестной картиной смерти великого князя Александра Невского. Русь стонет под татарским игом, а сыновья Александра — Дмитрий, Андрей и младший Даниил, как это повелось ещё со времён Киевской Руси, борются за великокняжеский престол. Дмитрий княжит в Переяславле, Андрей — в Городце на Волге, Даниилу достаётся небольшая, ещё малоизвестная Москва. Объединиться, сплотиться бы братьям перед лицом общего врага, чтобы легче было защитить родную землю. Куда там! Не тот, так другой норовит утвердиться, возвыситься над остальными. Андрей и раз, и два призывает на помощь татарских ханов, и те приходят со своим войском на Русь. Приходят, чтобы «помочь» князю Андрею пересилить, перебороть родного брата, князя Дмитрия...

И только младший Даниил старается, насколько это возможно, держаться в стороне от братской междоусобицы. Он считает, что княжеская власть — это не только неограниченное право над холопами, но и нелёгкая обязанность перед теми же холопами, смердами, людишками — как их ни назови. Обязанность в том, чтобы холопы занимались не столько ратным делом, сколь мирным трудом на земле, чтобы они не опустошали, а благоустраивали землю. Устроению выделенной ему в удел Москвы Даниил и отдаёт все свои силы, весь свой недюжинный государственный талант.

«Строить дом — значит верить. Когда нет этой веры, ютятся кое-как... И что такое власть, в чём и для чего она есть, как не затем, чтобы был у человека, простого смерда, купца, дружинника, чтобы был у него дом и чтобы дом тот стоял прочен и безопасен от лихих людей, от ворогов, а порою и от жадного боярина-кормленика...

Конечно, сказать какие дома там у самояди да лопи дикой. Или у кочевых половцев. Кибитки на колесах, стадо... И тоже живут! Живут, да не так! От той жизни и нет ни хором, ни князей, ни храмов, ни пашни нет, ни запасу на год вперед — да и где сложить тот запас? Татары хоть и покорили мир, а джут этот придет, гололед по-нашему, и вымирают стада ихние. Когда-то и завоевать мочно, наши князья меж собой спорят, дак не хитро их было окоротить, а без нас и им не выжить, татарам-то, выход от нас идет! Нет, чтобы обиходить землю, чтоб растить хлеб, нужен и нужен дом. Без дома нет ничего», — ода автора созидательному труду.

Писатель воссоздаёт широкую панораму русской жизни того времени. Ратные картины перемежаются картинами мирного труда, повествование переносит нас из одного удельного княжества в другое, из богатых хоромных палат — в бедную крестьянскую избу. И везде, в любой картине, в любом эпизоде ощущается и доскональное знание исторического материла, с одной стороны, и художническая свобода, с какой автор распоряжается этим материалом, — с другой.

Теперь автор «переселился» из Новгорода в Москву, живёт в ней и может показать вам любой закоулок этого, пока ещё невеликого города: хотите — проведёт вас берегом речки Неглинки, что течёт мимо Кремника (будущего Кремля), хотите — покажет Замоскворечье. И, шагая вместе с автором по Москве, разглядывая то, что он тебе показывает, и слушая, что рассказывает, ты веришь каждому его слову, у тебя ни разу не закрадётся сомнение: а так ли было на самом-то деле?

Мы опять заговорили о слове, о языке. «Младший сын» написан языком не менее богатым и живописным, чем предыдущие книги. Но здесь, при всей красочности и многоцветности лексической палитры, при всём интонационном разнообразии и многоголосии, уже полностью соблюдена та необходимая мера, о которой упоминалось выше.

«Листва берёз была по-весеннему свежа, и синей была вода, и небо голубое. И так хватало всего этого для полного совершенного счастья и покоя души! Да, труд земной, упорный, в поте лица своего, и вода из родника в берестяном самодельном ковше, корка хлеба — дань плоти, и книга, умная, древняя, на дощатом столе, и молитва в вечерний час. Разве мало? Разве не в этом — чудо бытия, что подарено нам всем, и добрым, и злым, просто так, ни за что».

Здесь одна интонация, одна музыка фразы. А вот совсем иная, иной строй и ритм: *«Тишина, проломанная кованными копытами. Бешеный скок коней. Мчались, пересаживаясь с коня на коня. У кого-то захрапела и пала лошадь. Ратник отстал, снимая седло. Ждать не стали».*

Пейзаж в этом эпизоде дан одной короткой, как удар, фразой: «*Седая мга съедала звезды*».

Русская рать скачет наперехват идущим на Переяславль татарам. Её не остановил даже испортивший дорогу дождь-проливень.

«Редко-редко доносился со стороны крик ратая да далекое конское ржание, и снова глухой чавкающий топот сотен копыт, шумное дыхание людей и лошадей, стук или звяк стремени, да, по временам, резкий окрик старшого. Казалось, неоглядная тишина волнами расступалась и снова смыкалась позади проходящей рати, гася все звуки.

...Успеть, успеть, успеть!»

Послушаем прямую речь героев романа. Князь Дмитрий ведёт трудный разговор с братом Андреем, увещевает его:

«...Погляди, как мал век! (имеется в виду человеческий век — ***С.Ш.***). *И в летописце некоем разгони листы и виждь: родился, ходил походом на касогов, созиждил храм, успе... И тут вся жизнь! И это о князе! Мы избраны. А прочие? О коих и слова нет? Миг один — наша жизнь! А живет народ. В тех, бессловесных жизнях! Зрел ты трупы пахарей на дорогах? Внял плачу жен и детей стенанию? Почто сотворилось сие? Власть должна быть обязанностью, а в тебе — похоть власти...».*

Не многовато ли цитат? Но как и чем, если не текстом, не фактурой можно подтвердить зело похвальные слова о языке, которые ещё в начале были высказаны?

Гонец князя Дмитрия Фёдор скачет в Москву:

«Москва показалась в вечеру. Деревянная, пестрая от белотесаных заплат и еще необветренных новых бревен крепость на холме. Над городней проглядывали, тоже светлые, верхи новых хором и маковицы двух церковок. Федор усмехнулся: невелик город у Данилы Лексаныча! И погасил усмешку. Встречу скакали трое верхоконных. С вышки, что ль увидали? Блюдут! Он еще издали, коснувшись шапки, поздоровался с приближающимся дружинником.

— Отколе?

— Гонец великого князя Владимирского! — повелительно прокричал Федор в ответ, выпрямляясь в седле. Дружинники враз заворотили коней и поскакали посторонь, на полкрупа позади Федора, а третий во весь опор помчался вперед, к воротам. И по тому, как старательно они все это проделали, видно было, что великокняжеские гонцы здесь не часты.

...Его проводили в дубовую палату. Федор ступил через порог, заученным движением сняв шапку, отвесил поясной поклон и снова надел шапку (в думе княжеской шапок не снимали). Князь сидел на невысоком резном креслице. Федор, остановясь на должном расстоянии, не глядя в глаза, громко передал поклон от великого князя Дмитрия младшему брату Даниле Лексанычу и поклонился снова».

На наших глазах происходит чудо, о котором уже было говорено и которому нет названия. Читаем, и всё понятно без сносок, без пояснений. (Ну, разве что упоминаемые в одном месте «костры» теперь называются «башнями», а вместо «успе» мы говорим «умер».) А в последней сцене мы не только хорошо понимаем происходящее, но ещё и зримо видим и как подскакали к Фёдору верхоконные и как враз заворотили и один погнал во весь опор вперёд, а два поехали с Фёдором.

В то же время нас не покидает ощущение, что мы слышим русскую речь далёких веков. Причём если, скажем, летописи тех времён уже нуждаются в переводе, то в «Младшем сыне» мы читаем, слышим — это хотелось бы подчеркнуть — не перевод того языка на современный, а вот именно «тогдашний» язык. (Тут, видимо, следует оговориться, что с научной точки зрения такое определение может показаться и слишком категоричным, и вообще несостоятельным, но ведь мы говорим не столь о лингвистической достоверности и точности, сколько о воссоздании духа эпохи, о том художественном впечатлении, которое оставляет у читателя в уме и сердце язык книги).

Вспоминая первую встречу с Дмитрием Балашовым и тот, «вкось», взгляд на его исконно русскую одежду, я теперь вижу, что ошибался: никакой это не вызов и не дань увлечению стариной. Русская старина, а лучше сказать, русская история — это не увлечение, а дело всей жизни Д. Балашова. Он живёт со своими героями в давно ушедших веках, хотя и глядит на них из нашего времени.

В романе «Великий стол» мы находим этому новое подтверждение.

«Великий стол» как бы продолжает «Младшего сына». Если в «Сыне» мы видели начало устроения и возвышения Москвы при князе Данииле Александровиче, то в новом романе речь идёт уже о том, где быть «великому столу» — какому городу — Твери или Москве — быть главным во Владимиро-Суздальской Руси. Это сейчас нам как-то и представить трудно, почти невозможно, что столицей великой Руси мог быть какой-то другой город, кроме Москвы, скажем, та же Тверь.

Сын Даниила Московского — Юрий едет в Орду к хану Тохте, чтобы получить от него ярлык на великое княжение.

В публицистическом отступлении автор задаётся вопросом: «Что было бы, не начни Юрий Московский борьбы против Твери? Как повернулась бы тогда судьба страны?».

Как видим, уже в самой постановке такого вопроса автор словно бы перекидывает мостик от тех далёких времён в наше время. Со страниц романа XIV век — век нашей скорби и славы — обдаёт нас своим горячим дыханием, мы становимся свидетелями событий, которые определяли — и определили! — тот хоть и тернистый, но достойный путь, коим наша страна пришла в XX век.

Н.П. Большакова

ВОПЛОЩЕНИЕ ХАРАКТЕРА БАЛАШОВА В ОБРАЗАХ ЕГО ГЕРОЕВ

Когда-то Дмитрий Балашов эпиграфом к раннему своему рассказу «Культпросветшкола» взял слова Теодора Драйзера: *«Самое безнадёжное дело на свете — пытаться точно определить характер человека. Каждый индивидуум — это клубок противоречий, тем более личность одарённая...».*

Вот о таком «клубке противоречий и об одарённой личности» мне и захотелось поделиться своими размышлениями. И не только о личности Балашова, но и о светильниках Русской земли, ставших героями произведений писателя.

Александр Невский, по словам Балашова, едва ли не первый пассионарий своего времени, спасший Русь от полного её уничтожения. Мечтой римского католичества в середине XIII века было порабощение русской Церкви, принуждение Руси принять католицизм и тем самым

стать одним из вассалов римлян. Однако расширить свои границы за счёт русских Папе Иннокентию IV помешал мудрый князь Александр, который из двух зол предпочёл «дикую» Азию, приняв татарское «число», «цивилизованному Западу». По словам Балашова, он оказался единственным на то время из сильных мира сего, провидчески оценившим опасность именно западной экспансии.

Размышляя об истинах и политике, Балашов писал, что когда властитель ставит перед собой общенародные цели, думает не о себе, а о своей стране, жертвуя многим, даже собственной жизнью ради общегосударственных задач, тогда власть во благо. Даже если при этом он будет считать себя страшным грешником. Александру Невскому принадлежат слова о том, что никто не приносит большей жертвы, как тот, кто отдаёт душу свою «за други своя». И уж кто-кто, а Александр умел быть и решительным, и жёстким, когда это требовало дело собирания страны. Тогда он и воспротивившуюся склониться под татарскую дань дружину своего старшего сына, не дрогнув, казнил. Балашов утверждал, что именно Александр Невский стал создателем в дальнейшем великого государства под названием Московская Русь, встал во главе этого растянувшегося на века строительства, поднявшего русский народ к славе и великой ответственности перед человечеством. Добился создания великого государства крайним напряжением воли и сил, терпением и мудростью, мужеством и жертвенностью, стоившей ему самому жизни.

А теперь от святого Русской земли обратимся к личности самого Балашова. Присущи ли были ему качества, характеризующие Александра Невского? Отвечу — да, присущи! Самой яркой чертой страстной, деятельной натуры Балашова-писателя прежде всего назову его гражданственность, потому как его всё интересовало, что происходило в стране, и он прекрасно сознавал — спасение России только в духовном единении и следовании высоким нравственным идеалам!

Во время хрущёвского наступления на Церковь, когда действующие храмы и монастыри вновь стали взрывать и разорять, Балашов практически в одиночку начинает битву за их спасение в Карелии и на всём пространстве Русского Севера. И благодаря этой его деятельности было спасено более ста уже запланированных к уничтожению храмов. Он верил: действия его вызовут большой шум и поднимут на защиту русской старины других. К 1970-му году совместными усилиями в обществе была создана атмосфера, когда неприличным считалось быть разрушителем.

У Балашова на всё была своя твёрдая нравственная позиция, которую бесстрашно и самоотверженно отстаивал, чем и выделялся среди других.

По поводу написания им романов из цикла «Государи Московские» Станислав Панкратов говорил, что «то, на что другому понадобилось бы полновесное десятилетие, Балашов укладывал в год-два нечеловечески напряжённой умственной работы», а Лев Гумилёв, автор пассионарной теории этногенеза, находил его классическим пассионарием: «*Высшая степень пассионарности, которой может обладать человек, — это быть самим собой, неповторимой личностью, полностью отдающей себя своему делу*».

Балашов — человек борьбы, действий... Ему трудно жилось, потому как он постоянно нарушал покой обывателя, как вспоминал Владимир Личутин.

Одновременно жил сразу в нескольких столетиях прошлого и в настоящем, сопоставляя тенденции и сверяя правильность, а точнее — органичность общего направления нашей жизни, её соответствия интересам и обычаям народа.

Художник В.С. Кутковой считал его максималистом, потому как Балашов жил и работал буквально на пределе сил, находя это этической нормой для христиан, обладал невероятной работоспособностью, цитируя в романах и разговорах фразу из Откровения Иоанна Богослова: «*Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих*» (3: 15, 16), и свидетельствовал о своём этическом предпочтении — выборе «горячего».

Он искренне считал, что восстановление национальной культуры и народной нравственности в её традиционных формах может произойти только при помощи Церкви, православия как духовной ценности народа.

Вспомним, что младший сын Александра Невского Даниил в первом романе Балашова из цикла «Государи московские» получает княжескую власть и, интуитивно почувствовав, что истина жизни не в войнах, а в мирном труде, начинает строительство своего московского Дома. Так тема строительства в романе становится центральной. Через размышления своих героев князя Даниила и переяславского крестьянина Фёдора Михалкина Балашов даёт нам понять, что та Родина, за которую идут на смерть, как раз и начинается со строительства дома и обустраивания земли, на которой живёшь.

Но зададимся вопросом, а смог бы Дмитрий Михайлович прийти к этой мысли, если бы в своей собственной жизни не считал её главенствующей, если бы сам ни разу не взял в руки топора? Не думаю. Балашов всегда стремился к правде и бытовые подробности, описывающие в своих романах, проверял и утверждал всей своей жизнью. Если в его романах кто-то пахал плугом поле, косил сено, скакал на коне, плотничал, строил избу, то всё это он не единожды проделывал и переживал сам, о чём наглядно свидетельствуют построенные им дома в Чеболакше и Козыневе. Его, Хозяина, особый мир открывается тебе сразу, как только переступаешь порог квартиры писателя. Дмитрий Михайлович говорил, что русский мужик должен владеть пятнадцатью специальностями. И своими руками сделал в доме мебель, расписал двери, украсил резьбой столы, реставрировал иконы.

Здесь можно вспомнить ещё одного его героя — Ивана Калиту. Хозяйственность, бережливость — вот главные качества внука Александра Невского. Иван невелик ростом и крепок, с ликом праведника и прозрачными голубыми глазами, бородкой, расчёсанной волосок к волоску... Тих от природы, но, каясь митрополиту Петру, не лукавя признавал: «Грешен я... и злобою, и корыстью». На что владыка ему отвечал: «Вы добиваетесь того, чего хотите и во что поверили, даже и до живота своего, и главами вержа ради мечтаний своих. У вас есть мужество действования и воля к тому, чтобы доводить затеянное до конца. Сим спасетесь сами и спасете Русь!» («Великий стол», гл. 57).

Это ли не портрет и самого Балашова?! И он далеко не свят, и в его жизни были поступки, которых остыдился и которые в дальнейшем кровью своей искупил.

Своими произведениями он размыл романтическую дымку, окутывающую исторические личности XIII—XIV веков. И вот уже сын Александра Невского Даниил

Московский оживает в романе «*миролюбив, и тих, и кроток, и милостив*», и при этом также не безгрешный человек. Через них Балашов показывает нам жизнь и труды обычных людей, обременённых княжеской властью, но которые своею жизнью и делами затем будут причислены народом к лику святых.

Балашов искренне верит, что судьба отдельно взятого человека неразрывно связана с судьбой всех людей, что от его духовных усилий зависит судьба страны. И не уставал повторять слова своего учителя Льва Гумилёва, что *«будущее нельзя предсказать, поскольку ещё не совершены поступки, которые его определят»*, и добавлял: *«От наших поступков зависит практически всё. От наших поступков, которые мы совершим. Или не совершим...»*.

Считал, что народ, забывший свои исторические традиции, обряды, оставшийся без религии — не народ, и призывал россиян вновь становиться религиозными людьми.

А вот тут мы остановимся на одном из противоречий характера самого Балашова. Писателя, отстаивавшего религиозность народа, по романам которого многие пришли к православной вере, по словам его старшего сына Василия, долгое время нельзя было назвать настоящим христианином... Он декларировал, что русский человек должен быть православным, но церковь и молитву оставлял старушкам. Эта борьба ума и сердца прослеживается во всём его творчестве. И всё же процесс духовного созревания от романа к роману в нём шёл... Бог берёг его и тогда, когда ему проломили череп, и когда попадал в автомобильные катастрофы, и когда на лодке переплывал Онежское озеро. Брат писателя, Григорий Михайлович, вспоминал, как их мама Анна Николаевна «очень боялась этих путешествий и частенько садилась в лодку вместе с Дмитрием, чтобы в случае чего самой спасать его от утопления или погибнуть вместе».

Читая, с какой православной твёрдостью переносил свои несчастья внешне вполне благополучный и удачливый князь Симеон Гордый, Станиславу Панкратову порой казалось, что он перелистывал страницы жизни самого Дмитрия Михайловича, что это оттуда его многочисленные жёны, дети, которые уходят, так и не став наследниками великого князя...

Но какой бы сложной ни складывалась внутренняя драматургия жизни великих князей, она базировалась на православных заповедях, ими ограничивалась и регламентировалась, чего долгое время не было в семье самого Дмитрия Михайловича, а значит, отсюда возникали и все его семейные проблемы.

«И всё же в конце своей жизни, — радуется Василий Балашов, — ...буквально за неделю до трагической кончины, отец успел исповедаться и причаститься», а значит, сегодня мы с полным правом можем сказать, что умер он человеком поистине православным...

Дмитрий Михайлович считал, что многие в России неправильно понимают слово *покаяние*, которое в точном переводе с греческого означает *передумование*, и призывал каяться, и значит передумать *«своё близкое прошлое, в котором так много было нечеловеческого и несправедливого»*. Передумать — разрушение церквей, деревень, воинствующий атеизм, вырубку лесов, затопление плодородных земель.

Вспомним, каким был у Балашова митрополит Алексий, духовный пастырь и государственный деятель всея Руси, главный герой романа «Ветер времени», — настоящий хозяин. Из рук константинопольского патриарха он принимает сан митрополита всея Руси и совмещает дела духовные и мирские: заставляет новгородцев выплачивать задержанный бор, посещает князей, строжит бояр, властно вмешивается в дела соседних княжеств. В Орде одиннадцатилетнему Дмитрию Московскому, будущему Донскому, получает ярлык на великое княжение Владимирское, ставит новых епископов в Ростове, Рязани, Смоленске, ордынском Сарае. Именно при нём митрополия воссоединяется под единой духовной властью. Именно Алексий хлопочет, чтобы Сергиева пустынь стала наследницей Киево-Печёрской, растит и собирает Русь. Деятельно наводит порядок в епархиях, испытывает грамотность священников, рассылает книги по церквам.

Балашов говорил, что система, при которой церковь взяла в свои руки идеологическое руководство страной, в лице митрополита Алексия продержалась недолго. Но она позволила создать государство, утвердить принципы свободного единения, связала общество идеологически, скрепив его морально-этическими нормами христианства, оказалась устойчивой как против натиска мусульман с юга, так и против католицизма с Запада.

Создав Московскую Русь, митрополит Алексий, заложивший основы единодержавной власти в стране, утвердивший династию государей московских и спасший Русскую Церковь, являет миру и монаха-подвижника Сергия Радонежского, ставшего ему настоящей подпорой и утешением.

В преддверии 600-летия кончины преподобного Балашов публикует роман «Похвала Сергию»[1], успешно воссоздав образ величайшего русского святого. Следуя традиции древнерусской литературы, он начинает свой роман с молитвы:

«...Как же мне постигнуть тебя, Сергий, отче! Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! ... Дай, Господи Боже, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду!».

Историк В.О. Ключевский писал: *«Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нравственного порядка»*. Наверно, это чувствовал и Дмитрий Михайлович.

Основанный Сергием Радонежским Троицкий монастырь становится одним из самых значительных центров средневековой культуры. Под влиянием светильника Русской земли формируется талант и мировоззрение изографа Андрея Рублева. Знаменитые ученики Сергия Радонежского строят общежительные монастыри: Кирилл — Кирилло-Белозерский, Стефан — на Пермской земле, игумен Фёдор — Симоновский под Москвой.

Благословляет преподобный и Дмитрия Донского на Куликовскую битву, посылая в помощь ему двух иноков-ратоборцев — Пересвета и Ослябю, укрепляет уверенность князя в победе. И пусть Куликовская битва мало что изменила в военном отношении, потому как через два года Тохтамыш разгромил страну, но, по словам

[1] Наш современник. 1991. № 9—11.

Балашова, именно во время Куликовской битвы на Руси произошёл «идеологический сплав... фазовый переход...», означавший формирование русского этноса. Сплав огромного патриотизма и любви к Родине. А у писателя ещё и любви к русскому языку — кровному, материнскому, который он с каждой своей книгой вытаскивает на белый свет из глубины веков в быстрой импульсивной речи Симеона Гордого, неторопливом тихом речении Ивана Калиты, книжной премудрости грека Феогноста, вещих рассуждениях митрополита Алексия...

Многие отмечают в Балашове предельную честность, достоверность, выверенность каждого слова и факта в его произведениях. Он стремится к правде даже в малом, в сценах и событиях вымышленных, выверяет всё по летописям и архивным документам. Бытовые подробности утверждает собственной жизнью. Его умиление красотами родной земли восхищает: *«Воззри, Господи, на нашу русскую землю! Повидь леса и болота, наши суровые зимы и краткую пору летней страды. Воззри, сколь редок человеческий след среди наших лесистых пустынь, сколь широко раскинуты и далеки друг от друга грады и веси!»*[2]. Это ли не подтверждение вышесказанному?

Однажды, завершая совместное интервью с Дмитрием Балашовым Людмиле Антиповой[3], Лев Гумилёв произнёс: *«Погибают все. Но потеря лучших заметна. А гибнут они потому, что сами же, обладая большим уровнем пассионарности, жертвуют собой ради того, что они называют идеалом... Они гибнут ради будущего. И только благодаря тому, что они отдают себя как жертву на гибель, и возможно будущее».*

Со взглядами Балашова о соборности и спасения России ему было трудно уживаться с новыми хозяевами страны, более того, вооружённый познанием Бога, он становился опасным для сил зла, и тучи вокруг него стали сгущаться.

Случайностей в жизни не бывает, потому так пророчески сегодня воспринимается факт, когда Балашов, переезжая жить в Новгород из Карелии, принимает приглашение сняться в фильме, где его героя старика-хранителя убивают... А по истечении времени получается, что убивают самого автора «Государей московских». И Господь с эпическим размахом попускает ему эту смерть. Зверства, содеянные с писателем, были страшны, восстав картинами из романов его...

Рождённый в России, он до конца оставался поистине русским православным человеком, со своим мучительно трудным путём... Находился в постоянном поиске и творческом горении... И несмотря на окончание Театрального института, никогда не прятал лицо под маской мистификатора. Всегда оставался человеком с чуткой и чистой душой ребёнка. Не случайно и Христос заповедал людям оставаться детьми. А, по словам протопресвитера Александра Шмемана: *«Ребенок целостен не только в отношении ко времени, но и ко всей жизни, он отдаётся весь — всему; он воспринимает мир не рассудочно, не аналитически, не каким-либо одним из своих чувств, а всем своим существом без остатка, — и мир раскрыт ему во всех своих измерениях... имеет дар полного слияния с миром и с жизнью...»*[4].

Подводя итог христианской этики в жизни Балашова, В.С. Кутковой обращает наше внимание на время и дату кончины писателя — ночь на 17 июля 2000 года. Его убивают сразу после вечерних служб, посвящённых памяти преподобного Сергия Радонежского, в день изуверского убийства благоверного великого князя Андрея Боголюбского, в день кровавой расправы над царской семьей Романовых, в день памяти святого иконописца преподобного Андрея Рублёва.

Балашов погибает подобно русскому богатырю, совершившему уже в нынешнее время удивительный по своему значению подвиг собирания Русской земли через слово своих книг. И не случайно дорога, завершающая земной путь писателя, пролегла из Великого Новгорода в Зеленоборск. Когда-то по ней с дружиной своей шёл Александр Невский отразить нашествие крестоносцев от Руси...

Похоронили Дмитрия Балашова в рубашке-косоворотке, но многим казалось, что лежал он в кольчуге и шлеме, потому как до конца оставался воином, борющимся со злом.

Не знаю, как у кого, а у меня почитание и трепет перед святыми, их деяниями возникает только после того, как я принимаю их в свою душу, когда в моём сознании они становятся не просто святыми, а как бы сродняются со мной. Так, после романов Балашова в моей душе ожили святые подвижники Александр Невский и Даниил Московский, Михаил Тверской и Дмитрий Донской, митрополит Алексий и преподобный Сергий Радонежский, к мощам которых я прикладывалась в Славянских ходах и на Поместном Соборе, когда выбирали Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, с которым Дмитрий Михайлович ещё в пору митрополитства Святейшего ездил в Рим...

И сегодня мы говорим, что Балашов прожил удивительно напряжённую и предельно творческую жизнь... Минутная стрелка его личных часов, по словам Панкратова, замерла навсегда, но стрелка часовая — продолжает движение, укрупняя события уже минувшей жизни.

---

[2] Симеон Гордый. Астрель, 2006. С. 117.

[3] Л.Н. Гумилев, Д.М. Балашов. В какое время мы живем // Журнал «Согласие». 1990. № 1.

[4] Протопресвитер Александр Шмеман. «Будьте как дети». http://shmeman.ru.

В.И. Ромашова

ИЗ СЕЛИЩЕНСКИХ КАЗАРМ

Новгородский период жизни и творчества М.Ю. Лермонтова

Новгородский период в жизни М.Ю. Лермонтова продолжался сравнительно короткое время, около трёх месяцев, с середины февраля по конец апреля 1838 года, когда после ссылки на Кавказ он как прапорщик был определён в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, расквартированный в 50-ти верстах от Новгорода, в Селищенских казармах I округа военных поселений. В Гродненский полк обычно направлялись офицеры, замеченные в каких-либо провинностях.

Эпистолярное наследие Лермонтова и близких ему людей является неоценимым источником, позволяющим представить наиболее полно моральное состояние и настроение поэта накануне отъезда в Гродненский полк.

Приказ о переводе Лермонтова «в гвардию с назначением в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк» датируется 11 октября 1837 года[1]. Об этом через месяц, 15 ноября, сообщает Е.А. Арсеньева, бабушка Лермонтова, в письме своей приятельнице П.А. Крюковой: «*Мишу перевели в лейб-гусарский полк, вместо того в Гродненский; для него все равно тот же гвардейский полк, но для меня тяжело: этот полк стоит между Петербурга и Нова города в бывшем поселении, и жить мне в Нове городе, я там никого не знаю и от полка слишком пятьдесят верст, то все равно что в Питере и все с ним розно... Теперь жду его и еще кроме радости его видеть ни о чем не думаю, иные говорят, что будет к Николину дню* [6 декабря], *а другие говорят, что не прежде Рождества* [25 декабря], *приказ по команде идет*»[2].

Во второй половине ноября — начале декабря 1837 г. Лермонтов в письме из Тифлиса в Петрозаводск С.А. Раевскому также сообщал о своём переводе с Кавказа: «*Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии.*

...Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург: увы, не в Царское Село, скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьёзно думаю выйти в отставку»[3].

Таким образом, Лермонтов покидал Кавказ с серьёзным намерением порвать с военной службой и всецело заняться литературным творчеством. Как утверждает Ираклий Андроников, он возвращался с Кавказа, «исполненный удивительных замыслов: „Герой нашего времени", кавказская редакция „Демона", „Мцыри", „Беглец", „Ашик-Кериб", „Дары Терека", „Казачья колыбельная песня", „Тамара", „Свиданье" — всё это результат его скитаний по Северному Кавказу и Закавказью в 1837 году. Кавказ оказался для Лермонтова не только источником вдохновенья, но и темой новых произведений»[4].

В Петербург Лермонтов приехал только в январе, побывав перед этим в Москве. В своём письме из столицы 1 февраля 1838 года он уведомлял своего дядюшку Павла Ивановича Петрова: «*...мне скоро грозит приятное путешествие в* ***великий*** *Новгород,* ***ужасный*** *Новгород*»[5]. Как видим, Лермонтов дал двоякую оценку Новгороду. Древний ***Великий*** был для Лермонтова, как и для декабристов, символом народного вечевого правления и вольности. Именно в этом он видел его величие. О ***Великом*** Новгороде в 1830 году он написал ряд стихотворений, среди них повесть в стихах «Последний сын вольности», посвящённую легендарному Вадиму, народному борцу за восстановление вечевого порядка в вольном Новгороде.

Действие в повести разворачивается на широком фоне новгородской природы, быта и народных традиций. С любовью Лермонтов описывает встречу новгородцами весны — праздник Лады.

Повсюду радость! как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идёт.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего...
.....
Горит на небе ясный день,
Бегут златые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен, как стекло, Ильмень.
Из Новагорода народ,
Теснясь, на берег идёт.
Там есть возвышенный курган;
На нём священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет.

Портрет поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. П.Е. Заболотский, 1837 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Современный же Лермонтову Новгород он называет «***ужасным***», поскольку являл он собой символ аракчеевщины и страшных аракчеевских поселений.

Таким образом, в поэзии Лермонтова присутствует исторический подход к оценке Новгорода, и не только Новгорода. Исторические аспекты характерны для всего его поэтического творчества. На эту сторону поэзии Лермонтова обратил внимание известный русский историк В.О. Ключевский. Он писал в статье, посвящённой памяти поэта М.Ю. Лермонтова: «Поэзия Лермонтова всегда остаётся любопытным психологическим явлением и никогда не утратит своих художественных красот; но она имеет ещё значение важного исторического симптома»[6].

Сохранилось также письмо Лермонтова из Петербурга (писано по-французски за подписью *Лерма*) от 15 февраля 1838 года, адресованное Марии Александровне Лопухиной «*накануне отъезда в Новгород*». Он пишет, что ему «*смертельно скучно... меня преследуют: все эти милые родственники! — не хотят, чтоб я оставил службу, хотя я уже и мог бы это сделать; ведь те messieurs, которые со мной поступили в гвардию, теперь уже покинули ее: наконец... даже хочу как можно скорее покинуть Петербург, чтобы уехать куда-нибудь, будь то в полк или к черту...*». Просит её писать и сообщает свой новгородский почтовый адрес: «*В Новгородскую губернию, в первый округ военных*

поселений, в штаб Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка»[7].

Что из себя представляли тогда Селищенские казармы, в деталях описал сослуживец Лермонтова Александр Иванович Арнольди, племянник декабриста Н.И. Лорера. Казармы были расположены на территории, примерно 500 квадратных метров, на которой «полк имел всё необходимое и даже роскошное для своего существования»: «огромный манеж» своим фасадом смотрел на Волхов; «пять офицерских флигелей, разделённых между собою садиками за чугунными решётками»; два дома — один для «нестроевой роты», другой для магазина, который в воспоминаниях назван «наш полковой Елисеев»; дом полкового командира; «временный деревянный дворец» для приезжающего военного начальства; лазарет для лошадей; малый манеж с конюшнею для полкового командира, а также цейхгаузы, пошивочная мастерская, лазарет для гвардейцев, ванны и квартиры докторов. Порядок на территории казарм, заведённый ещё при Аракчееве, продолжал существовать и после его смерти — дороги были «шоссированы», дёрн и деревья по аллеям подстрижены, дома покрашены... «всё, — писал Арнольди, — имело привлекательный вид, а в особенности весной»[8].

В полку в основном служили из небогатых дворян, и жили они дружно и весело. В эту дружественную атмосферу полковых офицеров легко вписался и Лермонтов, поселившийся в двадцатиквартирный «сумасшедший» дом для холостяков. Такое название он получил не случайно: двадцать холостых молодых офицеров, вырвавшихся из семьи на свободу, вытворяли невероятное — в некоторых комнатах сутками закуска не убиралась со стола, не прекращалась и карточная игра; беспрерывно раздавались звуки гитары, фортепьяно, хорового пения; гремели пистолетные выстрелы, слышался вой и писк дрессируемых охотничьих собак. Как вспоминают сослуживцы, Лермонтов «был коноводом всех гусарских затей и пирушек». Однако карточная азартная игра, широко практиковавшаяся офицерами полка, быстро надоела Лермонтову.

Лермонтов был весьма сложной натурой. «С глазу на глаз и вне круга товарищей, — вспоминал М.Б. Лобанов-Ростовский, — он был любезен, речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна. Но в своём обществе [имеется в виду общество гусаров-однополчан] это был настоящий дьявол, воплощение шума, буйства, разгула, насмешки».

Самой аристократической считалась гостиная баронессы Сталь, жены полкового командира А.А. Эссена, одно время баронесса являлась фрейлиной императорского двора. В этой гостиной нередко коротали зимние вечера офицеры полка. Лермонтов, «посещая чаще других гостиную баронессы», бывал, по её словам, обычно «скучен и угрюм... садился в угол и молча прислушивался к пению и шуткам собравшегося общества»[9].

По прибытии в полк Лермонтов был определён в четвёртый эскадрон и на другой же день назначен дежурным во второй половине полка. «В служебном отношении, — читаем мы в истории полка, — поэт был всегда исправен, а ездил настолько хорошо, что... недостатки его фигуры [он был коренаст и небольшого роста] совсем исчезали на коне». За всё время службы в Селищенских казармах на основании полковых приказов Лермонтов всего шесть раз дежурил по полку, два раза был в церковном параде, командуя взводом.

В полку Лермонтов познакомился с интересными людьми, блиставшими разнообразными талантами. Всесторонне образованным был Николай Александрович Краснокутский (его сосед по квартире): свободно владел десятью иностранными языками, был прекрасный лингвист, много занимался живописью и музыкой. Выдающимся скульптором был Михаил Александрович Цейдлер — многие его произведения представлялись на Лондонской выставке. Александр Иванович Арнольди писал акварелью, его талантливые произведения украшали выставки. Многие товарищи Лермонтова прекрасно музицировали на фортепиано, скрипке, гитаре. Автор «Истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка» штабс-ротмистр Ю. Елец среди талантливых гусаров выделял Лермонтова, написав: «В 1838 году в нашей полковой жизни *светлым метеором* промелькнул знаменитый русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов».

Каждый офицер мог найти себе занятия по душе: в полку была хорошая библиотека русской и французской литературы, устраивались и маскарады, и танцы, а в летнее время — пикники, карусели. В свободное от службы время и вечерами гурьбой ездили кутить в гостиницу Спасской Полисти, в девяти верстах от казарм. Лермонтов не отставал от своих товарищей и был склонен к игривым шуткам в товарищеской среде. Во второй половине февраля 1838 года, во время проводов своего задушевного приятеля Михаила Ивановича Цейдлера в действующую армию на Кавказ он, войдя

Один из корпусов Аракчеевских казарм крупным планом

в гостиницу в Спасской Полисти, скомандовал её содержателю — «немедленно вставить во все свободные подсвечники и пустые бутылки свечи и осветить, таким образом, без исключения все окна. Распоряжение Лермонтова встречено было сочувственно, и все в нём приняли участие; вставлялись и зажигались свечи; смех, суета сразу расположили к веселью. Во время ужина тосты и пожелания сопровождались спичами и экспромтами». Именно тогда, примерно 18 февраля 1838 года, Лермонтов экспромтом написал и зачитал стихи, посвящённые М.И. Цейдлеру и впоследствии опубликованные[10].

Русский немец белокурый
Едет в дальную страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.

Свободное от службы время, а «его было много», как вспоминал Арнольди, М.Ю. Лермонтов посвящал творчеству. О его творческой поэтической деятельности в этот период исследователи практически умалчивают, будто поэтическая лира Лермонтова оскудела. Хотя друзья-однополчане пишут о его творческих муках при сочинении стихотворений. «Я часто заставал его за работой, — вспоминал А.И. Арнольди, — и *живо помню его грызущим перо* с досады, что мысли и стих не гладко ложатся на бумагу»[11] (курсив — ***В.Р.***).

Находясь на военной службе в Селищенских казармах, Лермонтов написал стихотворение с перевода «Крымского сонета» польского поэта Адама Мицкевича, сделанного тогда же его однополчанином, корнетом Николаем Александровичем Краснокутским[12].

В Селищах он пишет также стихотворение, посвящая его Анне Григорьевне Хомутовой, сестре генерала Михаила Григорьевича Хомутова, командира Гродненского полка. Лермонтов часто бывал у них в доме, и во время одного из таких посещений А.Г. Хомутова показала ему стихи своего кузена, поэта Козлова, страстно любившего её многие годы, хотя был уже слеп и тяжело болен. Восхищаясь глубокими возвышенными чувствами, Лермонтов не мог не посвятить следующих поэтических строк Хомутовой:

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал...

Поэтическое творчество Лермонтова, на наш взгляд, не могло ограничиться названными стихотворениями, тем более, что в этот период происходит взросление его как поэта. Об этом свидетельствуют исследователи литературного творчества Лермонтова. Его современник, издатель Андрей Александрович Краевский в своих воспоминаниях писал: «Период брожения пришёл к концу. Поэтический талант креп, и сознательность суждений сказывалась всё яснее. Он нашёл свой жизненный путь, понял назначение своё и зачем призван в свет. Ему хотелось более чем когда-либо выйти в отставку и совершенно предаться литературной деятельности. Он мечтал об основании журнала... „Мы должны, — говорил он, — жить своею самостоятельною жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое. Зачем нам всё тянуться за Европой и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания..." Он говорил также: „Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное..."»[13].

«Интимная лирика осуждена и отодвинута в сторону... Лермонтов обращается к другим жанрам, пристально вглядываясь в „действительную жизнь", в „историю души человеческой", в окружающую его „толпу"», — писал Б. Эйхенбаум в статье «Литературная позиция Лермонтова».

Именно таков был настрой Лермонтова в период пребывания в Селищенских казармах, где, видимо, и зародился у него замысел создать ряд программных поэтических произведений: «Кинжал», «Гляжу на будущность с боязнью...», «Дума», «Поэт». «Начать готов я жизнь другую: пора пришла», — писал Лермонтов в 1838 году в своём стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...».

Идеей вольности и свободы пронизано его стихотворение «Поэт», в котором он вновь обращается к вечевому колоколу Великого Новгорода — символу народной вольности.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзвук мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.
...
Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Отвечая на этот непростой вопрос, Лермонтов заканчивал стихотворение «Кинжал» клятвенными словами: *«Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, мой друг железный».*

Один из талантливейших исследователей литературного творчества М.Ю. Лермонтова, Ираклий Андроников в статье «Учёный татарин Али» писал: *«...кинжал — один из самых устойчивых атрибутов лермонтовской поэзии. Как символ тираноборства и свободы он вошёл в стихи Лермонтова из поэзии декабристов и Пушкина. Но Лермонтов развил этот образ, сделал его конкретным, „написал его биографию". Его кинжал — символ благородства, чести, силы, независимости и свободы в самом широком смысле. Это товарищ поэта — неизменный и верный, к которому обращены лучшие стихотворения».*

В Селищенских казармах Лермонтов жил воспоминаниями о Кавказе, настолько Кавказские горы и народ Кавказа произвели на него неизгладимое впечатление. Мысли о Кавказе и его обычаях никогда не покидали его. Он выплёскивал их, обращаясь к живописным полотнам как поэт, обладавший талантом живописца. Эта любовь к Кавказу и народам Кавказа особенно ярко высвечена в написанных им маслом в двух дошедших до нас картинах («Голова черкеса», «Воспоминание о Кавказе»), хотя известно, что в Селищах он создал двенадцать живописных картин. А.И. Арнольди в своих воспоминаниях сообщал, что «в свободное от службы время, а его было много, Лермонтов очень хорошо писал масляными красками по воспоминанию разные кавказские виды, и у меня хранится до сих пор вид его работы на долину Кубани, с цепью снеговых гор на горизонте, при заходящем солнце и двумя конными фигурами черкесов, а также голова горца, которую он сделал в один присест». Впервые тонированная литография с картины Лермонтова «Воспоминание о Кавказе» была опубликована в1862 году в «Русском художественном листке», № 7. По воспоминаниям Арнольди, «М.Ю. Лермонтов писал картины гораздо быстрее, чем стихи...»[14]. Исследователь живописи Лермонтова Н. Пахомов относит к селищенскому периоду изобразительного творчества Лермонтова и акварель «Лагерь на Кавказе», на которой изображены палатки офицеров в голубых мундирах (доломанах), расшитых серебром, которые носили только гродненские гусары[15]. Андроников считал, что существовала «глубокая, подчас скрытая связь дарования Лермонтова-поэта и Лермонтова-художника». О таланте Лермонтова как художника писал ряд современников поэта. Так, Н.Н. Манвелов, хорошо знавший его творчество, признавал: «Вообще, сколько помню, рисунки Лермонтова отличались замечательною бойкостью и уверенностью карандаша, которым он с одинаковым талантом воспроизводил как отдельные фигуры, так и целые группы из многочисленных фигур в различных положениях и движениях, полных жизни и правды».

Светлые воспоминания о Кавказе, быте и культуре населявших его народов вылились в Селищах, по всей вероятности, и в поэтический шедевр — «Казачью колыбельную песню». Что она была написана примерно в это время, свидетельствует содержание письма бабушки Лермонтова, отправленного в декабре 1838 г. из Петербурга в Штутгарт А.М. Верещагиной-Хюгель, в котором сообщала: «...посылаю вам для новорожденного дитяти баюкающую песню, отгадать нетрудно, чьё это сочинение:

Спи, младенец, мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю (...)

Вы знаете, как Миша ленив, а мне уж самой захотелось списать вам стихи его».

В основу колыбельной песни Лермонтовым положена услышанная им в 1837 году песня матери-казачки, баюкающей младенца-сына.

«Это стихотворение, — писал В.Г. Белинский, — есть художественная апофеоза матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какою дышит любовь матери, — всё это воспроизведено поэтом во всей полноте». Поэт, подчёркивал он, сумел придать общей идее — мать «индивидуальное значение» — «его мать-казачка, и потому выражает собою особенности и оттенки казачьего быта»[16]. Эта колыбельная не покидала сознание и душу Лермонтова до конца дней. «В последний год жизни, — свидетельствовал Ираклий Андроников, — он положил на музыку свою „Казачью колыбельную песню". Были даже и ноты, но пропали и до нас не дошли»[17].

Кавказские воспоминания, переполнявшие душу Лермонтова, порождали всё новые и новые творческие идеи. Он работал, о чём свидетельствуют воспоминания Арнольди, над поэмой «Мцыри», подвергая её многократно переработке. Окончательную дату завершения работы на этой поэме он поставил «*1839 года Августа 5*».

Не мог не работать в Селищах Лермонтов и над совершенствованием своей юношеской поэмы «Демон». В итоге этой работы зародился новый, шестой по счёту, вариант «Демона», в котором коренным образом изменилась сюжетная линия, появилась у Лермонтова мысль дать в поэме описание грузинской природы и грузинского феодального быта. Этот вариант потребовал от поэта большого труда и времени и был закончен лишь 4 декабря 1838 года. Одно из посвящений к поэме «Демон», судя по его содержанию, было написано, вероятнее всего, в Селищенских казармах.

Тебе Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный,
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.

От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой, —
Я сердцем твой, всегда и всюду твой.
(...)
С тех пор прошло тяжёлых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребёнку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел,
Он пролил в грудь мою забвенье бед
И дружески на дружный зов ответил.
И ныне здесь, в полуночном краю
Все о тебе мечтаю и пою.

Эта концовка и особенно слова — «*И ныне здесь, в полуночном краю все о тебе мечтаю и пою*» — могли быть написаны вскоре после возвращения с Кавказа в *полуночный край*, край военных поселений и Селищенские казармы.

Возможно, в Селищенских казармах у него зародилась и тайно вынашивалась мысль написать в прозе повесть из кавказской жизни, которая впоследствии, примерно через год, реализовалась в «прекрасную повесть» «Бэла», опубликованную в третьем номере «Отечественных записок» за 1839 год с подзаголовком «Из записок офицера о Кавказе».

По поводу её появления было беспредельно удивление Белинского, выразившего его такими словами: «Лермонтов *вдруг* является с повестью „Бэла", написанною в прозе». Им высоко оценены достоинства Лермонтова как прозаика. «Простота и безыскусственность этого рассказа, — подчёркивал Белинский, — невыразимы, и каждое слово в нём так на своём месте, так богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горцах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клевещут на него... Эта повесть вышла... — из глубокой творческой натуры, чуждой всяких побуждений, кроме вдохновения».

В самом начале 1840 года, когда ещё не были опубликованы ни «Герой нашего времени», ни первый сборник стихотворений Лермонтова, В.Г. Белинский писал Боткину: «...мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». Этим высказыванием критик предсказал место Лермонтова в русской литературе. «Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, — писал он в одной из своих статей, — мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе всё живёт; им всё доступно, всё понятно, они на всё откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нём живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души»[18].

Новгородский период не мог не оставить заметного следа в творчестве М.Ю. Лермонтова, общую оценку которому дал Ираклий Андроников: «...И всё, что им создано за тринадцать лет творчества, — это подвиг во имя свободы и родины. И заключается он... в тех сочинениях, где не говорится прямо ни о родине, ни о свободе, но — о судьбе поколения, о назначении поэта, об одиноком узнике... об изгнании, о пустоте жизни...»[19].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб., 1890. С. 205.
[2] Модзалевский Л. Письма Е.А. Арсеньевой о Лермонтове // Литературное наследство. Т. 45—46: М.Ю. Лермонтов. М., 1948. С. 650.
[3] Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. АН СССР. М., 1962. Т. IV: Письма. С. 597—598.
[4] Андроников И. Лермонтов в Грузии // собр. соч. Т. 3. М., 1981. С. 273.
[5] Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. Т. IV. Проза. Письма. М., 1965. С. 415—416.
[6] Ключевский В.О. Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова... // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 2005. С. 303.
[7] Лермонтов М.Ю. ... Т. IV. С. 12.
[8] Арнольди А.И. Из записок // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 210—211.
[9] Там же. С. 464.
[10] Цейдлер М.И. На Кавказе в тридцатых годах // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 205—206.
[11] Арнольди А.И. ... С. 220. Курсив наш.
[12] Там же. С. 219. Козлов (Гезлёв) – старинное название Евпатории.
[13] Краевский А.А. Воспоминания // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 239—240.
[14] Арнольди А.И. Указ. соч. С. 219, 464.
[15] Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова // Литературное наследство. 45—46 / М.Ю. Лермонтов. АН СССР. М., 1948. Т. II. С. 211.
[16] Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3-х т. // Т. I: Статьи и рецензии. 1834—1841. ОГИЗ. М., 1948. С. 685.
[17] Андроников Ираклий. Образ поэта // М.Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х т. / под ред. И.Л. Андроникова, Ю.Г. Оксмана. Т. I. М., 1964. С. 12.
[18] Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // собр. соч. в 3-х т. Т. I. М. 1948. С. 694.
[19] Андроников И. Указ. соч. С. 14.

А.Н. Авдеев

КРЕСТЕЦКИЙ КРАЕВЕД

Иван Степанович Привалов (1875—1937)

«Как бы мы ни жили дальше, какой бы строй ни устраивали, — одно остаётся неизменным, что мы не можем жить на положении какого-то Ивана, не помнящего родства», — эти слова были написаны учителем Ракушинской и Каменской школ, крестецким краеведом и земским деятелем И.С. Приваловым, жизнь которого трагически оборвалась в годы сталинских репрессий.

«В настоящее время мы переживаем один из самых крупных моментов мировой истории, — отмечал он, — и поэтому должны приложить все силы к тому, чтобы как можно больше собрать и сохранить материалов и документов о текущем моменте, а что можно ещё достать и о нашем прошлом. Записывать то, что происходит, собирать и хранить, что записано — это наш долг, наша прямая и святая обязанность.

Для человечества больше, чем достаточно, забыто, сожжено и истреблено ценных документов, которые приходится восстанавливать по черепкам и обрывкам.

Займитесь описанием каждой деревни, каждого села, опишите, что сохранилось о его прошлом, запишите когда, сколько там людей жило и чем занимались: когда открыта школа, кооператив, библиотека, культурно-просветительный кружок и тому подобное... Это и есть то, что называется культурой, и такой работы хватит многим на многие годы и сама работа будет интересной и полезной, а главное крайне необходимой в смысле культурного строительства родной страны.

И стоит лишь приняться за дело собирания материалов, как само собой возникает вопрос об устройстве местного музея и составления собственной библиотеки.

Библиотека особенно необходима, так как в книгах, журналах и газетах имеется уж многое, записанное раньше: всё это необходимо собрать и записать, чтобы в каждом месте имелся свой указатель литературы о своём крае».

На первый взгляд подобные высказывания и призывы вряд ли могут вызвать особо большой интерес у современного читателя. Но когда узнаёшь, что написаны они в 1919 году, когда шла война, были голод и разруха, то сразу возникает предположение, что, скорее всего, их автор — очень неординарный человек.

Основатель и руководитель Ракушинского кружка краеведения, в то время Рахинской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии, Иван Привалов действительно таковой.

В Памятной книжке Новгородской губернии за 1913, 1916 гг. значится, что Привалов Иван Степанович в 1913 г. — член правления Старорахинского кредитного товарищества (год открытия товарищества — 1911, г. Крестцы, с. Старое Рахино) и председатель Старорахинского общества потребителей (год открытия общества — 1908, г. Крестцы).

В книге «Сто Новгородских сел»[1] при описании деревни Сомёнка указано: *«...до Октября и в первые годы Советской власти в здешних деревнях значительно развивалось кооперативное движение. При Ракушинском сельскохозяйственном и кредитном товариществе в 1919 г. был даже создан кружок краеведения (И. Привалов и др.), однако развить свою деятельность он не смог».*

Впервые об этом кружке упоминается в «Материалах по кооперации Новгородской губернии» в статье И. Привалова «Ракушинский кружок краеведения», значительный фрагмент которой мы позволим себе процитировать:

«В селе Ракушинах, Рахинской волости, Крестецкого уезда, Новгородской губернии, — при Ракушинском сельскохозяйственном и кредитном товариществе образовался кружок Краеведения, имеющий целью — изучение родного края в естественно-историческом и бытовом отношениях.

В своей деятельности кружок руководствуется следующими положениями:

1. Кружок собирает и разрабатывает или передаёт для разработки другим материалы о природных богатствах своего края, различные статистические данные, а также сведения по вопросам экономики и сельского хозяйства, народного быта, истории и археологии, по русскому языку; а кроме того, принимает меры к собиранию и охране памятников старины и искусства и оказывает содействие к развитию и укреплению культурно-просветительных начал среди местного населения.

2. Для выполнения своих задач кружок устраивает собрания, чтения, беседы, лекции; ведёт как устную, так и письменную пропаганду среди местного населения о необходимости и полезности изучения родного края и возможности улучшения через это жизни местного населения.

3. Членами кружка могут быть граждане обоего пола, желающие оказать содействие по изучению родного края, как собственным трудом, так и материальными средствами.

4. Члены кружка, принимающие постоянное активное участие в его деятельности, считаются членами-сотрудниками, а те, кто по отдалённости жительства или другим

причинам не могут принимать постоянного участия в ведении дела, но тем не менее оказывают услуги по собиранию и присылке материалов — считаются членами-корреспондентами. Права тех и других членов одинаковы.

5. Ракушинский кружок краеведения может вступать членом и входить в различные отношения с другими кружками и обществами высшего типа, преследующими однородные цели. Может посылать им и получать от них различные материалы для разработки и руководящие указания, принимать пособия и пожертвования, как деньгами, так и различными предметами.

6. Для непосредственного ведения дела члены кружка избирают президиум в составе председателя, заместителя его и секретаря.

7. Президиум ведёт переписку от имени кружка и ведает делами его; созывает собрания членов кружка и выполняет его постановления и, вообще, является исполнительным органом кружка.

8. Настоящее положение может быть изменяемо по постановлению общих собраний членов кружка, как по собственной инициативе, так и по указанию однородных по задачам учреждений высшей ступени.

По поводу вышеприведённого положения Ракушинского кружка Краеведения считаем не лишним поделиться с читателями некоторыми соображениями относительно организации дела изучения Родного края.

Организация эта представляется нам в следующем виде:

1. Всероссийская комиссия Краеведения в Москве при Совете Всероссийских кооперативных съездов.

2. Губернские комиссии или общества Краеведения при губернских союзах кооперативов или советах съездов.

3. Уездные комиссии или общество Краеведения при уездных союзах кооперативов.

4. Волостные и сельские кружки Краеведения при Потребительных обществах, кредитных и сельскохозяйственных товариществах и трудовых артелях.

Там, где не удастся создать кружок Краеведения, необходимо подыскать отдельных членов ближайшего кружка, которые стали бы выполнять роль корреспондентов Краеведения.

В члены кружков и комиссий необходимо привлечь все сознательные элементы местного края, начиная с народных учителей, служащих и духовенства и кончая наиболее грамотными крестьянами и рабочими с таким расчётом, чтобы члены имелись в каждом селении, или в крайнем случае на одного члена приходилось два-три близлежащих селения.

Каковы же, однако, задачи этих кружков и комиссий?

Цель и задачи этих кружков Краеведения уже указаны, и остаётся немного пояснить, — что и как нужно делать. Самое трудное — это начало дела. „Что изучать? Нет в этом крае ни Гималаев, ни верховьев Нила, ни залежей Итальянских картин. Просто серенький Новгородский край. Ну что в нём дивного и замечательного?" — говорит Исаакий Петрович Мордвинов.

Однако выход из этого затруднения найти нетрудно, и интересного найдётся везде сколько угодно.

Возьмём для примера литературу. Вот недавно появились две книжки Пальчинского „Ближайшие задачи в деле экономического развития Северного края" и „Боровичско-Тихвинский район, его богатство и значение для промышленности Северного края". Прочитайте их и пред вами откроется Новая Америка и не за дальними морями, а здесь же у нас — в нашей родной Новгородской губернии. Это начало, а дальше перед вами само собой встанут вопросы: а что же у нас, есть что нибудь подобное или нет? Ответить на это можно лишь после тщательного исследования своего края. Займитесь этим, и ваша работа не пропадёт даром. Не то важно, что вы откроете в своей местности. Если там и ничего не окажется интересного, то важно уж то, что край будет обследован и другому на эту работу время тратить не придётся, а если что найдётся ценное, то его, без сомнения, можно будет утилизировать и цель будет оправдана.

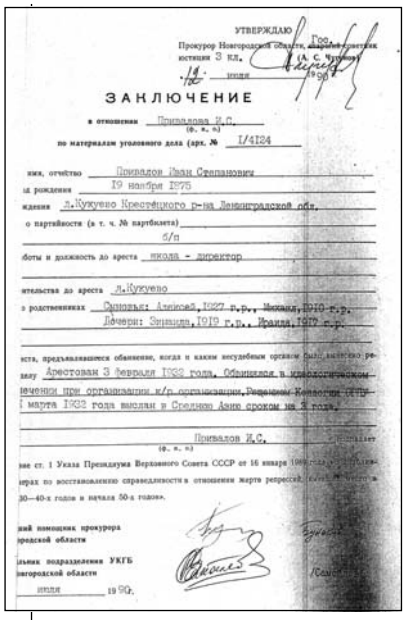
На этом месте в д. Кукуево стоял дом И.С. Привалова

А возьмите наше сельское хозяйство или наше общественное и кооперативное строительство. До сих пор мы не имеем маломальски сносной статистики, без которой и шагу ступить нельзя. Мы до сих пор считаем урожаи хлеба за границей сотнями, а у себя десятками пудов с десятины, но всё это берём из книжек, составленных по сомнительным источникам, точных же и правильных опытов мы просто не любим ставить.

Если спрашивают нас при какой-нибудь оказии, то говорим больше наобум и тем вводим в заблуждение других и себя самих.

Последняя война и голодовка показали, как плохо мы знаем самих себя. Как глубоко заблуждались все наши учёные, которые писали в начале войны в газетах и журналах, что мы русские задохнёмся в собственном хлебе, который без немцев девать будет некуда и что с избытком льна тоже будет горе.

Но получилось всё как раз наоборот. Дохнем мы не от избытка, а от голода; не имеем чем грешное тело прикрыть, да ещё и без дров мёрзнем. И всего этого можно бы избежать, если бы мы получше самих себя знали. Плохи наши познания и в смысле общественной организации. В течение прошлого и нынешнего года мы несколько раз перестраивали свои кооперативные организации, а как ни схватимся за цифры, так их то и нет под руками. Попробуйте достать справочник с указанием числа дворов,



УТВЕРЖДАЮ
Прокурор Новгородской области, [illegible] юстиции 3 кл.
12 июля 1990

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Привалова И.С. (ф. и. о.)
по материалам уголовного дела (арх. № 1/4124

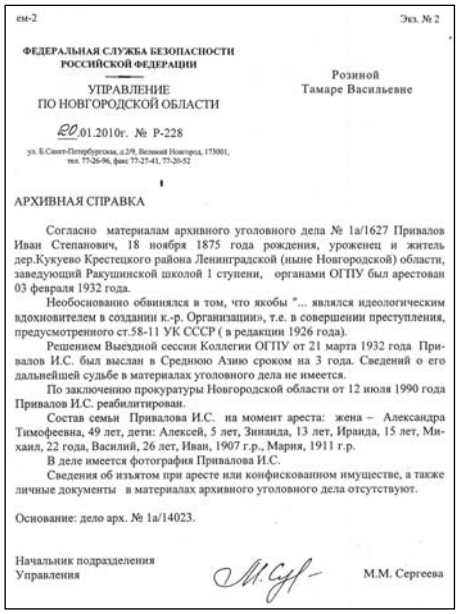
имя, отчество Привалов Иван Степанович
д рождения 19 ноября 1875
ждения д.Кукуево Крестецкого р-на Ленинградской обл.
о партийности (в т. ч. № партбилета) б/п
боты и должность до ареста школа - директор
ительства до ареста д.Кукуево
о родственниках Супруга: Алексей, 1927 г.р., Михаил, 1910 г.р.
Дочери: Зинаида, 1919 г.р., Ираида, 1917 г.р.

ста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено ре-
делу Арестован 3 февраля 1932 года. Обвинялся в идеологическом
ечении при организации к/р. организации, Решением Коллегии ОГПУ
марта 1932 года выслан в Среднюю Азию сроком на 3 года.

Привалов И.С. (ф. и. о.) подпадает

ие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года [illegible]
ерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, [illegible] 30—40-х годов и начала 50-х годов».

ий помощник прокурора
родской области
льник подразделения УКГБ
овгородской области
июля 1990 г.



см-2 Экз. № 2

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
ПО НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Розиной
Тамаре Васильевне

20.01.2010г. № Р-228

ул. Б.Санкт-Петербургская, д.2/9, Великий Новгород, 173001,
тел. 77-26-96, факс 77-27-41, 77-20-52

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Согласно материалам архивного уголовного дела № 1а/1627 Привалов Иван Степанович, 18 ноября 1875 года рождения, уроженец и житель дер.Кукуево Крестецкого района Ленинградской (ныне Новгородской) области, заведующий Ракушинской школой 1 ступени, органами ОГПУ был арестован 03 февраля 1932 года.

Необоснованно обвинялся в том, что якобы "... являлся идеологическим вдохновителем в создании к.-р. Организации», т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст.58-11 УК СССР (в редакции 1926 года).

Решением Выездной сессии Коллегии ОГПУ от 21 марта 1932 года Привалов И.С. был выслан в Среднюю Азию сроком на 3 года. Сведений о его дальнейшей судьбе в материалах уголовного дела не имеется.

По заключению прокуратуры Новгородской области от 12 июля 1990 года Привалов И.С. реабилитирован.

Состав семьи Привалова И.С. на момент ареста: жена – Александра Тимофеевна, 49 лет, дети: Алексей, 5 лет, Зинаида, 13 лет, Ираида, 15 лет, Михаил, 22 года, Василий, 26 лет, Иван, 1907 г.р., Мария, 1911 г.р.

В деле имеется фотография Привалова И.С.

Сведения об изъятом при аресте или конфискованном имуществе, а также личные документы в материалах архивного уголовного дела отсутствуют.

Основание: дело арх. № 1а/14023.

Начальник подразделения
Управления М.М. Сергеева

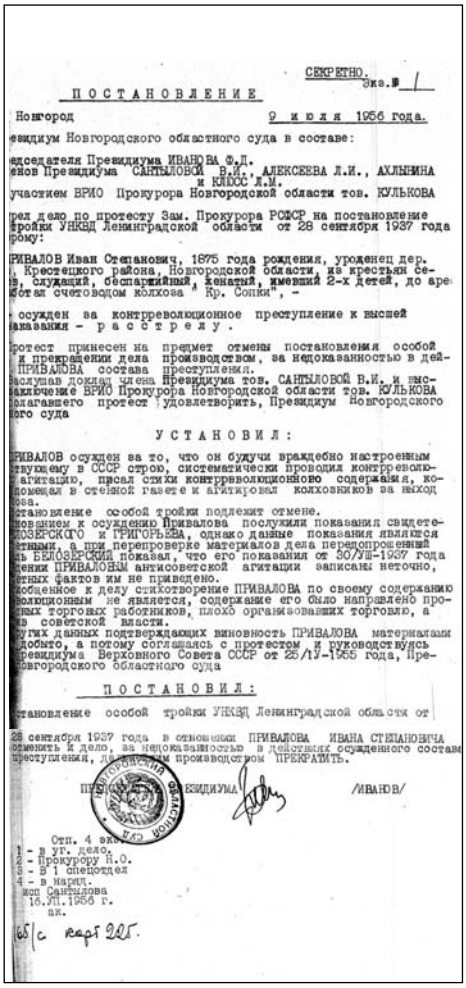
населения, скота, или занятия жителей и вы сразу попадёте в тупик. В лучшем случае вы ничего не достанете или достанете такую ерунду, что самому смешно станет...

Приходится лишь пожелать, чтобы у нас там, наверху, поскорее взялись за организацию дела Краеведения и организовали его донизу, и одновременно с тем необходимо разрабатывать программы и руководящие указания для сбора материалов на местах и разработки их наверху»[2].

Свою активную жизненную позицию по многим актуальным и ныне вопросам И.С. Привалов стал проявлять ещё раньше.

Так, в газете Крестецкой трудовой народно-социалистической партии «Голос трудового народа» от 1 октября 1917 года была опубликована его статья «Трудовая задача», где обосновывается важность просвещения и образования народа и роль в этом школьного учителя, труд которого оценивается не должным образом: *«...Темнота и некультурность людей служат главной, основной причиной бедности порабощения, неправильной жизни и много множества других злоключений... Накажите же Вашим избранникам, чтобы они не жалели денег на образование. Деньги эти пойдут всё равно, что семена в землю. Не пропадут они, а сторицей вернутся вам».*

К сожалению, кроме текстов указанных статей, скудные сведения о И.С. Привалове мы черпали из Книги памяти жертв политических репрессий[3], в которой указано, что Привалов Иван Степанович, 1875 года рождения, уроженец и житель д. Кукуево, русский, беспартийный, образование среднее, директор школы, арестован 3 февраля 1932 года, выслан в Среднюю Азию на три года. Во втором томе (1937—1938 гг.) практически все сведения повторяются, только он уже не директор школы, а счетовод колхоза «Красная сосна», осуждён 28 сентября 1937 года и расстрелян.



СЕКРЕТНО.
Экз.№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Новгород 9 июля 1956 года.

езидиум Новгородского областного суда в составе:

едседателя Президиума ИВАНОВА Ф.Д.
енов Президиума САНТЫЛОВОЙ В.И., АЛЕКСЕЕВА Л.И., АХЛЫНИНА и КЛЮСС Л.М.
участием ВРИО Прокурора Новгородской области тов. КУЛЬКОВА

рел дело по протесту Зам. Прокурора РСФСР на постановление тройки УНКВД Ленинградской области от 28 сентября 1937 года рому:

ПРИВАЛОВ Иван Степанович, 1875 года рождения, уроженец дер. , Крестецкого района, Новгородской области, из крестьян се-в, служащий, беспартийный, женатый, имевший 2-х детей, до аре-ботал счетоводом колхоза " Кр. Сопки", -

осужден за контрреволюционное преступление к высшей аказания - расстрелу.

ротест принесен на предмет отмены постановления особой и прекращении дела производством, за недоказанностью в дей- ПРИВАЛОВА состава преступления.
аслушав доклад члена Президиума тов. САНТЫЛОВОЙ В.И. и выс- заключение ВРИО Прокурора Новгородской области тов. КУЛЬКОВА олагавшего протест удовлетворить, Президиум Новгородского ого суда

УСТАНОВИЛ:

ПРИВАЛОВ осужден за то, что он будучи враждебно настроенным ствующему в СССР строю, систематически проводил контрреволю- агитацию, писал стихи контрреволюционного содержания, ко- помещал в стенной газете и агитировал колхозников за выход ов.
становление особой тройки подлежит отмене.
нованием к осуждению Привалова послужили показания свидете- ЛОЗЕРСКОГО и ГРИГОРЬЕВА, однако данные показания являются етными, а при перепроверке материалов дела передопрошенный ль БЕЛОЗЕРСКИЙ показал, что его показания от 30/VIII-1937 года ении ПРИВАЛОВЫМ антисоветской агитации записаны неточно, етных фактов им не приведено.
иобщенное к делу стихотворение ПРИВАЛОВА по своему содержанию волюционным не является, содержание его было направлено про- ных торговых работников, плохо организовавших торговлю, а в советской власти.
ругих данных подтверждающих виновность ПРИВАЛОВА материалами добыто, а потому соглашаясь с протестом и руководствуясь резидиума Верховного Совета СССР от 25/IV-1955 года, Пре- овгородского областного суда

ПОСТАНОВИЛ:

становление особой тройки УНКВД Ленинградской области от 28 сентября 1937 года в отношении ПРИВАЛОВА ИВАНА СТЕПАНОВИЧА отменить и дело, за недоказанностью в действиях осужденного состава преступления, дальнейшим производством ПРЕКРАТИТЬ.

ПРЕЗИДИУМА /ИВАНОВ/

Отп. 4 экз.
1 - в уг. дело.
2 - Прокурору Н.О.
3 - В 1 спецотдел
4 - в наряд.
исп Сантылова
16.VII.1956 г.
ак.

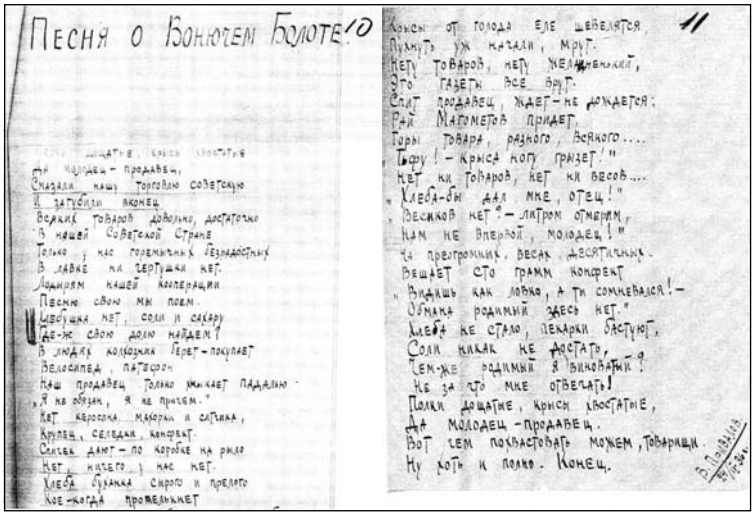
65/с карт 225.

По доверенности внучки Ивана Степановича, удалось ознакомиться с материалами двух архивных уголовных дел, где указано, что приговор тройки УНКВД ЛО приведён в исполнение спустя две недели после оглашения — 14 октября 1937 года.

Какие же обвинения были предъявлены Ивану Степановичу?

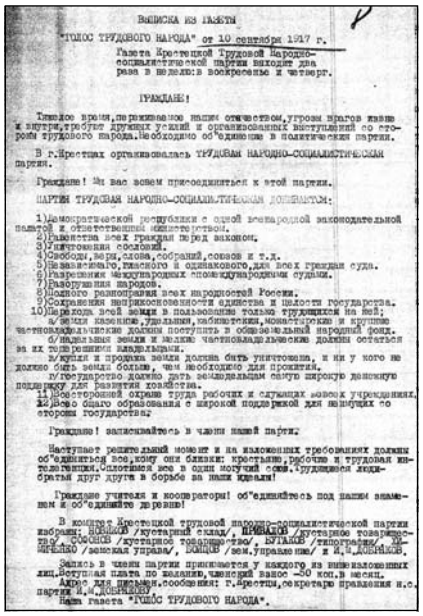
Вот, например, на первом допросе в 1932 году, один свидетель показал: *«...в разговоре со мной Привалов, имевший большой авторитет у населения, воспевал прелести Столыпинской системы землепользования, говорил о невозможности революционным методом построить социализм, противопоставлял методы постепенного перерождения быта в форме труда, громил политику реорганизации госаппарата и кооперативной системы»*[4].

В Постановлении Президиума Новгородского областного суда от 9 июля 1956 года, которым Привалов И.С. был реабилитирован, указано, что основанием к его осуждению и расстрелу послужили показания двух свидетелей, которые являются неконкретными. При повторной проверке материалов дела допрошенный вторично свидетель показал, что его показания 1937 года о проведении Приваловым антисоветской агитации записаны неточно, конкретных данных им не приведено. Приобщённое к делу стихотворение Привалова, помещённое им в стенной газете, по своему содержанию контрреволюционным не является: содержание его было направлено против работников торговли, плохо организовавших свою деятельность, а не против советской власти. Других данных, подтверждающих виновность Привалова, «материалами следствия не добыто»[5], но человека к этому времени не было в живых почти 20 лет...



Песня о Вонючем Болоте[1]

Для современных политиков в условиях многопартийной системы весьма интересно ознакомиться с программными тезисами Крестецкой трудовой народно-социалистической партии, в состав комитета которой входил и И.С. Привалов.



ВЫПИСКА ИЗ ГАЗЕТЫ
"ГОЛОС ТРУДОВОГО НАРОДА" от 10 сентября 1917 г.

В газете этой партии «Голос трудового народа» от 10 сентября 1917 года опубликовано сообщение, что в Крестцах организовалась Трудовая народно-социалистическая партия, которая добивается:

1. Демократической республики с одной всенародной законодательной палатой и ответственным министерством.

2. Равенства всех граждан перед Законом.

3. Уничтожение сословий.

4. Свободы веры, слова, собраний, союзов и т.д.

5. Независимого, гласного и одинакового для всех граждан суда.

6. Разрешения международных споров международными судами.

7. Разоружения народов.

8. Полного равноправия всех народностей России.

9. Сохранения неприкосновенности единства и целости государства.

10. Перехода всей земли в пользование только трудящихся на ней:

а) земли казённые, удельные, кабинетские, монастырские и крупные частновладельческие должны поступать в общий земельный народный фонд;

б) надельные и мелкие частновладельческие земли должны остаться за их теперешними владельцами;

в) купля и продажа земли должна быть уничтожена и ни у кого не должно быть земли больше, чем необходимо для прожития;

г) государство должно дать земледельцам самую широкую денежную поддержку для развития хозяйства.

11. Всесторонней охране труда рабочих и служащих во всех учреждениях.

12. Всеобщего образования с широкой поддержкой для неимущих со стороны государства.

Трудно сейчас понять, что здесь было антинародного и не понравилось в то время большевикам. Это был один из последних номеров газеты. Впереди была Октябрьская революция, диктатура пролетариата с однопартийной системой... И гибель учителя И.С. Привалова, который научил читать и писать многих матерей и отцов, дедов и прадедов местных жителей некогда многолюдных деревень Ракушино, Каменка, Кукуево и других окрестных селений Крестецкого района. Многие населённые пункты как, например, деревни Макарово и Андрюшкино, стёрты с лица земли и упоминаются только на старых картах XIX—XX веков.

Нам следует помнить завещание ракушинского учителя Ивана Привалова: **«Для всякого народа обязательна преемственность культуры, каждый должен знать и помнить, кто он, откуда пришёл и куда путь держит»**. Следует добавить к этому, что надо быть ещё и бдительными и не допускать произвола по отношению к честным и порядочным людям, каким, на наш взгляд, был И.С. Привалов.

Совсем недавно стало известно, что отец И.С. Привалова, Степан Привалов, был участником многолетних экспедиций известного русского путешественника и этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая. Сын Привалова — Василий Иванович (1904—1942 гг.) — пошёл по стопам отца и был учителем, а в годы Великой Отечественной войны служил минометчиком и погиб вблизи посёлка Лычково, а дочь Мария Ивановна (1911—?) стала доктором филологических наук и проживала в г. Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П.М. Золин. Новгород. Старая Русса. 1990. Вып. 2.

[2] Новгородское Товарищество Кооперативных Союзов. Материалы по кооперации Новгородской губернии. Вып. 1. Новгород. Типография Губсоюза, 1919. С. 29—32.

[3] Книга памяти жертв политических репрессий. Новгород, 1996. Т. 5. (1930—1936 гг.) Т. 2. (1937—1938 гг.)

[4] Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1а/1627. Л. 29, 31, 58—59. Д. 1а/14023.

[5] Постановление Президиума Новгородского областного суда от 9 июля 1956 года.

[6] Газета Крестецкой трудовой народно-социалистической партии «Голос трудового народа» от 10 сентября 1917 года.

А.А. Лукин

ВСТРЕЧИ С ХУТЫНЬЮ,

или Возвращение на круги своя

«Свет далёкий не угас
*на ветрах столетий...»**

Обитель преподобного Варламия Хутынского стоит на высоком холме, на правом берегу Волхова, и маковки её Спасо-Преображенского собора видны со всех сторон издалека. Существует этот монастырь более 800 лет.

Из нашей деревни моя мама с подружками бегала туда в храмовый праздник Варламия, чтобы послушать духовой оркестр, приезжавший в дни Варламиевской ярмарки из Новгорода. С каким блеском в глазах она рассказывала об этом на восьмом десятке лет!

Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря

— Мы переберёмся через Волхов, тогда был специальный перевоз на лодках. Как гремит музыка в липовой роще! Деревья-то вековые, бежим ещё издалека — услышишь «Дунайские волны», «На сопках Манчжурии»... Она пыталась петь, и слабая, далёкая улыбка тех лет освещала её лицо воспоминаниями. — Там колодец есть, говорят, сам Варламий его выкопал. Мы стоим с Васькой у святого колодца, — вспоминала она, — он обронил платочек, а на нём «Муся» вышито. Он краснеет, а я будто и не вижу, что он мой платочек носит. Он был из бедной семьи, любил меня, говорил: «Муся, ты не бросай меня».

Я уже знал, что потом она гуляла с другим парнем, более настойчивым, который и станет моим отцом. Но и этого парня, неизвестного мне Ваську, было жалко. — Мы бегали с ним на Варламиевскую горку. Говорят, Варламий её шапкой наносил. Поверье было — обежишь три раза вокруг часовни, выйдешь замуж в этот год. В трапезной монахи давали квасу и хлеба, а в старину, говорят, и мелкую денежку — так преподобный Варламий завещал. Кругом монастыря балаганы разные стояли, карусели, медведь на цепи ходил, кувыркался. Мы напляшемся под духовой, ночевать идём к дяде Васе Сыртинину (она называла мою далекую родню).

Я любил слушать эти рассказы, потому что она оживала и пора молодости была у неё почти единственно счастливой, потому что дальше были войны, революции и опять войны... Как хотелось продлить улыбку от воспоминаний этих лет! И я расспрашивал её, чтобы погасить печать вечности, которая уже ложилась на ее лицо. Я поклялся свозить мать в эти места, где она была молода и счастлива, я узнавал историю монастыря и житие Варламия Хутынского, который прославился своими чудесами и исцелениями. Надеялся, что, побыв там, она, может быть, на какое-то время меньше будет ощущать груз прожитых лет.

Я сумел это сделать, и теперь воспоминания о том дне до сих пор греют мне душу. Как она бегала по знакомым местам молодости, казалось, не зная устали, а я был счастлив, видя её радость! Воистину, это тот случай, когда уйди от суеты жизни и подари радость человеку, который пока ещё рядом с тобой. Не сделай этого — укоризна будет сидеть в тебе вечной занозой.

Я побывал там сначала без неё, и это тоже оказалось удивительным. Не сразу удалось выбрать время, и тот июньский день, когда я всё-таки более решился не откладывать, оказался серым, туманным и холодным, и автобус почему-то не ходил. Я решил идти эти десять вёрст, как это делали паломники многие годы и даже, можно сказать, столетия, ведь монастырь в 1892 году отмечал 700-летие!

---

* Г.Г. Филиппов. Гимн НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Дорога, кажется, за эти века нисколько не изменилась, особенно возле Новгорода — была разъезжена после весенней распутицы и только дальше, уже в полях было идти покойно и легко. Туман постепенно рассеивался, стало пробиваться солнце, наконец, стали видны строения монастыря, я шагал уже бодрее, а когда подходил к монастырю, воссияло солнце! Погода шла мне навстречу, и я в этом увидел хорошее предзнаменование. Я не чувствовал ни малейшей усталости. Не так ли было, когда подходил к Хутыни и преподобный Варламий: увидел светлый луч, просиявший из густой чащи леса, решил, что это знамение Божие и надо поселиться здесь. Правда, по народному преданию, это место находилось тогда во власти нечистой силы, называлось «Хутынь», т. е. худое место. Жития повествуют, что преподобный Варламий воскликнул словами Пророка: «Здесь покой мой и здесь вселюся в век века». Он поставил здесь крест и небольшую келью посреди глухой чащи, а позже — сначала деревянный, а затем каменный храм «в память того небесного света, который осенил его здесь». Летопись сообщает, что «*в лето 6700 (1192 год) постави церковь внизу на Хутыни Варлаам чернец, а мирским именем Алекса Михайлович во имя святого Спаса Преображения и святи владыко архиепископ Гаврила на праздник и нарече монастырь*». Таким образом, с построением и освящением церкви возник Хутынский мужской монастырь, а Варламий был поставлен игуменом над начавшей собираться сюда братией.

Построенный в XII веке Преображенский храм простоял боле 300 лет. Новый большой соборный храм Преображения был воздвигнут на месте древнего в 1515 году и считается, что унаследовал главные черты московского Успенского собора.

Много веков прошумело над главами Собора. После последней войны монастырское здание оставалось долго в руинах. Обрушилась почти вся верхняя часть собора, стены имели проломы и трещины. Но я увидел уже вокруг храма леса, правда, и они были уже не новые, видно, трудно шло восстановление собора.

Я вошёл внутрь, где всё было завалено битым кирпичом и не без опаски прошёл в сумрак Храма. Что я мог здесь увидеть среди хаоса и разрухи? Однако не сразу, но глаза мои, уже привыкавшие к сумраку, увидели массивную плиту из чёрного мрамора — да ведь это главная святыня обители — мраморная гробница преподобного Варламия! Она была безупречно чистой. На ней лежали свежие цветы и стояла свеча — теперь, спустя годы я вижу: она теплилась, едва колеблемый свет боролся с сумраком южного Покровского придела. Века сохранили эту гробницу, сюда шли люди из разных городов и сёл: иноки и князья, вельможи и цари и простые люди поклониться гробу Преподобного Варламия, высказать свои думы, мольбы и упования, поделиться горестными или радостными минутами своей жизни. Я замер возле чёрного саркофага — с чем пришёл я? Я не знал с чем, но чувствовал, как успокаивается моя душа и растворяются и исчезают мелочные обиды.

Я вышел, и день мне показался ещё более ярким. В голубое небо уходила колокольня у южного входа, когда-то от неё во двор вела кленовая аллея. Колокольня сверху тоже была разрушена, и было написано, что взбираться на неё опасно из-за возможного обрушения. Я с опаской, но как будто кто-то гнал меня, лез и лез вверх... Мне открылись такие дали — излучина Волхова, заливные луга, дальние деревни, облака где-то там далеко шли грядой, а надо мной было чистое небо!

Я долго просидел наверху, уже солнце опустилось ниже за Волхов, спустился и вспомнил, что время позднее и мне ведь предстоит обратный путь эти десять вёрст, о чём я забыл. Долго ещё стоял на берегу, глядя на воды Волхова — они текли века назад, будут течь и без меня. Где-то на том берегу виделась фигура рыбака в лодке. Вот если бы лодка перевезла меня, как бывало в старину мать перевозил лодочник, и я через полчаса был бы дома и рассказывал матери, как я был у Варламия в Хутыни... Но звать было некого, Волхов катил свои воды мимо, и в это позднее время какой-то пароходишко шёл вдали. Я провожал его глазами, стоя на берегу, но он почему-то пошёл с фарватера наискосок к берегу и через пару минут не просто причалил к берегу, а сходу вылез на него, так что я даже отбежал в сторону.

Хутынь. Паломничество с матерью. 1970-е гг. Фото автора

— Ну что стоишь? — закричали оттуда, видя, наверно, мой растерянный вид.

— А что? — опомнился я. — Куда надо? — прокричала женщина.

— Да на тот берег.

— В Кречевицы, что ли? Прыгай.

Я, не веря удаче, забрался по какому-то трапу и глупо улыбался. Хотелось спросить:

— Ведь вас Варламий Хутынский послал?

Минут через 20 эта посудина таким же манером вылезла на берег в Кречевицах. Я даже вспомнил это место — здесь была когда-то пристань, бойкий рынок и я

мальчишкой приходил продавать молоко и, выкроив копейки, покупал книжки по устройству мира и про художников — были такие дешёвые серии. Сейчас я прыгнул с борта чуть ли не в заросли. Через полчаса я подходил к своему дому и рассказывал горячо матери, какой удачной была моя поездка и как мне помогал Варламий...

Спустя некоторое время мы были в Хутыни с матерью. Она неутомимо ходила, узнавая и не узнавая места своей молодости. Я смотрел на неё и предлагал, куда идти. Мы поднялись на Варламиевскую горку; мать опять стояла у святого колодца, как когда-то стояла со своим парнем, ходили по склону липовой рощи. Здесь обнаружился какой-то домишко, и пожилая женщина вешала бельё, мать заговорила — эта встреча тоже была подарком: спустя 60 лет они обсуждали общих знакомых в Хутыни Сыртининых. Нас спугнул небольшой дождь.

Крестный ход в Хутыни. Фото А. Виснапа. 2005 г.

Побывав в Хутыни, каждый раз задаёшься вопросом — почему не иссякает поток людей в течение столетий, на какие вопросы помогает сегодня ответить человек, живший более 800 лет назад. Вот жил человек в Новгороде, в Неревском конце, в миру новгородский боярин Алексей Михайлович, жил бы себе, коли богат, но он раздал добро после смерти родителей бедным и ушёл искать уединения в молитве, принял монашеский постриг. Икона даёт представление о нём: «*из черна рус, брода до персей узка, на главе схима, из под нее кудерцы знать, ризы преподобническия*». Называют его в книгах и Житиях старцем, и это смущает, ведь он прожил всего 36 лет — 1156—1192 гг. Он основал монастырь и стал в нём первым игуменом. В 1440 г., когда новгородский архиепископ Евфимий Вяжищский готовился канонизировать его, первого в пантеоне новгородских святых, освидетельствуют его мощи — монастырская братия молится и постится в течение трёх недель, затем вскрывают саркофаг и «*видеша мощи хутынского игумена Варламия целы и ничем не вреждены и не разрушены, и весь образ его и браду видеша, яко же на иконе написан*».

Когда Варлаамий выбирал место для уединения, он много претерпел, его пытались прогнать отсюда и «возбуждали в нем разные помыслы, старались довести его до нарушения поста». Думается, понятно каждому из нас, какие дьявольские искушения пришлось обуздывать молодому чернецу.

У раки преподобного раньше лежали тяжёлые вериги, состоявшие из звеньев с большими крестами впереди и сзади, а в ризнице хранилась власяница. Он надевал на голое тело тяжёлые вериги, а наверх вместо сорочки власяницу — в таком виде он не только молился, но готовил землю для посева, косил. Он истязал тело постом, тяжёлой работой. По смерти Варламия в храмовой праздник к раке выносились вериги, все становились на колени и молились святым мощам. У нас дома хранились долгое время вериги (это особая история), богомольная тётка моя не давала мне надеть — грех! всуе надевать грех, но я знаю их тяжесть, и представить трудно, что в них ещё работали. Воистину, поразительна крепость веры таких людей! Но значит, по истинной вере и даётся дар чудотворения и прозорливости, чем и обладал Преподобный Варламий и в жизни, и когда в жизнь вечную ушёл.

Над серебристой ракой Варламия, осенённой резным балдахином, на старых фотографиях видна из стены рука, держащая жезл. Это напоминание о чуде с Иоанном III, который гневно требовал открыть гроб Святого, а в ответ получил пламя и дым из гроба, в страхе бежал, бросив жезл.

В Москве в церкви Иоанна Предтечи был поставлен придел Варламия Хутынского после того, как у гробницы Варламия Хутынского оживает постельничий московского князя Григорий (Тумган), и с этого времени Новгородского Святого «почаща праздновати в Москве».

Не знаю, можно ли отнести истоки чудотворения к прозорливости Преподобного Варламия — обычно для этого считается важным многое — обстановка, в которой рос человек, в том числе историческая, а также, конечно, житейский опыт. Он прожил иноческую жизнь и всего год возглавлял монастырь, и всех лет ему было 36, когда время для него остановилось. Однако приходили к нему за советом и простолюдины, и знатные вельможи, и каждый мог получить совет и наставление. Вот пример его наставления начальникам: «*... всякому начальнику, кто бы ни был — необходимо помнить всегда и содержать в уме следующие три вещи: первое — что он поставлен начальником над такими же людьми, как и он сам; второе — что он должен управлять подчиненными по установленным законам, и наконец, третье — что не вечно будет продолжаться его начальство и власть*». Ну, кто будет спорить, что это наставление и сейчас можно вывешивать в кабинетах современных руководителей, хотя как далеко то время, когда жил Варламий. Правда, историческая обстановка того времени не даёт тех исторических уроков, которые оставил, например, более поздний подвижник христианства Сергий Радонежский — христианство тогда ещё едва насчитывало двести лет и причудливо уживалось с язычеством; татаро-монгольского нашествия русская земля ещё не знала; на месте Москвы — фактически ещё леса; но уже начинает складываться Новгородская вечевая

республика, выходя из подчинения Киеву. Существует уже «Русская правда» Ярослава Мудрого и «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о законе и благодати» первого Киевского митрополита из русских, и уже написано, наверно, «Слово о полку Игореве», построены главные Соборы Юрьева и Антониева монастыря, Николо-Дворищенский собор, Детинец и София являются центром Новгорода, и Варлаам, будучи игуменом, навещает Владыческий двор и, как мы знаем, однажды приезжает туда в июне на санях, как обещал владыке, предсказав накануне снег и мороз. С тех пор совершался в этот день крестный ход из Софии в обитель. Особенно торжественным был крестный ход водным путём, когда приплывала процессия к обители, совершалась литургия и по окончании бояре, воевода, духовные отцы имели монашеский стол, за которым обносилась чаша о государевом здравии.

Со временем строгость крестного хода упростится, и современник начала XX века сетует, что владыка следует в монастырь в экипаже, а прочее духовенство и власти понаедут к преподобному Варлааму едва ли не прямо на монастырский обед «приличный, пожалуй, для светских балов», и что варламиевский праздник превратился просто в житейское удовольствие.

Всё-таки позволю не согласиться с автором воспоминаний, потому что в основе своей некоторые традиции Хутынского монастыря складывались сотни лет, например, наказ оделять богомольцев небольшими кругами чёрного хлеба, поить квасом введён самим преподобным и по его завещанию в продолжение 700 лет (!) непрерывно это в обители исполнялось.

Много или мало расходовалось хлеба и кваса (а раньше и медная денежка)? Послушаем, как автору поездки 1903 года поясняет заведующий трапезной: «*В один праздник раздадим до 60 пудов хлеба, а квасу выпоим до 200 ведер. Ведь в храмовые праздники повернется более 10 тысяч человек*» и далее, приглашая к трапезе: «*В будние дни на обед подаются четыре блюда — холодное из ботвы (свекла с огурцами), щи, суп или уха и гречневая каша, а ужин состоит из щей и разваришки*» (жидкая гречневая каша). В праздник трапеза «украшается» осетриной, которую крошат прямо в щи.

Эту трапезу автор оценивает как очень скромную. Сделаем автору скидку на то, что он плыл на пароходе до Хутыни без удобств — «*палуба без зонта... скамейки мокрые... труба обдает сажею, билет 1 класса — 25 копеек., 2 класса — 20 коп., а удобства равные*». Добавим от себя, что ныне пароходы не ходят, а известная многим «Красотка» ходила по Волхову, кажется, и в послевоенное время.

С самого начала Хутынский монастырь пользовался особой почестью, в XVII веке во главе монастыря был даже архимандрит. Доходы монастыря определялись огромными размерами его владений — пашни, луга, ловли. Против монастыря был хороший сиговый промысел. В 1903 году держали 30 коров, семь лошадей.

Но долгие годы монастырь был разорён и не только в советское время. Сильно пострадал от пожара в 1540 году, был ограблен шведами в 1611 году, есть свидетельство, что «*шведы сняли с гробницы Варламия серебра 139 фунтов, 12 золотников и жемчужину по тогдашней цене на 58 рублей*». В августе 1941 года в Великую Отечественную войну немцы заняли монастырь, бывший тогда больницей. Мой дядя, Алексей Петрович Тимофеев, был там врачом, несчастных больных расстреляли, а медперсонал отправили в концлагерь.

После освобождения Новгорода работы по восстановлению Хутынского монастыря начались в 1976 году.

Новая жизнь в истории Хутыни началась в апреле 1994 года, когда открылся Спасо-Преображенский Варлаамо-Хутынский женский монастырь. С этого времени здесь живут монахини, на сегодня их уже около сорока насельниц, приехавших сюда из разных уголков России. Возглавлять эту общину, вначале состоявшую из 14 монахинь и послушниц, владыка Лев благословил монахиню Алексию (бывшую послушницу Пюхтицкого Свято-Успенского женского монастыря).

На сегодня полностью восстановлен Спасо-Преображенский собор и береговой корпус, трапезная церковь во имя преподобного Варламия и монастырская колокольня — та самая. У алтарной части собора за эти годы постепенно возник некрополь, где упокоены известные новгородцы. В числе первых — первый Президент и создатель Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Владимир Васильевич Сорока. Остановлюсь на этом неординарном человеке, так как в судьбе многих, и даже моей, он оставил свой след, а на земле, может быть, не меньший, чем наш знаменитый земляк. Он родился в 1940 году, но ушёл из жизни в 57 лет!*

Я знал его по работе — это был мягкий и улыбчивый человек, но все знают, что он мог быть жёстким и волевым. Он не успел отметить даже 60-летия, всегда спешил, торопился, его можно было представить только в движении, он даже умер на ходу, на бегу.

Он оставил главное после себя — крупный университет, носящий имя просветителя древности и, наверное, в его планах было ещё многое.

По утрам он энергично появлялся в фойе университета со спортивной сумкой, обычно здоровался с охраной, причём так, как будто ты был его добрый знакомый, а не один из сотен сотрудников. Наверное, и в этом проявляется интеллигентность человека. Я не знал в то зимнее утро, что вижу его в последний раз — он, как обычно, зашёл, поприветствовал и направился в спортзал. В фойе висела афиша о предстоящих соревнованиях по настольному теннису, моя мечта была «скрестить шпаги» с Президентом.

Я показал на афишу:

— Владимир Васильевич, не примете участия?

Он улыбнулся на бегу:

— Я в отпуск уезжаю.

...Вот так и запомнился, в движении, удаляющийся по длинному коридору.

---

* В 2010 году университет отметил 70-летие своего первого Президента. Рискуя выйти за пределы своих записок, позволю себе назвать хотя бы некоторых ровесников Владимира Васильевича, чтобы оценить, скажем так, творческий потенциал этого поколения. И, если хотите, жизнеспособность. Одни отметили этот юбилей, иных уж нет — Иосиф Бродский, Лариса Голубкина, Михаил Кононов (он же «Нестор Петрович»), Жанна Прохоренко, Нурсултан Назарбаев, легендарный Пеле, Джон Леннон, Том Джонс и т. д. Не будем вдаваться в характеристики представителей последнего предвоенного года — это, как говорится, дело вкуса.

Следующая встреча была уже прощанием с ним — Владимир Васильевич умер на отдыхе в Сочи, возвращаясь с утренней пробежки. В конференц-зале мы прощались со своим Президентом. Я шёл в бесконечном потоке людей, вглядывался в его лицо, черты которого были не так знакомы, а рядом с портрета с мягкой улыбкой смотрел прежний Владимир Васильевич.

В те дни я как-то проходил по коридору возле приёмной Президента, где хозяйкой оставалась его помощник Людмила Павловна. Обычно успешно скрывавшая свой возраст, в первую очередь своим лёгким характером, в эти дни она выглядела на свои года. Я заметил, на доске приказов возле кабинета ещё висели приказы, подписанные лично Владимиром Васильевичем, один — о гимне университета, другой — о завершении работ по истории университета. Они не стали бы никогда знаковыми в череде буден, но после кончины Президента подытоживающий (в какой-то степени) характер этих приказов, показалось мне, приобрёл символический и, может быть, даже мистический характер. Пройдёт время, будут другие начальники и другие приказы, но эти два, думалось мне, надо бы оставить здесь висеть как напоминание о первых годах университета, когда ещё писали гимны и самые первые страницы истории университета.

Наверно, существует какая-то неумолимая логика, что похоронили его в Хутынском монастыре, и последнее место упокоения оказалось рядом с могилами Варламия Хутынского и Гавриила Державина. Мы не знаем обычно душевных тайников, иногда даже близкого человека. Вот мы знаем, что Владимир Васильевич, став новгородцем, любил рыбалку, вернее, просто посидеть с удочкой один, любил борщи, которые готовила его жена, любил песни Высоцкого и Малинина, играл на гитаре, в компании друзей мог сказать: «Ребята, почему мы сидим так тихо!», любимое его слово было «Прорвёмся!». Он был доктором наук, профессором, магистром Портлендского университета (США), академиком Петровской Академии наук и Российской академии инженерных наук, почётным членом Российской гуманитарной академии!

Конечно, как и всякий человек, Владимир Васильевич наверняка задумывался и о вечных вопросах бытия, но при его бесконечной занятости и публичности жизни, наверно, ему нелегко было найти такие минуты и такого человека, который услышал бы его вопросы и понял, и разделил его сомнения, но, значит, было в его душе такое, что позвало его на вечный покой к преподобному Варлааму — говорят, это он так хотел... Конечно, и он зажигал свою свечу у гробницы преподобного Варлаама.

Душа потребует вернуться ещё не раз сюда всякого, кто был здесь, кто видел этот замечательный возрождённый ансамбль монастыря и живописные окрестности.

Как-то довелось мне стоять напротив Хутынского монастыря на другом берегу Волхова. Я услышал колокольный звон. Приглушённые далью звуки приплыли ко мне с Хутыни, кто-то невидимый отпускал их под голубой купол небес, и они растекались раздольно, мягко и нежно над речной гладью, растворялись, истаивали в воздухе и тут же их догоняли другие.

Ныне, на пасхальной неделе я был в Киеве, слушал пасхальные колокольные звоны Владимирского собора — пели радостные попевки, обгоняя друг друга малые колокола, в завершение неожиданно бухнул большой колокол, растворив в себе все звуки, и густой затихающий звук улетел ввысь, где истончились в пламени заката золотистые кресты куполов и, казалось, наступила тишина, но тут же зашумела улица, которой как бы не было до этого.

После Хутынского звона будешь сидеть на берегу, в первозданной тишине у липовой рощи, где когда-то давным-давно отзвучали и Амурские, и Дунайские волны, будешь смотреть, как медленно и покойно катит волны древний Волхов, и будешь сравнивать это течение со своей жизнью.

Теперь ворота обители открыты для всякого, и лампада над гробницей Преподобного Варлаама, не гаснувшая и в самые лихие времена — теперь мы это знаем — остаётся тем светом, который зовёт людей прикоснуться и ныне.

Когда кто-то рассказывает о своих вояжах на заграничные курорты, я спрашиваю: «А ты в Хутыни был?».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. А.С. Хорошев. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). Изд-во МГУ, 1986.
2. П.П. Толочко. Древняя Русь. Киев, 1987.
3. Н.М. Никольский. История Русской Церкви. М., 1987.
4. Русское православие. Вехи истории. М., 1989.
5. М.Ю. Брайчевский. Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989.
6. В.В. Удалова. Византийская культура. М., 1988.
7. К. Каутский. Происхождение христианства. М., 1990.
8. И.А. Крывелев. Что знает история об Иисусе Христе. М., 1969.
9. П.А. Раппопорт. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
10. К. Ламонт. Иллюзия бессмертия. М., 1961.
11. Б. Данэм. Герои и еретики. М., 1967.
12. Б. Рассел. Почему я не христианин. М., 1987.
13. Э. Ренан. Жизнь Иисуса. С-П., 1906, репринтный.
14. Житие преподобного Варлаама Хутынского с акафистом. Великий Новгород, 2003.
15. Обитель преподобного Варлаама Хутынского. Новгородская епархия, 2003.

Б.А. Анфимов

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Хочу поведать вам о своём отце, человеке с уникальной судьбой. Несмотря на то, что он жил с нами, видел я его урывками. Как это возможно? Начнём всё по порядку, собрав воедино скудные сведения о нём по его дневникам, рассказам сестры (мама о нём мало говорила), отдельным эпизодам и наблюдениям, сохранившимся в памяти.

Мой прадед, дед Александра Ивановича — Леонтий — был бурлаком. Помните, в Третьяковской галерее картину И. Репина «Бурлаки на Волге» — люди, впрягшиеся в бечеву, тянут за собой по реке баржу с грузом. Это очень тяжёлый труд. Так вот, дед не на себе таскал баржи, а обслуживал конную упряжку, но всё равно именовался бурлаком.

Мой дед, отец Александра Ивановича — Иван Леонтьевич Анфимов (1865—1910) — родом из Кронштадта, работал кровельщиком. В основном, он покрывал купола церквей жестью и золотом. Эта работа хорошо оплачивалась, а ему как единственному работнику необходимо было содержать семью из десяти человек: жена Павла Ивановна (1868—1956), домохозяйка; дети — Наталья (1889—1933), Александр (1892—1958), Александра (1893—1943), Алексей (1896—1961), Иван (1900—1980), Надежда (1904—1910), Михаил (1907—1925), Виктор (1910—2000).

Работа была нелёгкой: всё время на большой высоте, в любую погоду. Плотники, сооружавшие леса, не всегда были добросовестны, в результате чего однажды дед упал с этих лесов и сильно расшибся. Долго болел, но оклемался и снова приступил к своей работе — надо было кормить детей! Спустя некоторое время, в 1910 году, он снова упал, и это падение стало роковым. В том же году умерла дочь Надежда, а на свет появился последний сын — Виктор.

Павла Ивановна Анфимова (Пелевина). Около 1942 года

Мой отец — Анфимов Александр Иванович родился в XIX веке (25 августа 1892 г.) на Курдюжском лесозаводе Новгородской губернии Белозерского уезда, на реке Ковжа, а проживал на Анненском мосту Вытегорского уезда — нынче Вологодской области. Получил образование: четыре года начального училища в Курдюге и два года в двухклассном министерском училище. Много читал, занимаясь самообразованием, беспартийный.

Из большой семьи отца в живых я застал только Алексея, Ивана и Виктора да бабушку Павлу Ивановну Пилевину (Анфимову), сыгравшую в объединении семьи немаловажную роль. Сначала она растила и воспитывала восьмерых детей, а когда они выросли и разъехались по всей стране, жила по очереди то у одного, то у другого сына и помогала воспитывать внуков. Присматривая за ними, давала возможность родителям работать.

По рассказам знаю, что в 1937 году, когда я родился, бабушка приехала к нам в Новгород. Помню её с двухтрёхлетнего возраста. Бабушка ходила в церковь и брала меня с собой: она молилась, стоя на коленях, а я рядом. Мне надоест, я потихоньку отползу, а она спохватится, догонит и вернёт обратно.

Александр Иванович Анфимов. Белозерск. 20.01.1919 г. (27 лет)

Мне всегда почему-то казалось, что мой отец высокий (может быть, потому, что я был ещё маленький?). По правде говоря, я и не интересовался его ростом, даже когда вырос. На самом деле его рост был всего лишь 167 см, а у меня — 181 см. В роду я самый высокий, все остальные — низкорослые. Походка быстрая, твёрдая, уверенная. Темноволосый, отец стал седеть незадолго до смерти. За волосами он всегда ухаживал — чем-нибудь смазывал или смачивал — сметаной, сывороткой, когда мама мыла мясо, щавель, крапиву — этой водой или просто водой во время умывания. Поэтому они блестели. Глаза карие, нос прямой. Белые ухоженные руки с красивыми крупными ногтями. Ещё у тоца был очень красивый, отработанный за всю жизнь почерк. Откровенно говоря, он ничего в руках и не держал, кроме карандаша и ручки с пером, писал чернилами. В этом с ним никто не мог сравниться. Понравившейся, увиденной где-то буквой он мог исписать всю страницу, доводя её написание до автоматизма.

Всегда был очень аккуратен, возможно, к этому его приучила армия. Уже будучи гражданским человеком, за неимением другой одежды носил гимнастёрку

(в послевоенное время почти все мужчины их носили), к которой каждый день подшивал белый подворотничок. Ботинки начищал до зеркального блеска, при этом почему-то всегда плевал на щётку, носил галоши. На улицу никогда не выходил небритым. Его нательная рубашка, которую сам и чинил, была вся в заплатах, зато верхнюю всегда носил с галстуком. После бритья обязательно одеколонился. На масленицу, когда мама пекла блины и у него бывало хорошее настроение, он напевал: «Блины, блины-олашки, молите Богу нас». Откуда это и как понять — мы, естественно, не знали, но и не спрашивали.

Было у него хобби — что-нибудь красить. Красил всё, что нужно и ненужно: снаружи деревянную кадушку для воды, черенок лопаты, топорища, мотыгу, табуреты, умывальник, бидон для керосина и так далее. Неплохо рисовал, особенно природу — лес. Люди же у него выходили какие-то квадратные и длинноносые. Иногда рисовал цветы, запомнился его рисунок клевера.

На гражданке и на фронте, когда было свободное время, отец вёл дневник, куда записывал кулинарные рецепты, рецепты от некоторых болезней и особенно понравившиеся стихи, в том числе Сергея Есенина. Интересно одно из них, о кошках, я тоже записал в своём дневнике, а только потом обнаружил у него. Мы оба об этом не знали. Удивительно! Были также записи о погоде, выписки из фронтовых газет — сколько взяли и каких трофеев — танки, орудия, пулемёты и другая техника, сколько захватили пленных солдат и офицеров, таблицы розыгрышей по футболу, сведения о запуске первого спутника земли и многое другое. Часто писал письма маме и нам, интересовался здоровьем бабушки. Как-то к первому мая нам с сестрой прислал красиво оформленные письма с вырезанными из открыток и наклеенными картинками. Всё это обведено цветными карандашами. На моей, например, кудрявый улыбающийся мальчик с рогом изобилия, а у сестры — с цветочками (открытки у нас с сестрой сохранились).

Сестра в школе за неимением тетрадей и бумаги писала, как все ученики, на газетах. Отец собирал бумагу, где придётся, переплетал её в тетради, а обложку делал из красивых золотистых или цветных обоев. Помню, все в классе даже завидовали ей.

В 1913 году Анфимова Александра призвали на действительную военную службу. В то время в армию брали только старшего сына из семьи, поэтому все тяготы военной службы достались ему. Отец принял присягу царю. За грамотность его определили в писари. Его братья никогда не служили в армии, ни в мирное, ни в военное время, так как все трое были водниками. А водникам, так же как и железнодорожникам, выдавалась «броня», то есть освобождение от воинской повинности. Алексей Иванович работал на судоремонтном заводе в отделе снабжения. Иван Иванович с женой Ольгой до войны работал на земснаряде (углубление дна реки или водоёма), продолжая этим заниматься во время войны, обеспечивал движение судов с военным грузом для защиты Сталинграда (Волгограда). Виктор Иванович работал сначала электросварщиком, потом мастером, затем начальником шлюза Волго-Балтийского канала на Москве-реке.

В 1914 году началась Первая мировая война. В 1915 году А.И. Анфимов за службу был награждён солдатским Георгиевским крестом. В 1917 году он принял присягу уже Временному правительству и был удостоен звания чиновника военного времени, участник гражданской войны. В 1919 году присягал уже Советскому правительству. Таким образом, он трижды (!) за свою жизнь принимал военную присягу.

Алексей Иванович Анфимов. Шлиссельбург (Петрокрепость). Около 1943 года

В 1923 году Александр Иванович переведён из Череповца в Новгород, бухгалтером по найму (вольнонаёмным) Ленинградского военного округа. В Новгороде в 1930 году он женится на Екатерине Николаевне Овчинниковой, а в 1931 году в их семье родилась дочь Галина. Жили в небольшой двухкомнатной квартирке в дедовском (!) доме. Дом этот был куплен в кредит отцом Екатерины Николаевны, Николаем Дмитриевичем, и расплатился он за него только накануне Октябрьской революции. До революции на первом этаже дома он содержал магазин продовольственных и колониальных (чай, кофе, пряности) товаров, а на втором этаже жил со своей тоже многочисленной семьёй. Советская власть фактически отобрала дом и магазин и вселила жильцов, оставив хозяевам дома эту квартирку, тёмную и тесную, одно из окон которой выходило на северную сторону, а второе — на крышу так, что зимой приходилось разгребать с неё снег. В этой-то квартирке и жила моя семья.

В 1934 году отца на два года командировали на Дальний Восток, в Читу, куда он и уехал с женой и трёхлетней дочкой. Заработав там приличные по тем временам деньги, отец хотел купить маме пианино, но она отказалась. В Новгород семья вернулась в 1936 году.

Когда мне только-только исполнилось два года, началась советско-финляндская война (1939—1940 гг.). Естественно, отец сразу был отправлен на фронт. Воинская часть, в которой служил отец, попала в окружение. Вот уж он хватил лиха! Зима была суровая, снежная. Продовольствие кончилось. Все припасы доставлялись и сбрасывались в места расположения части только с самолётов, большинство грузов перехватывалось финнами. Войска голодали, и особенно страдали раненые. Отец находился рядом, так как был приписан к санчасти. Раненые лежали на нарах и на полу вплотную друг к другу.

Особенно донимали финские снайперы — «кукушки», которые охотились преимущественно за офицерами. Поэтому все они в приказном порядке носили солдатскую форму, только на петлицах были офицерские знаки отличия. Старшие офицеры (комдивы и комбриги) носили в петлицах эмалированные ромбы с золотой окантовкой. Полковники и капитаны — эмалированные прямоугольники, или «шпалы». Младшие офицеры (лейтенанты) — эмалированные квадраты или как ещё называли «кубари». Сержанты и старшины — эмалированные треугольники.

Отец работал в землянке госпиталя, однажды во время бомбёжки его срочно вызвал к себе командир части. Собрав все документы (всегда носил их с собой в портфеле), он вышел из землянки. Как только отошёл от неё метров на 50—60, в эту землянку попала бомба, и все раненые, находившиеся в ней, погибли. В живых остался только отец. Можете представить себе его состояние! Есть его фотография того времени — про таких говорят: «В гроб краше кладут!» — живые мощи**.** Дома от него уже не получали никаких известий. Мама с сестрой через день да каждый день ходили в военкомат в надежде что-нибудь узнать о судьбе отца, но там ничего утешительного сообщить не могли. Подавленные, они возвращались домой, с тем, чтобы через день идти опять.

Александр Иванович Анфимов. 1939—1940 гг.

Как-то в конце ноября 1939 года, ночью в нашем доме вспыхнул пожар. Горели сараи, деревянная лестница чёрного хода, чердак. Соседи выносили вещи. Мы спали. Мама тихонько, чтобы не напугать сестру (ей было восемь лет), стала её будить:

— Галюшка! Просыпайся! Быстро одевайся и беги на улицу, мы горим!

Меня, закутав в папину шубу, вынесла во двор, посадила на землю, а сама вернулась в дом за ценными вещами и документами. Город в то время был сравнительно небольшой, тысяч 40—50. Весть о пожаре разлетелась быстро. Наш дом был недалеко от ДККА — Дома культуры Красной Армии, на углу улиц Ильиной и Михайловской (Первомайской и Кировской). Начальник ДК Н.Г. Васильев, узнав о пожаре, прислал красноармейцев. Они, уточнив, которая из семей — семья фронтовика, быстро через окно вынесли всю мебель и вещи, ничего не повредив, и свезли в подвал Дома культуры, где они и хранились до окончания ремонта дома.

В первый вечер нас приютила мамина подруга Зоя Иннокентьевна Созина, жившая с матерью Марией Евгеньевной, через дом. Суровую зиму 1940 года мы жили в соседнем, бывшем Вороновском, доме у Виктории Михайловны Скороходовой и Ольги Степановны Сычёвой. У последней муж тоже был на Карельском перешейке. От него она, как и мы, тоже не получала вестей. Часто плакала, а я, двухлетний, забравшись на колени, гладил её по голове и старался утешить:

— Не плачь, Типаничка, дядя плиедет!

Только заключение мира между СССР и Финляндией спасло моего отца и мужа Ольги Степановны, а также и других, разделивших их участь, от верной гибели, если не от бомбёжек и обстрелов, так от холода и голода — наверняка.

До пожара квартира наша была уютная, только вот солнца мы не видели. Во время ремонта прорубили окно на восток, во двор соседнего дома, хозяин которого в своё время не хотел, чтобы окно дедовского дома смотрело в его сторону. Право собственника — закон!

Александр Иванович Анфимов. Архангельск. 1943 г.

Остаток года был светлым и счастливым. Вся семья в сборе, относительный достаток. Мы, детвора, бегали «по ёлкам». Главная ёлка стояла в большом зале второго этажа бывшего Дворянского собрания на Софийской площади. Все прилегающие залы были ярко освещены и украшены цветными гирляндами и маленькими ёлочками. Под звуки музыки дети танцевали вокруг большой ёлки, а потом, взявшись за руки, пробегали единой цепочкой все залы. Улыбающиеся родители наблюдали за нами, а дома все вместе ели гостинцы от Деда Мороза и Снегурочки.

У меня в детстве были белокурые волосы, длинные — до плеч, и вьющиеся. Все говорили: «Ах, какая девочка!», а я сопротивлялся: «Я не девочка, я — мальчик!». Отцу это ужасно не нравилось. «Что вы из парня девку делаете?!». Повёл меня в парикмахерскую и остриг наголо. В таком виде и привёл меня на ёлку. Я увидел сестру и бросился к ней, та шарахнулась от меня — что это за мальчишка к ней летит — не узнала меня стриженого!

Кроме городской, посещали и домашние ёлки, которые устраивали соседи —увы, эта традиция канула. Созины, Малыгины, Емельяновы. Если не было ёлок, катались по улице на финских санях с длинными полозьями и удобными деревянными стульчиками, на которые сестра сажала меня, заставляя крепче держаться...

Беззаботное наше детство кончилось 22 июня 1941 года.

На следующий же день отец получил повестку, собрал необходимое и ушёл на сборный пункт. Немцы стремительно наступали. Отец служил в эвакогоспитале, который формировался в Новгороде, а потом был направлен во Псков, ближе к фронту. По ночам над городом немцы развешивали в небе осветительные ракеты с мертвенно-белым светом. Налетали «бомбовозы» и бомбили мост через Волхов и вокзал, где скапливалась масса людей, бросавших свои дома и отступавших на восток вместе с нашими войсками.

По мере отступления войск отец из-под Пскова передвинулся в Шимск, а потом и в Новгород. 12 июля 1941 года отец отправил нас в деревню Волынь Пахотногорского сельсовета в 40—50 километрах от Новгорода. Через деревню непрерывным потоком гнали стада коров, чтобы не оставлять немцам. Женщины не успевали всех их подоить, молоко девать было некуда — выливали прямо на дорогу. Вся деревня была в дыму. 14 июля 1941 года отец эвакуировал нас в последнем товарном, отведённом для семей военнослужащих, в город Рыбинск, а оттуда — до посёлка Чкаловск Горьковской (Нижегородской) области к брату Ивану. Наши скитания заслуживают отдельного рассказа, а сейчас вернусь к рассказу об отце.

Открытка, нарисованная и присланная А.И. Анфимовым сыну Борису из Берлина весной 1945 года

С июня 1941 года по октябрь 1946 года он служил в армейском полевом госпитале № 2529 начальником финансовой части. 11 августа 1941 года со своим госпиталем выехал из Новгорода на Бологое, а 30 августа 1941 года — в город Архангельск, куда прибыл только 11 сентября 1941 года. Новгород был оккупирован фашистами с 15 августа 1941 года по 20 января 1944 года, за этот период город был разрушен до основания.

Хроника всех вышеописанных событий в дневнике отца. Весь дальнейший путь до Берлина в дневнике не отмечен — не до этого было. Сохранились в памяти лишь отдельные эпизоды происходившего из воспоминаний отца, матери и сестры**.**

Так, я знаю, что под Кенигсбергом (Калининградом) при артиллерийском обстреле отец находился в окопе и перед ним упал снаряд, но не взорвался, обдав только грязью — почва, на его счастье, была болотистая.

В 1943 году А.И. Анфимова наградили орденом Красной звезды за успешную работу по профессии. Вы скажете, мол, это не боевой орден. Но ведь эту важную работу должен кто-то выполнять, причём в такое трудное время. Уже в мирное время звание Героя Социалистического Труда присваивали Стаханову, Райкину, Зыкиной, Никулину и многим другим, поэтому отец очень любил и гордился орденом и носил его постоянно. Кроме того, он был Георгиевским кавалером, о чём в то время умалчивали, награждён медалями «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Позже участники войны награждались юбилейными медалями соответственно за 20, 30, 40, 50, 60 лет Победы над Германией. Думаю, если бы он был членом КПСС, наград получил бы больше.

С 5 февраля по 19 февраля 1944 года отец был на побывке в посёлке Чкаловск. Он знал об этом отпуске уже за два месяца. В течение этого времени готовился, то есть подкапливал всевозможные продукты. Его однополчане поделились, кто чем мог — все они знали, как голодно жили в тылу: «Всё для фронта, всё для победы!», а труженикам тыла — то, что осталось, лишь бы не умерли от голода.

Жители Чкаловска понятия не имели, что такое война, поэтому пренебрежительно и свысока относились к нам, эвакуированным, называя нас не иначе, как «выковырянные». «И чего вам не сиделось дома? Понаехали! Кто вас звал!».

Однажды в посёлок заехал «заблудившийся» танк, так все жители сбежались на него посмотреть, как на диковинку, а мы между собой поговорили: «Хотя бы одну бомбочку на них сбросили, может, тогда они бы почувствовали, что такое война, и не осуждали нас».

Отец приехал ночью, а может быть, вечером. Всё-таки зима, темнело рано, часов у нас не было, возможно, рано легли спать, голодные, холодные, так как не было дров, а в кровати вдвоём теплее. Света тоже не было: когда сестра делала уроки, жгли коптилку — маленький пузырёк с керосином, куда вставлялся фитилёк. Мама была на дежурстве в детском доме, где она работала ночной нянечкой.

Нашей радости не было предела. У него были с собой соломенные немецкие жалюзи на окна — в дороге он завернул в них продукты, чтобы не заморозить. Жалюзи сразу отправили в печь-плиту, на которую поставили табурет и посадили меня. Печь загудела, стало теплее. В руки мне отец дал ломоть хлеба во всю буханку (маме давали по карточке 400 граммов на сутки), намазав его сливочным маслом (за войну мы забыли его вкус), а сверху ещё положил толстый слой печёночного паштета так, что мне даже было не откусить такой бутерброд. Тем не менее, я не заметил, как он исчез в моём желудке.

В двух «бездонных» отцовских чемоданах чего только не было: хлеб чёрный и белый, печенье, сухари, масло, консервы, крупы, сахар, шоколад, сгущённое молоко, свиная американская тушёнка, называемая «второй фронт». Мы с сестрой смотрели, вытаращив глаза, и долго не могли прийти в себя от всего этого богатства. Я наелся, согрелся и счастливый заснул, а сестра ещё долго расспрашивала отца о войне, жизни и рассказывала о нашей и о том, что всё время хочется есть.

Утром пришла мама и ещё у порога, почувствовав запах табака, стала ругать нас всех за то, что ей не сообщили о приезде папы — это ведь был сюрприз для

всех нас: он заранее не сообщал — всякое могло случится — ведь шла война.

На другой день отец пошёл в военкомат вставать на учёт и сказал, как здесь живёт его семья. Через полтора-два часа подъехала машина с берёзовыми дровами (обычно мама потихоньку с работы носила в муфте по полешку на растопку), привезли мешок картошки и полмешка крупы. Я, крепко держась за руку, гордо шёл рядом с отцом, всё время оглядываясь — видят ли меня мальчишки с папой-фронтовиком в шинели с портупеей, фуражке со звездой (хотя на улице стоял февраль), с белыми капитанскими погонами с красным просветом, а главное — с пистолетом на боку!

Его отпуск прошёл, как чудный сон, он уехал в часть. Картошка и крупа быстро кончились, не говоря уж об остальном. Опять потянулись полуголодные дни, а мы жили воспоминаниями.

Отец со своей частью дошёл до Берлина. После окончания войны командир предлагал ему перевод в Москву с присвоением очередного звания майора, но по состоянию здоровья (был контужен) он не подошёл. Пока шла война — на это не смотрели — был нужен, а после — нет, поэтому решили демобилизовать. Для Москвы есть более молодые и здоровые.

Анфимовы: Александр Иванович, Екатерина Николаевна и дети — Галина Александровна, Борис Александрович. Новгород. 22.07.1951 г.

Окончательно отец вернулся домой в октябре 1946 года, ему было уже 54 года. Начал службу при царе рядовым, а закончил в звании капитана интендантской службы в должности заместителя начальника госпиталя по финансовой части. Всё, что касалось денег, проходило через его руки: это выплата по аттестатам денег офицерам и солдатам, выплаты за награды (тогда за ордена и медали платили деньги), обеспечение госпиталя всем необходимым — медикаментами, бельём, постельными принадлежностями, оплата медперсонала по сопровождению тяжелораненых и многое другое.

Когда отец вернулся, мы жили в Панковке. Он сразу же устроился на работу в какую-то торговую организацию, располагавшуюся на территории будущего завода «Планета». Каждый день ходить по восемь километров туда и обратно на работу он не хотел, поэтому устроил себе какое-то спальное место в укромном уголке — так там и жил, и питался.

Транспорта в городе никакого не было. В то время была шестидневная рабочая неделя, домой приходил только по воскресеньям, да и то не всегда. Так что мы его снова практически не видели и все вопросы, как всегда, решали с мамой. Есть отец — нет отца!

С фронта Александр Иванович вернулся с трофеями, среди которых был велосипед (в городе ещё ни у кого не было), но довольно старенький. Уж как он за ним ухаживал! На этом велосипеде отец иногда ездил из Панковки на работу, а один раз он даже привёз меня на раме в город на майские праздники. Пользовался им недолго — порвалась шина, камера выпячивалась наружу. Он её кое-как перетягивал верёвкой, а отечественные покрышки к велосипеду не подходили. Из Панковки мы уезжали уже без велосипеда. Куда он делся — не знаю.

Кроме велосипеда, отец привёз ещё карманные серебряные часы без стрелок, ему их починили. Часов тогда тоже ни у кого не было — на работу все ходили по гудкам заводов, никакие шумы их не заглушали — в городе тишина. Ещё был старенький фотоаппарат с набором стеклянных пластинок, два очень красивых немецких ордена — один серебристый, а в центре белый эмалевый кружок с чёрной свастикой, другой — со скрещёнными мечами. Эти ордена я снёс в школу, похвастаться перед мальчишками, и их у меня украли. Ещё отец привёз медный или бронзовый колокольчик с выпуклым рисунком на нём, а вместо языка — набор шариков, соединённых друг с другом, шахматного фарфорового белого коня. Их постигла та же участь, что и орденов. Были, правда, ещё два кожаных потрёпанных портфеля: в одном из них отец держал личные документы, дневники и мамины письма, а с другим до самой смерти ходил на работу. Помоему, у сестры они до сих пор хранятся. Помню, была гибкая стальная канцелярская линейка, между пластинками которой вставлялись в несколько рядов промокательные полоски.

В 1948 году, когда он устроился в строительную организацию, располагавшуюся в каменном бараке (на этом месте сейчас завод «Комета» и «Новобанк») на реке Гзень, как главному бухгалтеру ему выделили в нём угловую хорошую светлую комнату на три окна — два на юг и одно на запад, потолки под четыре метра. Все «удобства» на улице, при этом вокруг грязь непролазная даже летом. Мимо окон машины возили брёвна на пилораму, по реке Гзень пригоняли плоты. Контора была в том же общем коридоре, что и наша комната, и мама постоянно мне говорила: «Боря, сходи, позови папу обедать (или ужинать)». Жили как в коммунальной квартире. В плохую погоду мы, ребятишки из соседних комнат, играли в длинном коридоре, а куда деваться.

Убранство комнаты было самое убогое. Я спал на топчане, который представлял собой двое козел с положенным на них деревянным щитом, на нём — матрац, набитый соломой, но зато подушки были пуховые. Мама иногда ложилась отдохнуть на него, а потом говорила мне: «Боря, как ты спишь на нём, у меня все бока после

этого болят!». Комната была общая, спрятаться друг от друга негде. Со временем, по просьбе мамы, отец принёс несколько реек из столярки и сделал сестре ширмочку, обтянув её темно-синими обоями с золотыми то ли цветами, то ли узорами, точно не помню.

Так вот и жили. Все четверо крутились на этом пятачке, правда, отец большую часть суток проводил в конторе за своим столом, а вокруг сидели его помощники — бухгалтера и счетоводы. Дома он появлялся только для того, чтобы поесть и поспать. Несмотря на то, что у него было достаточно помощников, львиную долю работы делал он сам. Вечные нескончаемые отчёты-балансы: квартальные, полугодовые, за девять месяцев, годовые, которые он отвозил в Москву, останавливаясь у своего младшего брата Виктора.

Приезжая в Москву, все родственники Виктора Ивановича и Тамары Георгиевны Анфимовых останавливались у них, а те всех принимали, обогревали и — само собой, кормили. Как-никак столица, снабжение было намного лучше, чем на периферии.

Какое-то время с Виктором жила бабушка: он её забрал к себе. Стала плохо видеть, у неё развилась катаракта. Виктор устроил мать в больницу, и ей сделали операцию, но через некоторое время она окончательно ослепла.

Остальные дети высылали деньги на её содержание: кто сколько мог. Пенсии она не заработала. Последние годы жила у сына Алексея в Шлиссельбурге, где и умерла в 1956 году на 89 году жизни.

Особенно часто останавливались у Виктора Ивановича мы с отцом. Отец четыре раза в год на протяжении десяти лет ездил туда со своими отчётами. Я любил дядю даже больше отца, не в обиду ему сказано, и он меня любил, называя сыном. Его сына Славика сбила машина на Хорошевском шоссе, когда он выскочил на дорогу за мячом.

Старший радиорелейный механик Борис Александрович Анфимов (сидит). ВВС СССР. Польша, г. Легница. 30.11.1961 г.

По вечерам, когда удавалось, я с отцом и Виктором Ивановичем играл в шахматы. Виктор Иванович в свободное время часто ловил рыбу «люлькой», и, чтобы как-то пополнить семейный бюджет, его жена эту рыбу продавала. Естественно, Виктор Иванович рассказывал о рыбалке и отцу, показывал ему свои снасти и плоскодонную, сделанную им самим лодку. Отец загорелся и, приехав домой, заказал в столярке такую же. Рабочие предлагали: «Александр Иванович, давайте мы вам сделаем настоящую лодку?». «Нет, мне надо такую, я видел у брата, мне понравилась!». Сделали ему лодку и «люльку». Правда, рыбы мы так и не видели, хотя он выезжал раза два-три на рыбалку. На лодке я катался с ребятами, а когда переехали на Московскую улицу, лодку на Гзени оставили, а вёсла ещё долго валялись в сарае, потом их сожгли на растопку в печке.

Виктор Иванович Анфимов. Ленинград, 1956 г.

На Гзени и на Большой Московской мы заготавливали дрова. Всегда почему-то зимой — так распоряжался отец, мол, мороженые чурки легче колоть, а то, что они сырые, отца не интересовало, не он же растапливал плиты и стояк. Пилить с ним было очень тяжело, пилу всё время тянул на себя — я очень уставал. Не распиловка дров, а перетягивание пилы. Потом, в четыре руки, дрова кололи. Складывать в сарай приходилось уже мне, но иногда помогали мама с сестрой. Когда я подрос, дрова заготавливать стали летом, я брал это на себя, правда, машину обеспечивал отец.

Отец был очень педантичным и ответственным. Когда баланс не сходился хотя бы на копейку, мы все подтрунивали над ним, на что он не сердился: «Папа, не мучайся, возьми ты эту копейку!». Надо было видеть его в момент работы — это был настоящий профи: счёты и арифмометры трещали как пулемёт. Закончит подсчёт, стряхнет счёты и снова стук костяшек. Во время работы очень много курил: сначала «Звездочку», потом папиросы «Норд», «Север», а когда стали жить получше, перешёл на «Беломорканал». Папиросы не вынимал изо рта — одну погасит, другую сразу прикуривает. Пепельница всегда была горой от окурков. Когда папирос не было, покупал отдельно «гильзы» и табак и специальным приспособлением сам набивал, или это делали мы с сестрой.

Однажды отец решил сделать себе шезлонг для отдыха. Принёс из столярки (он уже работал в строительной организации) несколько длинных брусочков, сколотил две прямоугольные рамы по ширине стула — одна метра в полтора, и другая около шестидесяти сантиметров. Соединил их так, что сбоку было похоже на перевёрнутую печатную букву «У». Натянул на большую раму кусок парусины — шезлонг готов. Теперь надо испытать: осторожно, придерживаясь руками за раму, сел и... шезлонг сложился пополам, вернее, как перочинный ножик, придавив ему пальцы и содрав кожу. Кое-как все вместе вытащили его из этого сооружения. Несчастного шезлонга мы больше не видели.

Отец мало обращал внимания на нас с сестрой. Как мы учимся, чем занимаемся, чем увлекаемся, что читаем, что делаем — это, казалось, его совсем не интересовало.

Даже обидно было — дочка счетовода всё время «ошивалась» в конторе около него. То он ей что-то рисует, то помогает решать задачки, то помогает что-то клеить. Стеснялся оттолкнуть... Кстати, она закончила школу с серебряной медалью.

Хотя, конечно, он был неплохим отцом, не пил, по-своему любил нас. Как он гордился тем, что дочка учится в институте, то есть получит высшее образование. Как радовался, когда я ему передал на общешкольном собрании (единственное собрание, на котором он был) вручённый мне аттестат зрелости. В то время считалось, что если ты не окончил десять классов, то ты неполноценный человек. Глупость, конечно, но таковы были времена. Отец ещё больше был бы рад, если бы узнал, что сын сначала закончил техникум, а потом и институт ЛФЭИ имени Н.А. Вознесенского, но, увы, этого ему уже было не суждено узнать.

В 1954 году папе дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном восьмиквартирном доме, который построило СМУ-14. Теперь отец стал чаще бывать дома, но опять со своими документами и бумагами, счётами и арифмометром. Сядет на своё любимое место в укромном уголке кухни, поест. Мама освободит стол, он разложит бумаги и начинает работать, порой до ночи. Всё время курит. Он даже не ходил в отпуск, а брал компенсацию — всё работал. Мама раза два «прогоняла» его в дом отдыха — был доволен. Старался лишнюю копейку принести в дом. У него, главного бухгалтера, оклад был всего 90 рублей, а у мамы-машинистки — 40 рублей.

В 1940—1950-е годы все в обязательном порядке подписывались на государственный займ или просто сразу высчитывалась из заработной платы определённая сумма. На руки выдавали облигации, погашение которых обещали в необозримом будущем. Иногда выпускали выигрышные таблицы, но по ним, как и в лотерею, мало кто выигрывал. Когда приходили такие таблицы, отец скрупулёзно проверял свои и мамины облигации. В конце концов плюнул и не стал больше проверять, а сестра говорит ему: «Папа, а вдруг ты выиграешь?». «Проверяй сама, если выиграешь, то тебе десять процентов». И что вы думаете — выпал выигрыш на целые две тысячи рублей! «Ого! Тебе будет многовато двести рублей!». Но тут вмешалась мама: «Нет, обещал — отдавай, тебя за язык не тянули!». В общем, сестра купила себе первые часы «Победа», а папе, как он ни сопротивлялся, — хорошее новое пальто. Вот было радости!

Спустя много лет, когда родителей уже не было в живых, пришёл как-то к сестре, а она мне и говорит: «А тебе подарок от папы!». Я вытаращил на неё глаза: плохо шутишь! Оказывается, нет. Погасили папины и мамины облигации. Мы получили вместо вложенных тысяч рублей по двести-триста. Ведь очень многие люди не поверили в погашение этих займов и просто выбросили облигации, а мы сохранили, сказалась семейная щепетильность по отношению ко всем бумажкам...

Папа почти никогда не болел, всегда быстро ходил. В нашем доме коридор ниже уровня земли во дворе.

Б.А. Анфимов рядом с родительским домом. Великий Новгород, ул. Ильина

Осенью натекла вода, подмёрзла — отец поскользнулся и упал на спину. Месяца два болел. Дня два полежит дома, а потом опять на работу. Ему было всё труднее выходить из дома. До последнего дня, лежащему в постели, ему приносили документы на подпись. Мама невольно ворчала, что больному человеку и дома не дают покоя. Сколько его помню, всё время он был в работе.

В конце концов ему стало очень плохо и он ещё своими ногами пошёл в больницу. Первое время выходил на свидание с нами, но однажды упал, ударился головой — больше он уже не встал.

Перед отправкой в армию я зашёл к нему проститься, и он сказал мне, что устал и не хочет больше жить. Начал я службу в Новоселицах в 21 год, так же как и отец, и меня только и успели переодеть в солдатскую форму 1 декабря 1958 года, а 5 декабря папа умер. Ему было 66 лет...

Мне кажется символичным, что умер папа в день Конституции. Всю свою жизнь он отдал службе Отечеству — участвовал в Первой мировой, в Гражданской войне, служил вольнонаёмным в Ленинградском военном округе, затем участвовал в советско-финляндской войне, во Второй мировой. Нашёл покой только на Петровском кладбище, в семейной ограде родственников по линии жены Екатерины Николаевны.

С.В. Трояновский

УЛИЦА — НЕ СТРАНИЦА!

На отчётно-выборном собрании за 2010 год более 60-ти членов Новгородского общества любителей древности (НОЛД) вновь обсудили ситуацию с переименованием проспекта Карла Маркса. Участвовавшие в заседании городской топонимической комиссии члены НОЛД проинформировали своих коллег, что рекомендации Общества по обсуждению этого вопроса в две стадии (сначала принципиальное решение о необходимости переименования и лишь затем выбор нового названия), выполнены лишь отчасти. 17 декабря прошлого года Комиссия проголосовала большинством голосов за отказ от прежнего названия. Из 13 голосовавших практически все, кто представлял научное сообщество и общественные организации — пятеро, были против, как впрочем, и большинство опрошенных разными методами горожан.

Согласно рекомендациям НОЛД решение о «забвении» Карла Маркса, должна была бы принять городская дума, депутаты которой отвечают за свои решения непосредственно перед избирателями. Но в руководстве Комиссии по неким «юридическим основаниям» считают эту процедуру ненужной. И с этим общественники категорически не согласны: переход к обсуждению более чем 30 вариантов новых названий без поимённого голосования депутатов городской думы против сохранения прежнего названия означает не только игнорирование консолидированной позиции историков и филологов, но и нежелание учитывать мнение жителей города. Демократической такую процедуру уж точно не назовёшь.

Справка:

Топонимическая комиссия при думе Великого Новгорода 17 декабря 2010 года приняла решение о переименовании проспекта Карла Маркса.

Как заявила председатель топонимической комиссии при думе Великого Новгорода Елена Филиппова, далее решение будет вынесено на обсуждение думы Великого Новгорода, но с дополнением в виде готовых вариантов названий будущей улицы, проспекта или бульвара.

В сложившихся обстоятельствах члены НОЛД не видят смысла своего участия в дальнейших дискуссиях о новых названиях. Ведь их компетентный в таком вопросе голос хоть и был услышан, но решения явно принимаются на основе иных мнений.

А жаль, ведь в своё время заступничество НОЛД спасло от поспешного переименования древнюю Прусскую улицу, когда в 1914 году грянула война с Германией и гласные городской думы решили изъять «прусаков» из городской топонимики. Ну, не знали они, что прусы это не германские, а балтские племена, издревле родственные славянам по языку, от немцев и пострадавшие. Им всё разъяснил печатным словом секретарь НОЛД И.В. Аничков, и неумное решение не состоялось. Причём времена были царские или, по-нынешнему, авторитарные.

В 2002 г. отстоять старинное название Григоровского шоссе нолдовцам не удалось. Об этом на собрании тоже вспомнили и дали поручение вновь избранному составу Правления добиться от топонимической комиссии возвращения к вопросу о переименовании улицы, связанной с XV века с селом Григорово. Уже после собрания стало известно, что решением городской думы в состав Комиссии введён Сергей Моисеев — нынешний секретарь НОЛД и один из авторов новейшего путеводителя «Улицы Великого Новгорода». Такое «утяжеление» комиссии оставляет надежду на здоровый консерватизм решений. Ведь в историческом городе каждая улица, как страница учебника истории, с той лишь разницей, что вырвешь, а обратно уже не вклеишь. И как уроки учить?

М.К. Бурьяк

Новгородский фольклорный театр

Преемственные традиции общинно-родовой исполнительской школы
деревни Мшага Шимского района Новгородской области

Фольклорный театр был неотъемлемой частью святочных увеселений новгородцев до середины 20-х годов XX века и существовал как театральное действо в нескольких населённых пунктах Новгородчины: народную драму «Царь Максемьян (Максимилиан)» разыгрывали жители деревни Мшага Шимского района, деревни Долгово Новгородского района; народную драму «Утаман и шайка разбойников» разыгрывали жители деревни Бараниха Старорусского района; вертепное представление «Рождество Христово и смерть царя Ирода» — жители города Старая Русса.

С 1985 года участники Новгородского фольклорного театра «Кудесы» приступили к работе по восстановлению названных спектаклей. «Кудесам» посчастливилось не только пообщаться с очевидцами святочных представлений и эмоционально разделить с ними радость воспоминаний о давно ушедших с «помостов» спектаклей, но и совместно разыграть их отдельные эпизоды. В такой работе каждый новый этнофор[1] вносил свои поправки в исполнительскую фактуру спектакля и становился желанным наставником «Кудес» по передаче навыков фольклорного актёрского мастерства.

В настоящее время новгородская аутентичная исполнительская традиция (пение, хореография, музицирование, обряд и фольклорный театр) полностью утрачена у новгородцев в аспектах локальной преемственности этноисполнительских традиций, а её оставшимся исконным носителям более 90 лет. Это обусловлено тем, что многие десятилетия XX века в силу ряда исторических, культурных, социально-политических причин фольклорное искусство не было востребованным у отдельных народов, населявших Россию, в том числе и у новгородцев. И всё же благодаря подвижникам многие уникальные произведения нематериального культурного наследия продолжают жить и обретают свою достойную нишу в современных городских праздниках и фестивалях.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ СВЯТОЧНОГО СПЕКТАКЛЯ «ЦАРЬ МАКСЕМЬЯН» ДЕРЕВЕНЬ МШАГА ВОСКРЕСЕНСКАЯ И МШАГА ЯМСКАЯ ШИМСКОГО РАЙОНА

Деревня Мшага Шимского района Новгородской области — крупное поселение на реке Мшага, территория наиболее раннего расселения племени словен ильменских — первых восточнославянских насельников будущей Новгородской земли. Археологические памятники окрестностей Мшаги доказывают заселение этих мест примерно с VIII–X веков нашей эры.

Согласно Писцовой книге 1498 г. Матвея Ивановича Валуева это селение называлось «Новая Соль» — местонахождение «соляных ключей», минеральных источников, древнего промысла солеварения. «На Пшаге (древнее название реки Мшага — ***М.Б.***) было 22 варницы». В конце XV в. Мшагу называли Новой Руссой.

Не позднее 1586 года в селении был учреждён ям, именуемый в документах Мшажским или Мшацким. Правобережная часть Мшаги до сих пор называется Ямской. Здесь проходил старинный тракт Новгород—Псков; здесь меняли лошадей: был почтовый двор и ямщицкая слобода (Слободка)[2].

Левобережная часть Мшаги называется Воскресенской — по названию церкви Воскресения Христова (1825 г.), установленной на месте бывшей церкви во имя Параскевы Пятницы[3]. Мшага была в составе Медведской волости и являлась центром церковного прихода[4]. Регента в церкви не было, но староста певчих хорошо знал музыкальную грамоту, по камертону давал тон, распределял голоса в хоре, обучал пению. В хоре было много мужчин[5]. До революции при церкви была церковно-приходская школа. В 1841 году здесь открылась первая в губернии сельская школа Новгородской палаты государственных имуществ.

В 80-е годы XX века «Кудесы» отправились в деревню Мшага Шимского района в поисках народной драмы «Царь Максемьян». Источником для работы по восстановлению народного представления послужили сведения доктора искусствоведения из Санкт-Петербурга Виктора Аркадьевича Лапина, изучавшего песенный и инструментальный фольклор Новгородской земли. Мшагские песнехорки, вспоминая свадьбу, лирические и игровые песни, не утаили от него и то, что их отцы и деды в зимние святки играли «Царя Максемьяна».

...И вот мы во Мшаге.

О «Максемьяне» помнили все местные старики: «*Хороший был спектакль, настоящая комедия. Вся деревня, не пив**ша** и не ев**ша**, сзади „Максемьяна" ходила*». Современники «Царя Максемьяна» хорошо помнили лишь реплику **О**ники-воина: «*Авзия, Африка, Америка пузатая, и тая вострепещет!*» (кричит, вокруг себя вертится на одной ноге — Ленькина Мария Александровна, 1915 г.р.) и «заглавную» песню, которой начинался спектакль: «*Максемьян на трон садился, судил сына своя**во***».

Шли недели, месяцы кропотливых поисков. В каждый дом многократно заходили собиратели, желая воскресить

память местных жителей Шимского и ближайших — Солецкого и Батецкого — районов о «Царе Максемьяне», но практически всё было забыто. «Вот бы годом раньше пришли, когда Саша Петрухин был жив, он Царя играл! Вот и записали бы, что вам надобно», — говорили старики. Но надежда не покидала нас, мы понимали, что нельзя ставить точку, пока не опрошены все очевидцы «Царя Максемьяна». Новгород, Таллинн, Рига, Псков, Тверь — везде побывали «Кудесы», куда разъехались жить исполнители фольклорного спектакля. Слово за слово, по мельчайшим крупицам наполнялся спектакль репликами, эпизодами, описанием поведения героев, реквизита... А встреча с Марией Васильевной Ланевой стала переломной в судьбе нашего «Максемьяна».

16 февраля, 1988 год, Санкт-Петербург. Сюда, вслед за мужем, приехала жить Мария Васильевна Ланева — дочь «скорохода-маршала». Страшная болезнь приковала её к постели. Увидев нас, Мария Васильевна приподняла

Спектакль «Царь Максемьян» в исполнении фольклорного театра «Кудесы». Д. Мшага, 2008 г.

голову и прошептала: «Я знаю „Царя", мой отец в нём играл, у нас в избе все репетиции проходили, да и сама я сколько раз смотрела представление. Если греха в этом нет, так расскажу его и песни спою». И перед нами стали оживать сцены коварства Царя с Сыном, воинов Царя с Рыцарем справедливости, скорбящей Соломониды с убиенным младенцем, хвастуном **О**никой-воином...

«Вот он идёт на трон[6] — Царь-то, ему и поют:

Максемьян на трон садился,

Судил сы... судил сына своего.

Ну, вот садится, а у ево ещо, Пажи назывались, два парубка таких ровных парня (были). Он и кричит им:

П**а**жи, предстать пред трон своёго возлюбленного монарха!

Оне подскакивают, нога об ногу бьют, как солдаты военные:

О, всемилостливый Царь Максемьян!

О чем ты призываешь и что делать повеливаешь?!

Вот он и говорит:

Приведите моёво возлюбленного сына Адольфа!

Вот ведут **е**во эти два пажа; они с саблями — шашками, привели.

Царь: О, изверьх, о, непокорный!

Очуствовался ты своём преступлении или нет?

Веруешь ты в моих кумических Богов?

А он и говорит:

Я твои кумические Боги

Подвержаю под ноги!

Верую в Распятова, миня бедняка и тебя Царя-дурака!

Царь: А я тибя к**о**вшем накажу! (не знаю, что-такое ковш).

Адольф: А я (говорит) и головой не дрожу.

Царь: Уведите ево.

И вот ево три раз так приводили.

Царь: П**а**жи, предстать пред трон своёго возлюбленного монарха!

Пажи: О, всемилостливый Царь Максемьян!

О чём ты призываешь и что делать повеливаешь?!

Царь: Приведите моёво возлюбленного сына Адольфа!

Вот оне ведут, он опять **е**во спрашивает:

О, изверьх, о, непокорный!

Веруешь ты в моих кумических Богов?

Он опять говорит:

Я твои кумические Боги

Подвержаю под ноги!

Верую в Распятова, миня бедняка и тебя Царя-дурака!

Царь опять говорит:

А я тибя к**о**вшем накажу!

Адольф: А я и головой не дрожу.

Он тогда говорит:

Закуйте ево в цепи!

Раньше мы плакали, когда ево заковывали. Вот ево заковали и повели в цепях-то. Цепи-то грымят, цепи-то большие.

Царь опять ево вызываит. Он к ему идёт, уже голова наклонена. Такой суту-у-улый, такой печальный, цепи грымят... Вот запевают песню «Я в темницу удалялся»:

Я в темницу удалялся
Ут прекра...ут прекрасных здешних мест,
Ут прекра...ут прекрасных здешних мест.

Уставлял я град любимый
И тибя... и тибя, родитель мой,
И тибя... и тибя, родитель мой.

Кто на свете есть милее
И доро... и дороже есть всево,
И доро... и дороже есть всево.

Применить нельзя к примеру,
Нельзя стра... нельзя страсти истребить,
Нельзя стра... нельзя страсти истребить.

Знать судьба твоя такая —
Удному, удному в темнице быть,
Удному, удному в темнице быть.

Их человек 15 было на этом спектакле: и Поп был, доктор был, Богиня — девушка молодая, нарядная. Трон-то пустой был, вот она приходит и говорит:

Ни для това это место сотворён?

Ни для этова громада сотворена?
Ни для миня ли красной девушки — Богини?
Сяду я на трон и возвеселюсь!
А у к**о**во денежки есь,
Тот может ко мне подсесь.
Старик подбегает:
А у миня денежки есь,
Я к тибе могу подсесь!
А Богиня:
А я ут таких старых денежки утбирала,
Платком чистым нос утирала
И прочь утсылала!
Ушёл этот старик, вот она и говорит:
Вознесуся, вознесуся высоко на небо,
Упущуся, упущуся на Марсово поле,
Когда Марс ко мне явитца,
Белым кинжалом покоритца...
Марс — шапка така с пером, красиво одет, вот он и говорит:
Ху ты, гордая проклятая Богиня,
За что ты миня Марца порицаешь
Аль моей храбрости не знаешь?
Говори, что винюсь!
Она здесь на колени падаит, просила прощенья, но утрубил ей голову — саблей м**а**хом!
Давно-о-о было, миленькая. Эта пьеса кончилась Богиней и Марсом. Царя-то с трона свергал **О**ника...
Потом Смерть пришла — коса на плече, в белом. Он:
О, мати моя смерть!
Дай мне хоть годик пожить!
— Нет тибе и месяца!!!
— О, мати моя смерть!
Дай мне хоть недельку пожить!
— Нет тибе ни дня!!!
Смерть ведет за собой Царя»...

Мы не перебивали Марию Васильевну вопросами и с замиранием в сердце слушали её вдохновенный рассказ о спектакле, который она «играла» во всех ролях.

«...Вот сыграют спектакль и закричат зрителям:
— Вот представление кончается, а с вас актёрам на мёд-пиво полагается! — и запляшут, выпрашивая у купцов угощение или деньги:
Что на дубе, на дубочке
Два голубчика сидят,
Оны сидят, разговаривают,
К себе молодца приманывают:
„Нет, нет у нас такого молодца,
Что принес бы нам по рюмочке винца,
Что Ивана да Ивановича!"
Он полтиной ворота открывал,
Музыкантам по рублишку выдавал!»

С этими звуками Мария Васильевна, обессиленная, закрыла глаза, затихла, а лицо её ещё продолжало искриться радостью и умиротворением от удачно «сыгранного» спектакля... Через неделю Мария Васильевна умерла, оставив и о себе, и о спектакле отца светлую память.

И снова Мшага... Мы стучим в дверь к Якову Александровичу Часнову. «Заходите, желанные! — радостно встречает он, — каждый день в своей памяти „Царя" оживляю!» (На последней войне Яков Александрович полностью потерял зрение, лишился ноги, но не смирился со своей инвалидностью: сам стирает, штопает бельё всегда весел и добр.)

«Я вспомнил, что приходил Рыцарь к Царю, за Сына шёл:
— Изверьх, идол!
Я твоих рыцарей убью, а тебя в плен возьму,
Выставляй мне супротивника...
Царь зовет грозного **О**нику-воина, обещал (ему) славу. Рубились саблями. Ни один не победил. Другой — из царёвского войска, убил Рыцаря туземного.
...Был Гробокопатель. Царь приказывает:
Убери сии два тела,
Чтобы сверьх земли не тлели,
Чтобы дождь их не мочил,

Спектакль «Царь Максемьян» в исполнении фольклорного театра «Кудесы». Д. Мшага, 2008 г.

Чтобы чёрт их не точил.
Гробокопатель:
Солнышко высоко,
До Царя, брат, недалёко.
Сяду-ко я да отдохну,
Маненечко табачку нюхну,
А потом и до Царя махну.
Нюхал табак в самом деле. Помню, что Царь велел убить всех младенцев:
— Есть страна — не покоряется нам. Надо убить всех младенцев от двух лет и ниже!
— Мы всех избили, одн**а**я баба н**е** дала!
— Почему ты не дала моим воинам убить своёго младенца?!
Баба: За моёва младенца будете в огне гореть и в смолы кипеть!
Царь: Заколите младенца, а бабу ногой под ж...у!
Они коленком поддадут под з...цу, она и пойдёт. Затем снова ведут Сына (Агафон ведёт). Адольф на коленки перед ним становится. Он не здоровкаетца.
— Я женился на дерзкой кумической богине и поверовал ее Богам — золотым и серебряным статуям. А поверуешь ли ты им?

— Нет, батюшк**о**, не поверую! — говорит Адольфа. — Я верую в распятого (глядит в небо и крестится), с**и**бя бедняка (бьет себя кулаком в грудь), да в т**и**бя царя дурака! (машет кулаком в сторону царя; Сын с саблей — сабля была настоящая, как принц, на голове генеральская фуражка с кокардой).

— О, изверх, о непокорный! — Царь вскакивает с трона и кричит, что есть сил, — уведите **е**во негодного и **у**трубите ему голову!!!».

«Адольф**у** ведут на смерть, цепи гр**ы**мят, а мы по сторонам стоим и плачем, — вспоминает Анна Петровна Столярова из соседней деревни Песочки Солецкого района. — Мужикам делать нечего, вот оны и удумали этого «Царя» играть. Откуда он**ы** нашли его? Среди них был дед старый Саша Петрухин, он с ними роли учил, до-о-о-олго учил. Сам Царём стал. Его деревенские не то что по имени, а Максемьяном звали. Первый спектакль всегда во Мшаге играли, потом поедут по всем деревням, да все по купцам, а те им деньги платят».

Уже давно включён магнитофон, шумно топится печь, а крохотная хозяйка без устали делится своими воспоминаниями о «Царе».

«Мы горазд маленькие были, заберемся на п**е**чу и смотрим, как оны репетируют спектакль, как мой отец мой **О**нику-воина играет:

— Али я не воин?! Взгляну на море, море колыхается, взгляну на землю, земля содрогается, а попалась бы сама Смерть — и той бы голову срубил!

Интересно смотреть было, хоть и ругани промеж них много, и накур**ю**т, что самих не видать... Царь был старый-престарый, как закричит:

— Всих младенцев убить от двух лет и ниже (это еврейских мальчиков убивать от двух лет и ниже, чтобы не было ихнего поколения)!

Пажи: О всемилостливый, вседостойнейший царь Максемьян!

Мы всих младенцев избили от двух лет и ниже,

А одн**а**я баба н**е** дала.

А Царь: Сходите и приведите эту бабу ко мне!

Он**ы** пошли, эту бабу ведут; она расстроена — ребенка на смерть.

Царь: Почему ты н**е** дала своего младенца моих воинам убить?!

Баба: За моёва младенца будете в огне гореть и в смолы кипеть, потому я и н**е** дала.

Царь: Воины! Сейчас же ейнова младенца заколите,

А бабу прогоните!

Она уходит с поникшей головой, расстроена.

А **царь** снова кричит:

П**а**жи, стать пиредо мной,

Как лист пиред травой!

За Адольфом — царским сыном посылал. Адольф идёт, наряжённый, и медали какие-то старинные понавешаны[7] (медаля по всей деревне, наверно, была собрана). Он с ним не ладил, не шёл в ногу с отцом. Царь женился на Богине и поверовал её богам, а сын не стал веровать. **Царь** его раза три вызывал:

— О, изверьх, о, непокорный!

Одумался или нет?!

— Нет, не одумался!

— Уведите изверьха с глаз моих,

Наденьте на него це-е-е-епи!

Цепь длинная, чёрная такая, вот так на руки надета. Его ведут и хором поют (всякие голоса были — и мужские, и женские, и все больше церковники):

Потом **Богиня** выходила — нарядная, в шляпе:

— Вознесуся, вознесуся высоко на небо,

Упущуся, упущуся на Марцово поле,

Когда Марц ко мне явится,

Своим кинжалом покорится...

— Уж ты, распроклятая Богиня!

Что ты меня Марца порицаешь

Или моей храбрости не знаешь?

Говори, что винюсь!

— О, господин Марц!

Утеши надо мной молодою своё ретивое.

И прошу тибя, батюшка, пр**о**сти!

А **Марц**: Пр**о**стил ба, да много хвастывать будешь.

Вот мой вострый меч, —

Твоя голова — с плеч!

Повёл кинжалом по шее, она голову склонила и тоже ушла. Прямо запевали песню „Что на дубе, на дубочке"».

Одновременно с рассказом Анна Петровна разыграла каждую роль, мгновенно перевоплощаясь, то в Царя, то в Онику-воина, то в **О**дную бабу — Соломониду Ивановну...

ПЕСНЕХОРКИ ИЗ ДЕРЕВНИ МШАГА

Песнехорки из д. Мшага — все местные: Осипова Людмила Михайловна (1931 г.р.), Сыркова Валентина Васильевна (1925 г.р.), Сыркова Тамара Александровна (1926 г.р.), Тверцова Зоя Николаевна (1929 г.р.), Липайкова Антонина Ивановна (1918 г.р.), Матюшина Ольга Яковлевна (1930 г.р.). В советское время в церковь не ходили (при коммунистах нельзя было) и в молодости в Бога не верили, но праздничные молитвы знают и поют по правилам — от родителей научились. В послереволюционной школе были уроки пения один раз в неделю. Учитель музыки играл на скрипке, обучал детей нотной грамоте. На уроках пения пели революционные песни, на переменах играли в игры и водили хороводы: «Сиди, сиди, Яша», «Ко мне птичка прилетела», «У дедушки Якова семиро детей», «И шёл козел дорогою», «А мы просо сеяли». В репертуаре песнехорок:

Свадебные песни:

Что при вечере — пели на вечерине у невесты,

Вы сборы, сборы, сборы Машины — снаряжали невесту в день венца,

Вот как Лёшина-то матушка — снаряжали жениха в день венца,

Что сокол, соколович, Кто у нас хороший — величали жениха,

И на той ты, гостенька — величали гостей,

В чистом поле — величали молодых,

Петербургску дугу — этой песней просили выкуп за величание,

Чарочка моя серебряная — величали гостей.

Лирические:

Уж ты, воля, наша воля,

При той веселенькой долинке,

Во садочке яблонька.

***Солдатские**:*

И шел солдат с похода,
Кругом леса обошли,
Ой, да вспомним, братцы,
Вот за Дунаем,
Из горы, горы едут мазуры,
Под ракитою зеленой,
Вы не вейтеся, черные кудри,
Знаю, ворон, твой обычай,
Что на дубе на зеленом,
Вниз по матушке по Волге.

***Романсы**:*

Несчастный мальчик-то я родился,
Подул, подул осенний ветер,
Как у маменьки выросла в неге,
Хороша я хороша,
Чудный месяц плывет над рекою,
На паперти народ толпился,
Пред бурной ночью,
Ах, зачем эта ночь.

***Наборные**:*

Уродилася Дуняша,
Не во полюшке кусточек.

***Детские**:* Колыбельные, потешки, прибаутки.

Премьера спектакля «Царь Максемьян» в Дни славянской письменности. Музей народного деревянного зодчества Витославлицы. 1988 г.

Певческая культура мшагских песнехорок восхищает даже самых искусных певцов-профессионалов. Многоголосное ансамблевое пение — результат преемственной певческой практики от родителей, которые пели в церковном хоре («партесное» прикрытое пение). Многие запевы исполняет А.И. Липайкова. Запевает статично — в одной тональности, темпе из года в год. В аккордовых созвучиях основание аккорда поют Л.М. Михайлова или Т.А. Сыркова.

Певицы д. Мшага ревностно относятся к пению и песням других фольклорных коллективов: родных мест никогда не покидали и замуж вышли в родной деревне. «Пели они изумительно!» — говорили жители изокрестных деревень[8].

О «Царе Максемьяне» певицы помнили по впечатлениям детства, как взрослые местные мужики разыгрывали это представление в центре деревни. Ни текстов «Царя», ни песен из этого спектакли они не знали. Но в процессе реконструкции спектакля собиратели из «Кудес» предложили им все возможные варианты сквозных песен спектакля: «Максемьян на трон садился», «Я в темницу удалялся», «Хвала, хвала тебе, герой», «Что на дубе, на дубочке» и др. Изначально певицы выбрали наиболее понравившиеся варианты песенных образцов и освоили их с магнитофонных записей — с голосов местных стариков. Вскоре напевы были выучены, и без каких-либо усилий песни зазвучали многоголосно — в той неповторимой исполнительской манере, как исконно звучат мшагские лирические, свадебные или солдатские песни.

Шаг за шагом спектакль приобрёл песенный корпус, а актёрское исполнительство воплотили новгородские «Кудесы» — собиратели «Царя» под руководством местных старожилов — очевидцев спектакля: скрупулёзно корректировались жестикуляция и исполнительское поведение персонажей спектакля, тщательно изготавливались костюмы, и реквизит, и многое другое. Так создалась единая исполнительская группа, которая существует и до сих пор.

Итак, Мшага имеет свою многовековую историю, богатый пласт традиционной культуры и свой неповторимый фольклорный театр. И нет сомнения в том, что совместное творчество мшагских песнехорок и новгородских «Кудес» представляет собой уникальное явление фольклорного театрального искусства новгородцев.

МАКСЕМЬЯН ВЛАДЕЛ ЕВРОПОЙ

Летом 1988 года, в Дни славянской письменности и культуры состоялась премьера «Царя Максемьяна». Затем спектакль отправился путешествовать по всему Советскому Союзу и Европе: Ленинград, Москва, Новосибирск, Таллинн, Минск, Германия, Италия, Франция, Польша, Финляндия... И до сих пор «Царя Максемьяна» из Шимской деревни Мшага «на ура!» принимают.

Как и в старину, спектакль обрёл в современном Великом Новгороде своих традиционных героев — актёров из фольклорного театра «Кудесы». И так же, как встарь, у «Царя» есть свои учителя и их ученики, которые из уст в уста осваивают народное наследие, продолжая обычаи отцов, сохраняя лучшие традиции фольклорной театральной культуры России.

ПРЕЕМСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ОБЩИННО-РОДОВОГО И СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

Мшагский фольклорный театр в аспектах преемственности этноисполнительства является уникальным:

- в исконной среде спектакль играли местные жители д. Мшага Шимского района Новгородской области: актёрская игра, пение, пляска; аспекты преемственности осуществлялись устным способом формирования и становления этноисполнителя на основе общинно-родовой творческой школы;

- в конце 80-х годов XX века спектакль был восстановлен Новгородским фольклорным театром «Кудесы» совместно с мшагскими певицами посредством изучения этноматериала от местных жителей д. Мшага и окрестных деревень, посредством «вживания» в традицию исполнительского мастерства;

- в настоящее время освоение театрального исполнительского мастерства народной драмы д. Мшага Шимского района введено в образовательные процессы Новгородской детской музыкальной школы русского фольклора по предметам: «Актёрское мастерство», «Фольклорный ансамбль», «Фольклорная хореография», «Игра на самобытных народных инструментах»; образовательные процессы осуществляются посредством авторской учебной программы, которая представляет собой логически выстроенную, апробированную модель формирования и развития этноисполнительства в современных условиях, базирующуюся на основе трёхуровневых образовательных курсов для дошкольного, школьного и допрофессионального отделений школы с детьми в возрасте от 1 года до 14 лет.

ПУБЛИКАЦИИ НАРОДНОЙ ДРАМЫ «ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН»

Первые научные публикации народной драмы «Царь Максимилиан» появились в журнале «Этнографическое обозрение» в 1890–1900 годах; в сборнике Н.Е. Ончукова «Северные народные драмы» (1911 г.)[9]; в 1914 году Н.Н. Виноградов издал четыре варианта драмы «Царь Максимилиан», записанных в разных концах России; в 50-х годах были изданы книги по истории русского театра: В.Н. Всеволодского-Гернгросса[10] «Русский театр. От истоков до середины XVIII века» (М., 1957 г.), «Русская устная народная драма» (М., 1959 г.) и В.Д. Кузьминой[11] «Русский демократический театр XVIII в.» (М., 1958 г.).

Первая публикация о Новгородском фольклорном театре из д. Мшага Шимского района и спектакле «Царь Максемьян» появилась на страницах историко-литературного альманаха «Чело» Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого[12]. Источников о происхождении театра нет ни в писцовых документах, ни в газетах, ни в архивных рукописях. Со слов местных жителей, «этого Царя привёз Саша Петрухин с Украины. Он его и играл»[13]. В таком случае «Царь Максемьян» появился в Мшаге в конце XIX века и существовал до 20-х годов XX века. В настоящее время восстановленное представление «Царь Максемьян» из д. Мшага Шимского района не уходит с помостов уже более двух десятилетий, продолжая самобытные традиции народного театрального исполнительства.

В статье и на вклейке использованы фотографии из архива фольклорного театра «Кудесы»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этнофор — исконный исполнитель.

[2] Русская слободская культура была территориально рассредоточена, и её очаги возникали не только в больших, но и в малых городах, в торгово-ремесленных посадах, в пригородных и приусадебных сёлах (крупных имениях), в ямщицких и крупных торговых сёлах, на фабрично-мануфактурных и горнорудных «заводах», в крупных торговых сёлах, ярмарочных центрах. «Слобода — это большое село, где более одной церкви, и торг или ярмарка, либо волостное правление, род сельской столицы; промышленное село, где крестьяне почти не пашут».

[3] Полевые записи автора статьи, 1988 г.

[4] В приходе — окрестные мелкие деревни: Костково, Сосницы, Княжий Двор, Вешки... (полевые записи автора статьи, 1994 г.).

[5] Полевые записи автора статьи, 1994 г.

[6] «Трон Царя Максемьяна — стул большой; тогда обшито всё было кружевом» (М.В. Ланева).

[7] Один был у мамаши.

[8] Полевые записи автора статьи, 1988 г.

[9] Восемь пьес были записаны от крестьян-исполнителей, а две взяты из рукописи С.Я. Коротких, волостного старшины Чекуевского общества, что на реке Онеге. По сведениям, полученным Ончуковым, народные драмы в северные деревни принесли крестьяне, побывавшие на военной службе, на «промыслах» в Петербурге или на лесопильных заводах, расположенных вокруг Архангельска. Ончуков не только впервые записал народные представления, но и рассказал об их бытовании, раскрыл смысл театральных представлений в понимании народа, попытался раскрыть их истоки.

[10] В.Н. Гернгросс представил русскую народную драму и театр в полном объёме и в историческом развитии, начиная с «рождения игрищ на Руси», через сценки ряженых и разыгрываемую по строгим правилам свадьбу до собственно народной драмы, крупных её форм типа «Царя Максимилиана».

[11] «Исследование В.Д. Кузьминой вскрыло фольклорную основу демократического театра XVIII века, показало связь его с народной рукописной сатирой, лубочными картинками и устной народной драмой XVIII века. Демократический театр XVIII века предстал как часть традиционной формирующейся в России городской культуры».

[12] Бурьяк М.К. Максемьян на трон садился // Чело: Альманах НовГУ им. Ярослава Мудрого. 1995. № 1. С. 4.

[13] Полевые записи автора статьи, 1988 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914.

2. Ворожейкина М.Е. Мшага Воскресенская — памятник истории и археологии Новгородской земли (по результатам археологической разведки) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997.

3. Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900.

4. Даль В. Толковый словарь. Т. IV. М., 1994.

5. Лапин В.А. Русский музыкальный фольклор и история. М., 1995.

6. Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И. Фольклорный театр. М., 1988.

7. Новгородские губернские ведомости. 1874. № 26. 3 июля.

А.Д. Назаркин

Новгородчина в судьбе и творчестве художника Б.И. Лебединского

Биография известного сибирского художника, заслуженного деятеля искусств РСФСР Бориса Ивановича Лебединского неразрывно связана с художественной культурой земли Новгородской.

Б.И. Лебединский родился 17 октября 1891 года в г. Луга Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика Екатерининского собора Ивана Георгиевича Лебединского[1]. Его дед был пономарским сыном, получившим рукоположение во дьяконы и служившим в Иоанна-Предтеченской церкви села Поддубье Ретюнской волости Лужского уезда. Отец, наследовав это место, затем перемещался по службе в Лугу, Сестрорецк, Санкт-Петербург[2].

В официальной биографии художника в советскую эпоху о его отце значится — учитель народной школы. Но стоит заглянуть в справочник «Весь Петроград» за 1916—1917 гг., как обнаружим — Лебединский Иван Георгиевич, дьякон, служит в церкви Владимирской иконы Божьей Матери псаломщиком. Общественным служением дьяконов было учительство в приходских школах, где они учили грамоте, счёту, Закону Божьему, церковному пению и чтению церковнославянского текста. Так что Борис Иванович не покривил правдой по поводу учительства отца, отмеченного медалью в память 25-летия церковно-приходских школ.

Б.И. Лебединский. Конец 1960-х гг.

За многолетнюю безупречную службу Иван Георгиевич так же был отмечен высокими государевыми наградами: орденом св. Анны III степени и орденом св. Владимира IV степени, за что ему было пожаловано личное Почётное гражданство[3]. Дети православного духовенства в силу своего рождения приобретали право потомственного Почётного гражданства. Почётный гражданин освобождался от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, имел право участвовать в городском самоуправлении и именоваться во всех актах Почётным гражданином. Борис Иванович пользовался этим правом.

Из архивных материалов нам стало известно, что первоначальное образование Борис Иванович получил в Духовном училище[4], затем перешёл в Духовную семинарию в Санкт-Петербурге, т.к. отец хотел, чтобы сын пошёл по духовной линии. Но юноша, с детства обнаруживший способности и страсть к рисованию, бросает семинарию и поступает в Центральное училище технического рисования барона Штиглица.

По семейным преданиям, страсть к рисованию была спровоцирована встречей со знаменитым пейзажистом Иваном Ивановичем Шишкиным, жившим и работавшим в имении Дубки, недалеко от станции Преображенка, близ Луги, в окрестностях которой маленький Боря увидел художника за работой, поразившей детское воображение и поманившей в неведомый мир искусства.

Из страниц собственноручно написанной творческой биографии художника явствует, что год поступления в училище барона Штиглица — 1907, а четыре месяца спустя, т.е. в 1908 г., он переходит на учёбу в Рисовальную школу Императорского Общества Поощрения Художеств, которую оканчивает в 1913 году, специализируясь по классу офорта и гравюры. С 1913 года по декабрь 1915 года он продолжал посещать мастерскую В.В. Матэ[5].

Лебединский получил прочную профессиональную выучку у авторитетных художников: в общерисовальных классах — у И.К. Фёдорова и А.И. Вахрамеева, уроки акварели — у А.А. Писемского, графики — у И.Я. Билибина, рисунок пером — у Ф.В. Дмоховского, живописи — у Н.П. Химона и А.А. Рылова, ксилографии и офорту — у В.В. Матэ, композиции — у Н.К. Рериха.

В начале XX века многие русские художники заново открывали для себя Новгород. В 1910 году Николай Рерих начал археологические раскопки на Городище и в кремле, делал обмеры кремлёвских стен и башен. О результатах своей работы он, конечно, рассказывал коллегам и ученикам. Состоявшийся в 1911 году XV Археологический съезд привлёк ещё большее внимание к новгородским древностям.

В 1912 году отец Лебединского приобретает землю на станции Званка Новгородской губернии. Семья посещает Новгород, знакомится с достопримечательностями, именно тогда Борисом были сделаны первые зарисовки Новгородского кремля. С тех пор в его сознании начал формироваться «зримый образ» Великого Новгорода. На выпускной экзамен он готовит ряд работ, среди которых офорт «Новгородские стены».

Сделанный в ноябре 1913 и выставленный весной 1914 года на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге, он приносит ему серебряную медаль. Офорты Лебединского были отправлены в числе работ других авторов школой Общества Поощрения Художеств.

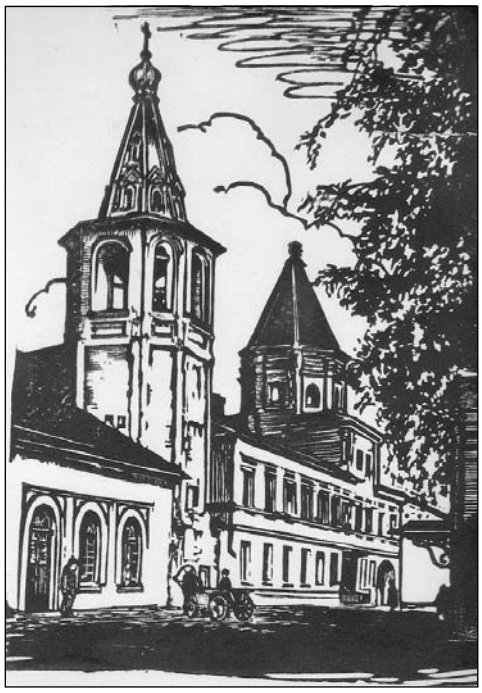
В 1915 году наряду с признанными мастерами Лебединский участвует в выставке рисунков и эстампов «Blanc et Noir» в залах Академии художеств[6], активным организатором которой был В.В. Матэ. Среди представленных работ и «Новгородские стены».

В декабре 1915 года Борис Иванович был мобилизован в царскую армию по призыву белобилетников, а в мае 1916 уволен из-за болезни лёгких. Предполагаем, что службу он проходил в Старой Руссе в Вильманстрандском резервном пехотном полку, где и был освидетельствован армейским врачом Михаилом Павловичем Глинкой. Эта встреча перерастёт в доброе знакомство на долгие годы.

Лебединский считал, что художник должен много видеть, изучать жизнь, знать родную землю. Он побывал в Карелии, Финляндии, на Урале, а в 1916 г. участвует в составе экспедиции в поездке по Сибири: Красноярск, Минусинск, Иркутск, Байкал. Сибирь произвела на него глубокое впечатление. Вернувшись в революционный Петроград, он уговаривает жену переселиться в спокойный и благополучный Иркутск.

Здесь, в Иркутске, встретили они весть о свершившейся в России Октябрьской социалистической революции. Сибирский Октябрь отстаёт от Всероссийского на полтора месяца.

Власть в городе переходит из рук в руки, художественная жизнь замирает до осени 1918, и лишь с приходом правительства Колчака жизнь принимает устойчивый привычный характер.



Ярославово дворище. Бумага, линогравюра. 1939 г.

Художник вновь энергичен, он ищет и сам формирует культурную среду. С 1918 года Лебединский — член Иркутского общества художников (ИОХ), а в 1920 избирается его председателем.

Борьба за власть в Сибири продолжалась, одолев сопротивление колчаковщины, в марте 1920 года Красная Армия победно вступает в Иркутск. Как только от города откатились бои, уже в апреле 1920 года Иркутское общество художников, «выражая солидарность с рабоче-крестьянской властью», подготовило выставку живописи.

Страна с огромным напряжением выбиралась из послевоенной разрухи. Где-то в далёком Поволжье бушевал голод, о нём писали в газетах. Борис Иванович отправился в Политпросвет, ведающий тогда вопросами искусства и предложил организовать выставку своих работ со сбором средств в помощь голодающим. Идея была поддержана. Для этой выставки Лебединский отобрал ряд пейзажей, тематическое полотно «Октябрь. Все на площадь», выполненное в монументально-плакатном стиле, и серию алтайских и сибирских рисунков — всего 98 работ.

Став председателем Иркутского общества художников, Лебединский поставил главной задачей наладить творческие связи и объединить всех художников, желающих принять участие в культурном строительстве новой Сибири.

Свои мысли он изложил в программной статье, которая была опубликована в сибирских газетах и стала началом подготовки первой Всесибирской художественной выставки. Вслед за ней в Новосибирске собирается первый съезд сибирских художников. Основное выступление Бориса Ивановича на съезде было посвящено иркутскому музею и охране памятников древней сибирской архитектуры. Лебединский говорил о долге художников принять участие в спасении памятников старины: сделать, не откладывая, зарисовки памятников сибирской архитектуры и истории. Так, в 20-е годы в творческую биографию Б.И. Лебединского, наряду с пейзажем, вошла и осталась одной из ведущих на всю жизнь тема исторического прошлого Иркутска.

Человек разносторонних интересов, Лебединский нашёл в Иркутске широкое поле деятельности. Принял активное участие в создании совета картинной галереи Иркутского областного научного музея, став фактически его председателем (1924—1925 гг.). С 1925 г. по 1928 г. он — хранитель картинной галереи. С 1921 г. художник-иллюстратор Иркутского губернского издательства, с 1927 г. по 1932 г. художник Восточно-Сибирского краевого издательства. Кроме того, в 1920-х — начале 1930-х годов Лебединский был председателем районного Комитета профсоюза работников просвещения (1924—1926 гг.), инструктором по охране памятников искусства и старины, принимал участие в экспедициях Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества, членом-сотрудником которого являлся с 1918 года, работал в Комитете Севера, принял активное участие в работе по комплектованию художественных фондов картиной галереи в Якутской Республике (1927—1928 гг.), участвовал в работе над Сибирской Советской Энциклопедией.

В 1932 году он надолго покинул Иркутск, и тому были причины. В конце 1931 года Общество художников «Новая Сибирь», членом-учредителем которого он был, ликвидируется под натиском готовящегося ЦК ВКП(б) решения «о перестройке литературно-художественных организаций для более плодотворной работы с крепким влиянием коммунистического ядра».

Начинаются репрессии. В университете, где учится жена, сворачивается научно-исследовательская работа, усиливается политизация преподавания, уже в 1929—1930 гг. многие так называемые «буржуазные профессора» из их окружения остаются безработными и перебираются в Ленинград.

В декабре 1931 года Лебединский посещает Ленинград, где активно занимается устройством своего будущего, о чём свидетельствует его встреча с художником П.Н. Филоновым[7], имевшим в то время выгодные заказы от ИЗОГИЗа и издательства «Академия». Но удача его поджидала в другом месте.

Член совета Географического общества, путешественник и учёный Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский занимается организацией музея мировой географии, ему нужны специалисты, и он делает предложение Лебединскому.

Весной 1932 года Б.И. Лебединский переезжает в Ленинград и становится научным сотрудником первого разряда Государственного центрального географического музея с предоставлением квартиры здесь же при музее. По заказу музея он пишет полотно «Байкал. Серый день». Он рвётся в научные экспедиции, совершает поездки по Донбассу, создаёт большие полотна — «Степь ковыльная», «Рабочий поселок шахты Смоляной», «Домны».

В это время в стране провозглашён лозунг «об усилении классовой бдительности», в газетах печатаются сводки «От Коллегии ОГПУ» о судебных заседаниях по делу арестованных выходцев из буржуазных и помещичьих классов — государственных служащих по обвинению в контрреволюционной вредительской работе в сельском хозяйстве страны, на электростанциях СССР и т.п.

Не миновала сия чаша и музейщиков. В январе 1933 г. ОГПУ была оперативно ликвидирована выявленная в Ленинграде религиозно-монархическая организация — «Российское студенческое христианское движение» (РСХД).

Весна в Старой Руссе. Бумага, офорт. 1940 г.

Арестованные по этому делу изобличались в том, «что создали и активно участвовали в контрреволюционной организации, ставившей себе целью свержение Советской власти и установление в России монархического строя и вели в этом направлении систематическую практическую контрреволюционную работу». По делу проходило 102 человека, среди них 12 человек музейщиков из Новгорода, якобы представлявших филиал контрреволюционной организации. Они обвинялись в контрреволюционной деятельности: «...организации противодействия антирелигиозной работе Советского государства; охране неприкосновенности церквей из бывших помещичьих усадеб, под предлогом, что они имеют исторически-художественную ценность; в музейной работе протаскивали религиозно-идеологические установки; вели систематическую агитацию против коллективизации»[8].

Руководил «филиалом» заведующий Новгородским краеведческим музеем Б.В. Шевяков, из потомственных дворян, сын профессора, бывшего товарища Министра народного просвещения и бывшего Члена Сената правительства Колчака. С арестом Б.В. Шевякова его семью выселяют из квартиры. Не зная, куда определить вещи и библиотеку, они обращаются за помощью к хорошему знакомому по Иркутску Б.И. Лебединскому. Лебединский получает шесть ящиков с литературой и размещает в своей мастерской при музее, после чего следует обыск и арест. Ему предъявляется обвинение: «...изобличается в том, что, являясь антисоветским агентом по своим убеждениям, в прошлом колчаковцем — хранит белогвардейские документы и скрывает у себя литературу, принадлежащую контрреволюционной организации»[9].

Через месяц следствие закончено, зачитано обвинительное заключение, «...предъявленные всем обвинения доказаны, а также, руководствуясь приказом ОГПУ за № 172 от 1924 года, настоящее следственное дело, не согласовывая с Ленинградской областной прокуратурой, направить в коллегию ОГПУ для внесудебного разбирательства»[10].

5 апреля 1933 года Постановлением заседания Тройки ПП ОГПУ в ЛВО по обвинению Б.И. Лебединского по ст. 58-10 и 11 УК, осудили к заключению в концлагерь (ББлаг), сроком на пять лет. Наказание отбывал в Соловецком лагере особого назначения. После подачи жалоб, ходатайств о помиловании, заседанием Коллегии ОГПУ от 15 апреля 1934 г. дело в отношении Б.И. Лебединского было пересмотрено, постановлено — условно досрочно освободить[11]. Лебединский возвращается в Ленинград, чтобы, взяв жену и дочь, в течение 24 часов покинуть столицу, за так называемый сто первый километр.

Так Лебединский оказывается в Старой Руссе, в месте, хорошо ему знакомом, и с которым он связывает надежды поправить подорванное здоровье. В нём не иссякло стремление к творчеству и общественному служению. В Старой Руссе, при клубе фанерного комбината он создаёт изостудию, со временем ставшую показательной изостудией Ленинградской области[12]. Студия насчитывала около пятидесяти учеников — это были рабочие комбината и их дети. К их услугам были рисовальный класс, гравёрная мастерская, фотолаборатория. Студийцы бывали частыми гостями в доме и мастерской художника. Здесь устраивались конкурсы, вечера, для них всегда были открыты его библиотека, собрание картин, эстампов, репродукций великих художников прошлого и современности. Уже через пару лет его ученики участвуют в выставках в Ленинграде и Москве[13], Кузьма Александров зачисляется в школу юных дарований в Ленинграде, Анатолий Бакланов и Иван Орлов — слушателями Академии художеств.

Студией заинтересовались из Управления по делам искусств, стали приезжать курсанты Ленинградского Института усовершенствования учителей, студенты Академии художеств, корреспонденты.

Студия студией, а своя работа не прерывалась. Так, из Старой Руссы, Лебединский принимал участие в 1940

году в Московской выставке «Художников старшего поколения РСФСР», где экспонировалось шесть его работ, в том числе большая картина маслом «Наша Родина». В выставке достижений Советского реалистического искусства в Государственной Третьяковской галерее в 1941 году участвует небольшой работой маслом «Весна в Старой Руссе».

В этот период он возвращается к теме древнего Новгорода и создаёт серию линогравюр: «Звонница Ярославова двора», «Башня Кокуй», «Ключевая башня», «Княжия башня», «Евфимьевская башня», «Новгородские стены», «Южная стена Кремля»[14]. Зреют и другие творческие планы, но грянувшая война вносит свои коррективы.

Уже под бомбёжками с последним эшелоном Лебединские эвакуировались в Горьковскую область, в деревню Ягодную Бортсурманского сельского совета, где художник находит себе работу учителем средней школы и поселковым избачом, проводит политинформации, выпускает стенгазету, пишет лозунги и плакаты.

Настали годы, полные горечи и лишений. В Старой Руссе остались все его работы, созданные за 30 лет. Перед эвакуацией Борис Иванович закопал в землю офортный станок и 300 живописных и графических работ, которые с освобождением города от немцев, к большому для него огорчению, не были найдены. Он потерял всё, кроме энергии и желания работать, иначе жизнь потеряла бы свой смысл.

В 1944 году Лебединский получает официальное приглашение от директора Иркутского ИЗО-педтехникума, он едет и с головой окунается в работу. Преподаёт, активно участвует в послевоенных областных, республиканских, всесоюзных выставках, избирается депутатом Иркутского городского Совета трёх созывов (с 1947 по 1955 гг.).

В Иркутске творчество художника востребовано, оно снискало завидную популярность. Его работы издаются большими тиражами издательством ОГИЗа: альбомы графики «Байкал» (1947 г.); «Тайга сибирская» (1947 г.); «Байкал» (2-й альбом,1958 г.); «Байкал» (3-й альбом, 1966 г.)

Альбомы Лебединского о Байкале способствовали возникновению в СССР общественного движения в защиту Байкала в 1960-х годах. В Иркутске это движение возглавлял учёный-байкаловед, профессор Иркутского университета М.М. Кожов. Лебединский активно помогает Кожову создавать Байкальский музей, украшая экспозицию своими масштабными произведениями.

За заслуги в развитии советского искусства художник удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР (1957 г.) и награждён орденом Трудового Красного Знамени (1971 г.). В 1972 году художника не стало.

Произведения Лебединского находятся в собраниях центральных музеев страны: Государственного Русского музея (Санкт-Петербург); Государственной Третьяковской галереи (Москва); Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва); Государственного музея истории города Санкт-Петербурга; Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург); Фонде Союза художников России (Москва), а также многих крупных коллекциях сибирских городов.

Есть его произведения и в собрании картинной галереи Старорусского филиала Новгородского объединённого музея-заповедника.

В 1984 году дочь художника передала в дар музею двадцать его произведений: офорты и линогравюры новгородской и старорусской тематики 30-х годов; офорты и автолитографии 50-х годов, отражающие историю и природу сибирского края. Впоследствии несколько работ нашли своё место в основной экспозиции музея.

Признавая значимость вклада Б.И. Лебединского в развитие художественной культуры Старой Руссы, музейщики организовали в 1991 году выставку «Художник и его школа», которая была приурочена к 100-летию со дня рождения мастера. На выставке помимо его собственных работ были представлены произведения некоторых из его учеников: К.А. Александрова, Г.С. Бежака, Н.Т. Ерохова, И.В. Орлова, а также представителей второго поколения школы Лебединского: А.Н. Константинова и В.А. Фёдорова[15].

В 2009 году по инициативе внучки художника в Старой Руссе состоялась большая персональная выставка Б.И. Лебединского с символичным названием «Возвращение». На выставке были представлены работы из фонда музея и около 60 произведений, хранящихся в семье художника: живописные работы, циклы станковых рисунков пером, тушью, карандашом, офорты и автолитографии, литографские альбомы, принадлежащие к замечательным изданиям советской графики[16] и являющиеся теперь библиографической редкостью. По завершении выставки собрание музея пополнилось ещё двадцатью произведениями Б.И. Лебединского, переданными в дар семьёй художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГИАЛО. Метрическая книга Лужского Екатерининскоко собора за 1891 год. Ф. 19. Оп. 127. Д. 17. Л. 28—29. 3. № 52.

[2] ГИАЛО. Клировые ведомости церквей г. Петрограда за 1917 год. Церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери. Ф. 9. Оп. 113. Д. 4336. С. 73.

[3] Там же.

[4] www.petergen.com/bovkalo/duhov/andu.html Выпускники Александро-Невского Антониевского духовного училища в Санкт-Петербурге. Выпуск 1906 года.

[5] НИОР РГБ. Личный фонд М.К. Азадовского. Автобиография Б.И. Лебединского конца 1920-х годов. Ф. 542. К. 79. Д. 1. Л. 2.

[6] Выписка из художественных каталогов, хранящихся в Библиотеке Государственного Эрмитажа, составлена 14.01.1952 г. зав. библиотекой О.Э. Вольценбург, хранится в семейном архиве автора.
«Выставка рисунков и эстампов 1915—1916 гг. в залах Академии Художеств», Петроград, 1915. С. 5.
Лебединский Б.И.
104. Избы.
105. Новгородские стены.
106. Речка.
107. Зимка.

[7] П. Филонов. Дневник. СПб., 2000. С. 124.

[8] Материалы следственного дела. УКГБ по Ленинградской области. № П-66878. Т. 7. С. 47.

[9] Там же. Т. 4. С. 1009.

[10] Там же. Т. 7. С. 74.

[11] Там же. Т. 8. Выписка из протокола. С. 94.

[12] Искусство и жизнь. № 4. Апрель. 1941 г. Авт. Л. Британишский. «Изобразительное искусство в Ленинградской области». С. 40—41.

[13] Лебединский Б. Творчество рабочей молодежи // Красный фанерщик. 20 февраля 1940 г.

[14] Работы находятся в собрании отдела графики Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

[15] Смольняков К. Художник и его школа // Старорусская правда. 23 августа 1991 г. № 135.

[16] См. о Б.И. Лебединском в книге искусствоведа М.П. Сокольникова. «Изобразительное искусство РСФСР 1917—1957». М., 1957. Т. 2. С. 57—59.

Е.А. Афанасьева

Новгородский фарфор — история с продолжением

В Музее художественной культуры Новгородской земли представлены произведения искусства новгородских художников конца XX — начала XXI в. Музей занимается собиранием предметов живописи, графики, декоративно-прикладного искусства. Особый интерес для изучения представляет коллекция новгородского фарфора, большая часть которой на сегодняшний день недоступна посетителям.

В марте 2011 года Государственный музей художественной культуры Новгородской земли открывает экспозицию «Музейный цех фарфора» — первый объект индустриального туризма в Новгородской области.

Экспозиция «Музейный цех фарфора» соединит в себе блистательное историческое прошлое «кузнецовского» фарфора с советским периодом — выпуском продукции с кобальтовым покрытием, ставшей визитной карточкой мастеров Новгородской земли. В экспозиции будут представлены: элементы технологической цепочки производства фарфора, коллекция новгородского фарфора, архивные документы и материалы.

Мастер Новгородского фарфорового завода «Пролетарий» Яков Ильин за росписью чайной посуды. 1947 г. Российский государственный архив кинофотодокументов

Важной составляющей подготовки экспозиции, несомненно, является научно-исследовательская работа. Фонды музея насчитывают только 400 письменных источников (документов и фотографий), относящихся к производству фарфора. Наибольший интерес представляет коллекция материалов Т.А. Гавриловой — художника фарфорового завода «Возрождение». В течение 2009—2010 гг., в ходе подготовки экспозиции «Музейный цех фарфора», коллекция новгородского фарфора в музее пополнилась более чем на 300 экспонатов, в их числе 21 предмет «кузнецовского» периода (1878—1917 гг.). Хочется отметить, что большой вклад в пополнение фондов внесли местные жители и работники заводов, с которыми мы сотрудничали в ходе исследования: О.В. Степанова, М.С. Карпулевич, Е.В. Чепель, М.В. Андреева, В.С. Яцун, И.М. Бердников.

При подготовке тематико-экспозиционной выставки материалов фондов музея оказалось недостаточно, поэтому наше исследование продолжилось в Государственном архиве Новгородской области, Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике, краеведческом музее г. Чудово, а также архивах заводов, где сохраняется большой объём фотографий, материалов, предметов.

Начало «фарфоровой истории» на Новгородской земле было положено ещё в XIX веке, когда в 1878 году, близ станции Волхов Николаевской железной дороги, была построена Волховская фарфоро-фаянсовая фабрика И.Е. Кузнецова. В 1892 году И.Е. Кузнецов приобретает Бронницкую фарфоро-фаянсовую фабрику (позже завод «Пролетарий»), принадлежащую П.К. Рейхелю, и уже в 1897 году начинает строительство Грузинской фарфоро-фаянсовой фабрики (позже «Красный фарфорист», сейчас — «Фабрика И.Е. Кузнецова на Волхове»), близ с. Грузино в местечке Батановка. В 1966 году в селе Бронница Новгородского района на базе одного из цехов завода «Пролетарий» был открыт завод «Возрождение».

Исследование деятельности фарфорового производства обусловлено, во-первых, тем, что фарфоровая отрасль области переживает перемены, во-вторых, исследование существования заводов на различных этапах деятельности и в разные исторические периоды позволит изучить и дать анализ факторов, которые повлияли на ход работы предприятий. Если уже сегодня не обратиться к существующим проблемам, то будет невозможно возродить традиции Новгородской земли.

Данная тема в литературе освещена очень узко, комплексных исследований практически нет. В советский период издавалась литература по фарфоровым заводам на уровне страны[1], но важно отметить недоступность работ этого периода в нашем регионе. В современной России был издан ряд материалов, в которых дана информация о заводах в виде представленных клейм[2]. Одним из наиболее удачных трудов этого периода можно назвать двухтомник, составленный И.С. Насоновой, С.М. Насоновым, И.А. Гольским, Г.Л. Дворкиным[3], в котором очень хорошо систематизирована информация по заводам и фабрикам, дана историческая справка, представлены практически все клейма советского периода этих предприятий.

На региональном уровне дело обстоит намного сложнее. Опубликованных материалов по истории фарфорового производства на Новгородской земле практически нет, так как исследований по этой теме проводилось недостаточно.

Деятельность завода «Пролетарий» изучал В.А. Измайлов, опубликовав работу «Новгородский фарфор»[4]. В книге

рассмотрены не только история завода и производственные тонкости изготовления фарфора, но и описаны судьбы людей, жизнь которых была тесно связана с работой предприятия. Книга содержит иллюстрации процессов создания фарфора, цехов и работников завода, но особенно интересны изображения продукции всех периодов деятельности. Очень подробно описана деятельность завода в дореволюционный период в «Новгородском историческом сборнике»[5] за 1938 г.: условия жизни и труда рабочих, материально-техническое состояние предприятия, данные о количестве и возрасте рабочих, о штрафах.

Также некоторые сведения о деятельности завода «Пролетарий» можно встретить в работах местного краеведа А.М. Яковлевой (главный конструктор ООО «Пролетарский фарфор» до 2009 г.), в сборниках «Сто Новгородских сел», «Сказание о земле Новгородской», «По Приильменью», «Наша Новгородская земля»[6].

Практически нет никаких материалов по истории завода «Возрождение», за исключением статьи в книге Л.А. Рождественской[7].

Деятельность фабрик, расположенных в Чудовском районе — Волховской и Грузинской, освещена намного меньше. Отдельные вопросы поднимались краеведом Э.С. Ольховским[8].

В периодической печати выходили статьи по всем предприятиям, например: О. Колотнечи «„Пролетарию" нечего терять, кроме цепей банкротства», «Второе дыхание», «Фарфор есть, да не про нашу честь», «Судьба фарфоровой тарелки» в «Новгородских ведомостях», «Пролетариев опять отдают в хорошие руки»[9] в газете «Время Новгородское», статья И. Зайцевой «Старые стены»[10] в газете «Звезда»; это ряд статей в газете «Родина» Чудовского района по истории завода «Красный фарфорист»[11], «Через три революции», «История длиною в век»[12], «Красный фарфорист: без хозяина»[13], очень мало освещена и деятельность И.Е. Кузнецова[14], информация о нём встречается в книге Вадима Шварца «Чудовские были».

Наибольшую ценность представляют архивные документы, многие из которых легли в основу вышеперечисленных изданий. При подготовке экспозиции «Музейный цех фарфора» были изучены фонды Государственного архива Новгородской области (ГАНО): Ф. 98 (Новгородская губернская земская управа), Ф. 138 (Канцелярия Новгородского губернатора), Ф. 274 (Старший фабричный инспектор Новгородской губернии), Р. 822 (Новгородский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), Р. 936 (Новгородский государственный трест фарфоро-фаянсовой промышленности), Р. 1244 (Новгородский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленинградской области), Р. 1346 (Новгородское окружное бюро профессиональных союзов Ленинградской области). Но наиболее значимыми и информативными были: Ф. 281 (Грузинская фарфоро-фаянсовая фабрика И.Е. Кузнецова), Ф. 283 (Волховская фарфоро-фаянсовая фабрика товарищества И.Е. Кузнецова) и фонд Р. 476 (Бронницкая фарфоро-фаянсовая фабрика «Пролетарий»).

Живописный цех завода «Пролетарий». Новгородский государственный объединённый музей-заповедник

Для целостного исследования история каждой фабрики — Волховской, Бронницкой, Грузинской и завода «Возрождение», была рассмотрена в отдельности. Анализируя собранный материал, изучая архивные документы, сотрудники музея выявили особенности деятельности заводов на разных этапах, это позволило глубоко изучить данную тему и представить данный материал в экспозиции «Музейный цех фарфора».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Попов В.А. Советский фарфор. Старейшие фарфоровые заводы РСФСР. М., 1989.

[2] Марки российского фарфора и фаянса, 1750—1960. М., 2003.

[3] Марки советского фарфора, фаянса и майолики. 1917—1991. В 2-х т. М., 2009.

[4] Измайлов В.А. Новгородский фарфор. Л., 1980.

[5] Новгородский исторический сборник / Под ред. Б.Д. Грекова. Новгород, 1938. Вып. 3—4.

[6] Сто Новгородских сел / Сост. П.Н. Золин. Новгород, 1990. Вып. 1; Сказание о земле Новгородской: материалы краеведческой конференции. Новгород, 2001; Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильменью. Л., 1991; Наша Новгородская земля / Сост. С.Н. Орлов. Л., 1980.

[7] Рождественская Л.А. Новгородский сувенир. Л., 1988.

[8] Ольховский Э.С. Летопись Чудовского района. Великий Новгород, 2007; Колотнеча О. «Пролетарию» нечего терять, кроме цепей банкротства // Новгородские ведомости. 2001. № 60. С. 2; Колотнеча О. Второе дыхание // Новгородские ведомости. 1999. № 30. С. 1—2; Колотнеча О. Фарфор есть, да не про нашу честь // Новгородские ведомости. 1991. № 117. 24 декабря; Колотнеча О. Судьба фарфоровой тарелки // Новгородские ведомости. 1998. № 24. 17 февраля.

[9] Колотнеча О. Пролетариев опять отдают в хорошие руки // Время Новгородское. 2002. № 30. С. 1.

[10] Зайцева И. Старые стены // Звезда. 1999. № 3. С. 2.

[11] Из истории завода «Красный фарфорист» // Родина. 1990. 1 декабря; Из истории завода «Красный фарфорист» // Родина. 2001. 8 августа.

[12] Ольховский Э. Через три революции // Родина. 1987. 21 июля; История длиною век // Родина. 1998. № 61. 8 августа.

[13] Антонов А. Красный фарфорист: без хозяина // Родина. 2004. 5 августа.

[14] Данько Т. Корпорация «Кузнецовъ» // Новгородские ведомости. 2009. № 54. 26 мая.

Павел Александрович СИВЕРЦЕВ (1866—1936), сын весьегонского священника, агроном, закончил Петровскую сельскохозяйственную академию. Интересовался историей, археологией, составил эти воспоминания в начале тридцатых годов. В них много подробностей, рисующих нравы жителей и быт маленького купеческого городка, каким Весьегонск был сто пятьдесят лет назад. Он пишет о пребывании в Весьегонске народовольцев, в том числе Софьи Перовской. Правда, до сих пор нет доказательств этого пребывания. Впрочем, следствие шло и в Весьегонске, о чём и пишет Сиверцев.

Павел Александрович похоронен около церкви рядом со своей сестрой Анной (умершей в возрасте 15 лет), её могила была первой на новом кладбище, открытия которого добился его отец.

Среди мемуаров, оставленных весьегонцами, воспоминания Сиверцева являются самыми интересными. Они хранились у его племянницы Веры Ивановны Михайловской (весьегонской учительницы), которая уехала в начале 1950-х гг. в г. Глухов и незадолго до смерти (1981 г.) передала мемуары в музей.

М.М. Верхоланцев

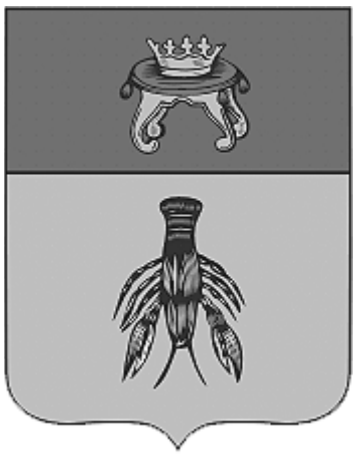
П.А. Сиверцев

К ИСТОРИИ ГОРОДА ВЕСЬЕГОНСКА

Записано со слов моей матери Е.И. Сиверцевой (1830—1904) и купчихи А.И. Ефремовой (1824—1904) в 1902 году, а также из разных записей моих в 1866—1935 годах

ГОРОД ВЕСЬЕГОНСК

Город Весьегонск расположен при среднем течении Мологи и устья Рени, *«коя подле самого города втекает в Мологу с северной стороны, в 50-ти верстах от Устюжны, в 75-ти от Череповца, в 120-ти от Бежецка»*. Город основан императрицей Екатериной Второй в 1776 году. Образовался он из четырёх древних поселений, располагавшихся при устье Рени и составляющих одно большое село Весь-Ёгонское *(«весь»* — племя и *«йога»* — река). Слово «Молога» произошло, по-видимому, от *«мол»* — тихий и *«йога»* — река. К этому селу (Йога — Селище — Новинка — Залужье) в старину, раньше XVI века могли принадлежать приходы: Никола-Раменье, Вауч, Лекма и Голоховские деревни: Крешнево, Бараново, Бодачёво, Перемут, Стрелица, имевшие до последнего времени в одном месте сенокосы под Лекмой.



Герб Весьегонска

Проходит здесь дорога. Предание гласит, что по этой дороге как-то проезжал зимой ночью в повозке Александр Первый. Священник Троицкой церкви встречал его с хоругвями и крестом. Но царь спал и не выходил из возка (останавливался в доме Батюшкова). По сказанию А.И. Ефремовой в Коротове жила Екатерина Петровна Козелкова, красавица того времени, представлявшаяся якобы государю. Козелкова умерла в 1880 году, в 1823 г. ей было 18 лет. В августе 1850 года, через Весьегонск проезжали великие князья Николай и Михаил Николаевич (по дьякону В. Гусеву). Останавливались у купца Рогова. Был там обед. Марфе Андреевне Роговой, его жене, они подарили золотую булавку.

По тракту из Весьегонска на Устюжну стояли большие харчевни, трактиры, постоялые дворы. Зимой по тракту проходили тысячи подвод (в сутки от 70 до 100 подвод). Везли хлеб, соль, строительные материалы, бакалею, галантерею. У нас, в Весьегонске, было много постоялых дворов, особенно на Селище и Новинке. В Весьегонске, за заводью, против собора, выше по реке, на той стороне Мологи была чёрная глина, где из берега на пол-аршина торчали стволы дубов (1900 г.). Е.А. Меньшикова вспоминала, что около деревни Холмищи стояли дубы в два обхвата (целая роща).

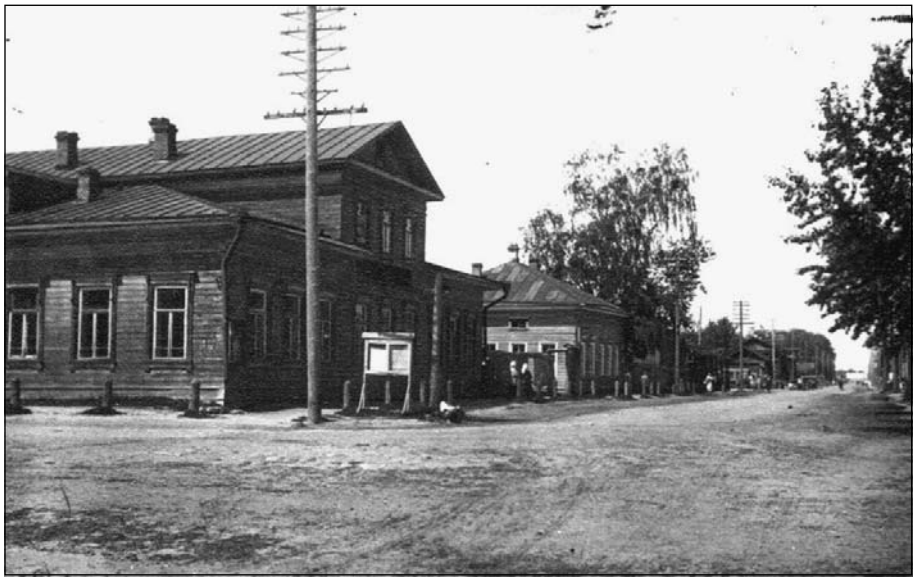
Примерно около 1874 года на Соколовой горе, против Троицкой церкви, около дома М.П. Вельяшева были вырублены последние 20 старинных сосен в два обхвата толщиной и некоторые возраста более 300 лет. Толстые обрубки-комли отдали в кузню Митрию Викентьеву на стул под наковальню, а остальные попилили на дрова. Такие пять сосен тогда остались лишь во дворе дома Батюшкова, где после Шинтякова была почтовая станция — против Петровых. Одна сосна пошла на балку под большой церковный колокол. Когда А.Н. Виноградов (сын св. о. Николая), служивший в Китае при русском посольстве, читал в земской управе публичную бесплатную лекцию об истории Весьегонска, то упрекнул градоправителей и горожан. «Чья, — говорил он, — дерзновенная рука невежественного варвара прикоснулась к этим вековым

соснам, ровесницам и даже старше основания нашего города?».

В Весьегонск нередко приезжали новые служащие (доктора, лесничие, воинские начальники, акцизные и другие). На первых порах они кляли захолустье, особенно же их жёны говорили, что в Весьегонске тоска, что по улицам медведи ходят и что Гоголь сказал, что это город ссыльных. А поживут годика три — тогда со слезами в новое назначение уезжают. Обедом их чествуют, гуляньем провожают. Разные это были люди.

О ВРАЧАХ ВЕСЬЕГОНСКА

Доктор Михаил Михайлович Ольшвангер приехал в Весьегонск до Русско-турецкой войны, проработал свыше 30 лет. Со своей женой был вхож во все салоны и на все вечеринки. Доктор отлично знал Библию, любил поддерживать богословские споры. Сам принимал гостей и даже попов на Рождество, Пасху, говоря: «У меня тоже православная прислуга» — и платил причту. Был очень добрый, лечил бедных бесплатно. Когда уезжал на пароходе, то более 500 граждан провожали его и плакали.



Старый Весьегонск

В 1870—1872 годах жил в Весьегонске доктор Александр Васильевич Залесский, высокого роста, круглолицый, красивый, хороший врачеватель и любитель выпить. Ему было лет тридцать пять. Увлекался он сначала Сашенькой Карамаш, жил с ней, ругался с бабушкой Александрой Петровной Страшковой. Один раз так стиснул пальцами её толстый нос, что врачи хотели нос ампутировать. После этого Екатерина Гавриловна, Сашенька и бабушка выехали в Череповец. Потом ему приглянулась красивенькая толстушка Людмила Бутягина. Носил её на руках к себе на квартиру, жил недалеко от неё. Угощал, целовал, ревновал, но она убегала. Родители не позволяли ей выйти замуж за него. Иногда он в 12 часов ночи врывался в квартиру её отца-исправника. Ловил Людмилу с кинжалом в руках. Та пряталась на кухне, за печкой. Если Залесский находил её, то она выбегала во двор или к соседям. Как кошка, она прыгала с поленницы на поленницу, пряталась в сарае, в каретнике, пока ревнивец не хватал её в охапку и не уносил добычу к себе домой. Однажды Залесский пригласил видных дам города к себе на кофе. Угостил касторкой, а двери «зала уединения» запер. Свою малую верховую лошадь он кормил супом и поил чаем. Вводил её в дом даже к знакомым.

Доктор из Замоложья, Крембиллер, французский подданный, в 1886 году посылался земством в Париж, к Пастеру, с двумя укушенными бешенной собакой (крестьянин Тимофей Васильев из деревни Косодавль, 30 лет, и Михаил Зверев, 22 лет, сын купца). Зверев мне и рассказывал:

«До границы мы ехали спокойно, смотрели в окна, раньше-то никуда не выезжали. Когда переехали границу, Тимофей стал дурить. Сейчас, говорит, расширю вам место. Заклацкал зубами, как волк, вывернул глаза, и немцы тикают от нас. Доктор его урезонивал. Осматривали мы Кёльнский собор. Тимофей даже на нём свою отметку оставил, пусть, говорит, знают, что русский человек здесь был. В Париже он однажды ушёл от нас на полдня, был в серой сермяге, липовых лаптях, рваном картузе. Чёрт его знает, как он сумел выпросить брюки, фрак с вырезными фалдами, открытую сорочку и жилет, поношенные штиблеты и цилиндр. Своё имущество принёс в свёртке. Дорогу, говорит, углём отметил. Доктор Крембиллер напрасно беспокоился. Русский человек находчив. Ну и хохотали мы, глядя на Тимофея во французском одеянии. В другой раз увидел он на пятом этаже в окне самовар. Поднялся туда, выпросил самовар. Радостно говорит: „Попьём, Миша, чайку! Надоел мне ихний проклятый кофель. Вот и чаю на две заварки мне дали". Уезжая, он отнёс самовар к хозяевам. Был одет опять в лаптях, в которых и ехал до дому. В земскую управу явился во фраке, в цилиндре и в лаптях. Таким и гулял по городу».

РАССКАЗ О МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ГАЛУНОВЕ

Со слов Петра Титова (родился около 1800 года, был управляющим у Галунова)

М.В. Галунов был два трёхлетия городским Головой. Его отец, Василий Галунов (1777—1848) с женой и двумя детьми, сыновьями Михаилом и Иваном, проживал на Новинке, торговал мясом, лил свечи, скупал сало. Керосину тогда не было, жгли лучину, каганцы, сальные свечи. Сыновья ходили коноводами у бурлаков, затем плавали при судах старожилами. Позднее Михаил служил у Башкирова лоцманом на Мологе, Шексне и возил в Вологду хлеб. Он сумел окончить какую-то цифирную школу, помогал отцу торговать, лить свечи. После завёл свою небольшую лавочку-бакалею (свечи, мыло, дёготь, мука, овёс, солёная рыба (сазан). Вероятно, после смерти отца Михаил со своими компаньонами (втроём) решили купить лодку муки и распродать в Весьегонске (по Рене и Кесьме). Годы были голодные. Особенно нуждались в хлебе в 1854—1856 годах, так как весь южный хлеб, мука пошли в Крым на Севастопольскую войну. Сильно голодала тогда и Вологодская губерния.

Денег заняли у самойловского Дубинина, вместе раньше ходили на лодках, 250 рублей заняли. Да своих было сотни две, да товарищи одолжили, кто 50, кто 25 рублей. Набралось, видимо, сотен восемь. Купили муки в Рыбинске у Башкирова почти тихвинку (вмещает от 1000 до 8000 пудов). Едва довезли до Весьегонска, как всё расхватали! Они рассчитались со всеми кредиторами, да на весну опять двинули за мукой. Управляющий Башкиров много им дал муки, даже под вексель дал. Надо же, говорит, поддержать молодых торговцев, они, видимо, с купеческой смекалкой, да и у нас в амбаре не будет залежа. Доставай только лодки, Михайла, да грузи! Погрузили, дошли только до Лами, да на Кирилловской ярмарке 2 мая всё и распродали. Рассчитался с компаньонами (один, кажется, был Фёдор Степанов, другой — Кашин из деревни Задний Двор). И, не дремля ни минуты, повернули лодки опять в Рыбинск. Зимой распродал всё до крупинки. И таким образом пошла его хлебная торговля.

Став в 1867 году Городским головой (в 56 лет), он выстроил казармы, устроил керосиновые фонари по Ярославской улице. Предлагал соединить рельсами Большую гору и Толоконную и через Еловую гриву подсыпать песком городские улицы, затопляемые в половодье до 4 аршин. Нередко в соборе вода стояла на три вершка, а жители ставили скот на чердаки и крыши, а сами перебирались на Соколову гору.

В 1872—1873 годах при Галунове был проведён телеграф, в том числе до Устюжны. Население имело от Галунова постоянные заработки по перевозке пшеницы от ручьёв к мельницам и обратно отвозка муки в десятки тысяч пудов. Муку потом отправляли в С.-Петербург по Тихвинской водной системе.

В свои именины, 8 ноября, Михаил Васильевич любил угощать народ. Перед домом (трёхэтажный каменный дом начат строительством в 1850 году) именинник выставлял двадцативедёрную бочку с водкой. Случались смертельные исходы — опивались. В доме же был весь город. После обедни до вечера успевало напиться всё мещанство — усердные лежали в углах и коридорах большого трёхэтажного дома. Начальство и служащие, как более слабые, отвозились в фаэтоне. На перекрёстке, у дома Быкова, их приглашал другой знаменитый именинник — Михаил Николаевич Смирнов, бывший столоначальник города, престарелый балагур и любитель винца. «Друзья-канцеляристы, — говорил он, — вы у Галунова пили, ели, поздравьте и меня, зайдите хоть посидеть в двухместном сортире, уважьте старика». Все гости весело посмеивались.

Гражданки-сверстницы Михаила Васильевича не отставали от мужей. Плясали с платочками, в старинных ферезях и душегрейках и пели про старину, кто во что горазд. На кухне также собирался обед для бедных. Сам хозяин хорошо выдерживал празднество, на другое утро опохмелялся, но страдал от ломоты ног, которые ему всю ночь напролёт растирал придворный фельдшер Андрей Леонтьевич Первухин.

М.В. Галунов любил всегда щедро одарить всех властителей города, на всякий случай, а равно за услуги. Городничего, исправника, протоиерея он ценил в три мешка крупчатки к Пасхе, рождеству и их именинам. Остальных помощников и попов — в два мешка; казначей, нотариуса и разных секретарей — по мешку в год. Ходил сам до старости в купеческом длиннополом кафтане, начищенных сапогах, чёрном картузе, волосы подстрижены в скобку. Имел золотую медаль за общественные дела и орден Анны.

Когда Михаил Васильевич скончался (это случилось 10 ноября 1873 года), то весь путь до кладбища Кириковской церквы был густо посыпан пшеницей (11 кварталов), на что ушло до десяти мешков. М.В. Галунов оставил на детский приют по завещанию значительный вклад.

1879—1881 ГОДЫ. НАРОДОВОЛЬЦЫ. СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

Предполагаю, что не кто-нибудь другой, а именно Софья Перовская жила у нас, в Весьегонске, в 1879 году. Помню, весной 1881 года нас, учеников, всех задержали в классах. По коридору ходил инспектор училища, учителя с журналами, говорили шёпотом. Вместе с ними в синем мундире и серебряных шнурках ходил какой-то жандармский офицер. Это было не то первое, не то второе марта. Все они о чём-то шептались, останавливались у стёкол классов, показывали офицеру разных учеников. Вся эта процедура тянулась на протяжении первых двух уроков. Мы недоумевали. Наконец, меня и ещё нескольких учеников из других классов вызвали, и этот офицер спрашивал и записывал, откуда мы, давно ли учимся, где квартируем. Меня ещё спросил, хожу ли я к Кулаковским играть с учениками, которые там живут. Кто ещё там бывает? Я ответил на все вопросы и был отпущен. А в это время в классах объявили, что сейчас будет панихида — убили бомбой Государя Александра Второго! Мы пошли в собор. На всех малышей нашёл какой-то ужас. Многие плакали, и я в том числе. Шли рядами без ранцев.

Когда я вернулся на квартиру, в дом Карамаш, хозяйка, тоже вернувшаяся из собора, рассказывала, что в нашей комнатушке был обыск, что какие-то люди пересмотрели все наши книжки, учебные тетради, постели, сундуки. В доме Кулаковских был произведён генеральный обыск. Долго в городе служились панихиды. В газетах и журналах мы увидели портреты казнённых: Рысакова, Перовской, Кибальчича, Желябова и др. Их лица запечатлелись в памяти!

Время шло, учение наше продолжалось. Наступили летние каникулы. Мы с Павлом Дрызловым приехали домой, в Весьегонск. Принялись за рыбную ловлю, ходили в лес, купались. Ещё в училище я слышал от Павла, что в Красном Холме во время Благовещенской ярмарки, 25 марта, был народный бунт, и чуть не убили нашего исправника Ф.А. Дрызлова, пристава и урядников. Народ откуда-то узнал, что будто цареубийцы скрывались в Весьегонске, а исправник знал об этом и не донёс по начальству. Другие говорили, что сам исправник был подкуплен и находился в заговоре, и что он сейчас находится в Красном Холму, и что у всех траур, а он разъезжает с колокольчиком. Толпа бросилась к гостинице Панова, стала требовать выдачи исправника и полиции. Потом буйная толпа ворвалась в буфет, перепилась, разбив вдребезги поддужный колокольчик, изгрызли осатанело дугу зубами. Становой и урядник были избиты, а исправник будто бы отсиделся в мешке за трубой. Бунт разрастался. Начали громить базар, лавки, питейные дома. Наконец, кто-то догадался ударить в набат. Это отрезвило толпу. Все бросились запрягать лошадей и на рысях выезжать с ярмарки. В ночь уехал исправник. На другой день были вызваны из Бежецка войска.

Эти рассказы и разговоры 1881 года о том, что у Малиновских проживала Перовская и другие революционеры, вызывали у нас, мальчишек, воспоминания. Ведь, в самом деле, у Анны Кузьминичны Малиновской жила

позапрошлым летом сухонькая такая барынька, не иначе, это и была Перовская. Почти каждый день я ходил к Пете Земсу, он жил тогда напротив А.К. Малиновской. Заходил я и к Саше Малиновскому, который учился в Череповце, в техническом училище. В компанию на рыбалку мы брали и маленького его братишку. Петю Малиновского, который больше жил у дедушки-псаломщика в селе Чамерове. Ему-то, собственно, и давала эта дамочка из окошка на крыльце шоколад, отламывая от толстой плитки. Перепадало и мне, но кусочек меньшего размера. Особенно отчётливо я помню, как эта квартирантка Малиновских спускалась с пригорка против дома Кузнецовых (до 1897 года этот дом принадлежал Репенаку). Она ходила ежедневно гулять в город и на реку. Квартирантка была среднего роста, тщедушная, затягивалась в корсет, или, как мы звали, «в рюмочку». Лицо белое, аккуратное, нос точёный, небольшие быстрые глаза, маленькие уши, волосы русые. На голове была соломенная шляпка с небольшими полями, с которых спускалась чёрная вуаль (тогда многие носили). Лица на прогулке нельзя было разглядеть. Очевидно, лицо её я запомнил, когда она была дома в окне или на крыльце. Носила чёрное, очевидно, кашемировое платье, сверху какая-то жакетка, плотно облегающая корпус и талию. Внизу платье узкое, отчего она имела короткие шаги, семенила, как говорят. На руках были чёрные лайковые перчатки, и рука была замечательно маленькой. В левой руке держала чёрный шёлковый зонтик, закрываясь от солнца. Как-то я видел её идущую с высоким мужчиной, она ему была по плечо. Говорили, что это приезжал к ней муж. Я припоминаю, что он шёл с правой стороны, взяв спутницу под руку. Сутуловато держал голову, чёрные волосы подстрижены в скобку, борода редкая, чёрная. Шагал он редко. Любили они ходить на прогулку по реке Мологе. Был у неё в гостях и какой-то невысокого роста человек, коренастый, широкоплечий, с короткой шеей, большой головой, с шапкой русых, плохо расчёсанных волос, подстриженных в скобку. Борода рыжеватая, лицо заросшее.

Весьегонск. Ярославская улица во время водополья

По окончанию Русско-турецкой войны, около 1878 года, в Весьегонск приехал Николай Иванович Уваров, большой театрал, хороший артист. В любительских спектаклях начал принимать участие и вновь вступивший в секретари земской управы Яков Григорьевич Непомнящий. Высокого роста, лет 32-х, играл он неважно. Принимала участие в спектаклях и дочь исправника Мария Фёдоровна Дрызлова. Уваров и Немилостивый ухаживали за нею и часто бывали у исправника. Пили чай в саду, весело смеялись. А мы в это время ходили к своему однокласснику по уездному училищу, Павлу Дрызлову. Говорили, что Я.Г. Немилостивый непременно женится на Маше, она была очень красивая, а Уваров — на второй дочери Кате. Но после оказалось, что Я.Г. Немилостивый не кто иной, как доктор медицины Кирилл Фёдорович Покровский, он был женат. Провизором больницы в Весьегонске состоял Д.С. Гинсбург, акушеркой в Кесьме Рахиль Софроновна (фамилию забыл). Всех их причисляли к революционному движению. Куда и когда исчезли эти люди — Уваров, Немилостивый, Гинсбург, не помню.

В 1882 году я узнал от Павла Дрызлова, что исправник Ф.А. Дрызлов (его отец) раньше работал в городе Ржеве, затем после исправника Бутягина был переведён в Весьегонск... Имел награды, получал денежные премии за то, что у него не было недоимок за крестьянами. Для получения налогов с крестьян он не применял репрессий, а ездил сам по уезду и беседовал с крестьянами почеловечески. Говорили, что народ обожал его.

Всё лето 1881 года шли допросы, доносы... Исправник ожидал, видимо, себе суда. Накануне замерзания рек Мологи и Рени (они замёрзли в тот год 20 октября) Ф.А. Дрызлов утром ушёл из дома. Взял своё охотничье ружьё, патронташ, собаку и, дойдя до Рени (ниже Бодачёва), встал на круче отвесного берега и выстрелил себе в голову. Мёртвым свалился в воду. Собака неоднократно прибегала домой и звала, но её не поняли. Прождали ночь и на другой день начали искать по всем лесам и берегам. Река скоро замёрзла. Одни говорили, что исправник на охоте заблудился и, возможно, где-то лежит без памяти. Такое у нас бывало и раньше. Другие говорили, что ночью его жандармы взяли и увезли в крепость. Третьи убеждали, что в Америку уехал, даже видели, как он на тройку садился в лесу у Живней. Только весной, когда пошёл лёд, труп всплыл — примёрз к льдине. Так обнаружили мёртвого исправника. Святые отцы не хотели его хоронить, да губернатор приказал.

Около 1883 года я нашёл на огороде две печатки, одна из латуни, без ручки и с грубо выгравированной надписью (обратной) — «Народная воля». Другая эллипсовидная, вдвое меньше, с сердоликовым брелком, на котором просвечивала изящная надпись: *«Единственная, не сдавайся»* и ещё что-то. На другой стороне: *«Без солнца всё вянет»*. Посередине находился цветок и листья ландыша. Я долго хранил эти печатки, но они всё-таки пропали...

ЭШАФОТ

Тогда острог был там, где теперь казначейство, там и эшафот стоял, чёрная открытая площадка с деревянными осями и колёсами, а посередине столб, к которому привязывали провинившегося. Колёса не смазывались, рассохлись и громко скрипели. Эшафот был сделан Городским головой Петром Ивановичем Поповым. Так уж случилось, но на эшафоте везли однажды его брата Александра Ивановича Попова, городского мещанина, имевшего на рынке лавочку. У него была большая бедность. Его приятелем был мещанин А.П. Зверев. Зверев был зажиточный, жил только с женой. Попов часто ходил к нему за советом. Однажды Зверев перед утром был удивлён, что кто-то стучит, уже коров выпускали. Отпер. Вошёл Попов, говорит: «Ставь самовар!». Зверев пошёл ставить самовар. Затем вошёл в спальню и видит: жена лежит на кровати в луже крови! Ему стало ясно, что Попов убил её пешнёй и, пробежав галерею с лестницей, спрятался за выходную дверь. Зверев побежал, но на улице только пастух идёт. За калиткой Зверев нашёл убийцу. Поднялась свалка, но Попов вырвался и убежал. Когда Попова осудили, его братья уехали на Бодачёвский завод, а в домах и окна завесили. А убийцу привезли из острога на Соборную площадь, где теперь стоят городские весы. Хотя народ и не оповещали, но все улицы у острога были заполнены людьми. Ударили в колокола, когда Попов клятву принимал, а уж затем начали пороть. Плеть разделена на несколько ветвей, да с узелками и ворванью вымазана. Когда ударяли, то раздавался нечеловеческий крик... Всё тело превратилось в лепестки. Назад в острог везли на дрогах. Одни говорили, что тут он и умер, а другие — что сослали его. Только о нём больше никто и весточки не слыхивал.

Другое наказание на эшафоте состоялось над краснохолмским почтмейстером за растрату денег. Лишали почестей. Везли на эшафоте спиной к лошади. На груди доска: «Растрата». Для показа народу подняли старика подмышки. Вот так усыпляли тогда народ ловкие правители. Мы, мол, честные люди, а не воры, за малость наказываем, а сами были жулик на жулике, мазурик на мазурике. Сняли мундир с почтмейстера, над головой шпагу сломали. Розгами почтмейстера не наказывали.

Третий раз на эшафоте везли мещанина Николая нова за какой-то общественный обман. Старик присвоил себе деньги и за это принимал на площади публичную присягу под звон соборного колокола. Говорили, что сильно стегали розгами. Купцы Голововы — старинный род. Их фирма существовала с 1808 года. Он выстроил половину каменной колокольни к Кирикской церкви. Больше не хватило капитала, так как красным товаром торговал в кредит — за счёт нижегородских купцов. Разыскивая себе дворянство за столетие фирмы, он в московских архивах затратил большие средства. Его торговля была описана с молотка. Последние пять лет торговал в Москве иголками, книжками и всякой мелочью в ларьке на Сухаревке. Патент же выбирал первогильдийный. Вскоре он умер.

Возили на эшафоте и других провинившихся, но вскоре эта тюрьма была переведена за город во вновь отстроенное Петром Петровичем Ефремовым помещение, обнесённое острым тыном, а эшафот был отменён новой реформой.

КРЕЩЕНСКАЯ ЯРМАРКА

По рассказу матери Анастасии Александровны Сиверцевой

Знаменитая Крещенская ярмарка, проходившая с давних времён, много поддерживала в городе народа. Она обслуживала огромную территорию, когда ещё не было ни пароходов, ни железных дорог. Почти все товары прибывали на Весьегонскую ярмарку зимой (она проходила с 6 по 20 января) и, главным образом, начиная с декабря месяца, после Никольских морозов. Только часть товаров и продуктов поступала с осени или весны по воде. Немало мещанских семей только и жили доходами с ярмарки, сдавая под постой квартиры, дома, конюшни, амбары, скотные дворы. Распродали излишки сена, торговали рыбой (сущём), селёдкой, толокном, грибами, горшками, посудой. Пекли сайки, хлеб, калачи, пряник-сусленник, разносили горячий сбитень (медовая горячая вода). Бывало, недели за три до открытия ярмарки уже потянутся обозы по Бежецкой и Ярославской дорогам, да лошадей по 300—500. И чего только не везут! Кованные лошади делают по дороге ступеньки, начиная с места ярмарки и, вероятно, кончая Москвой-амбаром, где брали товар. Дорогу выбивали огромными ухабами, где иногда в снежные зимы помещаются по две, по три подводы так, что и дуги не видно. Часто за первым таким ухабом следовал второй, третий... числом до десяти подряд. Вы едете как на волнах, сжимая крепко зубы, чтобы не прикусить язык. Вдобавок повсюду на косогорах раскаты, так как раньше сани никогда не шиновались. На раскатах сани иногда оборачивались на полный круг — 360 градусов, и повсюду виднелись следы крушений, сено, доски. Встречные подводы в это время делали другой путь, в объезд. Поэтому вся дорога на сотни вёрст была исхожена лошадиными копытами, следами людей в валенках, лаптях, чунях, кожаных сапогах. В сёлах и деревнях почти в каждой, повсюду, у трактиров, заезжих дворов, больших домов стояли возы, отдыхали лошади, продавалось сено, вырубался лёд у колодцев. В домах всплошную отдыхал народ, на полу, на полатях, на печке, на лавках. В переднем углу не сходил со стола самовар, бублики и солёная рыба. В трактирах добавлялись щи из кислой капусты, мясо-баранина, студень и водка по потребности и температуре на улице.

В обоз обыкновенно берут тощих лошадей, и в дороге их откармливают овсом. Лучшими лошадьми у нас считались пензенские, сызранские, тамбовские. Из Москвы везли мануфактуру, галантерею, восковые свечи. Из Ярославля доставляли бакалею, полотно, колокола, привозились и знаменитые валдайские маленькие колокольчики и бубенчики.

Были лавки, которые торговали только оптом: конфеты, пряники, финики, пастила, свечи, мыло, верёвки, сортовое железо... А наши северяне продавали кожи, пушнину, сушёную рыбу, малину, чернику, смолу, корьё, деревянные изделия, лён, мёд, масло коровье. По северным дорогам огромных обозов не шло. Обычно сами хозяева приезжали со своими товарами или нанимали лошадей, чтобы отвезти скупленное сырьё и обратно забрать годовой запас нужных товаров с ярмарки. Причём не только крупные торговые фирмы Севера покупали для годовой продажи всю мануфактуру, галантерею, железо и прочее, но и простой обыватель запасался на год необходимыми и более дешёвыми припасами и вещами на ярмарке. Платил наличными и жил себе припеваючи целый год. Мы, например, покупали на целый год свечи — стеариновые, сальные, керосин (позднее), мыло бельевое мраморное Жукова, деревянное масло, посуду, тарелки, миски, стаканы, блюдца, чайники, ложки деревянные, скатерти, коврики, ситец, сукно, плётки, два ящика спичек, ящик лампового стекла, ящик оконного, белозерского снетку две корчаги, сахару пять головок, пять

фунтов чая. Для поста приобретали: пастилы два ящика, шесть батончиков халвы, десять фунтов изюму, для гостей — орехов, разных сладостей, мёду бортик, визиги, разных круп. Обыкновенно брали мы всё это у Ельтякова и Бородавкина, платили им половинную часть, а вторую половину платили в следующую ярмарку.

Крещенская ярмарка была настолько велика, что вообще трудно перечислить все привозимые товары и прибывающее на эти две недели население и покупателей. Приезжали сюда и заурядный крестьянин, и помещик, и разночинец, и кустарь, и охотник, и рыболов, карела и русские, инородцы с севера. Но главный праздник и самый большой в городе был, конечно, для купечества. В купеческих семьях велись оживлённые разговоры, приготовления, ожидания, подсчёты и соображения, как за чашкой чая, обедом, ужином, так и при разных встречах со знакомыми и коллегами по профессии.

Ярмарка — это фортуна! Только она способна была быстро переворачивать всю торговлю и весь жизненный уклад целых купеческих семейств. Могла сразу обогатить, или разорить, или оставить в равновесии малопричастных к торговле людей. Ярмарка же выдвигала и способных торговцев, определяла размер нового кредита, показывала женихов и продавала невест как за приданое, так и за наличный расчёт.

Уже с Нового года начинали хлопотать старики-купцы, приготовляли счета, сверяли цены, мозговали с помещениями, подсчитывали ожидаемые барыши и ремонтировали свои волчьи и лисьи тулупы с огромными воротниками, примеряли красные кушаки и замшевые тёплые перчатки. Женщины приспосабливали рукава своих лисьих и куньих салопов к предстоящей торговле маслом, селёдкой, икрой, керосином и липкой конфеткой. Барышни прилаживали фартуки, подучивались на счётах и чаще гадали на святках о женихах. В святочный вечер, накануне Крещенья, все говели до святой воды, которую бережно несли из церкви в хрустальных графинах и фарфоровых вазах.

С вечера уже вся ярмарка стояла на месте, но отнюдь не смела торговать. Великое сражение двух народов, северян и Московии начиналось только завтра, 6 января, в Крещенье. После возвращения соборного Богоявленского крестного хода с реки Мологи и освящения воды. Там Павел Петровичев, крестьянин из деревни Дели и ещё трое смельчаков ежегодно купались в проруби, обставленной ёлочками, а на берегу, на ярмарке, поднимали флаг и кропили святой водой радетелей торговли и всех приезжих гостей от имени города сего. В большинстве случаев в первой половине января всегда стояли сильные, так называемые Крещенские морозы, доходящие до минус 25 градусов и ниже, при совершенном отсутствии ветра и звёздном небе. Редко когда на ярмарке зажигали костры. Сторожа грелись в домах, а про ночных воров тогда почти и не слыхивали. Приезжали только фальшивомонетчики и удачно сбывали свои бумажки и олово за серебро.

И вот утром, шестого января, все ждут благовеста собора. Наконец-то дрогнули хоругви, зашевелились чтимые иконы, затеснился народ. Густым аккордом загудели колокола, им вторила ярмарочная колокольня. Двинулся крестный ход на реку. «Глас Господень на водах...», — отчеканивает хор, ему подпевает сотня купечества — и своего, и приезжего. Скрипит снег. Яркое солнце. Крепок лёд на реке. Весь берег усеян народом. Началось водоосвящение. Замолкли колокола. Только брякает паникадило, да не сдаются охрипшие певцы: «Во Иордани крещающуюся!»... Задвигалась толпа и, словно рой, снялась с места. По всем улицам народ идёт с чайниками, молочниками, бутылками... С освященной иорданской водой. Уже поднят флаг, ярмарка открыта!

Но первые дни торговля идёт слабо. Все ходят, присматриваются, приценяются. Покупают только съедобное. Но тысячные обороты начнутся только тогда, когда подъедут оптовики, расковщики, лесорубы, судостроители, крупные помещики, разные заводчики, богатая карела и зажиточные крестьяне, а со стороны Москвы и Волги — доверенные приказчики по закупке необходимого им сырья.

Под ярмарку занималась часть городских улиц и несколько площадей (Мытная, Конная, Соборная), всего до 15 городских кварталов и улицы: Вологодская — от соборной часовни (дом Логинова) до берега Мологи; Белозерская — от Троицкой улицы до собора; Мытная — от Троицкой улицы до берега заводи и Конной площади; Троицкая — от дома Богаченко до Мытной и Ивановской улиц; Гостинодворская — от дома Потапова до Ивановской улицы.

Основную же торговлю обслуживали 11 городских корпусов, имеющих более сотни отдельных запирающихся лавок, каждая длиной 21 аршин, шириною 12 аршин. Эти корпуса были вновь построены приблизительно в 1876 году на месте старых и значительно подняты, так как старые ряды заливались в водополицу нередко на целый аршин, а некоторые и на полтора. Левые лавки, если идти к собору, всегда занимали фарфоровые и фаянсовые изделия, стекло, разная посуда (стаканы, чашки, тарелки, большие блюда, супники). Здесь же, в левых лавках, находилась мануфактура: сукно, бархат, другие материи. Тут же размещалась и галантерея — четыре магазина.

Направо, как идти к собору, ряды занимались бакалеей. Всего продавалось муки (главным образом крупчатки) свыше 1500 пудов, не считая овса, ячменя, гречи, пшена и гороха. В рядах направо находилось всё железо и скобяной товар.

Конная площадь занимала место на берегу заводи до четырёх десятин. Наличность коней была от 300 до 1000 штук ежедневно (с 6 по 15 января). Цены составляли от 50 до 300 рублей. Особенно много покупали коней помещики и лесопромышленники. Главной породой была средневолжская лошадь, улучшенная, с одной стороны, воронежским битюгом, с другой — орловским рысаком. Попадались и настоящие битюги из Бобровского уезда, соседи знаменитого Хреновского завода. Много было лошадей косматых сибирских, а также мелкой финской породы. Особенная группа была причастна к конной ярмарке, исправно и ежедневно посещала её и ходила с ременными кнутами на длинных кнутовищах, анализируя лошадиные рефлексы, достоинство и пороки каждого коня. Сюда принадлежали и коноводы-помещики: П.С. Дементьев, Пётр и Василий Павловичи Дементьевы, С.М. Шевелёв, А.Г. Курбатов, Н.Н. Литтенбрант, А.В. Еляков, а также содержатели почтовых станций. И этот букет дополняли истинные спецы по коням, свободные граждане, всероссийские цыгане. Они съезжались за сотни вёрст ради нового знакомства, ради устройства новых передаточных пунктов ворованных лошадей как в одной уздечке, так и в упряжи.

На третий и четвёртый день работы ярмарки крупные торговые фирмы уже имели здесь налицо по два, по три, по четыре приказчика. В их лавках элегантно расставлены товары, как внутри, так и на галереях. Приказчики отличаются особой учтивостью, вниманием к покупателям, быстротой исполнения заказов. Приказчики терпеливо,

с адским хладнокровием относятся ко всякого рода выходкам, грубостям, язвительности разношёрстной публики. Действительно, надо быть врождённым торговцем, чтобы знать натуру покупателя, суметь возразить или смолчать, а главное — продать товар по той цене, на которой заартачился покупатель. Эти фирмы не зазывают покупателя. Другое дело — скупщики сырья. Там по всей их линии амбаров идёт такой крик, гам, уговаривание, насмешки, что этот шум заглушает не только соседнюю линию, но и ярмарочную колокольню с её непрерывным звоном. Эти скупщики сырья (кудели, кожи, холста, масла, грибов и т.д.) отлично знают натуру своего клиента и по глазам, движениям видят, с кем имеют дело. Мужичок недолго ругается за нахальство, получает расчёт, но сварливые бабы подымают такой крик, словно бы жарят живого поросёнка на сковородке, и особенно за лён, за холсты. И за бесценок не хочется продавать, а главное — в деревне стыдно: «У тётки Маремьяны холст-то пошёл дешевле, чем у Параньки», значит, он хуже.

В рыбном ряду торгуют больше женщины. Они артистически быстро взвешивают рыбу и так же быстро высчитывают восьмушки и четверти перевеса или недовеса. От мороза бегают кругом своего магазина — разостланного по снегу брезента или бочонков. Хлопают рукавицами, валенками и основательней завязывают замерзающие лоб и щёки.

Шубники-спецы умеют расхваливать свой товар и сойтись с покупателями. Раньше не было никакого мошенничества в одежде, обе стороны оставались довольными. На прощание говорили: «На будущий год опять приедем, здесь же будем торговать, милости просим, заходите». Одежда, как верхняя, так и нижняя, шилась вручную в свободное время. На деревянных нарах, босиком, поджав ноги калачиком, сидели особые люди, большие виртуозы и специалисты, прозванные «швей-мейстер-русс», которых в середине 80-х годов сменила швейная машинка «Зингер».

Красный товар (мануфактура) представлял из себя целые горы материи разных фабрик, разных сортов, цветов, рисунков, блеска, мягкости наощупь, приятности для глаз и... разных цен, на любой вкус и кошелёк. Покупатель только рот раскроет, а целые куски материи уже лежат перед ним. Иной два аршина купит, а 50 кусков пересмотрит. В этом лабиринте может разобраться только служитель мануфактурного культа.

Около 10 января на ярмарке собиралась огромная масса покупателей, так что по улице трудно было пройти. Все магазины и лавки были переполнены. Теперь просёлочные дороги были заняты обратными подводами с закупленными товарами. Квартиры, комнаты и скотные дворы в городе всё это время были переполнены до отказа. Приезжая интеллигенция с 8 часов утра и до сумерек закупала и увозила с ярмарки товары.

Городское купечество — мукомолы, бакалейщики, железнорядцы — складывали, помимо лавок, на галереях огромные яруса мешков с мукой или груды железа, чугуны, точила и т.д. Во время торговли они чаще имели смену и чаще уходили домой к ведёрному самовару, погреться. Самовар теперь служил хозяину от 8 утра и до 12 часов ночи.

Вечером в городе везде поджаривались на сковородках вкусные белозерские сельди, некоторые баловались балычком, икрой и сёмужкой, просиживая до полуночи около горячего сотоварища-самовара. Молодёжь шла в гостиницы и трактиры играть на бильярде, пить дюжинами пиво и слушать доморощенных цыганок.

Особенно много труда несли во время ярмарки различные общественные учреждения: городская управа, общественный банк, присутствия (по воинской повинности, по крестьянским делам), дворянская опека, казначейство и др. Дело в том, что приехавшие на ярмарку заодно справляли все свои насущные дела и делишки, а затем дома благодушествовали целый год. Обороты ярмарки достигали до полутора миллионов рублей серебром, в те годы счёт шёл на серебро, не на золото. Серебро пользовалось большим уважением, для него делались специальные кошельки, портмоне. Между медяками ещё попадались старинные екатерининские пятаки и николаевские трёхкопейки (алтын) весьма значительного веса. Крещенская ярмарка порядочно выкачивала сбережений и у безалаберных кутил, и у скупердяев-Плюшкиных. Мытом и правом сбора за место на ярмарочной площади в 1860—70-х годах пользовались Александр Петрович Зверев и Алексей Ефремов. Безусловно, главный оборот на ярмарке шёл на наличные. Кредит был открыт для купцов и знакомого верного покупателя. Долг был свят и в точности исполнялся почтою за сургучом или частями погашался приезжающими доверенными. В очередную ярмарку опять встречались дебиторы и кредиторы друзьями и снова предъявляли запросы своего хозяина и аппетиты своих семей.

С 16 января на ярмарке начинало пустеть в лавках и магазинных. Ослабевало движение по улицам, всюду нагружались возы оптовиков. Опытные торговцы ежегодно рассчитывали точно привоз товаров, чтобы не оставалось после ярмарки ничего существенного, а всякие мелкие остатки продавались на месте здешним купцам по своей цене, без всяких скидок. Раньше не было никаких распродаж и аукционов. Эти деяния считались безнравственными. Не было такого злорадства и разного напускного бахвальства. Часто во время ярмарки при церковных сторожках находили полупудовые свечи, кресты, евангелия, масло и т.п. как дар неизвестных жертвователей. На квартирах купцы щедро оделяли прислугу, дарили хозяевам материю, кружева, ленты, посуду. Исправно подавали к заутрене нищим. По окончанию ярмарки и ликвидации остатков сводили итоги, сдавали деньги переводом через казначейство или почту. Обязательно молились в соборе и заказывали лошадей. Привычные ямщики закладывали тройку гусём или уточкой, чтобы не сбивались при ухабах, подавали просторные сани с защитной кибиткой, чтобы не замёрзнуть его степенству в тёплой фуфайке, ватном сюртуке, лисьей шубе, волчьем тулупе. В обычае Руси — присесть одетым перед дорогой, подумать — не забыто ли что? Потом помолиться, проститься и в сани валиться!

А ямщик уж устроит хоть одного, хоть троих усадит на сиденье, хоть в трёх, хоть в девяти шубах уложит седоков. Щёлкнет бичом... Эх, соколики! И прощай, ярмарка! Заплачет под дугой колокольчик... Верная езда по 12 вёрст в час. До станции 35, а то и 36 вёрст. До Бежецка — 120, до Мологи — 90, до Устюжны — 50, до Белозёрска — 145 вёрст. Белозерцы в двое суток проезжали эти 145 вёрст.

Но не спешили, бывало, степенные люди к поезду. Одна Рыбинско-Бологовская машина обслуживала нас тогда через Бежецк. Вольготно попивают себе чаёк на деревенских станциях, яишенку с блинком отведают да рыжичком солёным в сметане балуются, а в ночи на печке греются, на полатях растянутся. Тепло, приятно с морозу, хорошо!.. В Москве нет такого удобства.

Но, бывало, ещё 20 января идёт торговля, а вечером в последний раз заседал ярмарочный комитет. Приезжие делились своими впечатлениями. Сборщики мыта и

городских весов докладывали о вырученных суммах. Бухгалтер общественного банка читал баланс ярмарочного оборота, секретарь протоколировал о всех правонарушениях и невыполненных обязательствах. Статистик предлагал комитету ряд утомительных цифр, приезжих фирм, купцов, товаров, проверки патентов, предложений по улучшению ярмарки на следующий год и т.д. Пока не зевнул председатель и заразил этим эпидемически весь зал!

Конец всему, последнее прости! И разошлись тузы, окончена шумная Крещенская ярмарка. Рано поутру сторож снял нервно бившийся с 6 по 21 января большой красный флаг, поднятый в Крещенье на городских весах.

С 1889 года стали заметно падать крупные ярмарки. Повсюду прошли железные дороги, соединившие Волгу с Каспием, Чёрным морем, Балтикой и Туркестаном, а потом и с Сибирью. Пароходство быстро развивалось: по Волге, по Унже, по Каме, Белой, Чусовой, Мологе, Шексне. Однако северные ярмарки — Нижегородская, Макарьевская, Ирбитская, наша Крещенская — продолжались до самой Мировой войны, до 1914 года.

МАСЛЕНИЦА

В старину на Масленой неделе в деревнях обязательно варили домашнее пиво, сразу вёдер по семь. Празднование начиналось, собственно, с пятницы. В четверг мыли избы, стлали солому — завтра ждали гостей и родственников из соседних сёл.

Бывало, мы, реалисты, гимназисты и техники, приезжали на эти три дня из Череповца, но в понедельник обязательно были в классе. Когда ехали в воскресенье ночью по деревням, то везде слышались пение, пляска, горели за околицей костры (жгли Масленицу). Один костёр полыхает выше другого! Это гордость устроителей. Но для этого молодёжь целую неделю, впрягшись в дровни, ездила по селу, а у нас — по городу и собирала дрова, дырявые баклажки, кадушки, корзины, тряпки, шапки, всякую ветошь, всякое заразное гнойное бельё, валенки, опорки, решёта, ломаные лопаты. Аршин в десять выложат клетку из дров, наверху чучело Масленицы: в валенках, в синих штанах и фигуристой кофте. На шее бант, на голове лукошко, в руке кочерга, в другой решето и блины. В дрова воткнуты: лопаты, мутовки, на них висят платки, штаны, жилеты, башмаки без подошв — всё, что не нужно в домашнем хозяйстве. Здесь всё зависит от таланта устроителей. В воскресенье, чуть сумерки, весь народ спешит туда, за село. Всем интересно посмотреть. Девицы и парни хороводом идут, а ребятишки визжат!.. Загорелось внизу, а пламя-то выше и выше... до блинов добралось! Шапка и усы льняные горят! Ур-ра, гори ясно, пока не погасло! Шире, выше бери! Крики кругом. А пламя рвётся, бушует, гудит... пока не грохнется Масленица и не посыплются золотые искры! Снег вокруг весь исхожен, быстро темнеет, все идут по домам.

Последние три дня Масленой каждый обыватель считал своим приятным долгом поесть вволю блинов у себя дома и у знакомых. Никакие доводы не остановят вас, чтобы не зайти к знакомым и не поддержать там настроение хозяйки и узнать: как удачно взошло, поднялось тесто, не прокисло ли?.. Каков идёт спрос от стола в кухню и обратно. Вы не обездолите хозяев десятком-другим съеденных блинов. Вы только окажете великую честь семье! Но не засиживайтесь долго, ибо уже поданы лошади, стелют ковры, гремят бубенцы, зовёт колокольчик под дугой. Мы не американцы — нам не золото и время дорого, а дороги гордость и честь! Вся улица кланяется, а вы, как пень, сидите в санях с дражайшей супругой и обложены детками. Десять раз по Ярославской вперёд и столько же назад (три рубля в час). Тут не мешкай, трогай и бери сразу же в обгон! Держи вправо! Здесь едет больше 120 запряжек: тройкой, парой, одиночкой, взад и вперёд своей стороной из конца в конец. На катанье заняты были все ямщики и лошади: с почты, с земской станции, до выгреба обывательские (что держали по две-три пары лошадей для перевозки пассажиров из Весьегонска до Череповца, Тихвина, Белозерска, особенно во время Крещенской ярмарки). На улице, конечно, были и купеческие семейства со своими лошадьми. Призовые заводские рысаки были на особом счету. Они шли под малиновой или голубой сеткой с кистями, санки, словно пёрышки. Далеко закидывает колено рысак, раздуты ноздри, правит сам хозяин, натянуты вожжи. Такому рысаку пустяк пробежать десять кварталов, соревнования шли только за городом.

Большая Ярославская в этот день превращалась в какое-то столпотворение, переселение народов: из щелей выползали под открытое небо закоренелые домоседы и приветствовали знакомых. Говор публики, визг детей, бубенчики, шарунчики, поддужные колокольчики, скрип саней, храп пристяжных, что шли на трензелях, свист ямщиков и тёмная каша под ногами вместо белого снега. А по тротуарам: куньи, беличьи и лисьи меха, дорогие ферязи и шёлковые платки, бобровые шапки, хорьковые лацканы на пальто.

Около 1886 года, на Масленую, я, реалист из Череповца, привёз в Весьегонск проект катка. Уже в пятницу с утра при участии сотоварищей и сторожей был расчищен лёд на реке у Перевоза, к вечеру были привезены ёлочки. В субботу зажгли фонарики. Евгений Москвин, П.М. Земс, А. Малиновский, Н.Н. Голованов и другие работали, не покладая рук. Н.Н. Голованов сделал прозрачный полутораршинный транспарант, освещавшийся внутри лампами. На одной стороне — тройка медведей в розвальнях везёт масленицу. Красавица стоит посреди саней в ферязи, душегрейке и кокошнике, украшенном драгоценными камнями. В одной руке сковородник, сковорода и блины, в другой — вожжи (красные ленты). У медведей огонь из ноздрей.

Тысячи горожан пришли на каток полюбоваться иллюминацией. Лёд трещал на реке. Но мы, человек пятнадцать, катались с барышнями, не думая об опасности. Исправник А.А. Калмыков вывесил объявление-предупреждение: «По случаю тонкости льда не собираться группами!» Однако в сумерки народу на катке собралось больше, чем в Крещенье на Иордани. Вот это было развлечение!

Десятью годами раньше, в 1876 году, наследники Титушкова в память столетия города (праздновали его не 6 марта, а на Масленой) смастерили лодку-канавку, приделали колёса и провезли от дома Савина до земской управы изваяние (во весь рост) Екатерины Второй, основательницы города. На ней была золотая корона, парчовая порфира и скипетр. Лицо очень удачно было вылеплено из замазки. Императрицу в лодке везли лошади, впряжённые гуськом. Один раз они запрягли ребят в 50 саночек, посадили маленьких детей с тарелками: «Подайте на Масленицу, сделаем яичницу». Титушковы ещё до Сабанеева имели своих музыкантов, играли на кларнетах. Бывало, в праздники девицы идут мимо домов господ, поют, играют, танцуют. Одним словом, были хитры на выдумки.

ГОРЫ

В Весьегонске исстари устраивались ледяные горы. Обычно в возведении их соревновалась городская молодёжь и молодые горожане Выселок с Селищем, Залужья с Троицкой слободой, а позднее и с Соколовой горы. Строить горы начинали ещё со Святок и Крещенья. В этом деле принимало участие всё население данного района. Вмораживали 12—15-аршинные брёвна, делали скат, площадку, лестницу. Ширина гор делалась до двух саженей, скат покрывали слоем снега, расчищали раскат длиной саженей во сто, поливали ежедневно водой. Её возили в бочках с реки все лошади района (мещанские, купеческие, лошади с конных станций). Поливали до тех пор, пока не получался лёд, как полированное стекло. Борта густо уставляли ёлками. Вверху тоже были ёлки и флаги, расходы делились между заводилами. Здесь участвовали парни и молодые мещане от 18 до 45 лет, девицы-невесты от 18 до 22 лет и молодые женщины, особенно бездетные и малосемейные.

Катались с этих гор в основном на липовых лубках, которыми подстилались сани, а также на подмороженных мешках, брезентах, лукошках, решётах, железных противнях, сковородках, редко на санках. Причём всякий изобретал свой способ покататься, подурить, похохотать... Летели вниз то вповалку, то головой вперёд, то за ноги один другого и на собственных полушариях. То-то было весёлого смеху!

В праздничные дни зажигали фонарики. Никакой платы за катание не полагалось, напротив, гостями гордились! Ловкачи (посадские женихи) старались угодить невестам-куничкам селищенским! У гор пели песни или играли на гармошке. В сумерках целые толпы обывателей гуляли от горы до горы, любовались иллюминацией, весельем детей, задорным жизнерадостным смехом, шумом, гамом, праздничной молодёжью. Золотая пора! Гурьбой поднимались на площадку, чтобы вновь в объятиях милого дружка ринуться в пропасть, чтобы дух захватило, и... где-то за ёлкой покрепче обняться.

ХОРОВОД

По рассказу А.И. Ефремовой

Хоровод собирался у дома Якова Ильича Маслова (угол Гостинодворской и Мытной улиц) в праздники: Егорий, Троица, Ильин день. После обеда соберутся человек 30 девиц, а молодые женщины позади. Так и называлось: «играли хороводом». Все одевались в штофные ферязи, убранные газом. На голове — кокошник, шитый бисером, бархатный или шёлковый. Коса заплеталась в разноцветные ленты. Надевали шёлковые штофные шугаи (душегрейки), потом их переделывали на пёрышко. Все брались за руки шёлковыми платочками. Сразу пойдут в посадские загороды (что «на крестах» у женской гимназии). Там, где мы живём, Залужье называлось, а там — Посад (во время рассказа А.И. Ефремова жила на Большой Ярославской улице, через два дома от городской думы). В первом ряду идут семь девушек из богатых. Во втором ряду идут остальные залужские, а посадские нас встречают. Выходят две девушки, поздороваются, поцелуются с первым рядом и пойдут играть «Заплетись!» или запоют «Как в нашем городе Весиёгонске»... Вервью пройдут. Проходят ещё несколько времени и пойдут за город. По Троицкой улице не ходили. Там топь была непролазная, коровы тонули. У богадельни (Мытное болото, против «Крекаля») — невылазная грязь. Шли по Ярославской, поворачивали на Соколовогорскую. Дальше и кругом к шлагбауму и Троицкому кладбищу было сплошное поле, росла трава, ёлочки, сосенки, брусника, земляника, лесные цветы. Нигде не видно было желтяку-песку. Вот на этом-то поле мы и водили хороводы в Троицу. Сухо, тепло, хорошо пахнет. Солнышко светит. Весна! Это самое лучшее место для гулянья. Сколько народу бывало! После хоровода все шли в Троицкую церковь до вечерни, человек до сотни. Посадские девушки распростятся, останутся со своими, пойдут на свои Посады, а замужние на свои. В Егорий, как ни холодно, но всё же ходили в хороводы на Новинку.

ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Старожилы города рассказывают, что ещё ранее 1860 года любители драматического искусства играли разные комедии в помещении тогдашних соляных лабазов. Самыми старинными увеселениями в городе в 1840—50-е годы были мещанские вечеринки под песни. Танцевали во кружки с платочком, как «плыла лебедь», как «во лужках гуляла», как «мужей и женихов заставляли любить», «хуторок» и т. д. Освещались вечеринки сальными свечами. Иногда кавалеры ходили на вечеринки в соседнюю Устюжну, а утром приходили домой, пройдя туда и обратно сотню вёрст. Как говорится, для милого дружка семь вёрст не околица. Такие вечеринки продолжались до 70-х годов.

На Крещенскую ярмарку приезжало иногда до трёх балаганов акробатов, которые две недели ярмарки на 25-градусном морозе давали представления: днём для простого люда (билет от 5 до 20 копеек), вечером цена билетов увеличивалась до 10—70 копеек. Первое отделение акробаты в трико работали на ковре, второе — фокусы. Днём играл «Петрушка» — кукольное представление «Как цыган купил лошадь без хвоста». За прослушивание пьесы — сбор с шапкой: бросали семитки, копейки, бублики...

На святках как-то приезжали специальные артисты, показывали живые картины. Помню, натягивали синий купол неба, в облаках сидели красивые дети-ангелы, между прочим, и наша мещанка Анна Царёва была на облаках. Показывали ещё картинки. Но случались в городе и другие картины. По рассказам моей матери, один из весьегонских чернокнижников Титушков, живший на Кузнецкой улице, возвратясь из Санкт-Петербурга, в 1860-е годы сделал крылья из пузырей. Наполнил пузыри каким-то вонючим светильным газом. Крылья подвязал под грудь и подмышки. Перед этим будто наварил пива, угощал собравшийся народ, прощался. Многие плакали, другие посылали поклоны умершим родителям, детям. Титушков с привязанными крыльями взошёл на свои высокие ворота, покрытые крышей на два ската. Дом его в три окна был двухэтажный (в 1879 году, после возвращения с русско-турецкой войны, в нём одно время квартировал священник Константин Михайлович Судаков с тёщей, Прасковьей Александровной, которая была замужем за священником Троицкой церкви Дмитрием Поповым — служил в церкви с 1843 г. по 1864 г.). Прасковья Александровна была сестрой моей матери. Вот она-то как раз присутствовала при полёте на небо. Последний раз раскланялся Титушков перед собравшимся народом, сняв чёрный картуз, и захлопал крыльями... Толпа оцепенела... А новоявленный Икар повалился на землю и сломал ногу. Полёт не состоялся.

В начале 1879-х годов местом летних общественных гуляний был сад Фёдора Ильича Максимова (угол Ярославской и Соколовогорской улиц). Максимов был мелким землевладельцем Весьегонского уезда из села Макарова, севастопольский герой, офицер с Георгием и простреленной рукой. Был недолго он последним весьегонским

городничим, затем первым председателем земской управы (1861—1870 гг.). После чего живал в Санкт-Петербурге. Смеялся, что и одной рукой можно молоть кофе и жить. Был он и церковным старостой Троицкой церкви, построил новую часовню в память избавления Александра Второго от покушения Каракозова. Принимал активное участие в постройке новой каменной Троицкой церкви. Купил себе дом на Соколовогорской улице у старушки Ульяничевой.

Максимовский сад стал центром общественной жизни города. Максимов устроил в саду пруд с лебедями и фонариками, гимнастику для молодёжи. В берлоге сидела на цепи медведица, умывалась и кланялась публике. По дорожкам содержались волки, рыси, журавли, орёл, кролики, попугаи, филины, обезьяна. Городские ученики приходили сюда на экскурсии. В пруду ловили карасей. В липовой аллее играли в мяч, в кегли. Здесь же пел любительский Троицкий хор — все песни исключительно нотные. На открытой эстраде танцевали. В закрытом вокзале играли в стуколку, ералаш, преферанс и др. Устраивались здесь и любительские спектакли. В саду на эстраде играла музыка портного А.М. Сабанеева, состоящая из двух скрипок, виолончели, флейты и бубна. Сад был иллюминирован. Вход стоил 40 копеек.

Ф.И. Максимов

Максимов много сделал доброго и для города, и для уезда. При нём в уезде работало 37 земских школ, а после него осталось только пятнадцать. Фёдор Ильич был насмешник, балагур, поэтому про него ходило много сплетен.

В 1876 году Василий Васильевич Голованов, городской Голова, построил в своём саду на Мологе (около Исаева ручья) из старых городских рядов бревенчатый амбар-театр со сценой, деревянными полами, туалетами. Здесь начали играть (и очень прилично) комедии: «Тяжёлые дни», «Грех да беда на кого не живёт», «Не в свои сани не садись», «Лес». «Доходное место» Островского, а также «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Женитьба» Гоголя и разные фарсы и водевили. Играли лета три... В этих же годах неоднократно приезжали маленькие труппы артистов, один раз малороссийские. Ставили «Майская ночь или утопленница». На сцене, я помню, как в натуре, качались качели, ловили живую рыбу. Это особенно интересовало публику. Но далёкие расстояния до театра, обильные туманы на реке, росы в саду, пустынный берег не привлекали в дальнейшем публику.

В 1879 году купец Андрей Иванович Исаков купил у Максимова дом в саду. Зверей из сада убрал, но построил в саду первый дощатый летний театр на 500—700 мест, со сценой, уборными для артистов, буфетом. Играли в этом театре лет десять. Душой любительских спектаклей были: секретарь суда Н.И. Уваров, казначей Крылов, Зубовы, Сиверцевы, Е.Г. Обруцкая, М.Ф. Дрызлова, Я.Г. Немилостивый, О. Лебедева, учителя — Куруханов, Малинин, Румянцев и учительницы земских школ. Играли прилично. После спектакля — танцы до утра.

Резкий поворот купеческого замкнутого быта произвела молодая купчиха, жена Александра Михайловича Галунова — Екатерина Андреевна Галунова (Соловьёва из Рыбинска), дочь небогатого купца, перевозчика товаров по Волге. Она окончила гимназию, была недурна собой. Попав в захолустье и купеческое средостение, Александра Михайловна быстро перевела своего мужа с рельс узкого мещанства и дебоширства на рельсы общественной жизни. Стала устраивать в своём огромном доме вечера для молодёжи. Именины свои она отмечала не для спаивания кумушек, а больше для танцев молодёжи и их семей. В доме появились ковры, рояль. В Рождество устраивалась ёлка, пение не только тропарей, но и романсов. Стариков-родителей уже не было в живых.

Молодожёны Галуновы, их сёстры и братья появились на гуляниях и спектаклях, на танцевальных вечерах и маскарадах. Неплохо играли фарсы и водевили, а если брались за серьёзные вещи, то, бывало, проваливались. Однако интерес разночинцев, интеллигенции к участию в спектаклях не ослабевал.

Гулянья в лес и по реке издавна практиковались в Весьегонске, — чаёк в лесу, но и большие общественные выезды в лес устраивались в середине 70-х годов и в начале 80-х. Тогда все чиновники или, как говорили, «затхлый мундир» проветривались летом на свежем воздухе с чадами и домочадцами. Одни шли в лес пешком, другие запрягали своих коней или нанимали пары-тройки с колокольчиком на почто-земской или на частно-обывательской станциях и выезжали в лес за 7—15 вёрст, числом до 20—30 семей. Отправлялась в лес и приехавшая на лето учащаяся молодёжь, охотники с ружьями, удочками, охотничьими собаками, с фонариками, музыкой, хором, флагами, коврами. Везли с собой провизию: толстые пироги, ватрушки, большие куски жареной баранины, телятины, дичи, рыбы и разные нектары своих садов и монопольных кабаков. Гуляли с утра и до утра. Жарили свежую дичь, рыбу, грибы. Молодёжь плясала, играла в разбежки, в «кота и мышку». Старики на коврах играли в ералаш, преферанс. Всю ночь поддерживали костры, по десять раз купались в реке, гонялись за медведями.

Если гулянье намечалось по реке, то связывались две плоскодонные широкие лодки-сомины, обставляли ёлочками, увешивали фонариками и в сопровождении десятков лодочек плыли вниз по Мологе в Оттоку, в Беняково, за Глинское. На одной сомине — музыка и танцы, на другой — буфет и карты. Хор поёт: «В старину живали деды», «Ночи тёмные, осенние», «Я вечор в лужках гуляла», «Возле речки траву косила», «Уж как шли наши ребята из Нова-города», «Красная девица на улице была». Пели и собственные сочинения: «Травничок-чок-чок... идём, идём». А сами до утра на мели простояли. Не видно было за пляской да фонариками берегов.

Однажды пароходу «Сирена» (общество «Самолёт») была назначена дневка в Весьегонске. Наши организаторы-коноводы дали телеграмму управляющему Ратькову-Рожнову: «Разрешите прокатиться весьегонцам до Лами». Тогда ещё многие весьегонцы не плавали на пароходе. Ответ пришёл быстро: «Разрешаю». Желающих прокатиться нашлось много. Ехали весело, танцевали, выпивали, играли в карты. В Лами повернули обратно, поднесли хмельного и всей пароходной прислуге. Путешествие всем понравилось. Одним словом, получали мало, а жили весело.

Больших балов у нас не было. Это была прерогатива уезда и бар, но и наши там бывали. В начале 70-х годов был бал у предводителя дворянства Петра Алексеевича Дементьева. Это был единственный наш тогда инженер путей сообщения. Весь уезд у него был в гостях. Даже знаменитый дебошир — Николай Тютчев, брат поэта Фёдора Ивановича Тютчева.

В Весьегонске в те годы было много молодёжи. Устраивали танцевальные вечера, а на святках ездили в маскарадных масках. Брали 4—5 саней с земской станции, без колокольчика, но с музыкой Сабанеева. Человек тридцать молодёжи ездило на огонёк, но их везде принимали, десертом угощали, а потом и до утра танцевать где-нибудь оставляли. Угощали чаем и разной закусочкой. Только с 1885 года, после постройки огромного дома И.А. Соколовым, стали делать у него общественные маскарады с платой за вход один рубль, малым — 50 копеек. Там всегда была музыка, танцы, карты, чай, закуски и иногда дорогие костюмы или оригинальные картонные маски, полумаски и даже салфетки. В Весьегонск нередко заезжали разные бродячие, бедные артисты. Мы тогда ходили с их афишами по домам и продавали билеты. Играли они всегда отлично, но нередко приходилось собирать деньги по подписке на их выезд. Летом бывали и румыно-сербы с шарманкою, а однажды они были зимой (в 1885 году) и играли на катке. Один раз приехал на пароходе чешский духовой оркестр (25 человек). Играли под окнами, но почти ничего не выручили.

Весьегонск. Городской сад

К сожалению, в городе никаких чисто музыкальных вокальных концертов до 1900-х годов не устраивали, хотя роялей и пианино у жителей имелось до десятка. Играть учили, но не доучивали местных барышень до конца овладевать благородным инструментом. Около 1876 года сидел у нас в пересыльной тюрьме какой-то устюжский помещик Гуго Берг, высокого роста, красавец, изящно одет. Вначале он ходил к нам, измучил всех нас игрой своею на фортепиано. На улице стоял и слушал его народ, разиня рот. Затем его перестали выпускать. Он написал в тюрьме на память «Матушка-голубушка, солнышко моё» с вариациями на четыре руки для моей старшей сестры Александры Александровны. Это говорило о его большом знании музыки. Я, мальчишкой, носил ему в тюрьму творог или пареную бруснику, а внутри пряталась бутылка с водкой. Конечно, об этом все знали. Кто-то об арестанте этом хорошо похлопотал, так как Гуго Берга приписали крестьянином в деревне Живни, и он в высылку или на поселение не пошёл, а вскоре и исчез из города.

Вечером после Крестного хода праздник именин города продолжался обычно за обывательским столом, куда на огонёк собирались горожане, или в карты поиграть, или просто посудачить про новости. Мужской пол уважал больше натуральную, очищенную через уголь, «шварцевскую» или «лихачёвскую» беленькую, продававшуюся четвертинкой или косушкой. А женский пол исключительно базировался на доморощенной наливке из брусники, морошки, поляники, малины и чёрной смородины.

ВО ВРЕМЯ ВОЙН, КОТОРЫЕ ВЕЛА РОССИЯ

В 1812 году через наш город проходили беспорядочные толпы французских солдат. Когда армия Наполеона отступила из Москвы, то отдельные её отряды пошли по всем дорогам при 25-градусном морозе (около Рождества) за пропитанием, а, возможно, и дезертировали. Я хорошо помню, как Глафира Живенская, мать Михаила Васильевича Никулина (жив и теперь, в 1933 году), рассказывала нам, детям, приблизительно в 1875 году, ей было 75 лет, как шли бедные французы. «Были высокого роста, с чёрными нестрижеными бородами, худые, на ногах опорки, завёрнутые в мешки и разные цветные тряпки, поверх шинелей надеты какие-то лохмотья или перины. Заходили они в Живнях во все избы, грелись и просили: „Дай пьятаку хлеба!". Мы знали, что они с войны, кормили их и давали бесплатно хлеба и лепёшек с конопляным семенем».

Где-то около 1864 года, по завоеванию Кавказа, были у нас пленные черкесы. Один из них, Абаз, говорил, что брата убил. Был князем, носил шапку с крестом, рваную доху. Другой, Абдул, был крестьянином. Третий скоро умер, похоронили сидя. Жили они сначала на берегу, потом у нас во флигеле. Отец выучил Абаза молитве «Верую». Просиживал у них дотемна. Абаз порядочно знал русский язык, читал, писал. Ходил покупать крендели к Канарейкиной. Потом черкесов перевели в Тверь. Отец их спросил: «Рады, что в Тверь?» Абаз с тоской отвечал: «Нам Капказ надо!». Когда Абаз прощался, то сказал, что «такого доброго батушку нет на земле». Заплакал, ноги целовал. Отец их благословил.

Во время русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) в Весьегонске жили пленные турки. Их прислали с Кавказского фронта. Летом они (человек семь) находились во дворе больницы, что у Аханинской расчистки, рядом с домом Земса. В воротах стоял караул. Мы, ребятишки, сквозь забор смотрели, как они сидели на корточках, молились на восток, сложа руки на груди, как бегал жеребёночек, и на другой день они варили маханину. Летом, в шубах и мохнатых шапках, они были страшны.

Подготовил материал к публикации М.М. Верхоланцев.
Стиль и орфография автора сохранены.

Ю.А. Симонов

РЫБАЛКА

Рассказ

Доброй памяти моих любимых
дедушки Семёна и тёти Ириши

Не хочется просыпаться... За окном ещё синё... Подушка мягонькая, ласковая, одеяло лёгкое, тёплое, в кроватке так хорошо и уютно... Надо мной полог из марли для защиты от комаров. В избе печи нет, это летняя изба, поэтому рано утром в ней прохладно.

Я Юра. Мне уже 5 лет. Лето. Мы всей семьёй живём на даче в моей любимой деревне Столбово у дедушки Семёна. На днях к нам с мамой из Ленинграда на время отпуска приехал папа.

Сейчас я лежу один в комнате... Хочу, но не могу открыть глаза. Тишина... Я дремлю. Но уже слышу, как по деревне начинается перекличка петухов. Наш красивый горластый петух уже включился в перекличку, отвечает всем очень громко и протяжно. Сон от меня уходит, но вставать так не хочется!

Мамы и папы в комнате нет, они уже встали и ушли из избы. И я вдруг вспоминаю, что сегодня обещали, в первый раз в моей жизни, взять меня вместе с папой на настоящую ловлю рыбы неводом! Сказали, что это будет раным-рано утром, чтобы я не хныкал. С меня взяли слово, что не буду мешать взрослым. Рыбалка, говорили, будет большая, длинная, на целый день. Будет лодка с вёслами. Будет костёр на берегу озера Карабожа, будет печёная на углях рыба...

Интересно! Сон слетел моментально. Слышу, что в сенях затопали и протащили что-то большое и тяжёлое. Ой! И без меня!? Вдруг меня забыли! Ну, нет! Слышу папины шаги, он врывается в комнату, рывком вытаскивает меня из кровати, крутит в руках и ставит на ноги. Пол ещё холодный, сандалики холодные. На секундочку хочется обратно в кровать, но... нет! Папа уже отводит меня к столу, помогает быстро одеться, чтобы не опоздать сесть на телегу. Я стараюсь. Но вот пришло удивление. Папа вместо сандаликов принёс мне маленькие лапти из бересты, которые для меня сделал дедушка Семён. А вместо носочков папа обещал навернуть на ноги мягкую шерстяную обмотку. С пыхтением мы оба справляемся с задачей, ноги мои обмотаны, лапти обуты, завязки на месте. Я немного прошёлся по полу и понял, что это удобно, даже лучше, чем сандалии.

Пришла мама и принесла от тёти Ириши свежее парное молоко в крынке, три свежеиспечённых в русской печке поманника. Я уже видел, как их делает тётя Ириша. Она готовит ржаные коржи с краями как у сковородки, в них накладывает варёную картошку толчёную с молоком и яйцом, сверху смазывает сметаной и ставит в русскую печь. Они выходят из печи зарумяненные, красивые, от них идёт неповторимый запах... После городского завтрака с кашей — это праздник души. Тёплые поманники мы запиваем парным молоком. Я сыт! Вкуснотища!!!

Семьёй выходим на улицу. Рядом с избой стоят две телеги, запряжённые лошадьми. На одной телеге — несколько больших корзин, и кучей лежит большой невод. Это, наверное, его шумно и тяжело протащили по сеням. У телег переминаются несколько пожилых рыбаков, я многих знаю по именам. На ногах у всех лапти. С собой у всех корзины-заплечницы, из которых виднеется одежда и туесочки с едой.

После переговоров между собой приняли решение: дед Иван поведёт на озеро лошадь, запряжённую в телегу с неводом, а дед Семён — лошадь с телегой, на которой поеду я с папой. Сборы окончены, папа посадил меня на сено в телегу, и мы поехали. Мама и тётя Ириша помахали нам на прощание рукой. Оставшиеся рыбаки взвалили на плечи корзины-заплечницы, пошли на берег озера прямой тропинкой через поле ржи и перелески.

Лошади шли неторопливо, без понуканий. Дорога, наверное, была им знакома, ведь не первый же раз они везли телеги на рыбалку. Дедушка Семён и папа сели на край телеги, упёрлись ногами в оглобли и занялись делом. Они расчёсывали хвост лошади. Он был иссиня-чёрный, длинный, красивый... Затем они выдернули из хвоста лошади по три длинных волосины, при этом лошадь нервно дёргала хвостом, хлестала им невидимого обидчика, но продолжала идти вперёд. Позднее оба стали плести из этих волосин косичку-лёску для рыбалки на удочку. Мне ехать в телеге было интересно, при ясном небе всё смотрелось очень празднично. Дорога и в деревне, и в поле была покрыта мягким слоем пыли, поэтому телегу не трясло. Но пыль за нами высоко не поднималась, так как утро было раннее, роса ещё не высохла...

Наконец, мы приехали, увидели тихое-тихое, гладкое-прегладкое озеро. Чистейший широкий песчаный берег полуострова Иваши, а невдалеке от берега — заросли камыша. Мне вдруг стало смешно: озеро-то одно — Карабожа, а рыбаки все кусочки берега называли по разному — Иваши, Запелёнки, Гоголюхи и другие. А главное — как они узнали и от кого, что эти берега надо так называть?

Утром на раннем солнце здесь было так красиво, что страшно было говорить громко. И тишину не хотелось нарушать, и папа сказал, нельзя рыбу пугать. А тут и комары объявились, обрадовались нашему приезду.

Рыбаки начали хозяйничать. Из утиной заводи за ручьём к нам пригнали две лодки-долблёнки. Одна была очень велика, ею командовал дед Тимоша (Лебедь). А вторая лодка-чёлн была мала, на ней не было даже сидения, и рыбак, пригнавший её, сидел прямо на корме и управлял движением лодки одним веслом. В большую лодку перенесли невод. Затем, как по команде, все стали кланяться озеру и говорить глухими голосами какое-то моление или наговор. Я и папа молчали, но с интересом наблюдали за происходящим. Как теперь я понимаю, нам доверяли, поэтому нас не прогоняли... Через какое-то время все быстро стали переодеваться. Сняли с себя всю одежду, на голое тело одели очень длинные из домотканины рубахи (ниже колен). На ноги очень тщательно намотали шерстяные полотнища, обули лапти. Все стали похожи друг на друга.

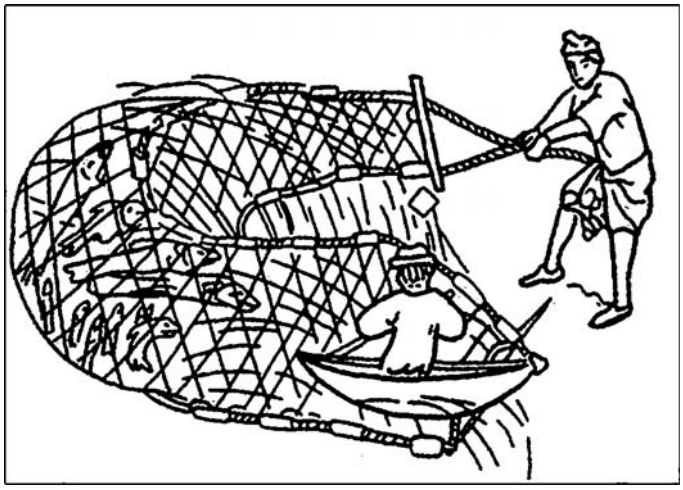
Когда спросил папу, зачем они так оделись, он мне сказал, что на дне озера много ракушек, о которые можно серьёзно поранить ноги, что шерсть не даёт ногам остыть, а рубахи защищают тело от всяких неприятностей.

Началась рыбалка. Меня и папу оставили на берегу, велели по берегу озера собирать сушняк и разжечь костёр. Мы занялись своим делом, но я всё время поглядывал, что же это такое происходит на озере.

А происходило вот что. В большой чёлн сели три рыбака, двое занялись неводом, а третий — на вёсла. Рыбакам, оставшимся на берегу, были даны два конца длинной верёвки от невода. Было велено их крепко держать. Отъехав от берега, рыбаки из большого чёлна стали сбрасывать в нужном порядке невод, при этом чёлн, практически по прямой, уходил всё дальше в озеро. В те годы поплавками у невода служили куски высушенной доски и скрученная в рулончик береста, одетая на верхнюю верёвку — тягу от невода. А грузилами для нижней верёвки — шары из обожжённой глины. Их лепили сами и обжигали на огне в русских печах. Так вот, скоро на гладкой поверхности озера образовалась длинная цепь из досок-поплавков и рулончиков бересты. Когда уже почти весь невод был сброшен в воду, к большому чёлну поспешил на помощь маленький чёлн. В две лодки начали заводить дальний край невода из озера на берег. Прямая линия поплавков медленно превращалась в большущую дугу.

Вся работа шла в абсолютной тишине. Каждый знал своё дело, все понимали друг друга без слов. Озеро наше слабопроточное, но течение всё-таки заметно. И вот, преодолевая и сопротивление воды, и силу течения, второй край невода стал медленно приближаться к берегу. Вторые концы верёвок-тяг от невода лодки привели к берегу на большом расстоянии от концов, оставленных на берегу. В это момент на помощь лодочникам пришли стоявшие на берегу несколько рыбаков. Они в одежде вошли в озеро почти по пояс и перехватили концы верёвок. Лодочники причалили к берегу, подтащили на песок челны и бросились помогать остальным рыбакам тянуть невод. Судя по напряжённым лицам, которые я запомнил, по напряжению жилистых рук, по наклону тел при вытаскивании невода — это была очень тяжёлая работа. Процесс вытаскивания шёл медленно, рыбаки неторопливо сводили друг к другу концы верёвок. С неводом на берег вылезала тина, к мокрому неводу прилип песок, но... Вдруг невод ожил. В ячеях невода стала показываться и биться рыба. Какая именно рыба была тогда поймана — я не знаю, не помню, но могу сказать одно: ячея в неводе была очень крупная, поэтому мелкой рыбы неводом на берег не вытащили ни одной. Но кроме рыбы в невод попали и любопытные раки. Весь улов уложили в одну из корзин, стоящих на телеге. Первая корзина получилась полной! Я в это время играл с раками, а вот рыбины были холодные и скользкие, их брать в руки было неприятно...

Костёр на берегу разгорелся на славу. На рогульке в ведре вскипятили травяного чая, попили его с мёдом, рыбаки немного согрелись, обсушились. Солнышко к этому времени уже стало пригревать, стал подниматься запах от сосен, росших на высоких местах. Отдохнули. Потушили костёр.



Затем весь процесс рыбной ловли стали повторять на разных участках берега Ивашей. Отяжелевший, мокрый невод перевозили на телеге, на каждом месте стоянки разжигали костёр. Повторяли всю работу с неводом. Это была работа неторопливая, красивая, но очень трудная. У папы уже тогда были больные почки, ему нельзя было охлаждать себя в воде, но он старался помогать рыбакам при вытаскивании невода на берег. Рыбы в озере было много, и к вечеру, когда солнышко стало клониться к закату, рыбаки поняли, что рыбы наловлено достаточно, работу можно прекратить.

Неторопливо переоделись в сухую домашнюю одежду, сменили и обмотки, и лапти. Привели себя в порядок.

Последний костёр был на мыске Ивашей. С левой стороны мыска в те годы стояла могучая, очень толстая сосна, сильно наклонённая к воде. Недалеко от неё и был последний костёр, и последний заброс невода. Здесь костёр был разожжён большой, чтобы можно было приготовить еду. Вначале была сварена в ведре уха по рецепту деда Тимоши. Как её тогда варили — я не запомнил, потому что в это время дед Семён предложил папе покатать меня на лодке. Папа перенёс меня

над водой, опустил прямо в лодку-чёлн. И мы поплыли. Впечатление от этой поездки не забыл до сих пор. Чёлн-долблёнка — это очень вёрткая лодка, низко сидящая на воде. При малейшем шевелении она валится с борта на борт. Меня обуяло чувство ужаса, боязнь утонуть. Страх сдавил горло, я не мог даже закричать, а вода шла рядом, рука, свисшая с лодки, оставляла на воде след. Я молчал. В какой-то момент дед стал лодку поворачивать к берегу. Во мне всё упало, я замер. Но на берегу моё молчание взрослые расценили совсем иначе. Меня незаслуженно хвалили за молчание, за храбрость.

Первый и единственный раз в жизни мне там довелось поесть рыбы, которая была испечена на костре. Дед Иван, с лукавым видом, достал из своей корзины ком мокрой глины, обёрнутый мокрой тряпкой. Затем два человека эту глину размяли в озёрной воде, достали несколько крупноватых рыбин, выпотрошили их, обмазали глиной и испекли на угольях. Расстелили на берегу рядно*, на нём поставили большую деревянную миску, всем дали деревянные ложки, наломали хлеб, испечённый в русской печке, в деревянной солонке была горстка соли. Сели кружком. Все принялись за еду. Ели основательно, вдоволь. Труды днём были серьёзные, все устали, проголодались. А я был непривычен к такому обеду, поэтому папа помогал мне нести ко рту ложку с ухой, чтобы не пролилось ни капельки, помогал расправляться с рыбьими костями в печёной рыбе. Мне было смешно смотреть, как из углей выкатывали ком, его раскалывали, а внутри рыба оказывалась без чешуи и кожи. Она вкусно припахивала дымком, но у неё был один недостаток — рыба была несолёная. А вот уха у меня вызвала восторг. Крепкая, наваристая, с золотыми кружками, она мне запомнилась на всю жизнь. Потом все опять неторопливо пили чай.

И здесь на меня было нападение! Я перепугался! Пока мы ели, из кучи рыбы последнего улова выбрался рак! Он был очень велик, красив, страшен...

От старости он был замшелый, мохнатый, серо-зелёный. Он шёл воевать за свою свободу, а на пути его оказались мои лапти. Он своей большущей клешнёй сжал мне один из пальцев сквозь лапоть, да так, что я заорал! Поняв, почему я кричу, все взрослые стали от души смеяться. Затем папа снял рака с моей ноги, подержал за спинку в руках, все увидели, что он размером больше, чем три ладони папы, посмотрели, как он протестует, требуя свободы, и приняли решение — отпустить его обратно в озеро. Мне рака было жалко, я обрадовался, что он опять будет жить в озере.

Закончилась наша рыбалка. На траве разложили и пересчитали всю рыбу, наловленную за день. Её рыбаки дружно разобрали по размерам, по видам, потом сели в кружок и стали обсуждать — кому и сколько рыбы достанется. В счёте участвовали и палочки, и камешки. Но считали недолго. Собрались. Погрузились на телеги. Потушили костёр. Последний раз поглядели на раскат озера: он был очень красив в вечернем свете и необъятен. Поклонились озеру, тронули вожжи и поехали домой. Мне повезло, меня пожалели и посадили на телегу. Сами возницы — и дед Иван, и дед Семён, пошли рядом с телегами, так как груз на обеих телегах был большой. А все остальные пошли в деревню коротким путём через поле.

На обратном пути я подрёмывал: привык днём спать, а тут — целый день на ногах, море впечатлений. Но вот показалась деревня, лошади пошли бодрее, но их не подгоняли, впереди был трудный участок дороги — подъём в столбовскую гору. Меня попросили сойти с телеги. На этом участке остановили последнюю лошадь, а оба возницы стали помогать первой лошади поднять телегу наверх. Затем тоже проделали и со второй лошадью. Словом, в гору въехали благополучно. Дали лошадям отдышаться и поехали по домам.

Папа и другие рыбаки уже были в деревне. Поэтому многие уже знали о нашем возвращении с рыбой, нас встречали, смеялись. Мама схватила меня, всего ощупала, прижала к себе, заплакала. Это было наше первое расставание в деревне на целый день.

А вот что происходило в деревне вечером, после нашего возвращения с рыбалки — я узнал уже только через несколько лет. Телегу с уловом в сопровождении рыбаков провезли по всей деревне, оставляя у каждой избы несколько рыбин с учётом количества едоков в семье. В те годы в члены колхоза брали только работоспособных, поэтому все деды, а им было много за 70 лет, оказались не у дел, без заработка. Вот они и придумали для себя работу-заботу ловить рыбу для людей. Рыба в домах была очень нужна, потому что до осени на деревне ни птицу, ни скотинку не забивали, мяса летом не едали. А силы для работы в поле были нужны. Зато осенью всем дедам поровну от всех изб приносили дары в виде муки, круп, сала, масла, льна и конопли на ремонт неводов, конопатку изб. Деды жили достойно, без нужды.

Поэтому в благодарность за посильные труды дедов у всех изб встречали улыбкой и истинно новгородским, добрым словом «желанные вы наши»!!!

Я благодарен судьбе, что мне довелось увидеть и запомнить маленький кусочек уклада жизни в деревне в ту пору. Как давно это было...

г. Санкт-Петербург
1936—2010 гг.

* Рядно — толстый холст кустарного производства.

А.А. Полежаев

БЕРЕЩАНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КЕНСКОМУ ВОЛОКУ

Основная цель нашей экспедиции — преодолеть водораздел между Беломорским и Балтийским бассейнами рек, где, предполагалось, проходил водно-волоковый путь в средние века из Великого Новгорода в Заволочье — на реки Онегу и Северную Двину.

Несколькими годами ранее, в 2007 году, студенты Санкт-Петербургского университета во главе с профессором Дмитрием Викторовичем Севастьяновым преодолели один путь Кенского волока — через озеро Волоцкое. Нам предстояло проверить предположение о том, что маршрут Кенского волока не один, а могло быть несколько путей, и пройти через Кумбасозеро.

БЕРЕЩАНЫЙ КАЮК

Идея найти водно-волоковые пути подкреплена одним исторически значимым обстоятельством. Два мастера-берестянщика — Александр Шутихин и я, Андрей Полежаев, в 2007 году сделали попытку реконструировать *«берещаный каюк»* — судно, которое упоминается в таможенных книгах XVII века государства Московского: «Июля в 15 день вычегжанка Марфа Ильина с Ыжемские слободки — в берещаном каюке. Довелось пошлины с каюка 5 ал., гостиного 2 ал., с 3-х осначей по 4 д. с человека, того 9 ал. не платила»[1], «Августа в 4 день с Еренского вымитин к городу Архангельскому Стефан Григорьев — в берещаном каюке»[2]. В толковом словаре В.И. Даля слово *берещаный* объясняется как *«сделанный из бересты»*[3]. Берестяные лодки отлично сохранились до наших дней в Сибири, на Дальнем Востоке, в Северной Америке, а на территории Русского Севера берестяных лодок не найдено. Мы, мастера, решили восстановить историческую справедливость — изготовить *«берещаный каюк»*.

ИСПЫТАНИЕ РЕКАМИ

Для изготовления каюка мы использовали всю доступную информацию по технологиям строительства берестяных лодок различных народов. Также мы учитывали особенности окружающей среды территории Русского Севера. Берестяная лодка была построена за три дня. Первые испытания показали, что по своим судоходным качествам она напоминает современную туристическую байдарку. Несколько доработав конструкцию лодки, Александр Шутихин на воссозданном каюке за три дня в команде опытных туристов прошёл 141 км по рекам Пушме и Югу. Год спустя, в 2008 году, Александром Шутихиным была построена вторая берестяная лодка, на которой опытный турист Виктор Бужинский преодолел расстояние в 600 км за десять дней. В одиночку Виктор Бужинский совершил переход из Котласского района в пригород Архангельска. Лодка показала себя отличным средством для передвижения по рекам.

МОРСКОЙ ХОД

2009 год оказался для берестяной лодки морским годом. За те же три дня на берегу Белого моря мастерами-берестянщиками Александром Шутихиным, Владимиром Ярышем, Андреем Полежаевым и археологом Александром Мартыновым была построена третья лодка, на которой было преодолено Белое море от Кеми до Соловецкого архипелага. Лодку несло ветром прямо по курсу к цели, качало, как пушинку, на длинных морских волнах, но гребцы упорно шли на вёслах даже в ночи — все испытания и лодка, и команда вынесли. Эксперимент показал, что на подобных каркасных лодках люди в доисторические времена могли добираться до Соловецкого архипелага.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОЛОК

После испытаний берестяной лодки на реке и море осталось немногое — пройти волоком и озером. Переход по озеру не сильно отличается от перехода по реке или морю. Но волок — это иное. Для решения такой необычной современному человеку задачи была выбрана заповедная территория Кенозерского национального парка, который расположен в родной нам Архангельской области. Изучив историю вопроса, мы предложили представителям парка совместно осуществить проект прохождения предполагаемого средневекового пути по Кенскому волоку.

Ровно год велась подготовка к прохождению древнего пути Кенского волока. Я предложил реконструировать походно-промысловый быт с использованием берестяных предметов. Используя свой личный опыт и информацию из различных музейных собраний, совместно со специалистами парка было решено использовать в экспедиции всё, что могло быть в распоряжении средневекового путешественника: от ложки и чашки до лаптей и устройства для переноски тяжестей.

КОМАНДА

Команда экспедиции состояла из восьми человек. Три мастера берестяных дел — Александр Шутихин, Андрей Полежаев и Сергей Шеметов. Александр

[1] Яковлев А.И. Таможенные книги Московского государства XVII века: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650—1656 гг. Т. 2. 1951. С. 532.
[2] Там же. С. 534.
[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2-х т. Т. 1: А—О., 2002. С. 122.

Шутихин — мастер из г. Котласа Архангельской области — главный идеолог проекта. Он предположил существование пути Кенского волока от Кумбасозера до деревни Минина. Андрей Полежаев — мастер из г. Вельска Архангельской области. В 2000 году впервые побывал в заповедном Кенозерье, куда решил приехать ещё раз.

В 2009 году он предложил идею пройти на берестяной лодке по Кенозерью. Сергей Шеметов — мастер из посёлка Конёво Плесецкого района, к которому относится северная часть Кенозерского парка. Алексей Едовин, археолог краеведческого музея города Архангельска, с Кенозерским национальным парком сотрудничает не первый год. Для него большой научный интерес — пройти по местам, куда не ступала нога современных археологов. Николай Заляжный, местный житель из деревни Рыжково, не раз ходил до Кумбасозера. Лучшего проводника сложно было отыскать. Андрей Александров — кинооператор из Москвы. В 2009 году участвовал в археологическом эксперименте на Белом море: снимал строительство берестяной лодки и переход на ней до Соловецкого архипелага. Алексей Бобков — фотограф из Москвы. Анна Анциферова — представительница Кенозерского национального парка, которая осуществляла руководство проектом с момента написания заявки в Российский гуманитарный научный фонд.

НАЧАЛО ПУТИ

22 сентября 2010 года небольшой катер из деревни Вершинино доставил 8 человек экспедиции с грузом и берестяным каюком по Кенозеру до деревни Минина. На Руси традиционно любое важное дело начиналось с молитвы, так и волок начинался и оканчивался церковью или часовней. За деревней Минина стоят две часовни — во имя Казанской иконы Божией Матери и в честь Святого Георгия Победоносца. После выгрузки из катера к нам подошли три лодки с местными жителями с другого берега озера. Мы решили, что встречают нас, но мы ошиблись. Местные жители с приехавшими издалека родственниками приплыли на старое кладбище почтить память предков, а мы готовились пройти по древнему пути новгородцев, напоминая современникам о наших предках.

КРОШНИ

Постояв под стенами часовен, мы двинулись в путь. Несли каюк вдвоём на плечах. Вес каюка 35 кг, вещей в нём — 15 кг, а общий — 50 килограмм. На двоих взрослых мужчин вес не такой большой, но у Александра Шутихина за спиной берестяной короб с продуктами (10 кг). Я шёл под каюком позади Александра. У меня за спиной были крошни с продуктами и другим грузом весом 20 кг. Крошни — традиционное для многих народов севера Европы и Сибири приспособление для переноски тяжестей в лесу на охотничьем промысле. В крошни можно уложить много вещей, такая особенность конструкции, поэтому я решил испытать их на прочность. Крошни без груза для современного человека — это набор гнутых веток и бересты непонятного назначения. Когда положен и привязан груз, то крошни напоминают станковый рюкзак «Ермак» без тканевой обшивки. Для изготовления крошней я использовал ветви ели для рамы и боковинок, бересту пластовую для спинной плоскости, бересту лентой для боковинок и плечевых ремней, сосновый корень для сшивки всей конструкции, льнопеньковую верёвку для плечевых ремней и прошивки бересты на боковинках. Во время работы над крошнями я понял, как работал деревенский мастер, делая для себя вещь прочную и удобную.

ГРУЗ

На нас двоих под каюком получилось 80 кг груза, а это уже немало. При подъёмах тропы мне, идущему позади, добавлялся вес (получалось более 50 кг), а это уже много для 18 километров предстоящего пути. Путь редко где шёл по равнине, постоянные подъёмы и спуски. По причине тяжести груза мы решили делать небольшие привалы и меняться местами. Сергей Шеметов, Алексей Едовин и я попеременно проходили от 300 до 900 метров с каюком и делали короткие передышки. Александр Шутихин, по своим соображениям, не менялся на всём пути волока. Замечу, что крошни здесь сослужили мне добрую службу — при подъёмах можно было тяжесть смещать с плеч на дугу крошней, и перекладины каюка не давили на плечи, что существенно облегчало путь. Берестяные лямки короба Александра Шутихина также помогали от давления перекладин на плечи. Оказалось, что современный рюкзак невозможно нести с каюком по причине его большой высоты над плечами. Конструкция крошней и короба помогали переноске каюка — берестяные приспособления облегчили наш путь.

НА ПЕДОЗЕРЕ

Пройдя первый отрезок волока, сделав около десяти привалов, к обеду мы вышли к Педозеру. Спустили каюк на воду, погрузили в него все вещи, и Александр Шутихин поплыл к месту стоянки. Вся оставшаяся команда пошла берегом. После такого тяжёлого перехода всем было радостней идти налегке. Только каючник немного протестовал, когда грузили вещи. Но его никто не послушал, и Александр поплыл по озеру с некоторой опаской. Подойдя

берегом озера к избушке, я увидел довольного Шутихина, сидевшего в каюке и ожидающего выгрузки. Береста не подвела и на этот раз — каюк успешно проплыл с грузом по озеру. Никто из нас не знал веса вещей, но, очевидно, груза было более 150 кг, ещё 80 — вес каючника. Ранее предполагали, что такой вес может выдержать берестяное судно, но никто не знал, могут ли появиться какие-то изменения в конструкции и обшивке каюка

после перетаскивания волоком. Могли появиться царапины и трещины. Вытащили каюк на берег, перевернули и вылили воду — оказалось не более полулитра. Осмотрели берестяную обшивку и поняли, что ветви деревьев на пути царапали каюк, но бересте и просмолённым швам от этого не было никакого ущерба. Нашли небольшую щель в обшивке, через которую шла течь. Эта щель была не замечена ещё при постройке каюка, сейчас её не стоило заделывать.

ТАРЕЛКА, ЛОЖКА, ЧАШКА

Сергей Шеметов набрал по дороге грибов и на пару с Алексеем Едовиным приготовил отличный суп с грибами и тушёнкой. Во время обеда началось очередное испытание бересты. В мою берестяную тарелку налили суп. Я взял берестяную ложку с ручкой из берёзовой ветки. Сразу же у меня появились преимущества: у всех моих товарищей были лёгкие металлические миски, которые невозможно было держать в руках — они были горячие. Я же преспокойно держал берестяную тарелку в одной руке, а ел другой. Береста хорошо держит тепло и плохо его отдаёт. Берестяная тарелка оказалась удобным предметом за столом и в пути. Она компактнее, без ненужных разваленных краёв. Только один недостаток у такой посудины — остаются кусочки пищи по углам тарелки, но это легко устраняется при мытье. Ложка вполне пригодна для еды, только нужно правильно выбрать для неё бересту толщиной 1,5—2 мм, чтобы от горячего супа она не скручивалась. Помывка берестяной посуды, как и обычной, выполнялась горячей водой или кипятком. Тарелка моется отлично, а вот ложка от кипятка сворачивается по краям и уже более не пригодна для еды. Отсюда я сделал вывод о том, что ложка — это одноразовый предмет средневекового путешественника. На ужин пришлось сделать новую ложку, что заняло две минуты. Берестяная чашка с горячим чаем рук не жгла. Немного капал чай из одной щёлочки, но это не мешало. Чай или другие напитки из берестяной чашки пить можно, только объём небольшой, приходится пить по три-четыре чашки. В качестве недостатка я подметил то, что такую чашку не поставить на стол или землю, нужно искать какую-то опору в виде ямки или веток. Для более прочной конструкции закрепил край чашки одним стежком соснового корня, но от этого получил недостаток — нельзя наливать жидкость выше уровня стежка, что сокращает полезный объём сосуда. Этот недостаток легко решить, если чашку закреплять простым зажимом из ветки. Но если говорить о временных сосудах для питья в лесу, то берестяная чашка отлично справляется со своей задачей, и мне она понравилась.

ТОПОРЫ

Пообедав, мы решали, как пойдём дальше. Второй участок волока от Педозера до Святозера представлял собой заросшую тракторную дорогу — частая ольха и осина в диаметре до 6—8 см. Решили более не меняться под каюком, а облегчить груз второго несущего, передав крошни на переноску двум другим участникам экспедиции. Итак, Александр Шутихин впереди, я за ним под каюком, а Сергей Шеметов и Алексей Едовин несли попеременно мои крошни. Без тяжёлых нагруженных крошней дело должно было пойти быстрее. Однако дорога сильно заросла, и на некоторых участках привалы делали каждые 200 метров. Технология прохождения заросшего волока следующая: впереди проводник Николай Заляжный, который на ходу срубал или отгибал ветви и стволы молодых деревьев; нам под каюком единственным ориентиром дороги были ноги проводника, если же мы теряли его из виду, то непременно заходили в заросли и небезропотно отступали назад. Когда нам приходилось ждать проводника, рубившего ветви, мы снимали каюк с плеч и брали свои топоры. Топоры были небольшие, но особенные. Для них я изготовил берестяные плетёные чехлы. Такой чехол с топором можно нести сбоку на ремне. Топор не только не мешал при ходьбе, но был настолько удобен, что я, например, забывал про него и вспоминал

только тогда, когда останавливались на привал. Береста придаёт мягкость и упругость чехлу. Металлический топор не холодил и не был жёстким, не бил по ноге, так же не было боязни порезаться при внезапном падении. Единственный недостаток — при вкладке топора в чехол может повреждаться береста. Но эту проблему помог решить опыт общения с реконструкторами-лучниками, которые в берестяной тул на дно кладут мох, чтобы наконечники стрел не прокалывали бересту. Так я и сделал: в место соприкосновения лезвия топора и чехла положил немного влажного мха.

«БЕРЕЩАНЫЙ ТАРАН»

Второй участок волокового пути я шёл без груза вообще, поэтому у меня хватало сил на привалах расчищать дорогу впереди. Махать топором может показаться не совсем отдыхом, но смена деятельности, как известно, тоже отдых. Пройдя таким образом километр или полтора, нам стало уже сложнее водружать на себя каюк, и мы делали это медленно, с большими усилиями. Сергею Шеметову и Алексею Едовину было по-настоящему трудно идти волок даже без каюка. Груза на их плечах было по 40 кг с лишним. Мы шли, не задумываясь о том, что ветки могут поцарапать каюк. Ветви хлестали не только лодку, но и нас. Порой мы чувствовали себя тараном в заросшем лесу — не ждали, когда нам отогнут ветви и деревья, а проходили их на скорости. Мы ощущали монолитность конструкции и доверяли качествам бересты. Берестяной каюк выдержал эти испытания.

СВЯТОЗЕРО

Андрей Александров и Алексей Бобков с рюкзаками на плечах забегали по тропе вперёд с камерой и штативом. Они искали подходящие кадры и снимали нас по пути волока. У нас, идущих под каюком, сложилось впечатление, что людей с видеокамерами в лесу много, и все снимают прохождение древнего волока. Самый тяжёлый участок пути близился к завершению. Уже в густых сумерках мы подошли к Святозеру. Вновь сгрузили все вещи в каюк — Александр Шутихин поплыл к предполагаемому месту ночёвки, а мы пошли вокруг озера. Встретились, разгрузились, приготовили ужин. Я вновь со своим походным набором посуды за столом. Мою чашку стали называть воронкой и конусом: не обижался, я же путешественник из средневековья. Поужинали. На ночь все вместились в избушку, ставить палатки на покатом склоне берега озера невозможно.

ПОСЛЕДНИЙ УЧАСТОК ВОЛОКА ДО КУМБАСОЗЕРА

Выйти на последний участок волока от Святозера до Кумбасозера я решил с крошнями за плечами. Нужно было разгрузить Алексея и Сергея от их тяжести, и мы распределили груз на каждого. Теперь, когда было найдено оптимальное распределение груза и перекладины переноски были обмотаны мягкой подкладкой, мы прошли последний участок легче и веселее. К последнему озеру волока Кумбасозеру мы вышли к 14 часам второго дня. Это отличный результат при нашем снаряжении и количестве участников. Для реального волока нам понадобилось бы гораздо меньше снаряжения и продуктов, чем сейчас. Продуктов мы несли на восемь человек на шесть дней, палатки можно не брать, т.к. избушки на всём пути. Если бы избушек не было, то вдвоём можно ночевать под лодкой у ночного костра. Делаю вывод о том, что наш четырёхместный берестяной каюк наилучшим образом подходит для подобного волока не только 18-километрового сухопутного пути, но и более.

ЧЕРПАК И КОТЕЛОК

На стоянке озера Кумбасозеро мы провели почти двое суток. За это время я соорудил берестяной черпак для супа по типу берестяной ложки. Бересту я снял в ближнем от стоянки лесу. Это территория за пределами Кенозерского национального парка, поэтому снимать бересту здесь можно. Для изготовления черпака вычерчивается полукруг на листе бересты и вырезается. Подготавливается берёзовая ветка и расщепляется пополам с одного конца на 6—8 см. Полукруг бересты сворачивается в воронку и зажимается веткой. Таким черпаком удобно и пену снимать и раскладывать уху в тарелки. Для большей герметичности внутренний стык черпака можно замазать растопленной на камне еловой смолой. Так мы и сделали.

После черпака я решил испытать берестяной котелок для кипячения чая, как это делали охотники и все те, кто оказывался в лесу без посуды для приготовления пищи. Берестяной котелок — это та же тарелка, только боковые швы выполнены не только сосновым корнем, а ещё с применением еловой ветки для придания конструкции котелка большей прочности. По углам котелка я привязал льнопеньковую верёвку, разворошил костёр до нужных мне углей и повесил котелок на палку, держа её в руках. Воды налил половину объёма котелка, чтобы долго не ждать кипения. Минут десять вода грелась над углями, затем я

поставил котелок на угли. Береста не загоралась, только несколько деформировалась по верхним краям от температуры. Когда вода испарилась примерно до четверти объёма, то один бок котелка вспыхнул огнём, но я его сразу же потушил и продолжал ждать кипения воды. Минут через 20 вода начала немного пузыриться и котелок зашумел. Тогда Сергей Шеметов предложил нарвать брусничного листа для чая, что мы и сделали. Бросили в котелок чайную заварку, брусничный лист, и чай в скорости закипел. Я его испил с удовольствием из берестяной чашки. Наш проводник сказал, что они так делают в лесу на охоте, когда приходится заночевать. Это было лучшим подтверждением бытования котелка в походно-промысловых условиях.

В ЛАПТЯХ

Для меня как мастера и испытателя была поставлена задача походить в лаптях по пути волока. Ввиду тяжести перехода и постоянной осенней сырости я надел лапти только на стоянке на Кумбасозере. Для хождения в лаптях были сшиты порты (штаны) по традиционному северному крою, скроены онучи (портянки) (размером 40×300 см), сплетены лапти-четверики 45 размера и привязана льнопеньковая верёвка для обмотки. Лапти изготовлялись из поздней силодёрной бересты, которая достаточно прочная и имеет характерный тёмный с жёлтыми прожилками окрас. Наматывать онучи я научился до экспедиции раза с третьего. Предвидя холодную погоду, выбрал максимальную из известных длин онучей — 3 метра. На первый взгляд размотанная ткань очень длинная, но на холодном ветру понимаешь, что такая длина в самый раз — ногам теплее. Сверху я надел лапти, обмотал голени верёвкой и завязал узлы под коленом. Так научила меня перед экспедицией Надежда Владимировна Могутова, специалист по северному народному костюму из родного мне города. Ходить в лаптях оказалось хорошо, мягко, свободно и в первое время сухо. Через некоторое время я сходил к озеру, и лапти сразу пропустили воду, онучи намочились, и стало холодно. Я не стал испытывать своё здоровье, а переобулся и повесил лапти с онучами сушиться на дерево. На следующий день снова ходил в лаптях, а когда промочил ноги, то сушил их, не снимая онучей. За то недолгое время, которое я ходил в лаптях, на подошве остались следы камней и сучков, но особых повреждений лапти не получили. Лапти сделали своё дело — они защищали ногу от ушибов, проколов и порезов, но пропускали воду. Известно, что лапти никогда не делались герметичными. Вот в таких суровых условиях жили наши предки, замочил ноги — высуши за ночь.

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Следующим испытанием бересты стало написание берестяной грамоты по ходу нашей экспедиции. Для того, чтобы писать по бересте, нужно использовать костяное, деревянное или металлическое писало. У меня было лишь самодельное шило из затупленного гвоздя, им-то я и решил писать. Придумывали текст грамоты все вместе при свете костра. Роль моего участия в экспедиции определили так: я должен был являть собой образ средневекового путешественника. Выводить писалом буквы на бересте было сложнее, чем писать карандашом по бумаге, — периодически рука требовала отдыха. Но всё же «письмо» старославянским шрифтом было увлекательно и напомнило мне одну новгородскую грамоту, где упоминается хождение новгородцев в Заволочье.

ИСТОК КУМБАСЫ

Волок успешно преодолён, но для завершения экспедиции нужно сплавать на каюке по озеру. Мы решили переправиться в деревню Кумбасозеро к истоку реки Кумбаса, которая впадает в реку Водла, что принадлежит Балтийской водной системе. Перед выходом в озеро осмотрели каюк и заделали ту единственную щель в бересте, что обнаружили на Педозере. Герметизацию выполняли еловой смолой, смешанной со свиным жиром. Так же замазывали все швы на каюке при строительстве. Александр Шутихин — опытный гребец, поэтому почти без отдыха после волока мы спустили каюк на воду. По озеру расстояние 3 км шли против ветра около часа. У каюка значительная парусность корпуса при своём малом весе. На корме сидел Александр с двулопастным веслом, я же сидел на носу и подгребал однолопастным. Вошли в исток реки Кумбаса и вышли на берег в самой деревне. Неподалёку увидели старую перевёрнутую деревянную килевую лодку. На мой взгляд, она была узкой. В деревне Кумбасозеро оказалось два жилых летних дома, люди сюда приплывают только летом. Все дома небольшие, перестроенные из больших старых. Только один дом сохранился большего размера. Встретили в деревне рыбака и охотника Сашу из Архангельска. Он накормил нас супом из рябчика. Показали ему каюк, на что он сказал, что не отказался бы от такой лодки в хозяйстве. Мы же были рады такому признанию. Напоследок подошли к конечному пункту нашей части водно-волокового пути, к Ильинской церкви. Церковь заброшена, крыша почти обвалилась, но стены стоят крепкие, сразу видно. От церкви видна и река Кумбаса, по которой подходили в средневековье путешественники с древнего Новгорода и дальний берег озера, откуда начинался древний волок.

УЗКАЯ ГУЗЕНЬГА

Возвращаться обратно в Кенозеро решили по реке Гузеньге, которая впадает в Кумбасозеро на северо-востоке. Местный рыбак показал нам примерное место входа в реку из озера. Озеро мелкое, 3—4 метра в глубину, и сильно заросло травой. Мы искали вход в речку 2,5 часа и изрядно вымотались. На второй высадке на берег мы обнаружили реку. Нашли в неё вход, который был ровно в ширину нашего каюка. Мы едва не потёрлись о берега Гузеньги. После этого я понял, почему её так назвали, Гузеньга — узенька. Далее река была шире (5—6 м), шла по долине и сильно виляла. Метров через 800 прошли небольшие пороги. Каюк вели за верёвки с двух берегов реки. За двумя поворотами реки мы вошли в озеро, которое лежит на пути Гузеньги, опять искали выход из озера, нашли минут через 20. Вход в реку снова оказался шириной в наш каюк. Стало ясно, почему в деревне Кумбасозеро такая узкая лодка лежала на берегу. Через некоторое время нас догнал рыбак на лодке с мотором. Мы попросились на буксир. После недолгих переговоров я привязал верёвку к корме алюминиевой лодки. По пути я держал верёвку руками. В случае неправильного курса я должен был отпустить верёвку, чтобы не перевернуться или избежать столкновения с берегом. Александр Шутихин рулил веслом на поворотах. Лодка на моторе шла под 8—10 км/час. На поворотах рыбак Александр снижал скорость, мы с трудом справлялись с управлением, но в берега почти не врезались. Каюк хорошо шёл за лодкой, когда нос стоял ровно по курсу, если верёвка сбивалась с носа, то приходилось прикладывать большие усилия для выравнивания курса. Верёвка резала мне руки, пока рыбак не предложил мне взять палку и намотать верёвку на палку. После этого дело пошло лучше. Берега Гузеньги стали сужаться. Ветки и поваленные деревья всё чаще стали царапать каюк. Через час от начала буксировки мы дошли до причала, где нас ждала машина. Когда мы выливали воду из каюка, рыбак удивился, что воды набралось совсем мало. Позже, когда он выливал воду из своей лодки, мы поняли, чему он удивлялся, воды в ней оказалось на порядок больше, чем в нашем каюке. И тут береста не подвела. Берестяной каюк прошёл узкую извилистую речку на буксире моторной лодки и выдержал царапание о берега, деревья и ветви кустарников.

На этом испытания не закончились, нам нужно было доставить каюк невредимым на машине в Вершинино по старым лесовозным дорогам и грунтовке (38 км). Для жёсткой фиксации были сооружены слеги в виде большой лестницы, к которым привязали каюк. С таким креплением мы успешно доставили его без повреждений в Вершинино.

В нашей экспедиции активно работал археолог Алексей Едовин. Археологические находки — фрагменты керамических сосудов — показали, что по Кумбасозерскому пути Кенского волока проходили не только древние люди эпохи неолита, но и наши предки в средневековье. Нас, прошедших по волоку, это очень радовало.

Рассуждая о роли пройденного нами волока к Кумбасозеру и другого волока через озеро Волоцкое, мы отметили, что наш путь волока оказался длиннее в три раза — 18 вместо шести километров. Но если рассмотреть весь водно-волоковый путь от впадения реки Кумбаса в Водлу вблизи урочища Нижний Падун до деревни Вершинино на Кенозере, то цифры таковы: Волошовский путь — 78 км, Кумбасоозерский путь — 51 км. Разница почти в 30 километров, наш маршрут значительно короче (измерения по карте Googlemaps). Путешественники могли ходить теми путями, которые были им удобны. Если купец вёз с Печёры пушнину, то он мог заплатить больше денег за более короткий путь. Без явных признаков и документальных подтверждений нельзя заявлять о преимуществах и более значимой роли того или иного водно-волокового пути в Заволочье. Можно сказать, что оба пути Кенского волока равнозначны.

Береста отлично справляется со своей задачей — быть прочным и лёгким материалом для обшивки лодок. На берестяной лодке пройдены пути не только по рекам и морю, но и по озёрам и волоку. Казалось бы, это всё, на что способно такое судно. Нет, не всё. С точки зрения способа передвижения, интересно испытать хождение на каюке под парусом и на катамаране. Это вопрос недалёкого будущего. Главное, что хотелось бы видеть в будущем, — чтобы «берещаный каюк» появлялся не только в музеях на экспозициях, но и жил практической судоходной жизнью. Реконструкция прохождения древних путей и экологический туризм — две области, в которых может успешно жить и развиваться забытое средневековое судно. Таможенные книги Московского государства дают очень обширную географию бытования *«берещаных каюков»* в XVII веке: от Вологды до Печоры и Мангазеи. Маргаритинская ярмарка в Архангельске в допетровское время была крупнейшим торгом в России, где наши соотечественники могли торговать с европейцами. По этому поводу и стекалось множество народу в Архангельск по Северной Двине и другим путям. Реконструкция таких путей может дать множество новой интереснейшей информации для археологов, историков, этнографов.

Лёгкость, прочность, судоходные качества, эстетика внешнего вида берестяной лодки и теплота природных материалов может заинтересовать современного туриста и путешественника. Местные жители территории экотуризма могут участвовать в постройке и поддержании каюков, получая определённый доход, что создаст для них экономические стимулы к охране природы.

7 ноября 2010 г.

Фото Андрея Полежаева и Сергея Шеметова

Слева направо: Андрей Полежаев, Николай Заляжный, Анна Анциферова, Алексей Едовин, Сергей Шеметов, Андрей Александров, Алексей Бобков, Александр Шутихин

А.В. Конивец

ПРАЗДНИКИ ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Когда речь заходит о праздниках Красного календаря, то сразу представляются шумные многотысячные демонстрации с непременными фанерными фигурами буржуев, попов и империалистов и с чучелом пузатого капитала, которого мускулистый пролетарий, сбросивший цепи, бьёт молотом по голове.

Но все эти массовые действа характерны уже для 1920-х годов, первые же две Октябрьские годовщины отмечались в Петрограде с мрачноватой торжественностью. Никаких чучел, никаких весёлых песенок или частушек, в репертуаре только «Интернационал», «Реквием» Моцарта в Николаевском зале Зимнего дворца в память о погибших товарищах и бесконечные процессии из всех районов города под похоронный марш Шопена на Марсово поле, а оттуда с пением Интернационала — в Смольный.

В первые два года после Октября Марсово поле было особым местом. Именно там, перед могилами жертв Февральской революции, погребённых 23 марта 1917 г., собравшиеся на торжественные митинги клялись отомстить врагам революции за погибших товарищей.

Первоначально Советом рабочих депутатов жертв революции решено было похоронить на Дворцовой площади, непосредственно перед царской резиденцией, и только благодаря вмешательству Максима Горького и Фёдора Шаляпина, «ходивших по властям», площадь удалось отстоять. Первый поход к председателю Совета рабочих депутатов Николаю Чхеидзе ничего не дал: он был убеждён в том, что жертвы революции должны быть похоронены под окнами тиранов, и слышать ни о чём не желал[1].

Главный довод противников захоронения погибших перед Зимним дворцом состоял в том, что императоров в нём уже не было, а дворец, теперь принадлежащий народу, мог бы этому народу в будущем и пригодиться. В бессмысленности и даже вредности всей этой затеи А. Горькому и Ф. Шаляпину удалось убедить А.Ф. Керенского, и решение Совета было отменено. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что Керенский сам поселился в Зимнем, и перспектива соседства с кладбищем его не радовала.

В 1918–1919 гг. революционные похороны и митинги у могил жертв стали чуть ли ни главной частью празднеств первых лет новой власти. В этих шествиях со знамёнами и пением революционных песен было что-то от старого времени, только вместо хоругвей и икон теперь были красные флаги, а вместо церковных песнопений — «Вы жертвою пали».

Итак, главным местом праздничных торжеств в первые два года после Октября стало Марсово поле (бывший плац перед казармами Лейб-гвардии Павловского полка), переименованное в площадь Жертв Революции. В 1918 году там с большими почестями хоронили убитых одного за другим Володарского, Нахимсона и Урицкого[2]. В эти дни петроградские газеты именовали Марсово поле Красной Голгофой, печатали из номера в номер списки заложников и лозунги типа «**Не нужно ни судов, ни трибуналов!**».

В апреле 1922 г. в числе революционных героев, похороненных на Марсовом поле, оказался и девятилетний Котя Мгебров-Чекан, попавший под трамвай. Многим в Петрограде был хорошо знаком его отец, актёр Александр Мгебров, основатель Художественного театра Пролеткульта, и мать — артистка Виктория Чекан. Вместе с родителями и другими артистами театра мальчик выступал перед красноармейцами. После трагической

Плакаты на Мариинском дворце

гибели он превратился в героя, в романтический символ республики. Ребёнок, вдохновенно читавший революционные стихи красноармейцам чуть ли не на поле боя, его ранняя и нелепая гибель, желание родителей сохранить сына хотя бы в народной памяти — всё это одновременно и умиляло, и порождало легенды. Котю хоронили как героя, погибшего от руки контрреволюционера, толкнувшего его под трамвай. В 1950-е годы о нём уже рассказывали как о первом пионере, сражавшемся на баррикадах революционного Петрограда, а потом замученного белыми, но так и не выдавшего тайны Красной Армии. Всё это очень напоминало историю Гавроша или Мальчиша-Кибальчиша.

Но, как бы то ни было, перед могилой маленького артиста горит Вечный огонь.

Сразу же после революции изобразительным искусством республики руководили футуристы (правительственным комиссаром по делам искусства нарком по просвещению А.В. Луначарский назначил художника Давида Штеренберга, незадолго до этого вернувшегося из Парижа). Так называемый «левый блок», облечённый властью,

а фактически всё тогдашнее руководство Отдела ИЗО (Натан Альтман, Осип Брик, Николай Пунин), не только вовсю пропагандировал новое искусство, но и собирался дать художникам права, которых они ранее не имели[3]. Декларация Отдела ИЗО заканчивалась призывами:

«Художники! Освободите искусство прошлого от мёртвого исторического педантизма.

Художники! Объединяйтесь в борьбе за свою профессиональную культуру против тяготеющего над искусством фетишизма прошлого.

Кубистические плакаты 1918 г.

Художники всего мира! Язык, на котором вы говорите, понятен всем народам»[4].

Смысл этой Декларации В. Маяковский ещё раньше выразил в своём «Приказе по армии искусства», напечатанном в первом номере газеты «Искусство коммуны» от 7 декабря 1918 г.:

Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времен
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицу, футуристы —
барабанщики и поэты!

Эти слова не были простой метафорой. Художникам действительно был предоставлен весь город, и они, получившие полную свободу, могли делать всё, что хотели, создавая новый стиль праздничного убранства. Эксперименты любого рода поощрялись и приветствовались.

На первой революционной волне это вполне удавалось, но постепенно все новшества сошли на нет, и украшения к праздникам свелись к портретам вождей и красным полотнищам с лозунгами. Фантазия в разных своих проявлениях исчезла, сменившись унылым и предсказуемым официозом.

Уже в первые годы новой власти оформление города к праздникам было делом выгодным и, помимо того, что художник получал не только огромное поле деятельности в прямом смысле этого слова, но и выгодный заказ в условиях «голодовки», когда каждый лишний кусок хлеба имел значение. Правда, и тут было не всё гладко, и о материальной стороне этого дела Штеренберг даже упомянул в отчёте Отдела ИЗО: «*Празднование первой годовщины было передано отдельным комитетам, организованным при профессиональных союзах, и поэтому Отдел Изобразительных Искусств не мог, в целом, провести свой план и контроль. Этот контроль касался, прежде всего, оплаты труда художников, которые получали зачастую гораздо меньше рабочих*»[5].

Футуристы действительно вышли на улицу: к первой Октябрьской годовщине они украшали город, раскрасив десятки тысяч аршин холста, закрывавшего иногда целые здания и скверы. Так было сделано Альтманом с Дворцовой площадью, закрывшим цветными геометрическими плоскостями и Зимний дворец, и Главный Штаб, и бульвар перед Александровским садом. Три огромных плаката украшали фасад Мариинского дворца, на центральном были изображены две довольно абстрактные фигуры — рабочего и крестьянки, символизирующие победившие классы. Над фигурами — призыв «строить Красную Армию».

7 ноября 1918 г. после всех шествий и траурных маршей перед Смольным открыли памятник Карлу Марксу работы Александра Матвеева[6], и только к 7 часам вечера участники церемоний прибыли в Смольный на торжественное заседание, где после каждой речи весь зал пел Интернационал. Как сообщали газеты, иностранных гостей и крестьян поздним вечером развозили на разукрашенных автомобилях.

9 ноября был устроен большой праздник для пролетарских детей. Он начался на площади Урицкого, а потом продолжился во дворце.

В эти же дни была показана «Мистерия-Буфф» — знаменитая постановка Вс. Мейерхольда в театре Консерватории. Эскизы Маяковского к этому спектаклю, наделавшему много шума, весной 1919 г. можно было увидеть на *Первой государственной свободной выставке произведений искусства* в Зимнем дворце.

Праздники 1918—1919 годов сводились в основном к шествиям и митингам, хотя уже за полгода до первой годовщины Октября, в День международной солидарности пролетариата — 1 мая — намеревались устроить театрализованные шествия. Правда, из этой затеи в итоге ничего не получилось, но попытка всё же была. В 1918 г. первомайские демонстрации прошли за три дня до Пасхи. Зинаида Гиппиус, которая в те дни была в Петрограде, записала в дневнике накануне торжеств:

«Владыки устраивают „праздник" своему „народу". Луначарский, этот изолгавшийся парикмахер, громко провозгласил, что устроит „из праздников праздник", красоту из красот. Будут возить какие-то колесницы с кукишами гигантскими (старый мир) и драконов (новый мир, советская коммуна). Потом кукиш сожгут, а дракона будут венчать. Футуристы жадно этим

занялись, мажут плакаты. Луначарский обещает еще „свержение болванов" — памятников царей. Уже целятся на скульптуру барона Клодта на Мариинской площади. Из „Карла Маркса" пока ничего не вышло, свергать легче, посвергаем. (Памятник К. Марксу установят перед Смольным через полгода, 7 ноября — ***А.К.***) *Однако не случайно повсюду пулеметы понаставлены... неровен час, безработные могут не с сияющими лицами прийти. Да анархисты... Да и немцы тоже не любят глупостей...».*

И ещё одна запись через несколько дней.

«22 апреля. Воскресенье. Пасха.

Погода самая неприятная. Город уныл и пуст. „Позорище" в среду было тоже унылое, шагали красноармейцы по-казенному при немногочисленной, злобно-настроенной толпе. Дул ветер, развевая идиотские кубистические полотна. Маскарадные хари не успели они закончить, а потому и не жгли их»[7].

Это не воспоминания, написанные по прошествии лет, когда память может и подвести мемуариста. При всей желчности тона, в приведённых фактах и в точности передачи настроений в городе можно не сомневаться. Практически те же факты приводили и газеты (но, естественно, тон заметок был совершенно другой).

Вторую годовщину революции праздновали примерно так же, как и первую. Петроград только что отбил наступление армии генерала Юденича, и в городе ещё оставались баррикады: мешки с песком, мотки проволоки, а кое-где продолжали стоять ещё не убранные пулемёты. 6 ноября 1919 г. заседание Петросовета прошло уже не в Смольном, а в Николаевском зале Зимнего дворца, куда мог прийти любой член партии, беспартийным же нужно было иметь мандат, выданный профсоюзным или фабрично-заводским комитетом. Торжественный вечер начался в 8 часов с исполнения «Реквиема» Моцарта хором капеллы. После речей, уже около полуночи, все присутствующие, пропев «Интернационал», спустились по Иорданской лестнице на набережную и присоединились к факельному шествию по Невскому. Такие же ночные шествия, сопровождаемые салютами, были устроены и в других районах города.

Накануне объявление в газете сообщило, что «трамвай обеспечен», чтобы граждане не волновались, как им потом добираться до дома.

7-го ноября в 12 часов на Марсовом поле открывали «памятник на могилах павших товарищей», а после митинга процессия с пением «Интернационала» направилась к Смольному, где её приветствовали члены Петросовета. В 6 часов вечера на площади Восстания, на Литейном и Николаевском мостах, у Нарвских ворот и за Московской заставой были устроены фейерверки.

В 1920-м, первом мирном году после долгой войны, празднование дат Красного календаря и, в особенности, третьей годовщины Октября отличалось особым размахом. Впервые после революции на устройство торжеств были брошены огромные силы, и в их подготовке кроме профессиональных артистов участвовали и обыкновенные граждане.

Начиналось время грандиозных массовых празднеств.

Особенно характерна в этом смысле маёвка 1920 года*, когда был устроен невиданный по размаху субботник, «праздник труда», проходивший одновременно на Дворцовой площади и Марсовом поле. Больше десяти тысяч человек, участвовавших в этом празднике, за один день окончательно уничтожили решётку Зимнего дворца, так что к вечеру на её месте уже ничего не было, и засадили Марсово поле кустами акаций.

Вся эта работа шла под гром нескольких оркестров. Вечером во всех парках города были устроены гулянья, на которых народ до ночи развлекали не только артисты практически всех театров Петрограда, но и участники популярных в те годы самодеятельных студий.

«Правда» назвала субботник 1 мая первым в жизни человечества днём торжества труда. «*В этот день пусть окончательно растопятся клеточки мещанского быта в пламени человеческого бытия*», — писал автор статьи под названием «Долой обоих!» (он призывал избавиться от эстетов и хамов, которые, по его мнению, были порождением прошлого). «*Теперь пришёл конец и тем, и другим — пережиткам царизма не место в новом обществе*»[8]. Вообще, газетные отзывы о празднике были самые восторженные, чего нельзя было сказать об отзывах жителей города, особенно это касалось «бывших» (вероятно, «эстетов»), смотревших на всё происходящее с ужасом.

Едва успели закончиться майские торжества, как специальный штаб по подготовке массовых зрелищ уже начал писать программу следующего праздника, приуроченного ко II-му всемирному Конгрессу Коммунистического Интернационала. 19 июля 1920 г. на площади Урицкого прошёл торжественный митинг, на котором приветственные речи и лозунги произносились на разных языках.

Весь мир дрожит под напором волн революции!

Привет пролетарской грозе!

Пролетарий! На каждый удар отвечай двумя!

Вечером у здания Биржи было показано «большое театрализованное народное зрелище». Там была и Парижская коммуна, и революция в Венгрии, и бегство венгров от ужасов реакции, и рождение Красной Армии. В конце представления под пушечный выстрел с Петропавловской крепости по площади перед Биржей проезжал броневик с аллегорическими фигурами Победы, сбрасывающими короны и мешки с золотом, что, вероятно, должно было символизировать конец власти мирового капитала. Вслед за этим одновременно, по команде, с кораблей на Неве полетели ракеты, с аэропланов — прокламации, а с дирижабля выкинули огромный плакат с надписью **«Да здравствует III Интернационал!»**.

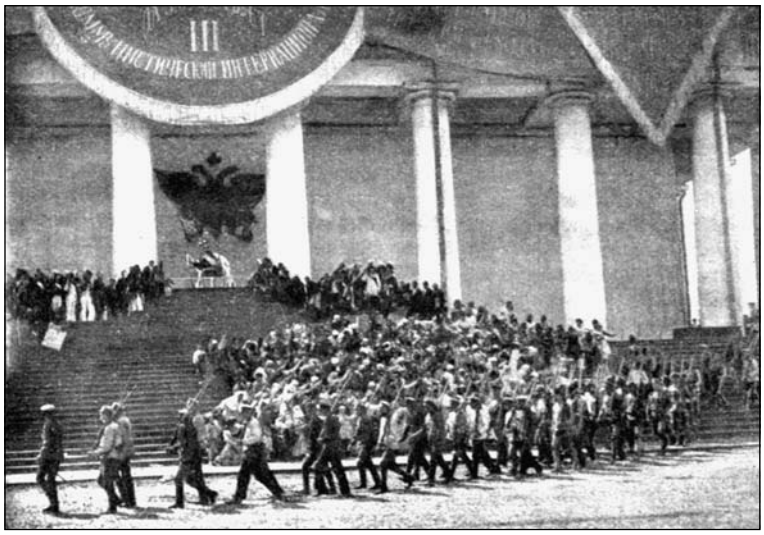
Закончилось всё фейерверком уже глубокой ночью, так что делегатов Конгресса, отбывавших в Москву для продолжения заседаний, отвозили на трамваях на вокзал под утро.

Из всего длинного спектакля, состоящего из множества отдельных сцен революционной истории, «Красная газета» особо отметила расстрел парижских коммунаров, назвав его «*самым удачным местом в мистерии*»[9].

С ещё большим размахом отмечался главный праздник нового календаря — Октябрьская годовщина. Кроме демонстраций решено было показать инсценировку

* См.: Конивец А.В. 1 мая 1920 года // Чело. № 1 (43). 2009. Великий Новгород, 2009. С. 99—101.

революционных событий. Подготовить грандиозный спектакль, в котором участвовали сотни артистов, стоило немалого труда и времени. По сценарию действие праздника должно было происходить в трёх местах: на Дворцовой площади, у Биржи и у Петропавловской крепости. Репетиции напоминали военные манёвры: постановщики располагались на специально сооружённом командном мостике и отдавали приказания руководителям на площадках по полевым телефонам. Каждый эпизод представления готовился отдельно. Сигналы к началу каждой сцены подавались светом прожекторов или по телефону руководителям на площадках, а те уже отдавали команды на местах. Это был по существу первый праздник такого масштаба. Война закончилась, общее настроение в городе было приподнятое, поэтому была масса желающих участвовать в представлении, и самодеятельные артисты с энтузиазмом занялись репетициями.



Театрализованное представление на ступенях здания Биржи

Чтобы народ проникся важностью и масштабом предстоящих торжеств, газеты известили граждан о том, как им следует вести себя во время гуляний:

«Всякое движение автомобилей и легковых упряжек в Петрограде 6, 7, 8 ноября без специальных пропусков воспрещено — наказание по всей строгости закона: автомобили — в гараж авто-гужа, а упряжки на конюшню распределения авто-гужа».

«Что требуется от зрителей во время инсценировки.

Перемена мест зрителей воспрещается — всё видно отовсюду.

Зрители располагаются по обе стороны от Александровской колонны вдоль канатного барьера.

Во время батальной мистерии будет производиться оружейная, пулемётная, пушечная стрельба из различных пунктов (с площади, с Невы, с дворца).

Также будет полёт аэропланов, атака броневиков, гудки фабрик, рёв сирен, движение войск, общая атака Зимнего дворца, звуковые и световые эффекты.

От зрителей требуется безусловное спокойствие и уверенность, что все эти эффекты имеют чисто театральный характер и не должны быть поводом для волнения, тем более, что все меры для поддержания порядка охраной, санитарами и пожарными приняты.

Комендантом площади назначен комендант г. Петрограда т. Акакин.

Вход для зрителей свободный.

Вход на трибуны по особым билетам.

Дворцовый мост разводится.

Врачебные пункты расположены во всех подъездах Дворца Искусств.

Инсценировка завершается массовым пением Интернационала»[10].

7 ноября торжества начались в 10 утра с заседания Смольном, в 12 часов был устроен краткий митинг на площади Урицкого, потом ещё один митинг на площади Жертв революции, а после него все участники на разукрашенных трамваях отбыли в Лесное для возложения венков на братские могилы. Во время митинга в Лесном, на который собрались делегации от всех районов города, с аэропланов сбрасывали живые цветы.

В этот же день в Музее Революции, с января 1920 г. работавшем в Зимнем дворце, открылись три новых выставки, приуроченные к празднику: «Белый террор», выставка революционного плаката и выставка произведений искусства.

Уже к 10 часам вечера 150 тысяч зрителей собрались на главной площади города, чтобы посмотреть батальную мистерию «Взятие Зимнего дворца», в которой участвовало десять тысяч исполнителей. В представлении были заняты все, кто имел хоть какое-то отношение к театру: артисты драмы, балета, цирка, студенты театральных школ, участники красноармейских и флотских драматических кружков. Действие разыгрывалось на двух огромных помостах, построенных по сторонам арки Главного Штаба, затем переносилось на площадь, а оттуда — в здание Зимнего, в котором, по сценарию, искали спасения бегущие от восставшего народа министры Временного правительства.

«Ярко освещённые окна Зимнего дворца, исторического свидетеля воплощенных в инсценировке событий, дают возможность видеть разыгрывающееся в залах сражение»[11]. Как и предупреждали накануне газеты, грохот от всех шумовых эффектов стоял невообразимый, всё действие сопровождалось воем сирен, оружейной стрельбой, пулемётными очередями и пушечными выстрелами. Последний, «исторический» выстрел был, естественно, за «Авророй», вслед за выстрелом над дворцом взвился красный флаг под пение всей площадью Интернационала. Праздник закончился парадом и фейерверком.

Закончилась эпоха военного коммунизма, началось хозяйственное и промышленное строительство, и в 1924 г. празднование 7 годовщины Октября прошло под лозунгами: «Поднятие производительности труда» и «Смычка города с деревней».

Изменилось и праздничное убранство города: выполненных профессиональными художниками футуристических полотен, украшавших центральные площади Петрограда 1918—1919 гг., уже не было, зато появились работающие станки, кузнецы, отбивающие марш на настоящих наковальнях, разукрашенные тракторы и

платформы с красочными диаграммами, которые должны были наглядно показать рост производства. Именно тогда появляется и знаменитая галоша — фирменный автомобиль «Красного Треугольника» — и другие агитмашины.

Начиная с 1924 г. праздники готовили уже не только профессиональные театры, но и самодеятельные драмкружки, входившие в «фабричные и заводские ячейки». Но основные действующие лица праздничных шествий были всё те же, что и несколько лет назад. Обычно демонстрация тех лет выглядела примерно так: на машинной платформе едет толстый Капитал, у него на коленях сидит Поп самого отвратительного вида. В одной руке он держит кадило, в другой — стакан. Он одновременно размахивает кадилом, выпивает и беседует с Капиталом. На другой платформе — огромный слон, под стать Капиталу, на него бросается «Моська — жёлтая пресса», пытаясь выхватить у него из хобота серп и молот; ещё на одной платформе — «буржуазия» — несколько типичных фигур — толстяки в котелках и с золотыми цепями. Время от времени они падают от страха при виде Рабочего — гигантской фанерной фигуры угрожающего вида.

За рулём машины Петроградского райкома сидит человек в шофёрской форме, — но это не просто машина, — это автомобиль, который ведёт по пути ленинизма Пролетарий.

Галоша «Треугольника» тоже не идёт порожняком — в ней сидит «Антанта» — сатирические маски вполне в духе времени.

Платформа ткацкой фабрики «Шеррис» везёт настоящий станок, и работница показывает процесс производства шерстяной материи; табачная фабрика им. Урицкого выставила станок, делающий папиросы, которые тут же раздаются окружающим; завод «Красный Автоген» представляет рабочий, занимающийся сваркой; на платформе клуба Октябрьской железной дороги Рабочий с вагоном в руках грозит Буржую, и тот в ужасе падает.

Отличилась изобретательностью пробочная фабрика. На её платформе — сделанный из пробки мавзолей Ленина, вокруг него — гербы капиталистических стран. Когда платформа проезжает по площади мимо трибуны — гербы горят, и на их месте появляется красная звезда.

Государственная Сберегательная касса представлена избой с надписью «Сберкасса», а толпящиеся перед дверьми крестьяне, желающие сделать вклады, своим примером показывают публике, где нужно хранить сбережения.

Завод «Электросила» подготовил две платформы. На одной выстроена изба, внутри которой горит лампочка Ильича, а на другой — макет электростанции, перед которым стоит группа крестьян, — всё это должно символизировать электрификацию деревни.

Не остался в стороне от торжеств и Зоосад, своими силами представивший политсатиру. На телеге, которой правит кучер, одетый польским паном, — три клетки под общей надписью «Фабрика подделывает всякого рода документы», в клетках сидят кабан с надписью над ним «Керзон», волк — «Юз» и лиса — «Макдональд»[12].

Были и такие сатирические платформы: огромные весы, где социализм перетягивает капиталиста, или рабочий, стоящий на постаменте, показывает огромную бутафорскую фигу буржую, предлагающему заём.

Мануфактуры для красочных полотен и костюмов на всех не хватало, и каждому приходилось выходить из положения по-своему. Поэтому, например, ткацкая фабрика им. Веры Слуцкой украсила свой автомобиль лентами, завод Севкабель — проводами, а Лесопильный завод, соответственно, — стружками.

Каждый персонаж на демонстрации был узнаваем: Крестьянин — в лаптях и рубахе, Работница — в красном платочке, Буржуй — во фраке, котелке или цилиндре,

«Галоша» — фирменный автомобиль «Красного Треугольника»

Кулак — в поддёвке и в сапогах и обязательно с чёрной бородой, в отличие от толстого Попа, у которого борода была рыжая, а нос — красный. С красным носом также обычно изображался Генерал, но для узнаваемости маски у него ещё непременно были усы, баки и злодейские брови. Лорд представлялся бритым, с жёлтым лицом и с причёской на пробор. Эти персонажи обязательно появлялись на всех праздниках.

Также непременными участниками инсценировок были и социалисты-соглашатели. Вот, например, типичные сценки, которые разыгрывались на демонстрациях и гуляньях тех лет:

Капитал сидит на троне и держит на верёвочке делегации к рабочим СССР. Соглашатели вытирают пыль с его сапог. Перед трибуной верёвка обрывается, и делегация идёт в СССР.

Восставшие народы бьют соглашателей.

Красноармеец тащит за шиворот соглашателя, а тот кричит: «Последние письма Зиновьева!».

Китаец и индус бьют чучела буржуев палками.

Рабочие СССР передают по радио привет рабочим Запада, которые бьют мешающего им слушать соглашателя.

Стоящие на трибунах товарищи приветствуют проходящие мимо колонны и проезжающие автомобили лозунгами:

Да здравствует международная Красная Армия!
Да здравствуют красные платочки!
Ура Красному Спартаку!
Да здравствуют стальные отряды Ким'а!
Дедушке Калинину, ура!

Вся рабочая молодежь — в ряды Комсомола!

На смену старшим, в борьбе уставшим, мы идем!

Сегодня Киму пятак, а завтра бойцов отряд!

Пионер, помни о братьях на востоке!

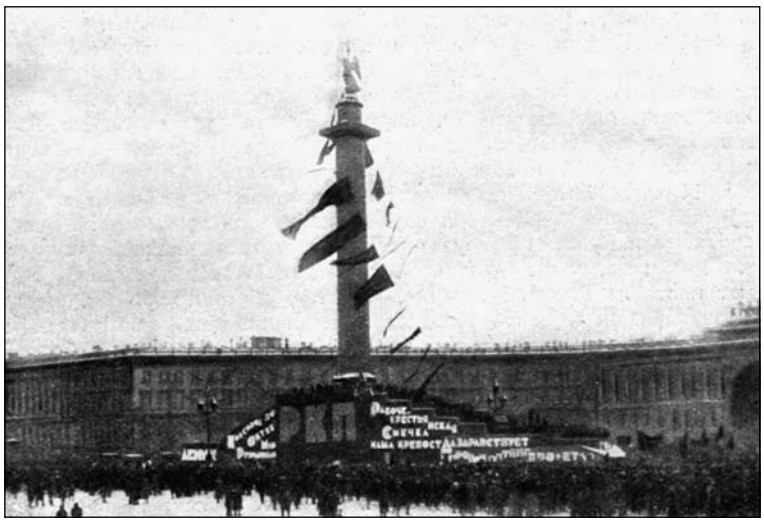
Привет болгарским рабочим, смерть Цанкову и всей фашистской сволочи[13].

Рост промышленности СССР — петля капиталистам мира!

Лучших комсомольцев — в деревню!

Воевать не хотим, нападать не будем, но в бой всегда готовы!

Примерно в этом же стиле праздновались и «День просвещения» 31 мая 1925 г., и 8-я годовщина Октября. Правда, Ноябрьские праздники отличались ещё необычным по тем временам вечерним оформлением центра города. На фасадах домов, как на огромных экранах, с помощью специальных установок появлялись цветные фигуры, зажигались эмблемы или отпечатывались световые лозунги. Особенно ярко был освещён Зимний дворец и здание Биржи.



Главная трибуна в виде корабля

«Световой театр» часто использовался для украшения города до конца 1970-х годов. Современный вариант такого зрелища сейчас называется лазерным шоу. Хотя в наше время удивить этим кого-либо трудно, город, имея уже другие технические возможности, снова к нему возвратился. В 1920-х всё это выглядело необычно и действительно создавало ощущение праздника у людей, привыкающих постепенно к мирной жизни.

Главная трибуна в 1925-м году была тоже особенная. Она располагалась в самом центре Дворцовой площади и была сделана в форме огромного шестипалубного корабля, мачтой которого служила Александровская колонна, от неё к боковым парапетам верхних площадок были натянуты снасти, расцвеченные вымпелами и флагами. На носу этого корабля, обращённого к Саду Трудящихся (Александровскому), была нарисована цифра «8», а на бортах — диаграммы, показывающие рост рядов РКП. Представители Губкома и Губисполкома, крестьяне-делегаты и иностранные гости (особо почему-то прессой была отмечена делегация датских рабочих) расположились на нижней площадке, на верхних «палубах» заняли своё место армейские и флотские чины, представители заводов, фабрик, крестьяне-делегаты, а на самом верху — фанфаристы. Гостей на праздник собралось очень много, и перед дворцом, у Октябрьского подъезда, для них была выстроена малая трибуна. Ближе к полудню вся площадь и все подступы к ней уже были заполнены народом, разукрашенными автомобилями и повозками, собравшимися со всех районов города.

Например, первая колонна Московско-Нарвского района начала свой путь в 9 утра от завода «Красный Путиловец» (Кировский), у Обводного канала к путиловцам присоединились «Красный треугольник», «Советская звезда», другие организации, и уже на углу Лермонтовского пр. и ул. Огородникова вторая Кавшкола замкнула эту колонну. Вторая колонна района, которую также замыкали воинские части, вливается в первую на углу пр. Красных Командиров (Измайловского) и Первой Красноармейской улицы третья колонна во главе со «Скороходом», пройдя по Международному проспекту (Московскому), по Обводному каналу до Варшавского вокзала, присоединяется к общему шествию. Четвёртая колонна, возглавляемая 3-й Табачной фабрикой, собирается у Технологического института, выходит на пр. Красных Командиров и замыкает общую колонну района. «*71 212 человек шло в ее рядах; 404 знамени, 514 стягов, 132 значка и 10 плакатов несли демонстранты, 46 автомобилей (грузовых) демонстрировали достижения производства района; 28 повозок везли различные изобразительные и театрализованные установки, демонстрируя отдельные моменты производства и быта. 53 оркестра сопровождали колонну 154-х организаций*», — говорится в отчёте о демонстрации. Вся эта процессия растягивается по пр. Майорова (Вознесенскому), заворачивает на ул. Герцена (Большую Морскую) и через Арку Красной Армии (арку Главного Штаба) выходит на площадь им. тов. Урицкого.

Общая колонна Петроградского района собирается перед мостом Строителей, переходит его и идёт мимо Биржи на Республиканский мост (Дворцовый). Спустившись с моста, процессия не выходит прямо на площадь, а делает круг: сворачивает на наб. Рошаля (Адмиралтейскую), пересекает пл. Декабристов и выходит на пл. Урицкого по пр. Рошаля (Адмиралтейскому). В этой колонне было «*37 000 участников, 81 организация, 22 декорированных автомобиля с различными установками в рядах демонстрантов; 300 знамен, 310 стягов с лозунгами и 26 оркестров*»[14]. Колонна Выборгского района растянулась по левому берегу Невы от Литейного моста до Республиканского.

Володарский район занял пр. 25-го Октября (Невский) от пл. Восстания до пл. Урицкого.

Колонны Василеостровского района прошли по пр. Пролетарской Победы (Большому), по Среднему пр., по наб. Лейтенанта Шмидта, по Университетской и, перейдя Республиканский мост, прямо подошли к площади.

Только у колонны Центрального района, которую перерезали в нескольких направлениях маршруты других районов, не было своего строго определённого пути следования.

Как видно из приведённых маршрутов, праздничные колонны прошли почти по всем большим улицам города прежде чем собраться вместе на площади. Теперь они

ждали сигнала к началу движения. В 12 часов трижды протрубили фанфары, ударила пушка, и праздничное шествие по главной площади города началось.

Кроме уже упоминавшихся агитмашин и повозок, был замечен и празднично украшенный трактор, который, покружившись под звуки вальса перед главной трибуной, продолжил своё движение по улицам. Шеренги демонстрантов разрезались носом «корабля», соединялись за его «кормой» и тут же снова делились на две колонны. Одна из них следовала по ул. Халтурина (Миллионной) и далее через мост Равенства (Троицкий) — по пр. Красных Зорь (Каменноостровскому), вторая сворачивала в Чёрный проезд (проход между Зимним дворцом и Малым Эрмитажем), выходила на наб. 9 Января (Дворцовую) и у Республиканского моста снова делилась на две части — половина двигалась через мост на Васильевский остров, другая продолжала путь по наб. Рошаля в Московско-Нарвский район. Это был обычный маршрут всех праздничных шествий тех лет, и в целом демонстрация 1925 г., длившаяся в общей сложности более 5 часов, мало чем отличалась от прошлогодней, если не считать, что в день 8-летия Октября в празднике участвовали ещё и самолёты. Они то и дело пролетали над площадью и разбрасывали листовки (их тогда называли летучками) с агитационными лозунгами или, как ни странно это может показаться, — с рекламой, если дело касалось летучек, выпущенных заводами и кооперативами, рекламировавшими свою продукцию.

Праздник, как всегда, прошёл не только в центре города. Представления были устроены и в заводских клубах, причём всё начиналось с детских утренников. Например, особо был отмечен критикой спектакль «Путь к Октябрю», поставленный в Клубе им. тов. Тимирязева при «Красном Треугольнике». Самодеятельные артисты к представлению основательно подготовились, всё было отрепетировано и, как отмечал репортёр, такие детали, как русские гусарские мундиры у французских офицеров, нисколько не ослабили общего впечатления. Одобрительными возгласами из зала была встречена сцена бала в доме помещика, где гости танцевали вальс и фокстрот. Но наибольший восторг зрителей вызвал финал спектакля, когда толпа рабочих под ружейные выстрелы и с пением Интернационала прошла через весь зрительный зал на сцену арестовывать «буржуев».

И в других клубах города были показаны специально подготовленные к празднику представления самодеятельности или приглашённых театров: «Живой газеты», Агит-театра, театра «Станок», которые были особо популярны в те годы и давали по несколько представлений в день на разных площадках в разных концах города.

ПРАЗДНОВАНИЕ 10-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ

К празднованию десятилетия революции начали основательно готовиться задолго до торжеств, рассчитанных, как обычно, на несколько дней. Накануне праздника, 6 ноября, перед Смольным открыли памятник Ленину, «Комнаты Ильича» в Смольном и памятник «Шалаш» в Разливе. В эти же дни открылись новые экспозиции в Музее Революции, в котором теперь была представлена картина революционной борьбы на протяжении 100 лет — от восстания декабристов до установления диктатуры пролетариата. Один зал был целиком посвящён Октябрю.

Главные торжества происходили 7 ноября на площади Урицкого — это было грандиозное представление под названием «Воспоминание о штурме Зимнего дворца», в чём-то повторявшее мистерию, разыгранную здесь же семь лет назад.

На этот раз на площади, как сообщала «Ленинградская правда», архитектором А.П. Удаленковым были сделаны монументальные украшения. Также были сооружены декоративные батареи с 16-дюймовыми орудиями и броневиками, из которых должен был производиться обстрел дворца лучами прожекторов, заключённых в жерлах орудий. Газета также обещала, что во время праздника *«дымовая завеса Авиахима покроет небо над площадью заревом разгорающегося пожара»* и появится *«символ победившей революции — искусственное солнце. Его лучи со стороны проезда к Певческому мосту будут создавать радужное сияние — в центре сияет серп и молот. 14 разноцветных лучей, лозунги на семи языках (русском, английском, немецком, французском, итальянском, персидском и китайском): „От штурма Зимнего дворца — на штурм капиталистического мира!"»*.

Демонстрация на Дворцовой площади. «Изба-читальня»

Со стороны Адмиралтейства, ближе к мосту, световыми стрелами рисовались огромные диаграммы, показывающие достижения на культурном и хозяйственном фронте, а рядом, на фоне земного шара, — *«титаническая фигура революционного вождя мирового Октября — В.И. Ленина»*.

Здесь же, на большом экране демонстрируется фильм Эйзенштейна «Октябрь». Со стороны арки Главного Штаба установлены 16 семисаженных стягов всех республик, над каждым знаменем — революционный флаг, который должен был создавать иллюзию горящего огненным пламенем факела. Над дворцом, на месте императорского штандарта *«взвилось революционное знамя нашего Союза»*.

В 10 часов вечера 7 ноября на Неве была показана инсценировка — «История победившей революции». Действие началось с выстрела пушки Петропавловской крепости, и сразу же на крепостной стене появились силуэты часовых,

а над ними загорелась императорская корона. В это же время из-под Троицкого моста к крепости выплыли плоты, а на них — виселицы с повешенными революционерами, а на стенах крепости загорелись огромные окна с решётками (лучи прожекторов освещают нарисованные окна), что должно символизировать мрачный облик царской России. Но вот наступает Февраль, и над стеной загораются факелы, а часовые и корона рушатся. Красное зарево над крепостью сменяется розовым и белым светом, в котором снова видны решётки — революция произошла, но свободы ещё нет.

И вот уже против течения реки к крепости мчится силуэт броневика с фигурой Ленина. Контуры крепости блекнут и тонут во мраке.

Раздаётся выстрел «Авроры». Флотилия лодок штурмует крепость, и над ней загорается серп и молот. Но до окончательной победы ещё далеко.

Социалистическое отечество в опасности! Начинается бой на Неве. Ракеты освещают небо, бьёт канонада. Враги бегут. Это — куклы — Чемберлен, Пилсудский, великий князь Николай Николаевич, Пуанкаре. Наконец все вражеские силы уничтожены. Революция победила!

Ракеты, фейерверки, праздничный салют.

8 ноября — большой парад на площади и демонстрация. Шествие открыли ветераны Октябрьского движения и краснофлотцы «Авроры» с историческим знаменем.

На трибунах присутствуют делегации из разных стран — рабочие Германии, Англии, Швеции, Франции, Чехо-Словакии, Норвегии, Китая, Алжира, Южной Америки, — всего 1,5 тыс. человек. Прибыли на торжества и соотечественники — бакинские, узбекские и ивановознесенские рабочие делегации. Праздник был грандиозный. По свидетельству газеты, за 6 часов демонстрации через площадь прошло 800 тыс. человек[15].

Все дни праздников на Неве, вдоль всех центральных набережных, стояли расцвеченные флажками боевые корабли, контуры которых горели в темноте электрическими лампочками.

Весь город был украшен: флаги, яркая иллюминация, живописные полотна, объёмные декоративные установки, портреты вождей. Поперёк нескольких центральных улиц были развешены огромные полотнища красной материи с лозунгами и рисунками, на зданиях, занятых коммерческими предприятиями — цветные диаграммы, показывающие рост советской индустрии и торговли. Плакаты и написанные специально к празднику живописные панно заметно отличались от тех, что украшали город в 1918 г., когда праздновалась первая годовщина революции, — теперь во всём преобладал красный цвет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. М., 1990. С. 352—354. А.М. Горький и Ф.И. Шаляпин входили в Комиссию по делам искусств, сформированную 4 марта 1917 г. после совещания, проходившего на квартире Горького на Кронверкском пр. в Комиссию, которая должна была охранять памятники культуры и старины, также вошли А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, К.П. Петров-Водкин, Н.К. Рерих, И.А. Фомин. Комиссия просуществовала лишь месяц. Н.С. Чхеидзе (1864—1926) — депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии, председатель социал-демократической, с 1913 г. меньшевистской фракции. В 1912—1916 гг. член Верховного совета масонского «Великого Востока народов России». 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы; одновременно становится председателем исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С июня 1917 г. председатель ВЦИК первого созыва. 6 сентября 1917 г. сложил свои полномочия в знак протеста против принятия Советом большевистской резолюции «О власти». К Октябрьской революции отнёсся отрицательно и уехал в Грузию. После ввода туда Красной Армии в 1921 г. эмигрировал во Францию; покончил жизнь самоубийством.

[2] Володарский и Урицкий вернулись из эмиграции в июне 1918 г. и после Октября заняли высокие посты в правительстве. *Моисей Володарский (1891—1918)*, комиссар по делам печати (не окончивший даже гимназии) был застрелен эсером Сергеевым 20 июня по дороге на митинг на Обуховском заводе. *Семён Нахимсон (1885—1918)*, выпускник университета в Берне, в 1911 г. получивший степень доктора философско-экономических наук, — с сентября 1917 г. — комиссар латышских стрелков, в 1918 — военком Ярославского военного округа, был убит 6 июля во время Ярославского мятежа. *Моисей Урицкий (1873—1918)*, выпускник юридического факультета Киевского университета, председатель Петроградской ЧК — застрелен студентом Канегиссером 30 августа в здании Главного штаба. После этих убийств и покушения Фанни Каплан на В.И. Ленина 30 августа петроградские рабочие призвали начать ответный красный террор. Председатель городского совета Зиновьев поначалу отказался от этого, но после критики Ленина, призывавшего «поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюции, особенно в Питере», начались аресты. В первый же день террора было расстреляно 900 заложников.

[3] «Давний анахронизм — пополнение музеев произведениями современного искусства, по выбору музейного деятеля, должен быть уничтожен. Дело приобретения произведений современного искусства — исключительно компетенция художников», — записано в «Декларации Отдела ИЗО и художественной промышленности по вопросу о принципах музееведения, принятая коллегией отдела в заседании 7 февраля 1919 г.». Изобразительное искусство. № 1. Петербург, 1919. С. 89.

[4] Там же.

[5] Изобразительное искусство. № 1. Петербург, 1919. С. 70.

[6] Это была гипсовая скульптура в рост. В 1923 г. вместо неё установили гипсовый бюст Маркса работы того же Матвеева, который простоял тоже недолго — в 1926 г. его сняли и на его месте теперь памятник Ленину работы Козлова.

[7] Гиппиус Зинаида. Живые лица. Тбилиси, 1991. С. 363—364.

[8] Петроградская правда. 1920. 3 мая. № 439.

[9] Красная газета. 1920. 21 июля. № 159.

[10] Петроградская правда. 1920. 7 ноября. № 251.

[11] Там же.

[12] *Джордж Натаниэл Керзон (1859—1925)* — лорд, деятель консервативной партии Великобритании, в 1919—1924 гг. министр иностранных дел, один из организаторов интервенции против Советской России во время Гражданской войны. *Чарльз Эванс Юз* — в 1921—1924 гг. гос. секретарь США, выступал против СССР. *Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937).*

[13] *Александр Цанков (1879—1859)* — болгарский политический деятель, 9 июня 1923 г. организовал фашистский переворот, в 1923—1926 гг. глава фашистского правительства, запретил все демократические партии.

[14] Диев А.Д. Площадь Урицкого и путь демонстраций. Л., 1928.

[15] Ленинградская правда. 1927. 16 ноября. № 256.

Людмила Александровна ТУРНЕ (Демидова-Лопухина) возглавляет старейшее в Швеции независимое российское общество «Русский Салон». Она руководит им уже почти сорок лет, продолжая традиции просветительства и благотворительности, утверждая ценности русской культуры, помогая монастырям и детским домам, спасая памятники истории и культуры России. В своё время она окончила Школу-студию имени Щепкина, затем факультет иностранных языков Латвийского госуниверситета. Работала в Русском театре драмы в Риге, снималась в фильмах, была переводчицей и гидом. Переехав в Швецию, Людмила Александровна получила юридическое образование. Она является членом международной организации «Женщины в науке и образовании». Под её патронажем «Русский Салон» проводит в Стокгольме международные конференции. Одна из них была посвящена 300-летию Полтавской битвы. Её перу принадлежит повесть-раздумье «Nomen est omen» («Имя — это предзнаменование») о Софье Ковалевской. Л.А. Турне исследует не научную деятельность Ковалевской, а её нелёгкую женскую судьбу и трудную жизнь на чужбине. О себе Людмила Александровна говорит очень скупо: «Я глубоко люблю Россию. Стараюсь делать всё для неё, что в моих силах. Люблю русских людей, русское Православие и моих друзей».

Людмила ТУРНЕ

ИМЯ — ЭТО ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

NOMEN EST OMEN

Софья Васильевна Ковалевская известна большинству людей как математик, профессор, но не многим она известна как русская женщина. Точнее – как русская женщина за рубежом. И вот тут две личности её сталкиваются, хотя и находятся на колоссальном расстоянии друг от друга. Трудно себе представить, как велик контраст между этими личностями. Я не задаюсь целью дать характеристику Софье Ковалевской как математику. Ничего нового я тут не смогу прибавить. Кроме того, эта область ближе и понятнее учёным. Я же в этой сфере – дилетант. Но дилетант, гордящийся свой соотечественницей. Я хочу рассказать о Софье Ковалевской как о женщине. На её примере вы сможете представить себе жизнь образованной русской женщины за рубежом.

ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА

Сонечка Корвин-Крюковская родилась в Москве в 1850 году. Она была второй дочерью генерала Василия Крюковского. В семье было трое детей: старшая дочь — Анюта, на шесть лет младше её — Соня и брат Федя, который был младше Сони на три года. Когда Соне было восемь лет, отец решил выйти в отставку, чтобы быть ближе к детям. Он увёз семью в имение Палибино, что находилось недалеко от Великих Лук. Природа, свежий воздух, лес, покой и няня, которая необыкновенно любила детей, а особенно Сонечку, — всё это, казалось бы, способствовало нормальному росту и развитию детей в патриархальной семье. Здесь я должна добавить, что особенная любовь и привязанность няни к Соне была следствием пережитого. Когда жена генерала ожидала второго ребёнка, она надеялась, что будет мальчик. Когда родилась опять девочка, мать как бы отошла от неё, охладела материнским чувством. Няня очень близко к сердцу приняла безразличное отношение матери к новорожденной и взяла на себя всю заботу о девочке, горячо полюбив её. Об этом няня рассказывала своим подругам, когда, уложив детей спать, надеялась, что они уснули. Но Соня всё это слышала, и не раз. Она поняла, что мать её не любит, что для неё важны только Анюта и Федя. В Соне стала развиваться замкнутость и родилось чувство одиночества. Она ощущала отношение матери к себе... Но рядом была любящая няня. И няня была верным другом и защитником Сони. Дети учились в домашней школе. А вечерами могли присутствовать при взрослых гостях их родителей и слушать беседы на разные темы. Беседы были о любви, о поэзии, о математике: квадратура круга, асимптоты, к которым кривая приближается, но почему-то никогда их не достигает — всё это было Соне куда интересней, чем сказки. А тут ещё один случай, который решил всё. В Палибино при ремонте не хватило обоев на детскую комнату. Тогда решили обклеить её найденными на чердаке листами литографированных лекций математика Остроградского. И участь Сони была решена...

РОКОВОЙ ШАГ

В это время в России зарождалось сильное движение среди молодых интеллигентных женщин за свободу и умственное развитие. Резче всего оно было выражено среди девушек. Стремление к знанию и было главным в этом нигилистическом и отчасти политическом направлении. Сотни молодых представительниц лучших фамилий покидали свои семьи с надеждой уехать и заниматься наукой в заграничных университетах. А так как родители в большинстве случаев противились отъезду дочерей, то они прибегали к весьма чрезвычайной тактике: вступали в фиктивный брак. От подобного рода союзов, заключавшихся ради отвлечённой цели, нельзя было ожидать ничего положительного, но об этом тогда многие не задумывались. Такие союзы приобрели большую популярность. В кружок молодёжи, где была Анюта, она вовлекла и свою младшую сестру Соню, которой тогда исполнилось 17 лет.

Анюта и все её друзья-кружковцы были заражены энтузиазмом новых идей о свободе, равенстве, перемене государственной системы.

Софья Ковалевская

Соня, ещё совсем ребёнок, присутствовала на встречах друзей старшей сестры. А поскольку она росла фактически без внимания со стороны матери, то ей импонировало быть среди этих молодых людей, она ещё не понимала всей серьёзности и последствий её участия в кружке. Воздействовать на детский ум весьма легко, но Анюта об этом не задумывалась. Соня же, обожая свою сестру, целиком вовлеклась в идеи кружковцев. Ей понравилось быть взрослой. Она ловила каждое слово, и особенно слово своей сестры. Она верила в неё, верила в её талант и интеллект. Именно тогда у Сони начала вырабатываться зависть. Зависть к красоте сестры, к её обаянию. Это чувство сохранится у Софьи Ковалевской на всю жизнь.

...Соня росла, и её интеллект всё настойчивее давал о себе знать. Она любила учиться, и её амбиции в изучении различных предметов давали свои плоды. У неё, несомненно, был талант в математике, но отец считал, что девушке не следует заниматься этой наукой и, уж, конечно, не следует учиться за границей. И тут опять на помощь приходит старшая сестра Анюта. И хоть Анюта сама толком не знала о возможности обучения девушек за границей, но план выезда для сестры уже был готов.

План фиктивного брака должен был быть идеальным. Анюта выйдет замуж, а в поездке за границу её будет сопровождать Соня — они ведь были неразлучны! Оставалось лишь одно — найти подходящую кандидатуру на роль мужа. И он нашёлся — в лице студента Ковалевского. В кружке друзей Анюты он был посвящён в планы, но согласился жениться на Соне, которой в то время было только 17 лет! Но Анюте, которой было 23 года, по правилам того времени, надо было первой выйти замуж. Причины веские, и отец девочек дал решительный отказ на брак Сони. Семья вернулась в Палибино. Это было настоящей трагедией для сестёр. В Соне накапливались бунтарские чувства, и они поглотили её. Она решила оставить дом, родителей, чего бы это ни стоило! Она должна покинуть Россию и поехать учиться! Как-то вечером, когда её отец был в клубе, а мать готовилась, чтобы принять гостей на званый ужин, Соня, улучив момент, с помощью сестры Анюты тихонько выскользнула за дверь и ушла из дома. Она чувствовала себя героиней, она не задумывалась о том, что будет с родителями, с ней самой, ведь она уже взрослая и самостоятельная. С этими мыслями девушка дошла до дома, в дверь которого трижды постучала. Дверь отворилась, и ожидавший её человек быстро вовлёк гостью внутрь.

Детство прервалось. Перед Соней стоял молодой человек с огромной рыжей бородой и с огромным носом. Первое впечатление было отталкивающее. Но отступать было поздно.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ...

А тем временем в доме Крюковских шли приготовления к ужину. Генерал уже возвратился домой, и семья с гостями начала собираться вокруг стола. «Где Соня?» — спросил генерал. «Она вышла», — ответила Анюта. «Как вышла? С кем?» — «Одна, папа, для тебя записка у Сони в комнате». Лакей принёс записку. Генерал прочитал: «Папа, прости меня, я у Владимира и надеюсь, что ты не станешь больше препятствовать моему браку».

Удар был нанесён метко. Необдуманными детскими эгоистическими расчётами она не ощущала и не задумывалась о той боли, которой подвергла отца и мать. Генерал, молча прочитав записку, стремительно вышел из-за стола, извинившись перед гостями. Через десять минут он уже стоял перед дочерью в том доме, где она находилась.

Когда ужин в доме Крюковских подходил к концу, генерал с дочерью и Владимиром Ковалевским вошёл в столовую. «Позвольте мне представить мою дочь Соню и её жениха», — произнёс он не своим голосом.

В конце концов, родители простили Соню, и в 1868 году в Палибино была отпразднована свадьба. Соне было 18 лет, а выглядела она ещё моложе.

В 1869 году молодожёны уехали в Хайдельберг, где Соня начала заниматься математикой, а муж её — геологией. Отношения между ними были холодные и безразличные. После поездки в Англию, возвратившись в Хайдельберг, Владимир должен был на полгода уехать в Йену. Соня оставалась в Хайдельберге. Фиктивность их брака оправдала себя! По воспоминаниям одной её подруги, Соня, хоть и старалась выглядеть весёлой и здоровой, но в личных беседах уже не могла скрывать своего глубокого сожаления о том, что ощущает свою юность утраченной...

Чувство одиночества снова начало охватывать Соню, и она с головой ушла в математику. Отношения Софьи с Владимиром по возвращении его в Хайдельберг ещё более усугубились в связи с приездом к ним сестры Анны с подругой Инной, которые даже и не скрывали своего отрицательного отношения к Ковалевскому. Чем было вызвано их презрение, непонятно. Может быть, тем, что Анюта сама свела сестру с ним, хотя предполагалось

ранее, что она сама должна была выйти за Владимира замуж... Кто знает... Владимир, не выдержав обстановки, решил уехать в Мюнхен и Йену для своих собственных научных занятий.

Затем он не раз возвращался и вновь пара оказывалась под одной крышей — без любви, без Родины, в чуждом им обществе. И лишь занятия любимыми предметами заглушали боль и тоску по России, по родным, по русской речи, по исчезнувшей юности. Соня, совсем ребёнком увлёкшаяся благодаря своей сестре идеями равноправия женщин, мечтавшая о полной самостоятельности, абсолютно не зная жизни, но высказывающаяся о многих проблемах с удивительной самоуверенностью, совершенно теряется при первом же столкновении с действительностью.

Владимир Ковалевский был талантливым и трудолюбивым человеком. По выражению Софьи, «ему нужны были лишь книги да стакан чая». И это было правдой. Ему чужды были развлечения, и Соне это не нравилось. Я ещё раз напоминаю, что Соня фактически была ещё ребёнком с несозревшими эмоциями и чувствами. Она неоправданно и эгоистически ревновала мужа к его занятиям, — ведь ей хотелось в это время полноценной жизни со всеми её радостями, — всего того, от чего она добровольно отказалась ещё в России, так страстно желая быть взрослой. Она стала капризной, предъявляла мужу одно требование за другим, совершенно не считаясь с его потребностями и с его работой, давала ему разного рода поручения, которые раздражали его.

Когда много лет спустя Софья говорила о своей прошлой жизни, то часто повторяла, что её никто никогда не любил искренне. Она, добровольно отказавшись от юности, до конца своей жизни отличалась пристрастием к неестественным и обострённым отношениям.

Ей всегда хотелось обладать, ничего не отдавая самой. Я думаю, этим в значительной степени объясняются все трагические обстоятельства её жизни. Ведь мозг человеческий созревает лишь примерно к 25-ти годам!

Уже в ранней юности у Софьи были развиты те особенности характера, которые вошли в основу всех терзаний и мучений её дальнейшей жизни. Она не переносила неудач и часто теряла проницательность и ясность суждений. Она всегда требовала слишком много от того, кто её любил и всегда, как бы насильно, хотела взять то, что человек охотно бы дал ей сам, если бы она не старалась завладеть этим чересчур настойчиво. Она делала невозможною жизнь человека, который вступал с ней в близкие отношения.

Софья, как любая женщина, страстно мечтала о тихой, гармоничной жизни, полной любви и нежности, но, имея беспокойный нрав, дисгармоничная по своей натуре, не научившаяся любить, не умела создать это. Она, бросившись слепо, безрассудно во взрослую жизнь через ложь, и тем самым предав прежде всего себя, не созрев духовно и душевно, была обречена на личные несчастья.

В Хайдельберге Софья пробыла до 1870 года, то есть до своего 20-летия, а затем уехала в Берлин, к профессору Вайерштрассу для частных уроков, так как поняла, что и в Берлине девушек неохотно брали учиться.

Как проходила её учеба, чего она добилась в профессии и за что Софье Ковалевской была присуждена степень доктора философии, освободив её от экзамена и публичной защиты диссертации, — известно большинству из нас. Таким образом, если пушкинская Татьяна Ларина стала символом «равенства» мужчины и женщины в лирическом плане любви, то Софья Ковалевская стала символом «равенства» научного мышления между полами. Что само по себе революционно. Но мне кажется, отождествлять себя через профессию неверно. Отождествлять себя надо через то, кто ты есть сам — по своей сути. Все говорят о Софье Ковалевской как о великом математике, профессоре, но не говорят о ней как о девочке, женщине, матери. Эта часть её личности остаётся в стороне. Если об этом и говорится, то многое вуалируется. Думаю — что для создания идеала... Однако Софья не была идеалом.

Её личная — в том числе и супружеская — жизнь возбуждала в немецких кругах удивление, странные чувства и рождала разнообразные толки. Неестественность отношений с мужем у Софьи доходили до гротеска, и это тихо, но настойчиво обсуждалось в немецких кулуарах. Как-то случайно один из профессоров Хайдельберга встретил Софью с Владимиром на улице. Она вынуждена была представить его, но представила мужа как своего родственника... Об этом много ходило разговоров, а ей было всё равно. Софья всё чаще находилась в самом грустном расположении духа, ничто не радовало её, кроме своих занятий. Она была одна.

По несколько часов в день она могла предаваться напряжённейшей умственной работе, ни разу не вставая из-за стола... Она всё больше стала отличаться крайне нервным темпераментом. Действительность никогда не соответствовала тому, что Софья рисовала в своём воображении. Жизнь в Берлине была для неё безрадостной. Ковалевская жила крайностями! Она всегда доходила до крайностей и в работе. И вскоре почувствовала изнеможение, полный упадок сил. Мрачный колорит её жизни, разные духовные тяготы и ложность её супружества отражались на всей её деятельности.

Родители, которые часто навещали Ковалевских, вскоре поняли правду. Они, тем не менее, делали всё, пытаясь наладить отношения между Софьей и Владимиром. Но Софья сопротивлялась. Неестественность личных отношений, привычка существовать во лжи, боязнь скомпрометировать себя заставляли её вести изолированную жизнь. Впоследствии, осознав это, она так горячо и запоздало будет раскаиваться...

Софья оттолкнула от себя человека, который мог бы служить ей истинной опорой и утешением в её грустном положении в чужом мире.

Но всё-таки пришло то время, когда она осознала всю неестественность своих отношений с мужем и всё причиняемое ему горе, и тогда в ней вдруг возникла жажда нежности и привязанности. Она неожиданно увидела человека, который всегда был с ней рядом в самые тяжёлые моменты жизни! Эти чувства взяли верх и перевесили все остальные. Может быть, она, наконец, поняла, что нужна только ему одному. Может быть, она действительно повзрослела и поэтому решилась на истинное супружество.

ВОДОВОРОТ

Тот факт, что истинно просвещённые и свободомыслящие русские превосходят всех других европейцев многосторонностью, отсутствием предрассудков и широтой взглядов — признаётся многими. Кружки передовых

людей в России отличаются способностью на лету схватывать новые идеи, с неслыханной живостью соединяют энтузиазм, веру в свои идеалы. Такое не встречается ни у одной из других европейских наций.

В один из таких кружков вошла Софья Ковалевская. Прожив пять лет за границей, погружённая исключительно в научные занятия, не зная развлечений, она вдруг почувствовала страстную жажду наслаждений. В России Софья окунулась в водоворот светской жизни — с празднествами, театрами, приёмами, публичными лекциями, катанием на коньках, на санях. Она вступила в молодость, расцвела, получив всё, чего она была лишена за границей. В кружке, где она вращалась, были не только научные, но и литературные интересы. И Софья вступила в ряды литераторов. Она стала писать: статьи, стихи, театральные рецензии. У неё открылся талант и на литературном поприще. Напечатала роман «Приват-доцент». Муж её занимался переводами и изданием разного рода популярных сочинений научного характера. Жизнь, которую Софья начала вести, требовала больших расходов. И тогда у неё возникло желание заняться предпринимательством. Владимир был равнодушен к роскоши, но и он увлёкся этой идеей. Они начали строить в Петербурге многоэтажные дома, бани, оранжерею. В 1878 году у них родилась дочь. Вроде бы всё стало налаживаться... Но у Софьи уже начали возникать зловещие предчувствия. И они не обманули её...

Планы Ковалевских стали катастрофически рушиться. И теперь ей необходимо было поддерживать и утешать мужа. Владимир познакомился с искателем приключений, любителем махинаций, вовлёкся в опасные дела. Софья, со своей способностью распознавать людей, сразу же поняла отвратительность и бесчестность того человека и стала умолять мужа порвать с ним отношения. Но все её мольбы были напрасны и не услышаны во время. В 1880—1881 годах Владимир Ковалевский был назначен палеонтологом Московского университета, и семья переехала в Москву. Но Владимиру никак не удалось оторваться от начатых спекуляций, которые принимали фантастические размеры. Софья напрягала все силы, чтобы спасти мужа от приближающейся опасности. Однако партнёр Ковалевского не хотел отпускать его от себя и делал всё, чтобы отдалить Владимира от слишком проницательной жены. И разногласия, и раскол снова вошли в семью Ковалевских. Жить вместе с мужем, который больше не верит ей, видеть, как он идёт навстречу своей гибели и не быть в состоянии предотвратить трагедию — этого она не смогла вынести. Хоть и не любила Софья своего мужа настоящей страстной любовью, но она всё же свыклась с ним, начала было жить всеми его интересами. Но когда она увидела, что он отворачивается от неё и предпочитает третье лицо, искусственные нити, связывавшие их, порвались.

БЕГСТВО

Бросив дом, мужа и Родину, забрав дочь, Софья бежит за границу. И возвращается к научным занятиям. Искренне оплакивая короткие годы счастья, потерянную мечту жить в полной душевной гармонии, Ковалевская дрожала от мысли о полном одиночестве. Она пыталась утешить себя занятиями математикой и грезила, что напишет то, что принесёт ей известность. Она любила давать себе отчёт в каждой своей мысли, в каждом поступке и чувстве. Но часто поддавалась гипертрофированному стремлению идеализировать себя.

Она усиленно втискивала своё поведение в ментальность другой нации. А это повлекло за собой очень серьёзный душевный перекос.

Жизнь брала своё. И Софья брала своё — от жизни. Она легко знакомилась с мужчинами, чтобы не чувствовать себя выброшенной за борт. Не боялась скомпрометировать себя — ведь столько лет она жила товарищеской жизнью со своим мужем. Софья смотрела на это очень просто. Она ещё была связана брачными узами с мужем, переписывалась и в глубине души чувствовала привязанность к нему.

Владимир же Ковалевский, этот высокоталантливый человек, горячо преданный науке, никогда не чувствовавший потребность в роскоши, пал всё-таки жертвою денежных спекуляций. Известие о трагической гибели мужа поразило Софью. Она горько упрекала себя за то, что бросила его, вместо того, чтобы поддержать. С этих пор чувство неотвратимого покрыло всю её жизнь. Она состарилась на несколько лет.

В 1876 году, будучи в Петербурге, Софья встретила человека, оказавшего влияние на всю её дальнейшую судьбу.

Профессор Еста Миттаг-Леффлер — бывший ученик Вайерштрасса, был наслышан о русской математичке и желал с ней познакомиться. При встрече Софья произвела на него сильное впечатление, и у профессора зародился план.

В 1880 году он встретился с ней вновь. В это время как раз основывался университет в Стокгольме, в становлении которого профессор принимал самое горячее участие. Он решил основать в университете первую кафедру математики с профессором-женщиной и пригласил Софью на работу в Стокгольм.

МИКЕЛАНДЖЕЛО ДИАЛОГА

11 ноября Ковалевская прибывает из Петербурга в Стокгольм. Она останавливается в качестве гостьи у профессора. На следующий день Софья встречается с его сестрой Анн-Шарлотт, которая много слышала уже раньше о Софье, и потому их начавшаяся дружба была основана на благодатной почве. Анн-Шарлотт увлекалась писательской деятельностью и в первые же встречи, разговаривая о литературе, обе поняли, что они почти родственные души.

Их дружба длилась почти всю оставшуюся жизнь, но имела и свои парадоксы, как потом говорила сама Анн-Шарлотт. Уже с самого начала она увидела, как открыта и откровенна Софья. Подобная открытость — очень характерная черта русского человека — и сегодня вызывает двоякие чувства в Швеции и вообще за рубежом. Если с первого взгляда она нравится и поражает, то затем влечёт весьма нелестное мнение о человеке...

Начавшаяся жизнь в Стокгольме, городе и стране, которая должна была стать ей новой родиной, как она сама об этом мечтала, была превосходной. Софья стала центром удивления, экзотикой. Со всей её эксцентричностью она так не походила на шведов и на их стиль поведения. Её приглашали всюду, она была блестящей собеседницей. Возле неё всегда собирались слушатели. Она — Микеланджело разговора — с бурной энергией вела дискуссии на разные темы. Так, например, однажды она где-то

прочитала, что если бы человек, соответственно своему объёму, обладал такой же способностью прыгать, как некоторые насекомые, то он в состоянии был бы одним прыжком перенестись на Луну. И вот она начала со всей силой своего красноречия, на основании астрономических, физических и механических данных, доказывать, что задача будущего воспитания и культуры, которой она, между прочим, желает посвятить себя, заключается в том, чтобы развить в людях способность скакать, дать им таким образом возможность перепрыгнуть на другую планету, когда окажется невозможным жить больше на Земле. С помощью этого прыжка люди спасут и себя, и воспоминания о культуре, достигшей столь высокого развития на нашей планете.

И эту шутку она развивала с такой серьёзной миной, что комическое впечатление было неотразимо.

Однажды Софье попадась цитата: «Нужна гениальность для того, чтобы любить». Она долго старалась выяснить суть её и, поняв, воскликнула: «Нет, право невероятно, до какой степени могут быть глупы даже самые даровитые люди, когда дело идёт о любви. Многие рассуждают, пишут книги по этому поводу, а не понимают, что некоторые люди обладают гением в любви, подобно тому, как другие обладают гением в музыке или механике и что для этих гениев любви любовь обращается в жизненное дело, между тем, как для всех остальных она является только одним из эпизодов жизни. И обыкновенно бывает так — по теории Дарвина оно совершенно естественно, что гений любви влюбляется в идиота любви. Это именно и составляет одну из самых запутанных задач жизни. Но если существует область, в которой самая глупая женщина умнее самого умного мужчины, так это область любви. Когда мне было шесть лет и я полюбила первою любовью студента, посещавшего наш дом, полюбила его сильною, молчаливою любовью, о которой рассказывала только каменному льву, украшавшему сад моего дедушки, то я тогда уже больше смыслила в этом вопросе, чем все молодые люди».

Никто не любил прерывать Софью, когда она приходила в азарт. Столько было глубокомыслия, остроумия, юмора, лиризма, образности и яркости в её речах. Шведы, не понимавшие юмора, всё принимали за правду.

Она была и психологически проницательна. Она передавала свои впечатления в необыкновенно яркой, художественной и поэтической форме. Любила давать характеристику известным лицам. Вся её натура обладала нервозным импульсом, что со временем стало обременительным для спокойных и холодных шведов. Для обеспечения себе успеха — а для Софьи это было жизненно необходимо — она старалась везде обзаводиться друзьями. Она часто грешила слишком большой откровенностью и открытостью. Она пользовалась дружбой с Анн-Шарлотт, подавляла её своими идеями о написании тех или иных литературных произведений, настаивала на своём мнении и тем самым постоянно отвлекала Анн-Шарлотт от её работы.

Если анализировать такое болезненно-доминирующее поведение Софьи по отношению к единственной подруге, то тут, мне кажется, и начал проявляться тот признак пустоты, которая со временем разрастётся в её душе.

Влияние Софьи на Анн-Шарлотт, судя по письмам последней, — это «овладевание с первым правом» — стало так очевидно и мучительно, что Анн-Шарлотт начала скрывать от неё свои мысли. А вскоре и Софья, заметив это, стала скрывать свои чувства. Анн-Шарлотт Леффлер была близкой подругой Ковалевской, но в 1888 году она решила покинуть свою страну и уехать, дабы освободиться от подавляющего влияния Софьи.

Личность Ковалевской в Швеции была окружена таинственным ореолом. Её знали лишь по её работам, по её личному поведению и рассказам о ней. Сам профессор Миттаг-Леффлер говорил о ней, как о слишком впечатлительной натуре, которая управляется на сегодня данными обязанностями. В Стокгольме с ней обращаются как с передовым борцом за женские права. Она сама считает «своею священнейшею обязанностью поддерживать и развивать свой гений» — об этом она откровенно пишет в своём письме из России подруге в Стокгольм, когда вдруг почувствовала, что там, в России, с нею обращаются просто как с человеком, с женщиной. А ведь она уже привыкла к своему идеализированию и почти обожествлению. Тот факт, что Софья постоянно оставляла своего ребёнка в чужих руках, не проходил мимо русских женщин и в России, и за границей, генетически и традиционно любящих своих и чужих детей. Когда в России, представляя новым знакомым, её называли Сониной мамой, — это глубоко затрагивало её тщеславие, и она считала себя оскорблённой. Она открыто жаловалась на это Анн-Шарлотт, избалованная и привыкшая к идеализации своей персоны.

Однако, оставаясь на долгое время в России, она вновь обретала своё русское «я», и ей всё больше и больше нравилась безмятежность. Она никогда не чувствовала себя так хорошо, как в эти промежутки полного отдыха среди своих, как она говорила об этом сама. Но пришла пора ехать в Швецию. И снова она увозит с собой дочь.

...Литературная деятельность завладела всем существом Ковалевской. Она вовлекла Анн-Шарлотт в свои планы, а вернее, лишь в идеи, так как сама не написала ни одной строчки к драме «Как оно было» и «Как оно могло быть». В этот период она была очень счастлива и не могла думать о своей математической работе, срок подачи которой приближался. Совместная литературная работа с Софьей, которая постоянно хотела иметь контроль над всем, что писала Анн-Шарлотт, раздражала писательницу. В один прекрасный день она запретила Софье входить в её комнату. Софья молча, но болезненно приняла это.

В литературных драмах Анн-Шарлотт мы можем видеть Софью такой, какой она сама представляла себя, какой мечтала быть в том случае, если бы ей встретилось в действительности так страстно желаемое счастье.

Поездки Софьи в Россию давали ей передышки и стимулы к работе. Ей нужны были Родина, русский язык, окружение, но, потерявшая себя вдали от родного дома, не сблизившись толком ни с кем, она знала, что Анн-Шарлотт — единственная подруга, которая есть у неё сегодня...

Но, как уже сказано выше, дружба с Софьей стала тяготить Анн-Шарлотт. Неоправданные требования, контроль со стороны Софьи довели её единственного друга до изгнания. И после возвращения из Италии Анн-Шарлотт жизнь обеих очень изменилась. Подруги встретились совершенно другими людьми. Они больше не жили душа в душу.

При всей своей эгоистичной натуре Софья требовала таких чувств, какие в жизни встречаются весьма редко.

Мечтая о слиянии душ — характерное русское свойство, которое не существует на Западе, — она не смогла осуществить это ни в дружбе, ни в любви. Её любовь отличалась деспотичностью: все эти чувства должны были принадлежать ей и направляться только на неё. Свобода другой личности не интересовала её — всё обладание было только её.

С материнскими чувствами было то же самое. Она не умела любить и своего ребёнка, постоянно оставляя Соню в чужих руках, как в России, так и в Швеции, но требовала любви от дочери. Оказывая внимание и поддержку другим людям, она хотела, чтобы и ей в обязательном порядке отвечали тем же.

«Та слава, к которой она стремилась, была не из тех, которая считается достойной женщины в глазах мужчин», — читаем в одном из писем Анн-Шарлотт.

Когда Софья узнала о смерти сестры, её горю не было предела. Она горевала, что ей не удалось отдать последний долг любви несмотря на все жертвы, принесённые сестрой. Горькое чувство сожаления о несчастной судьбе когда-то столь блестящей Анюты засело в её сердце. Страдания Софьи ещё усугублялись из-за того, что она все несчастья близких и дорогих ей обращала в несчастье всего человечества. Со смертью сестры пришло и горькое сознание того, что исчезли последние связи с родительским домом, с детством. В ней возникла чрезвычайная нервозность, потерянность, которую она всеми силами пытается завуалировать. Она начинает с необычайной силой верить в сны, в видения, в предчувствия, в предзнаменования.

Она всегда знала заранее, какой год будет для неё несчастным, а какой счастливым. Она знала, что 1891 год должен был принести в её жизнь просветление. Просветлением оказалась смерть...

Но сейчас я на некоторое время вернусь к её литературному интересу.

Анн-Шарлотт принимала открыто всё, что говорила Софья, критические приёмы которой вытекали из её характера. Она была чрезвычайно субъективна в суждениях о литературе. Если мысли и взгляды автора соответствовали её собственным, то она самым активным образом признавала достоинство произведения. Но если взгляды расходились, то столь же активно уверяла, будто книга ничего не стоит.

СВОБОДНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Софья высказывала свободные взгляды на жизнь. Она никогда не признавала преград, которые воздвигались требованиями приличий. Борьба с чувствами и соображениями, её ненависть к условному и общепринятому объясняется её личным жизненным опытом, сознанием того, как часто приходилось поступаться своими мыслями и желаниями и авторитетом. Для неё ограничение заключалось в ней самой, в её характере, в её сильных антипатиях и симпатиях, которые проявлялись наперекор всякой логике.

Первое время Софья жила у Анн-Шарлотт, брала уроки шведского языка и горела амбицией как следует изучить его. Однако её способность к языкам имела свои пределы. Несмотря на быстрые результаты, которых она достигала при изучении всякого нового языка, она никогда не достигала совершенства ни в одном из них, а всегда останавливалась на известном пункте и дальше не шла. В то же время, начиная говорить на одном языке, она сразу же забывала тот, который изучала перед этим. Несмотря на то, что Софья прожила долгое время в Германии в самом юном возрасте, никак не смогла выучиться свободно говорить по-немецки. Но она говорила всегда очень быстро, всегда умела выразить то, что хотела, и придать своему разговору отпечаток своей индивидуальности, даже если не очень свободно владела языком. Научившись говорить по-шведски, Софья тотчас забыла немецкий. А, находясь какое-то время вне Швеции, по возвращении она почти не могла ничего сказать по-шведски. Язык подчинялся её настроению.

Возвращение в Швецию стало для Софьи началом разочарования в этой стране. Ей очень не хватало русского языка, на котором в северном королевстве никто не говорил. «Я не могу передать вам по-шведски самых тонких оттенков моих мыслей, я принуждена всегда или довольствоваться первым попавшимся мне на ум словом, или говорить обиняками, и поэтому всякий раз, когда возвращаюсь в Россию, мне кажется, что я вернулась из тюрьмы, где держали связанными взаперти мои лучшие мысли. О, вы не можете себе представить, какое это мучение быть принуждённым всегда говорить на чужом языке со своими близкими! Это всё равно, как если бы вас заставили ходить целый день с маскою на лице».

В апреле 1884 года Софья закончила курс своих лекций и уехала в Россию. Профессор Миттаг-Леффлер сделал всё, чтобы обеспечить Софье место профессора ещё на пять лет. При своём финансовом положении она не могла больше работать даром, как предполагала с самого начала. Но не только это влияло на её официальное положение. Главное было то, чтобы прорвать консервативное сопротивление против назначения женщины на пост профессора университета — всё то, о чём она бунтовала со своей сестрой в России...

1 июля 1884 года Миттаг-Леффлер сообщил Софье Ковалевской о назначении её профессором. По возвращении в Швецию она на несколько недель изолировала себя для окончания работы «Преломление света в кристалл».

УМСТВЕННЫЙ АРИСТОКРАТ

Теперь вся жизнь стала для Софьи как будто одним возбуждённым настроением. Она принимала участие во всём, что происходило в Стокгольме. У неё было желание иметь свой круг знакомств, подходящий для неё, удовлетворяющий её интеллектуальным интересам.

Саркастическая черта её характера, глубокое презрение, которое она питала к умственной посредственности, — сама она была умственным аристократом, — скрывались у неё по причине глубокого сочувствия ко всем жизненным столкновениям, ко всякой жизненной борьбе. Поэтому многие считали её простой и скромной, и нисколько не считавшей себя выше других женщин. Это было совершенно неверно. Откровенность, любезность, выказываемые ею, были только кажущимися. На самом деле она имела замкнутый характер, и мало было людей, которых она считала себе равными. Только гибкость, присущая ей, и желание нравиться обусловливали то отношение к ней, что мы называем симпатией.

Очень скоро жизнь в Стокгольме надоела ей. В том-то и заключалось её несчастье, что она никак не смогла сродниться с жизнью в Швеции, не смогла освоиться. Она нуждалась в новых впечатлениях и знакомствах,

требовала от жизни драм и утончённых умственных наслаждений...

Для того, чтобы производить нечто, она нуждалась в стимуле со стороны другого ума. Вследствие этого, вся её научная деятельность была ничем иным, как развитием идей учителя, а для своих литературных произведений она чувствовала потребность в обмене мыслями с другими людьми, занимавшимися литературной деятельностью, в частности Анн-Шарлотт.

И конечно, такой маленький город, как Стокгольм, не мог удовлетворить её. И как бы ни был велик успех, которым она пользовалась здесь, он не мог составить достаточного противовеса для глубоких страданий и огорчений, испытываемых ею.

ДОРОГА ИЗ МАЛЬМЁ В СТОКГОЛЬМ

Её фраза — «Дорога из Стокгольма в Мальмё кажется мне одной из самых прекрасных дорог на всём земном шаре, но дорога из Мальмё в Стокгольм — самая безобразная, длинная, скучная из всех, по каким мне когда-либо случалось проезжать» — оскорбляла её шведских друзей. В её душе царила глубокая меланхолия, несмотря на всю внешнюю весёлость.

Деструктивность её жизни за рубежом всё отчётливее проявлялась в контрастах и гротеске. Во времена своей ранней молодости она добровольно пренебрегала всеми обыкновенными удовольствиями, а теперь хотела вознаградить себя за потерянное. Она переходила от одного удовольствия к другому, встречая по-прежнему радушный приём и поклонение, что ей всегда нравилось. Но как она сама сказала, «подделаться под счастье, разыграть роль счастливого очень трудно».

И радость продолжалась недолго. В декабре Софья уже пребывает в сильном упадке духа — болезнь сестры сковала всё её существо. Ей пришлось на время оставить работу. И отношение к жизни в Стокгольме становится всё мрачнее. Вот что она пишет в одном из писем: «Я получила статью Стриндберга, в которой он доказывает так ясно, как дважды два четыре, насколько такое чудовищное явление, как женский профессор математики, вредно, бесполезно и неудобно. Я лично нахожу, что он, в сущности, прав; единственное, против чего я протестую, это то, что будто в Швеции находится такое множество математиков, стоящих несравненно выше меня, что меня пригласили единственно из любезности».

Она больше не находила ничего, что всецело наполняло бы её или интересовало бы в жизни общества, уже не была увлечена научной работой, лекции не доставляли ей удовольствия. Софья только и мечтала, как бы встретить человека, который мог бы сделаться её вторым «я». Убеждение, что она никогда не сможет встретить его в Швеции, способствовало возникновению у неё нелюбви к этой стране, куда она приехала с такими пылкими надеждами и ожиданиями. Софья по-прежнему хотела, чтобы ею восхищались, чтобы понимали, шли ей навстречу и поощряли при каждой новой мысли.

Ей удавалось всегда придумать множество примеров, доказывающих, какое сильное мучение представляет почти для всех глубоких натур чувство одиночества. Она не могла работать и потому доказывала, что работа сама по себе и в особенности научные занятия ничего не стоят, так как не могут ни доставить радости, ни вести человечество вперёд, что безумно тратить свою молодость на науку, что обладание способностями к ней — настоящее несчастье, особенно для женщин.

Уехав в Париж и пробыв там несколько недель в обществе Пуанкаре и других великих математиков, Софья, как и всегда, снова резко сменила настроение. Теперь она уже вновь думала о работе, о жизни в науке, — а всё остальное — это мир пустяшный.

Софья Ковалевская — такая богато одарённая женщина, но у неё было полное отсутствие любви к искусству... Прожив много лет в Париже, она ни разу не посетила Лувр. Её не интересовали ни картины, ни скульптуры, ни архитектура. Она, однако, очень любила природу. И Россию...

Когда Софья перевезла в Стокгольм свою дочь, которая всё это время жила в Москве, она обставила свою квартиру русской мебелью, стараясь создать свой маленький русский мир. Но Софья никак не могла свыкнуться с жизнью в Стокгольме и потому смотрела на своё пребывание там, как на что-то временное. Она часто уезжала в Россию к своей тогда ещё тяжело больной сестре и там много думала о тех чудных мечтах, надеждах, когда обе сестры вступали в жизнь, такие молодые, такие одарённые. Она принадлежала к поколению, которое хотело действовать, а не просто созерцать жизнь. Она говорила: «Мы все живём иллюзиями, умираем от иллюзий и только тогда можем назвать себя счастливыми, если и умираем с иллюзиями». Хотя жизнь обеих сестёр прошла бурно, богато на разного рода события, но в глубине сердца у обеих скрывалось горькое чувство сожаления о разбитых надеждах.

СБЫТЬСЯ НЕ СУЖДЕНО

Софья отказывалась от преданных друзей, отказывалась от настоящей любви, которой жаждала всем сердцем. Она подчинялась чувству фатализма, утрачивала свою волю и начинала всё больше приходить к выводу, что как бы ни велики были её желания, она не сможет уже переменить течение своей судьбы. В ней стало зарождаться равнодушие. И несмотря на её работы в литературе — тут и стихотворения, и повести, и очерки — ничто не могло вернуть её к наполненой жизни. Она становилась всё более замкнутой, лицо её практически всегда было мрачным. Она потеряла любовь к обществу и к друзьям.

Софья ходила в университет и читала лекции под влиянием чувства долга, без всякого интереса. Лишь литературная работа отвлекала её, а также мысли о жизни на чужбине в разлуке с Родиной, которую так любила, напоминание о России, юности, надеждах и мечтах, которым не суждено было сбыться.

Она часто говорила, что в православном вероисповедании, к которому всю жизнь она относилась с самым глубоким чувством, её больше всего привлекает сочувствие и сострадание.

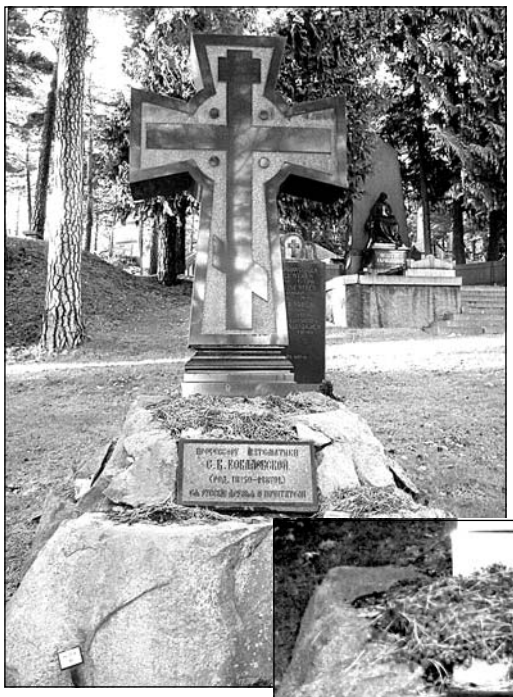
В беседах во время встреч с Анн-Шарлотт Софья беспрестанно говорила о себе, о жизни, о судьбе, анализировала, почему ей пришлось страдать, быть несчастной, почему её никто никогда не любил той истинной, цельной, исключительной любовью.

Софья слишком много думала только о себе, о своём «я». В ней самой не было той любви, которая забывает себя для другого. Она, обокрав саму себя, не научившись чувствам, любила мучить любимого человека анализом личных отношений. А измена — это финал душевного разлада, неосуществлённых надежд.

...Зависть точила всё её существо. Когда в обществе друзей Софья говорила о своей неудовлетворённости в жизни, о том, как охотно она променяла бы всю свою известность и научные победы на судьбу просто женщины, окружённой любящими её людьми, — ей уже никто не верил. Все думали, что она стремится такими высказываниями лишь удовлетворить своё честолюбие, и открыто смеялись над ней, считая, что это опять один из её парадоксов.

В одну из своих последних поездок в декабре 1890 года в Геную Софья вдруг решила встретить Новый год на кладбище. И там её охватило страшное предчувствие: «Один из нас не переживёт этого года, так как мы провели Новый год на кладбище»...

Через несколько недель она вернулась в Стокгольм. Это путешествие, последнее в её жизни, оказалось самым мучительным, самым неприятным и роковым. Она сидела в своём купе очень печальная и угасающая. Холодный морозный воздух был так тяжёл после солнечного сияния Средиземного моря! Она ехала в Стокгольм объездной дорогой из-за эпидемии в Копенгагене. Ей пришлось часто менять поезда в ту сырую и холодную погоду, и Софья простудилась. Лишь 4 февраля она приехала в Стокгольм. Эти шесть дней поездки отразились на её здоровье. Она чувствовала, что заболевает, но решила всё-таки выйти на работу и не пропустить лекций. Вечером 6 февраля, после лекций, она согласилась поужинать вместе с друзьями. Во время этого ужина она почувствовала сильный озноб. Софья вышла на улицу в надежде уехать домой. Она, непривычно одинокая, без того, кто мог бы позаботиться сейчас о ней, со смертельной тоской села не в тот дилижанс. Дома она нашла единственное утешение в том, чтобы, сидя в тишине, в одиночестве строить планы на новые сочинения, как в области математики, так и в области литературы, и мечтать о новых путешествиях. Мечтала в окружении... одиночества.



УТОПИЯ РУССКОЙ ДУШИ

Если раньше ей хотелось умереть, то теперь ей этого совсем не хотелось. Она всей душой стремилась вон из Стокгольма, из Швеции, считая время своё там изгнанием и живя лишь мечтой — как бы поскорее уехать на новое место. Софья добровольно выдернула свои корни из родного дома, так утопически уверенная, что найдёт себе новую родину, дом, семью... Не нашла. И винить в этом некого, кроме себя самой...

Утопия русского человека во взгляде на Зарубежье — страшная болезнь! Русский человек вянет, сохнет, теряет себя, живость души. Он лишь существует, а не живёт!

Софья смирилась со своей судьбой, уже не надеялась на идеальное счастье, высказывала ужас перед наказанием после смерти и страшилась той минуты, когда прекращается жизнь. Она часто цитировала слова Гамлета:

Окончить жизнь — уснуть,
Не более! И знать, что этот сон
Окончит грусть и тысячи ударов —
Удел живых. Такой конец достоин
Желаний жарких. Умереть? Уснуть?
Но если сон виденья посетят?
Что за мечты на смертный сон слетят,
Когда стряхнем мы суету земную?
Вот что дальнейший заграждает путь!
Вот отчего беда так долговечна!

Её болезнь носила тяжёлый характер, но с быстрым исходом. Утром 9 февраля за 20 часов до смерти она произнесла: «Я ни за что не выскочу из этой болезни». Вечером того же дня она сказала: «Мне кажется, что со мной должна произойти какая-то перемена».

А после этого Софья уже почти не могла говорить, её мучили сухой и частый кашель, лихорадка и недостаток дыхания, у неё был наследственный порок сердца. Она боялась оставаться одна. Стала кротка и терпелива. Доктора уверяли, что близкой опасности нет, но болезнь её будет продолжительна. Однако именно в эту ночь наступил решающий момент: в два часа у неё началась агония. Одинокая, покинутая всеми, в чужой стране, лишь в обществе сиделки, не способной говорить с ней на русском, она вынуждена была теперь вести последнюю тяжёлую борьбу, то ли пытаясь остаться в этой жизни, то ли прорываясь в мир иной.

Её могло бы, наверное, успокоить и утешить хоть немного присутствие православного священника, который бы прочитал над ней отходную на русском языке. Слова родной речи были бы так успокоительны, руки её могли бы держать крест, который она всегда любила, как символ человеческих страданий. Но ничего! Ничего!

Ни одного утешительного слова, никакой поддержки, ни одного прикосновения любви. В чужой стране, с чужим языком, с разбитым сердцем и рухнувшими надеждами — так окончила своё земное существование эта «огненная, мыслящая душа», эта русская женщина.

Жизнь не смогла доставить того счастья, к которому она так стремилась на Западе — ей недоставало органической, необходимой связи между её внутренним и внешним «я», между её мыслями и чувствами, её темпераментом и умом.

Софья Васильевна Ковалевская похоронена в Стокгольме. Русские женщины решили поставить памятник на её могиле. Я ни разу не замечала, чтобы кто-нибудь посещал её могилу. Родители моего мужа похоронены на этом же кладбище, поэтому я иногда подхожу к могиле Софьи Ковалевской и ставлю зажжённую свечку возле креста. Горька судьба... Исключительный талант в области науки и литературы, утончённый ум — Софья Ковалевская, наша русская женщина, Сонина мама...

Профессор Миттаг-Леффлер сказал о ней: «Натура чуткая до болезненности ко всякому диссонансу, всегда живущая в каком-то собственном, ею созданном мире, и способная впадать в промахи и ошибки при столкновении с действительностью».

Много можно искать объяснений, почему Софье не выпало то счастье, о котором она мечтала всю жизнь.

Я снимаю её с пьедестала, чтобы показать судьбу обычной и в то же время неординарной русской образованной женщины с её фатальными иллюзиями о «необыкновенном мире свободной жизни за рубежом», с её ошибками и заблуждениями, печалями, несмотря на её величие как учёного.

...В 2006 году, в связи с десятилетием принадлежности православного прихода в Стокгольме к Московской патриархии, столице Швеции находился архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний. Он посетил могилу Софьи Ковалевской и провёл литию за упокой её души. После стольких лет, наконец, прозвучала долгожданная русская речь православного священника!

Спи с миром! Хочется верить, что твоя душа, наконец-то, обрела покой.

Фритц ЛЕФФЛЕР

НА СМЕРТЬ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ

Душа из пламени и дум!
Пристал ли твой корабль воздушный
К стране, куда парил твой ум,
Призыву истины послушный?!
В тот звёздный мир так часто ты
На крыльях мысли улетала,
Когда, уйдя в свои мечты,
О мирозданье размышляла,
Когда в вечерней тишине,
В глубь неба взор твой погружался
И в тёмно-синей вышине
Кольцом Сатурна любовался.

В тех сферах — числа, функций ряд,
Иному следуя порядку,
Тебе, быть может, разрешат
Бессмертья вечную загадку...
Ты преломленья световых
Лучей на призме наблюдала.
Какими там ты видишь их —
У родника их и начала?

Со светлой звёздной высоты,
С участьем в просветлённом взоре
Ты смотришь в бездну темноты
На землю, на земное горе.
И здесь, порою, он видал
Как в этот мрак,
над всем парящий,
Лился, играя, сквозь кристалл,
Свет, от любви происходящий.

Душа из пламени и дум!
В часы надежд и просветленья
Одну любовь считал твой ум
Надежным якорем спасенья!
Прощай! Тебя мы свято чтим,
Твой прах в могиле оставляя,
Пусть шведская земля над ним
Лежит легко, не подавляя...
Прощай! Со славою твоей
Ты, навсегда расставшись с нами,
Жить будешь в памяти людей
С другими славными умами —
Покуда чудный звёздный свет
С небес на землю будет литься
И в сонме блещущих планет
Кольцо Сатурна не затмится!

Е.В. Барканова

Когда мы говорим о языке — в первую очередь мы говорим о средстве общения людей. Важно, что с помощью языка формируется культура любого общества, и как язык, так и культура находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие.

Русский язык принадлежит к наиболее распространённым языкам мира. По числу говорящих на нём он занимает третье место в мире (после китайского, английского языков). Основная масса говорящих на русском языке проживает в России и в других государствах бывшего СССР. Бесспорно, что употребление русского языка в международном общении, в бизнесе и промышленности, в СМИ русских диаспор, в мировых системах коммуникации накладывает отпечаток на его внутреннее состояние и развитие в самой России.

LiteraruS. Литературное слово

Литературой русского зарубежья принято называть ветвь русской литературы, возникшей после 1917 года и издававшейся вне СССР и России. Исследователи выделяют три волны русской эмигрантской литературы: первая — с 1918 года до начала Второй мировой войны — носила массовый характер; вторая возникла в конце Второй мировой войны, а третья — после хрущёвской «оттепели».

Оказавшиеся в изоляции от «старой эмиграции» представители третьей волны открывают свои издательства, создают альманахи и журналы.

На рубеже двух столетий, двух тысячелетий неизбежно происходят серьёзные изменения в мировом сообществе. Мы вошли во время перемен: меняются вкусы, содержание, формы, идёт поиск. Историко-культурный и литературный журнал «LiteraruS. Литературное слово», выходящий с 2003 года в Хельсинки, задуман как издание, в котором должны найти отголосок эти процессы.

Основная деятельность журнала направлена на сохранение русского языка и культуры в условиях внеязыковой среды, издание осуществляется при финансовой поддержке Министерства просвещения Финляндии, а с конца 2008—2009 гг. — Фонда «Русский мир». Журнал поддерживает связи с другими ветвями русской диаспоры и печатает авторов Скандинавии, Европы, Америки и других регионов планеты.

Как отмечает главный редактор издания: «Одна из целей журнала — дать возможность творческим людям печатать в Финляндии свои работы на русском языке: в нём сотрудничают все, кто может выразить себя по-русски. Примечательно, что и в начале XX века русские и финские писатели, поэты, художники, композиторы прекрасно и плодотворно работали вместе. Именно на стыке культур и рождается новое, оригинальное, значимое».

В то же время журнал знакомит своих читателей с финской культурой, театром, историей отношений между двумя странами, регулярно печатает переводы современных финских авторов.

За несколько лет сложились и стали постоянными рубрики: «Стихи», «Проза», «Наша история вчера и сегодня», «Литературные встречи», «Взгляд». Отрадно, что они по своему содержанию тесно перекликаются и несут ту же смысловую нагрузку, что и рубрики «Перо», «Архив», «Эхо», «Кафедра» и «Экслибрис» альманаха «Чело».

Журнал плодотворно сотрудничает с литературными журналами России. Так как объём журнала «LiteraruS» ограничен, в нём, как правило, публикуются статьи и литературные произведения тех российских авторов, кто пишет на так называемые «финские темы». Издание представляет свои страницы как известным деятелям культуры, литературы, науки, так и начинающим авторам.

Мы рады, что историко-краеведческий альманах НовГУ им. Ярослава Мудрого так же не остался в стороне, хотя, как известно, круг тем публикаций «Чела» в большей степени «привязан» к Новгороду, Новгородскому краю и его богатой истории. Во втором номере «Литературного слова» 2010 года вышла статья Людмилы Коль «В городе старинном, в городе славянском», посвящённая изданию Новгородского университета.

«LiteraruS. Литературное слово» является членом Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП) и участвует в её конгрессах. В 2007–2009 гг. журнал принимал самое активное участие в работе I, II и III Ассамблей Русского мира.

Ежегодно в марте «LiteraruS» проводит в Хельсинки международные семинары и конференции, на которые приглашаются известные исследователи, редакторы журналов, авторы. Цель таких мероприятий — популяризация литературы, знакомство с новыми авторами, продвижение молодых авторов, поднятие общего культурного уровня читателя. Так, в марте 2010 года в рамках международного семинара «Рекламные коммуникации и PR в истории и современном мире» в Русском кружке Хельсинкского университета состоялась наряду с представлением московского литературного журнала «Дети РА» и изданий факультета журналистики МГУ презентация «Чела».

Помимо основных выпусков, «LiteraruS. Литературное слово» печатает приложения: учебные материалы для изучающих русский язык и книги живущих в Финляндии постоянных авторов журнала.

В состав постоянного редакционного совета входят писатели, поэты, преподаватели университетов, переводчики. Издатель и главный редактор журнала Людмила Коль — прозаик, член Союза писателей Москвы, проживает с 1993 года в Финляндии. Родилась в Москве, по образованию филолог, преподавала русский язык как иностранный на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Художественные произведения за её авторством публиковались в российской и русской зарубежной периодике, издательствах «Геликон Плюс», «Алетейя», «Олимп», МГУ. В 2009 году Общероссийской Малой академией наук главный редактор журнала награждена медалью «За вклад в развитие образования России».

Ощутить радость чтения изданий на родном языке, реализовать свои литературные способности на страницах журнала «LiteraruS. Литературное слово» могут не только наши соотечественники, оказавшиеся за рубежом, но и россияне. Публикуемые переводы являются аутентичными и выполняются специально для журнала высококвалифицированными переводчиками. С конца 2008 года «LiteraruS» также выходит на финском языке, а с 2009 года — на шведском языке.

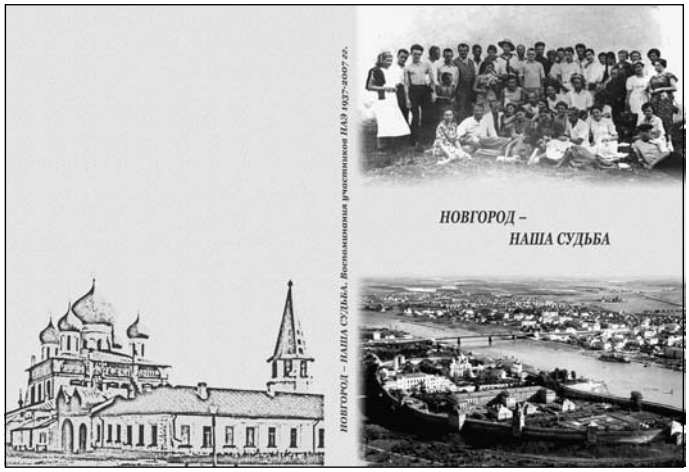
В России журнал есть в Российской Государственной библиотеке, библиотеке МГУ, библиотеке-фонде «Русское зарубежье», библиотеке Центрального дома литераторов (ЦДЛ); Российской Национальной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина; Национальной библиотеке Республики Карелия, библиотеке Петрозаводского Государственного университета.

EX LIBRIS

Е.А. Рыбина

Новгород — наша судьба. Воспоминания участников Новгородской археологической экспедиции 1937—2007 гг. — Великий Новгород, 2010. — 184 с.

Мысль о книге воспоминаний участников Новгородской археологической экспедиции (далее — НАЭ) возникла давно. Ещё при подготовке 70-летия НАЭ (в 2002 г.) П.Г. Гайдуков выступил с инициативой собрать воспоминания всех тех, кто «бывал в экспедиции». К сожалению, тогда эта идея не была реализована. Задолго до следующего, 75-летнего юбилея, я обратилась к участникам экспедиции с просьбой поделиться своими воспоминаниями, размышлениями, впечатлениями о работе на раскопках, о буднях и праздниках экспедиции. При этом не ограничивался ни объём, ни жанр будущих текстов. К сожалению, откликнулись немногие. Тем не менее, было решено опубликовать собранные воспоминания, добавив уже изданные статьи и рассказы мемуарного характера ветеранов НАЭ.



Сборник представляет собой «собранье пёстрых глав», состоящее из разного рода воспоминаний участников раскопок в Новгороде. Здесь и литературно оформленные, уже опубликованные, рассказы и воспоминания студентов 1930—1940-х годов (М.Г. Рабинович, Г.Б. Фёдоров, В.Д. Берестов, В.Л. Янин) и ещё неопубликованные воспоминания Н.Я. Мерперта, воевавшего под Новгородом в 1941 г. Здесь — дневник, который вёл во время практики юный П.Д. Малыгин, и короткие, написанные спустя много лет, странички о первой практике в Новгороде (А. Цыганкова (Бойман), Н.Л. Подвигина, Е.А. Рыбина, В.Л. Лапушнян, И.Л. Станкевич, Т.Д. Панова). Здесь — забавный эпизод из собственной практики руководства раскопом, мастерски рассказанный В.А. Буровым, и размышления об исторических судьбах Новгорода и его значения в истории Руси И.А. Бадаляна, руководившего археологической практикой уральских студентов в Новгороде.

Замечателен очерк зарубежного друга НАЭ Жана Бланкоффа, уже более сорока лет (!) ежегодно приезжающего в Новгород, который стал для него родным городом. Интересна заметка С.С. Соловьёвой об участии иностранных студентов в работе экспедиции. Пронзительна по настроению ностальгическая заметка А.Ф. Урьевой*, проработавшей в НАЭ 17 лет. Трогательны своей непосредственностью лирические воспоминания бывшей школьницы Г.Ю. Орловой (Бабицкой).

И, наконец, — впечатления, которыми поделились студенты Москвы и Петербурга, побывавшие на раскопках в Новгороде уже в 21-м веке (В.В. Новиков, В.В. Астанков, П.А. Юрьева, М.М. Мельников).

Размещённые в хронологическом порядке и прочитанные подряд, эти воспоминания, несмотря на их разностильность и отрывочность, удивительным образом отражают всю историю Новгородской экспедиции. В них, как в капле воды, сконцентрировано то главное, чем наполнены жизнь и деятельность новгородских археологов и что остаётся неизменным на протяжении десятилетий. Это энтузиазм в работе, неподдельный интерес к новгородской истории, любовь к городу, восхищение его памятниками и, конечно, непременный юмор, студенческие капустники и розыгрыши, экспедиционный фольклор, который передаётся из поколения в поколение.

Примечательно, что в большинстве случаев авторы воспоминаний рассказывают о своей первой (а для кого-то и единственной) экспедиции в Новгород, потому что первая экспедиция остаётся в памяти надолго, с ней связаны самые яркие воспоминания.

Интересны впечатления участников довоенных раскопок, побывавших спустя много лет на Неревском (М.Г. Рабинович) и Троицком (Г.Б. Фёдоров) раскопах. Обоих поразил масштаб работ, совершенно немыслимый в 30-е годы, и одновременно порадовало сохранение традиций, заложенных основателем экспедиции Артемием Владимировичем Арциховским.

Содержание выстроено в хронологическом порядке: от 30-х годов к нашему времени. Фотографии авторов воспоминаний и рассказов о НАЭ в большинстве своём соответствуют времени, о котором они рассказывают.

В конце сборника помещена репродукция картины «Житие НАЭ» (авторы Т.А. Арзамасова, О.В. Долгова), созданной в 1976 г. и бережно хранимой до сих пор. Репродукция сопровождается описанием как самой картины, так и всех изображённых на ней персонажей.

P.S. 16 ноября 2010 г. состоялась презентация этой книги на Новгородском семинаре, и многие из тех, кто работал в НАЭ, загорелись желанием тоже написать свои странички воспоминаний. Будем надеяться, что в недалёком будущем состоится второе, значительно расширенное и дополненное издание.

---

* См.: Урьева А.Ф. Новгород лечил мою душу // Чело [альманах Новгородского ун-та]. № 2 (42). 2008. С. 110—111.

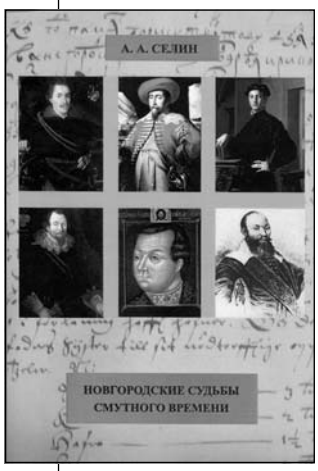
Н.И. Морылёва

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Юбилей города остался позади. И казалось, что бурная издательская деятельность, вызванная этим значительным событием, должна была бы иссякнуть или хотя бы поутихнуть. Но не тут-то было! Такое впечатление, что открылся неиссякаемый источник новых сведений о нашем городе. И публикуются всё новые научные исследования, открываются ранее не востребованные архивные материалы. Продолжается издание книг в серии «Новгородская историческая библиотека». Хочу напомнить, что эти издания выходят в рамках проекта «Великий Новгород в мировой отечественной культуре», осуществляемого по программе Министерства образования учебно-научным Центром изучения культуры Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого. Их прекрасное полиграфическое исполнение не просто привлекает внимание читателей яркой цветной суперобложкой, но и несёт важную визуальную информацию: знакомит нас с портретами людей, героев книг этой серии. Если их портреты не сохранились, представляет нам современников описываемых событий, с которыми герои книг действовали в одну эпоху и в одном пространстве. В моём обзоре будут представлены три книги, вышедшие в этой серии.

Селин А.А. **Новгородские судьбы смутного времени / А.А. Селин. — Великий Новгород, 2009. — 191 с.**

Кандидат исторических наук Адриан Александрович Селин отличается большой литературной плодовитостью: он автор более ста публикаций. И хотя в сфере его научных интересов находится Ладога, так как он является заместителем директора по научной работе Старо-ладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, но и истории нашего города он посвятил немало исследований. В его портфеле обширная монография «Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв.». Совсем недавно вышел в свет весомый труд «Новгородское общество эпохи Смуты». И вот новая встреча с новгородской темой.



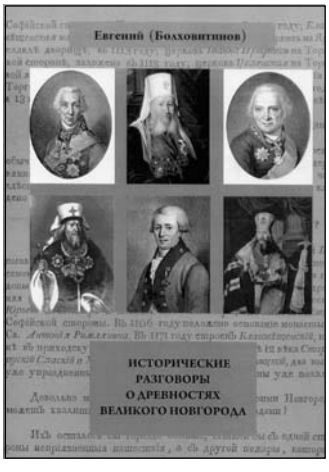
Исследование повседневной жизни — одно из направлений историографии нескольких последних десятилетий. Возможность реконструировать биографии отдельных людей создаёт иллюзию приближения к пониманию этики человека прошлого, его социального портрета, ценностей и приоритетов. Эпоха Смуты начала XVII в. — «кризисное» состояние новгородцев. Именно кризисные эпохи, полагает современная антропологическая мысль, наиболее подходят для исследования повседневной жизни, являясь своего рода «моментом истины» для узнавания людей прошлого.

В предлагаемой на суд читателя книге автор пытается проследить биографии людей, живших в Новгороде в Смуту. От воеводы и боярина князя Д.И. Мезецкого и дьяков М. Милославского, С. Лутохина, П. Григорьева до городовых детей боярских Угрима Лупандина и потомков послужильцев Хомутовых и Хорошевых. Рассматривая этапы служилых карьер и биографий с целью сравнить разные стартовые позиции людей живших и действующих в эти годы, автор понимает, что простой пересказ их биографий — неинтересен. Карьеры служилых людей, как правило, были похожи одна на другую. Селина прежде всего интересует то, что принято называть горизонтальными связями. В изучаемых биографиях он делает акцент на область личных аспектов, таких как брак, вдовство, дружба. А также рассматривает наиболее характерные и вместе с тем яркие судьбы новгородцев и случаи «особенных» удач, которых в эпоху политических и социальных потрясений начала XVII века было немало.

В приложении содержатся родословные росписи главных героев книги и воспроизведены их автографы, сохранившиеся в исторических документах.

Евгений (Болховитинов) **Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / Е.А. Болховитинов; сост. С.А. Коварская, Н.И. Морылева, Ю.А. Прокофьев и др.; вступ. ст. Л.А. Секретарь, А.А. Селин. — Великий Новгород, 2009. — 171 с.**

В 2008 г. исполнилось 200 лет со времени издания «Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода», автором которого был видный церковный деятель, историк, археограф и переводчик Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов — 1768—1837).



Можно сказать, что с его «Исторических разговоров...» начинается отечественная историография Новгородской земли.

Главным делом жизни Евгения стал «Словарь русских писателей», запечатлевший историю развития русской словесности с древнейших времён до конца XVIII века. Он также является автором историко-краеведческих исследований, посвящённых губерниям, где он возглавлял епархии (Воронеж, Новгород, Псков), и Киеву, где он прибывал с 1822 года, будучи митрополитом Галицким и Киевским.

Преосв. Евгений прибыл в Новгород в сане новгородского викарного епископа в 36-летнем возрасте, полный сил и желания работать. Несмотря на то, что здесь Евгений (Болховитинов) прожил всего четыре года (1804—1808), этот период в его творческой биографии оказался весьма плодотворным. Вступительная статья Л.А. Секретарь подробно знакомит читателей с новгородским периодом деятельности Болховитинова.

Новгород покорил Евгения великим историческим прошлым. Душа его оказалась «на месте» после суетного, холодного официального Петербурга, который он никогда не любил.

В Новгороде у него зародилась идея написать книгу о славном прошлом этого города. Он успел не только написать, но и издать свои «разговоры» в 1808 г. В письме В.И. Македонцу из Вологды Болховитинов так охарактеризовал сочинение: *«Посылаю книгу мою, для новгородцев написанную шутя в рябческих разговорах. Однако ж разговоры сии столько полюбились митрополиту, что он на свой счет их напечатал. Пусть новгородцы помятуют, что Евгений, бывший у них, не оставил без внимания их древнюю славу, которую и сами они забыли и почти ничего из нее не знают».*

В «Исторических разговорах о древностях Великого Новгорода» были затронуты вопросы политического устройства Новгородской республики, её отношений с Москвой. Эти вопросы вызывали больше всего споров, их толкование определялось общественно-политическими взглядами исследователей, обращавшихся в начале XIX века к истории Новгорода.

Книга Болховитинова интересна тем, что в ней отражены эти, часто противоположные, подходы к изучению истории Новгорода. Это стало возможным, поскольку «разговоры» построены в форме своеобразных диспутов между несколькими собеседниками, с характерными для этого жанра вопросами, восклицаниями, вводными словами и предложениями, выражающими несогласие, утверждение или сомнение. Евгений (Болховитинов) предложил вымышленным собеседникам и своим читателям три главные темы диспутов: о происхождении и устройстве древнего Новгорода, об истории новгородской церковной иерархии, об особенностях политического устройства и торговле как главной, по его мнению, причине возвышения средневекового города.

Основная часть книги сопровождается тремя приложениями: Описанием древних улиц 1623 г., Росписью церквей и монастырей 1615 г., Росписью селений в пятинах новгородских XVII в. с примечаниями и комментариями автора.

На форму изложения, в которой написана книга, повлияла, скорее всего, его работа в Воронежской и Новгородской семинариях. В семинарском обучении в этот период были распространены диспуты на заданные темы. Евгений любил эту форму обучения семинаристов. И его книга была впервые публично прочитана в Новгородской духовной семинарии.

Подобная форма изложения материала позволила автору просто и доступно ответить на сложные вопросы, касающиеся истории древнего Новгорода. О происхождении Новгорода, особенностях его политического устройства и территориально-административного деления, роли владык в республиканском управлении, характере торговых отношений с Ганзейским союзом, особенностях денежной системы и т.д. Некоторые из этих вопросов и в настоящее время ещё далеки от разрешения, например: *«А от какого именно города в отличие назван сей город Новым городом, неизвестно. Может быть, и без всякого отношения к другим городам дано сие название».* Естественно, что многие ответы кажутся при современном уровне знаний наивными или ошибочными: об основании Новгорода в VI в., о строительстве Владимиром Ярославичем в 1044 г. каменной крепости и т. д.

В поисках ответов на поставленные вопросы представляется очень важным привлечение Евгением первоисточников (летописей, архивных документов, описаний Новгорода иностранными путешественниками), а также сочинений российских историков.

В книге много верных наблюдений и мыслей, а также интересных исторических фактов, подтверждённых архивными источниками. Впервые Болховитинов даёт описание истории строительства крепостных сооружений древнего города, подробно объясняет его территориально-административное деление на пять концов.

Кроме факсимильного воспроизведения книги Болховитинова, в издание вошли публикации писем Евгения, где он делится впечатлениями и сообщает адресатам о событиях периода своего пребывания в Новгороде. Статья Л.А. Секретарь даёт представление об общем круге адресатов Болховитинова и знакомит читателей с его эпистолярным наследием в целом.

В приложении имеется «Роспись новгородских церквей 1615 г., архимандрита Киприана» и посвящённая этому документу статья А.А. Селина, а также составленный Н.И. Морылёвой обширный библиографический список печатных трудов Евгения (66 названий) и литературы о его жизни и деятельности (более ста названий).

Сейчас, в начале XXI века, отношение к истории нашего города по-прежнему неоднозначное. Для одних Новгородская республика является примером демократического пути развития, а для других — свидетельством нежизнеспособности российской демократии. Поэтому составители надеются, что переиздание книги Евгения (Болховитинова), ставшей библиографической редкостью, будет с интересом встречено не только специалистами, но и широким кругом читателей.

«Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / сост., вступит. ст., коммент. д.и.н., проф. Е.В. Анисимов. — Великий Новгород, 2009 — 231 с.

«Митрополит Иов, Пётр Великий и Новгород» так называется вступительная статья к изданию. Она обрисовывает деятельность одной из ключевых фигур церковной иерархии России XVII — начала XVIII веков, рассказывая о попытке Иова сделать Великий Новгород подлинным интеллектуальным духовным центром, противостоящим Москве.

Иов был опытным царедворцем. Публикуемые его письма к Петру, Екатерине, супругам Меньшиковым, другим сановникам — яркий тому пример. Он умел ладить с сильными мира сего и благодаря этому мог многого от них добиваться. Иов всегда поддерживал хорошие отношения с царём, он чуть ли не единственный из иерархов получал сообщения о победах. Это было сложно, ведь Пётр не любил «попов». Вся политика государства была

направлена на грубое вторжение светской власти в дела церковные и ставила Православную Церковь на грань выживания. Но при всей своей жестокости петровская политика всё же была цивилизаторской. Мечта о возвышении России зиждилась на идеях распространения культуры, народного просвещения, укоренения грамотности, образования. По мысли Петра, истинный сын Отечества — образованный, воспитанный, занятый полезным делом гражданин, законопослушный, высоконравственный подданный. Мораль, естественно, могла быть только христианской, и распространение веры, исправляющей дикую природу человека, позиционировалось как воспитание народа. Именно в этом Пётр видел главную миссию Церкви.

Иов выполнял весь тот круг обязанностей, которые на него налагал его сан, как человек активный, чуткий к общественному мнению, но всё-таки самой яркой стороной его деятельности в Новгороде стала просветительская деятельность, благодаря которой он оставил яркий след в русской культуре. Иов уловил общий просветительский ход мыслей Петра и первые его попытки организовать в Новгороде не просто церковную школу, а высшее учебное заведение на «греческих» началах, противопоставив его «латинской» Московской академии, относятся к 1702 году. К 1706 году Иов сумел добиться главного — разрешения царя на переезд в Новгород братьев Лихудов, людей образованнейших, олицетворяющих саму «греческую учёность» и открытия в Новгороде школы, куда было призвано более ста учеников. К сожалению, не воплотились в жизнь усилия Иова, направленные на организацию переводческой и книгопечатной деятельности на основе обращения к первоисточнику — Библии и другим священным книгам на греческом языке. Он не смог вывезти в Новгород типографию из Москвы, несмотря на усиленные просьбы к разным влиятельным лицам, так как Пётр не собирался превращать Новгород в центр духовности. Тем не менее, сам Пётр часто пользовался услугами окружения Иова. Император присылал для срочного перевода те книги, которые интересовали его лично. Школа Иова стала для Петра примером организации системы образования, и царь распространил этот опыт на другие губернии.

Публикуемая в сборнике переписка Иова, в которой его адресатами были как светские, так и духовные лица, позволяет представить в достаточно полном объёме масштабы личности и деятельности Новгородского митрополита. Тому подтверждение — публикация его духовного завещания, его указов и даже стихотворных опытов. Часть писем воспроизводится по разным изданиям XIX века, часть — по архивным источникам. К сожалению, основной массив переписки митрополита Иова, хранившийся в библиотеке Новгородского Софийского дома и попавший затем в Петербургскую духовную академию, безвозвратно исчез.

Две книги вышли из-под пера доцента НовГУ им. Ярослава Мудрого Геннадия Михайловича Коваленко, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН. Очень ценно, с точки зрения библиотекаря, что если одна из них является сугубо научным изданием, хотя и вполне доступным для широкого круга читателей, то вторая предоставляет возможность погрузиться в достаточно занимательное и популярное чтение. Сегодня многие учёные отказываются от популяризации своей науки, не пишут научно-популярные книги. А мы, библиотекари, видим, как на их место приходят исторические поделки, они занимательны, увлекательно и ярко написаны, но, увы, не имеют ничего общего с научными знаниями. Создание научно-популярных изданий — одна из необходимых составляющих для поддержания преемственности в науке, потому что первый интерес к своей будущей профессии зарождается у молодёжи именно с помощью таких изданий.

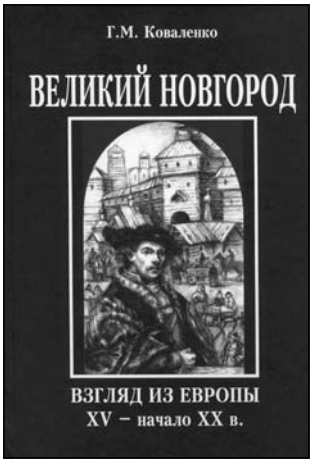
Коваленко Г. **Русские и шведы от Рюрика до Ленина: контакты и конфликты / Г. Коваленко. — М., 2010. — 256 с.**

Краткие популярные очерки по истории русско-шведских политических, экономических и культурных связей погружают нас в тысячелетнюю историю противостояния и взаимопроникновения, сотрудничества и соперничества, недоверия и интереса, которые сопровождали взаимоотношения наших стран с момента первых зафиксированных контактов и до настоящего времени. Взгляд на историю наших отношений через известные и легендарные, малоизвестные и забытые личности — вот характерный приём, с помощью которого Г.М. Коваленко знакомит нас с отдельными эпизодами российско-шведских исторических контактов.

Ярл Биргер и Александр Невский, Пётр I и Карл XII, Екатерина II и Густав III. Сочинения о России П. Петрея, Ё. Викселя, Э. Пальмквиста и труд Г. Котошихина о Московском государстве, написанный по заказу канцлера М. Делагарди в Швеции. Культурно-научные связи: Софья Ковалевская в Упсальском университете и скандинавский исследователь Тере Арне на XV Археологическом съезде в Новгороде. Военные столкновения и дипломатические контакты, торговые связи и коррупционные преступления, династические браки и скандалы в королевском семействе. Толмачи, шпионы и перебежчики; попытки ввести «шведскую экономическую модель» во времена Петра I и Б. Ельцина. Осознание шведами поражения под Полтавой как первого шага к государству всеобщего благополучия. Вот та лишь малая толика многовекторных, многовековых контактов наших государств, оказавших влияние на различные аспекты наших национальных историй, которые предстают перед взглядом вдумчивого читателя после знакомства с очерками по истории из книги Г.М. Коваленко.

Коваленко Г.М. **Великий Новгород. Взгляд из Европы: XV — начало XX в. / Г.М. Коваленко. — СПб.: Изд-во «Европейский дом». — 2010. — 456 с.: илл.**

Эта книга своего рода итоговый труд многолетних усилий автора издания, специалиста по русской истории XVII—XVIII веков и русско-скандинавским отношениям, давно занимающегося выявлением и исследованием комплекса сведений о Великом Новгороде в памятниках европейской письменности. Хочется отметить отличный уровень полиграфии, замечательные иллюстрации и прекрасный справочно-библиографический аппарат, которые делают встречу с таким изданием для настоящего любителя книг истинным праздником.



Издание объединило под одной обложкой систематизированный свод описаний Великого Новгорода и непосредственно сами тексты, на основе которых этот свод был составлен. Многие из них переведены на русский язык впервые. Следует заметить, что отдельных сочинений, посвящённых исключительно Новгороду, не существует. Все тексты вычленены из писем, дневников, воспоминаний, путевых заметок, историко-публицистических трудов дипломатов, купцов, путешественников, литераторов, военных, врачей, авантюристов, самых разных национальностей, которые в ходе своего пребывания в России посетили и Новгород. Тексты расположены в хронологическом порядке, в приложении представлены несколько свидетельств иностранных граждан, побывавших в Новгороде в 30-х и 50-х годах XX столетия. Впечатления 99 путешественников, которые в течение пяти веков посещали наш город, легли в основу этой книги. Первый из них — фландрский рыцарь Жильбер де Лануа, побывал в нашем городе в 1413 году, а последний — жена посла Великобритании Мэри Келли, увидела Новгород в 1950 году. Биографические справки на всех авторов, комментарии к текстам их свидетельств, сохранившиеся портреты, а также виды и карты нашего города на протяжении столетий сопровождают этот раздел издания.

В Европе XV — начала XVIII века о нашем городе знали больше, чем о многих других городах. Происходило это благодаря его пограничному расположению, нахождению на пересечении торговых путей и постоянному участию в разнообразных европейских контактах. Для европейца XIX—XX вв. Великий Новгород был частью национального символа и национального мифа, а также поэтическим образом России. Именно в этом качестве он и сегодня привлекает туристов и учёных, бизнесменов и политиков.

Систематизированный свод описания Великого Новгорода, отражающий его культуру и историю в контексте европейской истории, состоит из пяти глав, в которых последовательно век за веком рассматривается эволюция восприятия авторами текстов истории нашего города. В XV веке Новгород зафиксирован «таким, каким он был в лучшее время своей жизни». В XVI веке иностранцы видят его «как рынок целой империи», описывают его «богатейшим и знаменитейшим». Тогда же возникает тема противостояния с Москвой, где иностранный наблюдатель принимает сторону Новгорода. В XVII веке, по-прежнему оставаясь в сознании европейца «поныне славным торговлей и богатством», образ его начинает трансформироваться, превращаясь к XVIII и особенно к XIX веку, лишь в «тень великого имени», которая, тем не менее, привлекает внимание европейских либералов как яркий пример противостояния республиканского и самодержавного правления. Осколки этого культурно-исторического мифа: Новгород — антипод самодержавия, некоторые иностранные авторы пытаются разглядеть и в провинциальном центре Российской империи. На рубеже XIX—XX веков мемуаристов начинает интересовать не только славная история Новгорода, но и его культура, памятники искусства, система образования, праздничное и будничное времяпрепровождение горожан.

Нередко иностранные наблюдатели являют нам чересчур тенденциозный, предвзятый образ России, воспринимая её как экзотическую, слишком отличную от европейских культурных традиций или политически опасную страну. Незнакомый или плохо знакомый с историей страны, не владеющий языком, столкнувшийся с чуждыми ему явлениями русской жизни иностранец часто не мог беспристрастно оценить их и описать. Но как бы то ни было, весь комплекс этих свидетельств, собранных воедино, позволяет увидеть Новгород разных веков глазами очевидцев, представить повседневную жизнь русского города, русского человека, увидеть некоторые детали обыденной жизни глазами стороннего наблюдателя, обращающего внимание на то, что выпадает из поля зрения местного жителя. А самое главное, понять: как, из каких деталей складывался образ России на Западе на протяжении многих веков и какие пути преодоления существующих негативных стереотипов возможны. Ведь имидж страны по-прежнему, как и в прошлые века, влияет на принятие политических, экономических решений правительствами других стран. При личном общении представителей разных культур, что ныне становится благодаря глобализации повсеместным явлением, созданные веками негативные образы «другого», оказывают отрицательное воздействие на налаживание тесных контактов и взаимодействий.

Хорошие дни: памяти Александра Степановича Хорошева / сост., авт. вступит. ст. А.Е. Мусин — М., 2009. — 618 с.: илл.; фот.

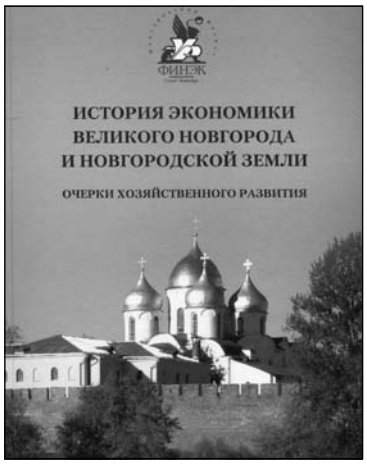
В Новгород историк и археолог А.С. Хорошев (1941—2007) приехал в 1961 году, ещё будучи студентом исторического факультета МГУ, и остался навсегда. Диплом на тему «Топография Великого Новгорода» был написан под руководством В.Л. Янина. И хотя после института он распределяется в Главное управление геодезии и картографии, но «копать» не перестаёт и с 1966 года становится постоянным сотрудником НАЭ. Ему «везло» на раскопы: Аркажа, Буянный, Тихвинский, Михайловский, Людогощинский, Козмодемьянский, Троицкий... «Деревянный век» русской истории и археологическое дерево новгородского «мокрого культурного слоя» — плотницкие работы средневековья — стали его главными жизненными увлечениями. Из его интереса к системе усадебной застройки и землевладения вырос альтернативный взгляд на социальную структуру городской общины. Он не только

работает на слое, но и публикует материалы раскопов, подводит итоги, делает обобщения. Как главе Центра по организации и обеспечению археологических исследований при Новгородском музее (с 1992) экспедиция обязана ему очень многим. Составитель сборника и автор предисловия А.Е. Мусин пишет: *«С уходом Хорошева в нашей жизни, истории отечественной археологии и бытии новгородской экспедиции закончилась ЭПОХА, в которую нам всем не суждено воротиться... Он сам был ЭКСПЕДИЦИЯ в её хорошие дни...»*. Его научная и преподавательская деятельность на протяжении всей жизни была связана с кафедрой археологии МГУ. Основной его научной темой, по которой Хорошев защищал и кандидатскую, и докторскую диссертации, была «История Новгородской церкви XI—XV вв.». В рамках работы по этой теме он изучает вопросы канонизации новгородских святых, исследует Софийский культ. Кроме того, в круг его интересов входили вопросы историографии Новгородской истории, а внутри этой темы происхождение Новгорода, формирование и реализация «великокняжеских программ» покорения Новгорода, история Новгорода в творчестве декабристов.

Эта объёмная книга, изданная Институтом истории материальной культуры РАН, НГОМЗ, Государственным историческим музеем, — дань памяти ХОРОШЕМУ человеку, настоящему, не показному любителю новгородских древностей. Наряду с неизданными статьями А.С. Хорошева, многостраничной библиографией его трудов, биографией в фотографиях, здесь вы найдёте большой раздел, куда вошли статьи его учеников, коллег, друзей, так или иначе связанных с эпохой многолетнего исторического и археологического исследования и изучения Новгорода. Эпохой, в которой одной из знаковых и деятельных фигур был Александр Степанович Хорошев.

История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли: очерки хозяйственного развития / под общ. ред. губернатора Новг. обл. д.э.н. С.Г. Митина. — Великий Новгород, 2009. — 312 с.

Коллективный труд новгородских учёных посвящённый экономической истории XI—XXI вв., открывается главой, рассказывающей о хозяйстве (земледелие и животноводство) и промыслах (охота, рыболовство, бортничество), существовавших у населения Приильменья в конце I — начале II тысячелетия. Отдельные главы посвящены крестьянским хозяйствам в XIV—XV вв., торговле и ремёслам Великого Новгорода в X—XV вв., предпринимательству и экономике Новгорода с XVI по XVIII столетия. Рассматривается хозяйственная, культурная и бытовая жизнь новгородского крестьянства в дореформенное и послереформенное время, основные крестьянские промыслы. А так же то влияние, которое оказали на развитие сельского хозяйства Новгородской губернии реформы П.А. Столыпина и 1861 года. В период с XIX по начало XX в. даётся картина развития промышленности и освещается деятельность предпринимателей и купечества Новгородской земли. Банки, кредитные учреждения — городские и сельские; крестьянские, дворянские и земские; общественные и кооперативные. Работе всего этого многообразия кредитных учреждений в Новгородской губернии посвящена отдельная глава. Не остался без внимания и краткий период нэпа на Новгородчине.



Предоставив исчерпывающую информацию об истории и традициях развития новгородской экономики и предпринимательства, авторы издания рассказывают и о современной социально-экономической ситуации, дают сведения о нашем регионе, представляют систему поддержки и развития малого бизнеса, делающую первые шаги, и намечают перспективы дальнейшего развития Новгородской области.

Три появившиеся почти одновременно книги посвящены одной теме. Они рассматривают различные аспекты традиционной русской культуры, интерес к которой высок, особенно сейчас, когда мы заняты поисками национальной самоидентификации. Характерной её чертой является ярко выраженная региональность. Существуя в русле общерусской национальной традиции, она, тем не менее, отличается высокой вариативностью и неповторимостью в рамках отдельных локальных территорий. Пристальное внимание к новгородской традиционной культуре связано с интересом к прошлому Великого Новгорода как коренной русской территории, не затронутой татаро-монгольским нашествием и сохранившей таким образом пласты культуры, восходящие к общеславянским корням.

Васильев М.И. **Новгородский традиционный костюм: [альбом] / М.И. Васильев, С.Л. Васильева. — СПб.: «Искусство—СПб». — 2009. — 352 с.: илл.**

Новгородский традиционный костюм XIX — начала XX века — яркое и самобытное явление, в котором нашло своё выражение мировосприятие и мастерство жителей нашего региона, отразился материальный и духовный мир прошлых поколений. Фотографии экспонатов Российского этнографического музея, Новгородского государственного музея-заповедника, Устюженского краеведческого музея и других собраний (всего 411 иллюстраций) познакомят вас с женскими, мужскими, детскими ансамблями традиционных костюмов, с верхней одеждой, обувью,

богатством и разнообразием праздничного костюма, практичностью повседневной и рабочей одежды.

Армяк, шугай, оборы, поршни. Эти слова порой остаются полной загадкой для современного человека. Обширная вступительная статья познакомит читателей с назначением всех этих предметов одежды, даст представление о составных частях и типах традиционного костюма, истории его бытования, методах раскроя, приёмах украшения, познакомит даже с крестьянской косметикой. Словом, поможет воссоздать тот целостный и правдивый исторический образ, который был характерен для традиционной одежды новгородских крестьян. Именно в такой одежде отправлялась на посиделки новгородская крестьянская молодёжь, когда заканчивалась пора сбора урожая, и до следующей весны прекращались земледельческие работы.

Бердяева О.С. **Посиделки: супрядки и вечера: традиции сельского молодежного отдыха Новгородской области в первой половине XX века: по материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета: научное издание / О.С. Бердяева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — 2009. — 173 с.**

Завершалась работа с землёй. Начиналось «бабье лето», пора женских сельских работ. Женщины начинали мять и трепать пеньку, мыть её и стелить лён, прясть в избах при огне. Причём работали не каждый у себя дома, а ежевечерне собирались вместе в одной избе. На женские работы приходили парни, чтобы помочь прежде всего молодкам и девушкам. В первые посиделочные дни угощали кушаньями и пивом. Ну а работы сопровождалась целым посиделочным «действом», наполненным песнями, играми, плясками, магическими обрядами, которые несли в себе глубокий, ритуальный смысл и представляли неразрывное единое целое.

В посиделочных сценариях воплотились древнейшие обряды, направленные на сохранение целостности жизни и мира, на то, чтобы не нарушилась связь вещей и явлений со сменой временных периодов, с началом нового лета (т.е. года): ведь новый год праздновался в допетровской России в сентябре. В них просматривалась чёткая ориентация на исполнение одного из важнейших ритуалов круга человеческой жизни, направленного в конечном счёте на продолжение человеческого рода, а значит, и самой жизни. Поэтому деревенские посиделки — это не просто воплощение желания молодёжи весело и празднично проводить время, а и практические шаги в подборе своей пары и реализации брачных упований.

В книге проведён анализ фольклорного архива НовГУ им. Ярослава Мудрого за 1968—2008 годы. Последовательное рассмотрение записей дало возможность автору издания Ольге Сергеевне Бердяевой, профессору НовГУ, руководителю учебно-научной лаборатории фольклора Гуманитарного института, подробно описать сценарии посиделок, разобраться в их эстетическом своеобразии, понять функциональные особенности обряда, связанные с предсвадебными ритуалами, вычленить наиболее древние черты, высветить некоторые особенности этики эпохи.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что всё, что зафиксировано в этом издании, не просто воспоминание об ушедших из повседневного обихода обрядах традиционной культуры, а живое древо народной словесности. Источник, черпая из которого, студенческий фольклорно-этнографический коллектив «Купина» (руководитель И.П. Фарафонова) достоверно воссоздаёт произведения фольклора и традиционные, в том числе посиделочные, крестьянские обряды Новгородской земли.

Васильев М.И. **Новгородские ярмарки: XIX — первая треть XX века / М.И. Васильев; НовГУ им Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2009. — 147 с.: илл., карт.**

Издание осуществлено в рамках проекта «Великий Новгород в мировой отечественной культуре» учебно-научного Центра изучения культуры Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого по программе Министерства образования.

Ещё в начале XX века ярмарка была привычным атрибутом жизни многих российских городов и деревень. Поступательное развитие цивилизации бесповоротно решило участь традиционных ярмарок. Но почему мы не радуемся таким плодам цивилизации? Почему мы вздыхаем по утраченному? Ведь ярмарка была не только особой формой торговой деятельности. Она являлась частью общественной и культурной жизни, которая сохраняет ценность и в сегодняшние дни.

Ярмарка как важный экономический и культурный институт российского общества создавала праздничный настрой, утверждала жизнелюбие, задор, наполняла радостью и весельем и надолго сохранялась в памяти участников.

Большинство существующих исследований касается экономической стороны общероссийских ярмарок, совершенно упуская из виду культурное содержание этого сложного явления, а также не затрагивают региональную ярмарочную сеть. Неизученными остаются причины популярности или непопулярности тех или иных ярмарок в регионе, причины слияния экономических и культурных факторов ярмарки, специфика структур малых, средних и крупных ярмарок, особенности взаимоотношений городских и сельских ярмарок и др.

Автор исследования Михаил Иванович Васильев считает, что вопрос о ярмарке получает сейчас не только историческое, но и современное, актуальное звучание. Материалы по ярмарочным гуляниям ценны не только как исторический источник, дающий нам более правильное понимание культурных процессов, происходивших в старой России. Они необходимы сегодня для создания полнокровной современной праздничной обрядности, обогащающей сегодняшний досуг.

В связи с этим целью данного издания становится не только знакомство с исторической картиной ярмарок

XIX — первой трети XX вв. в нашей губернии, но и изучение вопроса о возможности их возрождения в сегодняшней жизни Новгородской области.

Интересно, что источниками, дающими общую картину ярмарок в Новгородской губернии*, являются не только архивные материалы, статистические и справочные сведения и публикации, в том числе и из периодической печати, но и интервью со старожилами г. Старая Русса, п. Крестцы и ряда сельских населённых пунктов бывшей Новгородской губернии, собранные автором. Они позволяют достаточно полно представить как экономический, так и культурологический аспекты, сообщая об увеселительной, «культурной» части новгородских ярмарок в 1900—1920-х годах.

В книге рассматривается история возникновения и анализируется численность новгородских ярмарок в разные периоды их более чем столетнего существования. Рассматриваются экономические параметры и организационные аспекты проведения ярмарок. Раскрываются основные структурные части ярмарок, ход их проведения и социокультурные аспекты ярмарочной деятельности.

В заключении автором предложена модель использования культурного потенциала ярмарок в современной праздничной обрядности.

Приложение состоит из шести списков новгородских ярмарок различных хронологических периодов, включающих в себя отдельные статистические данные, карты Новгородской губернии и фотографии рыночных, базарных площадей, гостиных дворов городов нашего региона, на которых и происходила ярмарочная торговля в XIX — начале XX века.

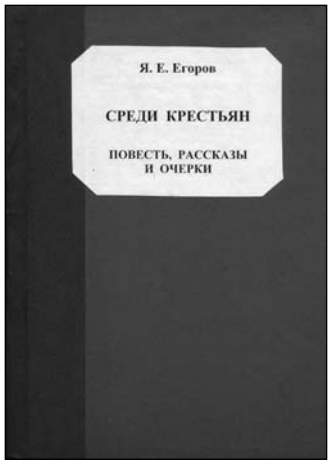
Мы, казалось, уже забыли, что такое «самиздатовская» литература, но два полноценных издания, выпущенные именно таким способом учебно-научным Центром изучения культуры Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого, достойны того, чтобы представить их читающей публике. Обе книги созданы усилиями Веры Ивановны Ромашовой, доцента исторического факультета, долгие годы преподававшей в НГПИ и НовГУ, а сейчас уже, к сожалению, ушедшей из жизни. Чтобы не пропали и не канули в лету плоды её творческих усилий, появились на свет эти два издания.

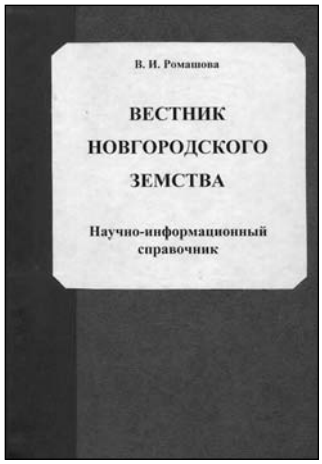
Егоров Я.Е. **Среди крестьян: повесть, рассказы и очерки / сост., предисл., коммент., В.И. Ромашова — Великий Новгород, 2001. — 454 с.**

Ромашова В.И. **Вестник Новгородского земства: научно-информационный справочник. — Великий Новгород, 2009. — 454 с.**

Первая книга вышла в двух экземплярах и включила в себя прозу, ранее известного, в основном как поэта, Якова Егоровича Егорова (1857—1902), происходившего из крестьян деревни Кривина Новгородского уезда и учительствовавшего на новгородской родине после окончания учительской семинарии. Его произведения дают прекрасную возможность пополнить и расширить наши познания о новгородской деревне, погрузиться в богатый, интереснейший, живой материал, рисующий быт, обычаи, традиции жизни новгородского крестьянина-труженика**. Один из экземпляров книги находится в Научной библиотеке, другой — в Центре изучения культуры.

Здесь же можно найти выпущенное в одном экземпляре, уникальное справочно-библиографическое издание, позволяющее любому человеку — от учёного до школьника — познакомиться с исчерпывающим репертуаром публикаций на страницах журнала «Вестник Новгородского





земства» с июля 1899 года по 1906 год включительно.

Уже почти сто лет «Вестник Новгородского земства» не выходит в свет, однако материалы, публиковавшиеся на его страницах, сохранили своё значение и являются живыми источниками для изучения деятельности земства, для понимания исторических условий, в которых приходилось действовать первому в России выборному представительному органу местного самоуправления. Хотя «Вестник» и являлся органом Новгородского земства, но на его страницах публиковался богатый материал о жизни, опыте и деятельности земств других российских губерний. Он сохранил для нас уникальные законодательные акты, донёс звучание голосов новгородских крестьян и земских работников. А сколько на его страницах живого, яркого, конкретного материала о народном образовании, культуре, земской медицине, хозяйственной деятельности, об общественных и благотворительных организациях!

Желание донести всё это богатство о жизни и деятельности наших предков до современного читателя и побудило В.И. Ромашову к созданию научно-информационного справочника, в который вошли предметно-тематический, предметный, географический и именной указатели к публикациям в журнале «Вестник Новгородского земства».

---

* См.: Васильев М.И. Новгородские ярмарки // Чело [альманах Новгородского ун-та]. № 2 (42). 2008. С. 36—43.

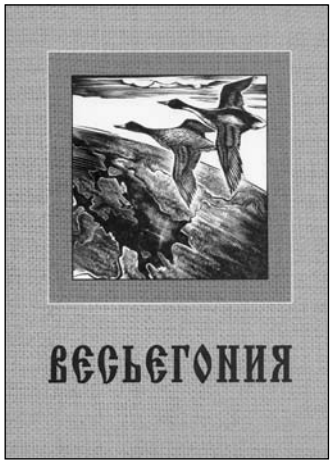
** См.: Егоров Я.Е. Отец Матвей // Чело [альманах Новгородского ун-та]. № 1 (46). 2010. С. 103.

Н.В. Башнин

КОСМОГОНИЯ ВЕСЬЕГОНСКОГО КРАЯ

Ларин Г.А. Весьегония: словарь-справочник. — М.: «Ключ-С», 2010 — 451 с.

Словарь-справочник «Весьегония» — результат кропотливой и многолетней работы автора. С нашей точки зрения книга удачно скомпонована. В первом разделе даны сведения о природе Весьегонского края, а завершает труд раздел о хозяйственной деятельности человека. Сердце же книги — это рассказ о поселениях, монастырях, усадьбах и населявших их людях. В целом у Г.А. Ларина получилось междисциплинарное исследование «Весьегонии». Отметим, что автор в самом начале книги поясняет, что он подразумевает под этим термином, а также даёт читателю необходимые разъяснения для правильного понимания своей работы. Карты и подробное описание расположения Весьегонского края не оставляют сомнений о географических рамках предлагаемого исследования.



Привлечение сведений из геологии предоставляет возможность объяснить широко бытующее среди местного населения понятие «грива» (с. 5, 6) и обильность болот в крае. Однако в аннотации настораживают слова о «непосредственной близости» региона к Москве и Санкт-Петербургу, хотя на с. 391 упомянуты несколько «ухабистых трактов» существовавших до 1926 г. Да и современное состояние дорог вряд ли свидетельствует о лёгкой досягаемости (напрямую, согласно yandex картам, расстояние от Весьегонска до Москвы 320 км, а до Санкт-Петербурга 420 км). Поэтому скорее можно говорить о самобытности и удалённости от промышленных центров, что и позволило сохранить уникальные природные комплексы. Правда, есть исключения.

Экологические последствия значительных строительных проектов XX века, видимо, ещё проявят себя. О Рыбинском водохранилище, затопившем множество деревень и церквей, автор даёт сухую научную цитату, которая лучше эмоциональных высказываний свидетельствует о последствиях создания водоёма (с. 13). А о грусти местных жителей говорят, пожалуй, только многоточия.

Несомненно, что многим любителям природы будет полезен краткий перечень лечебных трав, а также сведения о рыбах и животных, обитающих в водоёмах и лесах края (с. 17—36). Отметим, что использование специфических терминов (например, сапропель) делает желательным их пояснение.

Центральный раздел словаря-справочника «Население» начинается с характеристики современной демографической ситуации. С нашей точки зрения было бы логичней сначала обратиться к истории сельского расселения и населения в регионе, тем более что в историографии уже много сделано по этому вопросу (четырёхтомник Аграрной истории Северо-Запада России, труды М.К. Любавского, С.Б. Веселовского, Я.Е. Водарского, А.Я. Дегтярева, и др.). Самостоятельное научное значение имеет очерк о миграциях карелов на территорию Весьегонского края в XVII в. (с. 38—42). Автор также сумел чётким и ясным языком изложить сложную историю административной принадлежности региона, рассматривая этот вопрос в хронологической последовательности.

Сведения о населённых пунктах даются согласно единообразному формуляру: раскрывается происхождение названия, указываются географические особенности местности, где появилось поселение, кратко представлена история сёл и деревень, даётся статистика хозяйственного развития с 1858 по 2008 г. Заметим, что статистические данные просятся в большую обобщающую таблицу, которая даст наглядное представление о развитии региона за 150 лет. Её составление и комментирование представляет собой несомненный научный интерес и может стать основой большой статьи. Г.А. Ларин дал сравнительную таблицу по производственно-экономическим показателям сельхозпредприятий Весьегонского района за 1991—2008 (2009) гг. (с. 387). При первом же взгляде очевиднен упадок сельского хозяйства в этот период, но с предуведомлением автора о том, что «цифры лучше любых слов способны ответить на многие вопросы и помочь сделать многие выводы...» полностью согласиться нельзя. Во-первых, перед нами «вырванный кусок» статистики и поэтому отсутствует долговременная динамика, которая могла бы указать на глубинные причины кризиса. Во-вторых, появляется вопрос, а не было ли в советское время сельское хозяйство здесь дотационным? Рентабельно ли выращивание зерновых в этом районе, учитывая, что Весьегонск расположен в зоне рискованного земледелия?

В целом собранные автором сведения о населённых пунктах существующих и исчезнувших (что очень ценно, например с. 97, 105, 111 и др.) подтверждают вывод П.А. Колесникова о преемственности сельского расселения в России в течение XVI—XIX вв. Некоторые поселения в Весьегонском крае принадлежали Троице-Сергиеву монастырю, поэтому автору следовало бы привлечь

исследования М.С. Черкасовой. Сведения о вотчинном комплексе с центром в с. Баскаки (с. 67) были бы полнее.

Г.А. Ларин дал краткие сведения о монастырях Весьегонского края, видимо, опираясь на труд В.В. Зверинского. В некоторых случаях приводятся ценные социокультурные факты, и следовало бы дать ссылку на источник. Например, когда речь идёт о веригах Кирилла Белозерского и вкладах Петра I в Успенскую Богородицкую Ламскую пустынь (с. 269).

Удачной является находка автора в подборе иллюстративного материала — представлены фотографии, гравюры (авт. Е. Лебедев), планы. Изображения разрушенных и поросших зеленью церквей в совокупности со статистикой «вырождения» по каждой деревне являются молчаливыми и незаметными упрёками промчавшемуся как ураган XX веку... И действительно, вместе с автором задумываешься — «Все сначала?» (с. 273). Опять отходничество, как в XIX в. (с. 386)?

Весьегонский край богат замечательными людьми, впрочем, как и любая глубинка России, только вот не везде найдётся тот человек, который соберёт сведения о своих земляках. Г.А. Ларин сумел кратко представить многочисленные данные о людях разных эпох и поколений, привести генеалогические схемы и отрадно, что нет идеологического разделения!

Читатель обязательно обратит внимание на ряд интересных фактов из жизни «Весьегонии». Фотография свидетельствует, что в г. Весьегонске* в начале XX в. уже катались на велосипеде (с. 90). Оказывается, что даже после установления советской власти, удалось завершить строительство храма! Успенская Никольская церковь, созданная в 1924 г., действовала до 1950-х гг. и была разграблена в 1970-х гг. (с. 174—175). Вот что значит глубинка. Уникальна «часовенка-копилка» высотой около одного метра из гранита (с. 239). Замечательны приключения подпоручика Григория Павловича Маслова (с. 293).

В заключение отметим значительный объём источников, привлечённых автором. В книге использованы не только публикации памятников, но рукописи из Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Тверской области. Словарь-справочник «Весьегония» Г.А. Ларина — это прекрасный образец локально-региональной истории. Несомненно, что к этой книге обязательно будут обращаться все, кто заинтересуется Весьегонским краем.

---

* Об истории города Весьегонска см.: Верхоланцев М.М. Конец старого Весьегонска // Чело [альманах Новгородского гос. ун-та]. № 1 (41). 2008. С. 86.

Т.Н. Маркова

ДНЕВНИКИ-ВОСПОМИНАНИЯ

История знакомства с хранительницей дневников-воспоминаний Ольги Петровны Левицкой началась в 2008 году на Троицком раскопе Великого Новгорода. 14 августа на экскурсию проекта «Театр Времени» пришли две экскурсантки: Левицкая Тамара Николаевна и её внучка Вера.

Тамара Николаевна до войны несколько лет подряд в летнее время приезжала в Новгород гостить к своему дедушке, проживавшему в доме, окружённом яблоневым садом, недалеко от стен кремля. Это была улица Труда (ныне — Каберова-Власьевская).

Тамара Николаевна (1930 г.р.) помнит свои прогулки по улочкам Софийской стороны, Сенной рынок, раскопки, которые она с удовольствием бегала смотреть.

Спустя более 70 лет, она вновь вернулась в город детства, чтобы показать своей внучке, где проживали её родственники. Тамару Николаевну очень обрадовала информация «Красной избы» о существовании раскопок и возможности их посетить. Так состоялось наше знакомство.

В ходе беседы выяснилось, что в Новгороде с 1918 до 1941 года проживали её дед Левицкий Пётр Павлович с двумя дочерьми Ольгой и Елизаветой. Левицкий Пётр Павлович был лесничим: окончил Лесотехническую академию в Петербурге, до Первой мировой войны — лесничий в Варшаве. Елизавета Петровна работала учителем французского и немецкого языков. Ольга Петровна (по мужу — Алмазова) жила в Новгороде в 1918—1923 гг., затем безвыездно в Ленинграде (пережила блокаду). Она и является автором воспоминаний. Эти бесценные тетради оказались в Новгороде благодаря случайному моему упоминанию о работе Новгородского общества любителей древности и о его издательской деятельности (как одного из основных направлений).

Тамара Николаевна рассказала о дневниках и многочисленных страницах текста, повествующих о Новгороде довоенном (20-х годов), и предположила, что это может нас заинтересовать. Через четыре месяца, в канун Нового года (2009) мне пришёл большой конверт из Санкт-Петербурга за подписью Левицкой, куда были вложены фотографии родственников Левицких и фрагменты текстов воспоминаний, переписанные от руки.

На одном из собраний НОЛД я сделала сообщение на эту тему, показав фото и зачитав тексты о Новгороде. Собрание приняло решение о необходимости издания этих текстов, но не фрагментарно, а в полном объёме.

8 июня 2010 года Тамаре Николаевне исполнилось 80 лет. Издание дневников-воспоминаний, ценных и для новгородцев — лучший подарок...

Из дневников О.П. Левицкой:

«...Всем сердцем люблю тебя, Ленинград!

И еще моим родным и очень близким мне стал древний русский город Новгород. С ним связано много событий из моей жизни. Там пережила я и первое большое горе — смерть моей маленькой дочери. Там вошла в мою жизнь большая, светлая и счастливая любовь.

Его нет уже, этого древнего города, его разрушили, сожгли фашисты. Он возродился из руин, но это уже новый город. Красивый, современный, но уже совсем другой. О старине говорит лишь Кремль да старый Волхов. Нет уже маленьких уютных домиков, окруженных садами...

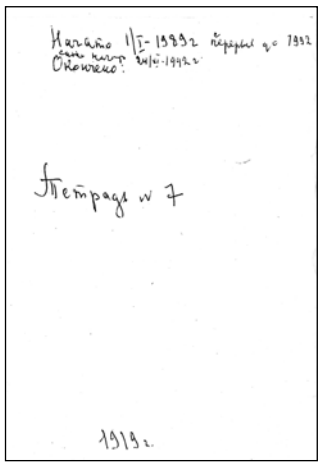
Пётр Павлович Левицкий

Вал вокруг города постепенно исчезает — зачем это делают, он придавал особый колорит городу, он был создан трудами людей. Может быть, я и не права — но мне кажется это варварством. Вал опоясывал город, на Софийской стороне начинался от Белой башни. Кстати, эта башня была такая же круглая и толстая, как Толстая Маргарита в Таллине. Со мной эта башня сыграла в первые дни пребывания в Новгороде шутку. Я как-то отправилась посмотреть Белую башню. Прошла я Троицкую улицу, подошла к валу, с левой стороны увидела башню, но она была из красных кирпичей, и я прошла мимо. Прошла всю Троицкую слободу, вышла к Петровскому кладбищу, где же башня? Спросила у прохожего. „Да вы ее прошли, — отвечает, — она у вала, где кончается Троицкая улица". „Какая же она белая, когда она из красных кирпичей", — не сдавалась я. „Так-то оно так, но зовется эта башня „Белая".

Итак, вал начинался у Белой башни. Был он высокий и довольно широкий. Проезд был у Власьевской ул., затем на Чудиновской, у вокзала, потом на Петроградской, и еще дальше, не помню уже названия, и так вал шел до Рождественского кладбища. По-моему на другом берегу он начинался у церкви Бориса и Глеба. Но ту, Торговую часть города я знала хуже...

Я очень любила отца, но пристрастной я не буду. Все, что я пишу — это не только мое суждение о нем. Многое я слышала и от людей, его окружавших.

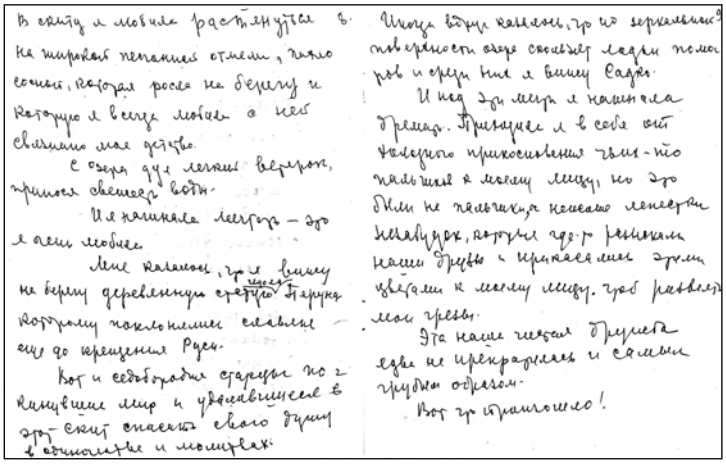
Отец мой был прежде всего человек. Уже когда он был на пенсии, я вместе с ним проходила по Сенной площади (была такая в Новгороде), навстречу шли два крестьянина. Один подошел к отцу, снял шапку и сказал: „Здравствуйте, Петр Павлович". Отец приветливо поздоровался с ним и протянул ему руку. Немного поговорив, он отошел. Тогда, я это ясно услышала, другой сказал ему: „Зачем ты гнешь шапку, он ведь теперь не наш лесничий?" „А я снял шапку перед человеком, он как был человеком для нас, так и остался", — ответил тот, который поздоровался с отцом».



Начато 1/I-1989 г. Перерыв до 1992 [illegible] 24/III-1992 г.
Окончено.

Тетрадь № 7

1919 г.



В скиту я любила растянуться в на широкой песчаной отмели, пахло сосной, которая росла на берегу и которую я всегда любила с ней связано мое детство.

С озера дул легкий ветерок, принося свежесть воды.

И я начинала мечтать — это я очень любила.

Мне казалось, что я вижу на берегу деревянную статую [illegible] Перуна которому поклонялись славяне еще до крещения Руси.

Вот и седобородые старцы покинувшие мир и удалившиеся в этот скит спасать свою душу в одиночестве и молитвах.

Иногда вдруг казалось, что по зеркальной поверхности озера скользят ладьи поморов и среди них я вижу Садко.

И под эти мечты я начинала дремать. Приходила я в себя от холодного прикосновения чьих-то пальчиков к моему лицу, но это были не пальчики, а несколько лепестков незабудок, которые где-то разыскали наши друзья и прикасались этими цветами к моему лицу, чтоб развеять мои грезы.

Эта наша чистая дружба едва не прекратилась и самым грубым образом.

Вот что произошло!

Небольшой фрагмент воспоминаний — всего лишь реплика будущей книги, которая, мы надеемся, вскоре увидит свет при поддержке Новгородского общества любителей древности.

Информация об авторах

Авдеев Александр Николаевич, краевед, г. Великий Новгород.

Азбелев Сергей Николаевич, доктор филологических наук, ведущий сотрудник Института Русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

Анфимов Борис Александрович, коренной новгородец, ветеран труда, г. Великий Новгород.

Афанасьева Екатерина Александровна, заведующая отделом ГУКИ «Государственный музей художественной культуры Новгородской земли», г. Великий Новгород.

Барканова Елена Владимировна, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Башнин Никита Викторович, аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург.

Большакова Надежда Павловна, член Союза писателей России, исследователь саамской культуры, пос. Ревда Мурманской области.

Бурьяк Марина Клавдиевна, директор Новгородской музыкальной школы русского фольклора, руководитель театра «Кудесы», заслуженный работник культуры России, г. Великий Новгород.

Верхоланцев Марат Михайлович, преподаватель средней школы (ныне пенсионер), г. Весьегонск.

Витушкин Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

Иеромонах Силуан (Николаев), настоятель православного храма Рождества Иоанна Предтечи, г. Кандалакша Мурманской области.

Конивец Анна Валентиновна, старший научный сотрудник Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Лукин Александр Андреевич, краевед, офицер запаса, член литературного объединения при НовГУ им. Ярослава Мудрого, д. Витка Новгородского района Новгородской области.

Маркова Татьяна Николаевна, художник-педагог, экскурсовод проекта «Театр времени» на Троицком раскопе, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Морылёва Наталья Ивановна, главный библиотекарь Научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Назаркин Александр Дмитриевич, заведующий сектором музейно-выставочного отдела ГУК «Новгородский областной Дом народного творчества», биограф Б.И. Лебединского, г. Великий Новгород.

Полежаев Андрей Анатольевич, мастер традиционной обработки бересты, исследователь берестяных традиций Русского Севера, ведущий интернет-проекта «Северная береста», г. Вельск Архангельской области.

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Ромашова Вера Ивановна (1931—2007).

Рыбина Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор МГУ, действительный член НОЛД, г. Москва.

Савинова Ирина Дмитриевна, литератор, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

Сиверцев Павел Александрович (1866—1936).

Симонов Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и ВОВ, г. Санкт-Петербург.

Соболева Ирина Ростиславовна, заведующая отделом использования документов ГАНО, г. Великий Новгород.

Трояновский Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, заведующий Центром по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ, заместитель председателя НОЛД, г. Великий Новгород.

Турне (Демидова-Лопухина) Людмила Александровна, руководитель независимого российского общества «Русский Салон», г. Стокгольм, Швеция.

Федорук Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры архивоведения НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Филиппова Людмила Андреевна, историк, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Шуртаков Семён Иванович, секретарь Союза писателей России, академик Петровской Академии наук и искусств, лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, г. Москва.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Адрес редакции:
173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 27.12.2010. Заказ № 933. Бумага 80 г/м².
Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Над номером работали:
Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Ведущий программист — И.П. Смирнова
Редактор — М.К. Кулиничева

Художественное оформление — В.И. Поветкин